УК
К59

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ШЕСТОЙ

СОДЕРЖАНИЕ.

Портсмут. — Константинополь и проливы. — Нечаев в Алексеевском равелине. — Из архива Л. Тихомирова. — Временное правительство после Октября. — Николай I о 14 декабря 1825 г. — Письма Л. Толстого к декабристу Свистунову. — Л. Толстой и помощь голодающим. — Два письма Карла Маркса. — Запрещенные стихотворения А. Барыковой. — К иконографии декабристов. — Адрес рабочих Н. В. Шелгунову.

ЦЕНТРАРХИВ
1924

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
1. Портомут	3—47
2. Константинополь и проливы. (Очерк из истории дипломатии накануне мировой войны). *Я. Захер.*	48—76
3. С. Г. Нечаев в Алексеевском равелине. *П. Щеголев*	77—123
4. Из архива Л. Тихомирова. С предисловием *Вл. Фриче*	124—194
5. Временное Правительство после Октября. *М. Флеер*	195—221
6. Из записок Николая I о 14 декабря 1825 г.	222—234
7. Три письма Л. Н. Толстого к декабристу Свистунову. С предисловием *Б. Сыроечковского*	235—242
8. Л. Н. Толстой и помощь голодающим. С предисловием *А. Александрова*	243
1. Статья Л. Толстого. „Памяти И. И. Раевского".	244
2. Неизданные письма Л. Н. Толстого к И. И. и Е. П. Раевским.	247

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ АРХИВИСТА.

9. Два письма Карла Маркса. Сообщил *Р. Кантор*	252
10. Запрещенные стихотворения А. П. Барыковой. Сообщил *С. Любимов*	256
11. К иконографии декабристов. Сообщил *А. Сергеев*	260
12. Адрес рабочих Н. В. Шелгунову. Сообщил *С. Валк*	260

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ Р. С. Ф. С. Р.

Krasnitza Archiv

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
В. В. Адоратского, В. В. Максакова, В. И. Пичета,
М. Н. Покровского, В. П. Полонского, В. М. Фриче

том шестой

1924

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

Гиз. № 7939. Главлит. № 28440. Москва. Напеч. 4.000. экз

Госиздат. 1-я Образцовая типография. Москва, Пятницкая, 71.

ПОРТСМУТ.

Основных источников для изучения хода мирных переговоров в Портсмуте—что касается русской стороны—до сих пор было два. Разумеем официальные издания министерства иностранных дел: 1) «Протоколы Портсмутской мирной конференции и текст договора между Россией и Японией, заключенного в Портсмуте 23 августа (5 сентября) 1905 года», СПБ., 1906 и 2) «Сборник дипломатических документов, касающихся переговоров между Россией и Японией о заключении мирного договора. 24 мая—3 октября 1905 года», СПБ., 1906. Ход прений в заседаниях конференции и переписка, запечатлевшая перипетии переговоров, поскольку они были предметом обсуждения царя и ряда должностных лиц в Петербурге, регулировались телеграфными сношениями между Витте и министром иностранных дел гр. Ламздорфом и шли при участии президента С.-Американских Штатов Т. Рузвельта,—дают, в названных изданиях, почти исчерпывающую д и п л о м а т и ч е с к у ю хронику переговоров. Несравненно живейший интерес, при этом, представляет второе из названных изданий; но оно выпущено было нумерованными экземплярами, носило секретный характер, и в настоящее время является едва ли не библиографическою редкостью. Спокойный и весьма подробный «Дневник И. Я. Коростовца» [1]), одного из секретарей русской делегации, которому Витте поручил вести «дневник путешествия», позволяет вставить названный документальный материал в живую бытовую и драматическую оправу. Кроме прямых обязанностей секретаря на заседаниях конференции, Коростовец ведал прессу, сношения с репортерами, разбор бесчисленной корресподенции, приходившей на имя Витте от частных лиц, и составление ответов [2]). Таким образом, автор дневника стоял в стороне от серьезной деловой переписки, которую поддерживал Витте с Петербургом, и, судя по дневнику, знал только, что Витте находится в постоянных сношениях по телеграфу с министром иностранных дел. Что касается самого В и т т е, то при всем значении, какое имеют для интересующего нас момента его «Воспоминания» [3]), надобно помнить, что он намеренно устранил из своего изложения «весь ход переговоров, сношения с президентом и Петербургом» и ограничился «более или менее внешними явлениями и событиями», имея в виду самолично привести в порядок и снабдить комментариями соответствующие документы, хранившиеся в его архиве [4]). Часть этих последних вошла в названный выше «Сборник» [5]), где, за малыми исключениями, опубликована вся переписка Витте с гр. Ламздорфом. Но этим далеко не огра-

[1]) Журн. «Былое» 1912 г. кн. I—IV.

[2]) См. «Дневник» т. I, стр. 197.

[3]) С. Ю. Витте. «Воспоминания», Москва, 1923 г., гл. 27, стр. 321—368.

[4]) С. Ю. Витте. «Воспоминания», т. I, стр. 341.

[5]) В дальнейшем мы называем его «Оранжевой книгой» («Ор. кн.»)

ничивались сношения Витте с Петербургом в те тревожные, и вместе многообещавшие для Витте, дни.

Удаленный от власти и пребывавший в беспросветной опале с момента своего перехода в председатели Комитета министров (16 августа 1903 г.), Витте отнюдь не примирился с совершившимся — страстно рвался вернуться к власти, тщательно хранил и поддерживал нужные связи и отношения и зорко следил за ходом дел в царском окружении и правительственной среде. Если даже и не давать веры недавним «разоблачениям» Лопухина, что, через месяц после отставки, Витте—в Париже—помышлял об убийстве Николая II и воцарении Михаила, у которого «пользовался фавором», или что в январе 1905 г. Витте высказался за созыв земского собора под председательством назначенного председателя, каковым рассчитывал быть самому [1]),—то нет оснований не верить Куропаткину, которого 28 декабря 1903 г., Витте допрашивал, «вспоминает ли его государь», и убеждал доложить царю «о необходимости возвратить его, Витте, к должности министра финансов на время войны» [2]). 20 января 1904 г. у него—«все на уме возврат к власти», «иначе не справятся и испортят только то, что им сделано [3])», «не думают, как надо поступать. Мысль Витте работала над этими вопросами, как бы по заведенной привычке, как будто он вот-вот будет опять управлять финансами в родном министерстве. Оно, действительно, для него оставалось «своим», так как смена министров—Плеске, потом Коковцев — не повлекла за собой никакой ломки. Не характерно ли в этом смысле, что 26 января 1904 г. Витте п е р в ы й в Петербурге получил известие от коммерческого агента о нападении японцев на русскую эскадру в Порт-Артуре, о чем военный министр узнал именно от него (на «вечере» у государственного контролера!) и лишь полтора часа спустя (после «вечера»!) поехал сообщить об этом морскому министру, тоже не знавшему, как оказалось, еще ничего [4]). Или вот, например, отпуски шифрованных телеграмм министра финансов и директора канцелярии министра финансов на имя Витте от сентября 1904 г.: «Сочи. Статс-секретарю Витте. На этих днях прибыл в Петербург статс-секретарь Безобразов. Уведомляю Вас об этом на случай, не признаете ли нужным сообщить от себя министру внутренних дел о характере и свойствах этой личности. Коковцев»: «Сочи. Статс-секретарю Витте. Михаил просит телеграфировать: пятницу прибыл Безобразов, дружно принят сотрудниками, пользуется большой милостью, ежедневно получает пакеты от генерала (т.-е. царя. *Б. Р.*), начинает вертеть по-своему. Дальнейшее телеграфирую. Сердечный привет. Путилов»; «Сочи. Статс-секретарю Витте. Михаил просит телеграфировать: Безобразов продолжает переписываться с генералом, хотя принят еще не был. Абаза, Вогак и компания целыми днями сидят у него. Между генералом и адмиралом было недоразумение. Адмирал уехал до декабря. Шванебах вчера завтракал у Владимира Александровича, который сегодня уезжает в Берлин с поручением. Князя Васильчикова назначают товарищем министра. Вообще делают много промахов. Ваше отсутствие сильно ощущается. Путилов» [5]).—Значит, и в своем сочинском уединении Витте умел поставить

---

[1]) А. А. Лопухин. «Отрывки из воспоминаний (по поводу «Воспоминаний» гр. Витте)», Госиздат, 1923, стр. 71 и 51.

[2]) «Дневник Куропаткина» журн. «Красный Архив» т. 2, стр. 98—99.

[3]) Там же, стр 105.

[4]) «Дневник», стр. 109—110.

[5]) Отпуски приведенных телеграмм, шифрованные, хранятся в деле № 16, III Отделения Канц. Мин. Фин., лит. Ш. Даты отправки телеграмм: первые две—13 сентября, третья—24-го.

дело так, что вел. кн. Михаил Александрович и Коковцев с Путиловым на перебой рисковали посредством шифра держать его в курсе злободневных дворцовых подробностей, полных для Витте политического значения.

Неудивительно, что, уезжая в Портсмут, Витте не положился на одни лишь, вытекавшие из его звания главного уполномоченного для ведения переговоров, сношения с министром иностранных дел,—кстати напомнить, достаточно лично преданным ему и послушным—гр. Ламздорфом, а и привел в действие привычный осведомительный аппарат бывшего своего министерства, так что «вообще обо всем, происходящем в Петербурге» ему телеграфировал Коковцев, а спутнику его И. П. Шипову, директору д-та государственного казначейства,—Путилов [1]). Памятником этой переписки остались в архиве общей канцелярии министра финансов (II отделение экономической секции Центрархива) три досье III отделения лит. С, из коих и извлечены публикуемые ниже документы: 1) № 142—«О переписке в связи с поездкою ст.-секр. Витте в Америку в 1905 г.», на 124 л.л., 2) № 145—«О переговорах по заключению мира с Японией в 1905 г.,» на 266 л.л., и 3) № 148—«Бумаги, привезенные из Портсмута в 1905 г. т. с. Шиповым», на 127 л.л. №№ 142 и 148 почти целиком повторяют одно другое, за ничтожными исключениями, новидимому, случайного свойства: в результате обмена телеграмм между Портсмутом и Петербургом, тут и там слагались параллельные по содержанию досье с преимущественно подлинными документами (рукописные отпуски и телеграфные бланки в шифре в сопровождении дешифрантов). № 145 содержит копии большей части документов двух названных досье, но, кроме того, заключает в себе и другие документы, возникавшие в канцелярии министра или туда попадавшие, посколько они относились к теме заголовка досье. Нет абсолютно достаточных оснований утверждать, что публикуемые документы в соединении с теми, что напечатаны в «Оранжевой книге», исчерпывают все то, что в том или ином виде хранилось в личном архиве Витте. Но представляется несомненным, что некоторые из наших документов остались неизвестными и самому Витте. Таковы, напр., два письма Извольского и Коковцева — №№ 105 и 106, от 19 и 30 августа 1906 г. по вопросу о том, отдавать ли японцам, согласно их просьбе, п о д л и н н ы е д о г о в о р ы об уступке России ППорт-Артура (три документа), о концессии на постройку и эксплоатацию Восточной Китайской жел. дор., о сооружении южной ее ветви, и о соглашениях относительно других ж. д. в Манчжурии:.

Печатаемые документы видят свет впервые, за исключением №№ 10, 11 и 40, которые были опубликованы в «Оранжевой книге». Опущение их здесь нарушило бы связность переписки; к тому же № 11 напечатан в «Оранжевой книге» без собственноручных пометок царя, имеющихся на нашем экземпляре этого документа.

Б. Романов.

[1]) С. Ю. Витте. «Воспоминания», т. I, стр. 399.

Переписка С. Ю. Витте и других лиц.

№ 1. Телеграмма д. с. с. Рутковского, из Лондона.

1225 февраля 1905 г.—получена 13-26 февраля.

En Juillet [1]) ministre japonais en Angleterre pendant séjour président du Comité ministres Berlin [2]) désira arranger entrevue avec lui afin d'échanger vues s'il est possible regler différend entre les gouvernements de Russie et Japon et conclure paix durable et m'avais demandé par intermédiaire arranger entrevue. Dans l'attente de réponse sa proposition ministre japonais avait demandé par dépêche son gouvernement autorisation et a reçu instructions; demande ministre japonais soumise par moi ambassadeur a été communiquée S. Pétersbourg ministre des affaires étrangères et président Comité ministres, mais a été déclinée par notre gouvernement; hier soir vu rumeur communiquée par presse anglaise que gouvernement russe discute conditions paix avec Japon qui seraient acceptables ministre japonais par même intermédiaire qu'auparavant m'avait fait dire qu'il est prêt renouer notre conversation particulière par même voie; de la même source obtenu avis que gouvernement japonais demande, mais presse pas indemnité.

Cette dépêche a été communiquée ambassadeur. Prie votre Excellence de me donner des instructions que dois-je répondre.

Rotnkowsky

Перевод.

В июле [1]) японский посланник в Англии, во время пребывания председателя комитета министров в Берлине [2]), выразил желание свидеться с ним, чтобы обменяться взглядами на возможность покончить распрю между русским и японскпим равительствами и заключить прочный мир, и просил меня, через третье лицо, устроить это свидание. В ожидании ответа на свое предложение японский посланник испросил по телеграфу одобрения своего правительства и полу-

---

[1]) Один шифр не разобран. Вероятно, по смыслу, «прошлого года».

[2]) С. Ю. Витте. О поездке его в Германию летом 1904 г. для заключения с нею торгового договора см. «Воспоминания» Витте, т. I, стр. 256—260.

чил инструкции. Просьба посланника, переданная мною нашему послу, была сообщена в С.-Петербург министру иностранных дел и председателю комитета министров [1]), но была отклонена нашим правительством. Вчера вечером в виду слуха, сообщенного английской прессой, что русское правительство обсуждает условия мира с Японией, которые были бы приемлемы, японский посланник через то же лицо, что и в прошлый раз, поручил сказать мне, что он готов возобновить наш частный обмен мыслей тем же способом. Из того же источника я получил известие, что японское правительство потребует вознаграждения, отнюдь однако не форсируя этого вопроса.

Эта телеграмма сообщена нашему послу. Прошу ваше превосходительство дать мне инструкции, что ответить.

Рутковский.

№ 2. Телеграмма м-ра финансов В. Н. Коковцева д. с. с. Рутковскому [2]).

Телеграмму вашу от 12 февраля получил. Прошу вас все сообщенное вам через посланника передать на усмотрение нашего посла, от которого и будет зависеть дать делу то или иное направление. Я не считаю себя в праве принять в данном вопросе какое-либо участие, в виду чего прошу и вас воздерживаться впредь от всяких переговоров и всякого даже частного обсуждения этого вопроса с какими бы то ни было лицами, имеющими соприкосновение с нашим противником.

Коковцев.

[№ 3. Письмо В. Н. Коковцева м-ру иностр. дел гр. Ламздорфу [3]).

Весьма секретно.

Милостивый государь, граф Владимир Николаевич!

Агент министерства финансов в Лондоне телеграммой от 12 сего февраля уведомил меня, что японский посланник при Великобританском дворе сообщил ему, через третье лицо, о своем желании обменяться взглядами по вопросу о восстановлении между Россией и Японией мирных отношений.

Считая долгом препроводить вашему сиятельству копию как упомянутой телеграммы д. с. с. Рутковского, так и ответной телеграммы,

---

[1]) Витте получил известие о желании Гаяши непосредственно от Рутковского, еще будучи в Берлине, но там он не получил никаких указаний из Петербурга. Только вернувшись в Петербург, Витте узнал от гр. Ламздорфа, что «соответствующее донесение нашего посла в Лондоне гр. Бенкендорфа было представлено царю, но не имело никаких последствий». Витте считал момент очень подходящим для переговоров (до падения П.-Артура и поражений при Ляояне, Мукдене и Цусиме). «Воспоминания», т. I, стр. 261.

[2]) Отправлена 13 февраля 1905 г. (во французском переводе).

[3]) Документ сохранился в деле не в подлиннике, а в отпуске.

посланной мною сегодня последнему, позволяю себе обратиться к вам, милостивый государь, с покорнейшей просьбой не отказать почтить меня уведомлением о том, не встретится ли с вашей стороны по содержанию упомянутого ответа моего каких-либо возражений.

Прошу вас, милостивый государь, принять уверение в отличном моем уважении и искренней преданности.

Подписано: *В. Коковцев.*

Верно: делопроизводитель *К. Иогансон.*

13 февраля 1905 г. № 87.

№ 4. [1]) Телеграмма А. Рафаловича [2]) на имя м-ра финансов.

от 13 февраля 1905 г. из Парижа.

(Препровождена в копии м-ру ин. дел 14 февраля).

(Перевод). Банкиры рассказывают, что торговый дом, хорошо осведомленный в военных делах, получил от своего японского корреспондента известия, указывающие на расположение японцев к миру.

Рафалович.

№ 5. Отношение гр. Ламздорфа В. Н. Коковцеву.

Весьма секретно.

Милостивый государь, Владимир Николаевич!

Принося искреннюю признательность мою за сообщенные при письме от 13 сего февраля № 87, документы, поспешаю уведомить ваше превосходительство, что я не только не встречаю никаких возражений по содержанию телеграммы вашей к агенту министерства финансов в Лондоне, но всецело присоединяюсь к тем указаниям, которыми вы снабдили д. с. с. Рутковского.

Примите, милостивый государь, уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности.

Ламздорф.

Февраля 14 дня 1905 г. № 345.

---

[1]) Телеграммы за №№ 4. 16, 1§, 20, 22, 24—51, 54—56, 59, 51—82—шифрованные.

[2]) Агент м-ва финансов в Париже.

№ 6. Телеграмма кол. сов. Распопова [1]) из Шанхая на имя м-ра финансов

от 18/31 марта 1905 г., — получена 18 марта [2]).

Для успеха займа своего японцы усиленно распускают слухи о мире. На общественное мнение здесь они действуют удручающе. Из Японии имею сведения, что утомление войной очень сильно и под влиянием его создается партия, склонная к умеренным условиям мира. Осмеливаюсь высказать, однако, что поспешность уступки с нашей стороны именно теперь была бы гибельною. Дальнейшее утомление в Японии может только улучшить наше положение и при этом очень быстро.

Распопов.

№ 7. Телеграмма ст. сов. Давыдова [3]) из Пекина на имя м-ра финансов

от 25 марта 1905 г., № 57, — получена 26 марта.

Движение японцев по направлению к Владивостоку имеет своей первоначальной целью, как сообщают из негласного японского источника, не взятие будто бы Владивостока, а побуждение России скорее согласиться на заключение мира, хотя японцы рассчитывают, что Владивосток сдастся после первых же нескольких бомбардировок. Беспрепятственный в таком случае захват Сахалина укрепляет их в надежде выговорить этот остров при заключении мира в свою пользу.

№ 8. Письмо нижегородского губернатора П. Унтербергера при докладной записке м-ру финансов

от 27 мая 1905 г. [4]).

Конфиденциально.

Милостивый государь, Владимир Николаевич!

В печати появились предполагаемые условия мира с Японией. Так как значение их для России неразрывно связано с нашими владениями на Дальнем Востоке и с государственной обороной наших окраин, то я, основываясь на опыте многолетней службы в Восточной Сибири и знании местных условий края, составил краткую записку, касаю-

---

[1]) Агент м-ра финансов в Китае.

[2]) Рукою Коковцева надписано карандашом: «Мы давно слышим эти речи; тем не менее—сообщите военному м-ру и м-ру ин. дел.»

[3]) Управляющий отделением Русско-Китайского банка в Пекине.

[4]) На подлинном рукою Коковцева синим карандашом сделана надпись: «Благодарите письмом, а копию с записки пошлите отдельно для сведения м-ру ин. дел».

щуюся этого предмета, которую и позволяю себе представить на благоусмотрение вашего превосходительства.

Прошу принять уверение в глубоком уважении и совершенной преданности.

Вашего превосходительства покорнейший слуга *П. Унтербергер.*

№ 9. Записка о предполагаемых условиях мира с Японией.

Япония, по сведениям, проникавшим в печать, намерена предъявить следующие главные условия мира: 1) уступку ей острова Сахалина, 2) разоружение крепости Владивостока и лишение России права держать в Тихом океане военный флот, 3) уплату контрибуции в 2 миллиарда рублей, 4) уступку Японии железной дороги от Порт-Артура до Харбина и 5) признание протектората Японии над Кореей.

Я остановлюсь пока на разборе первых трех пунктов, которые имеют для России прямое и первенствующее значение.

Уступка о. Сахалина, независимо от лишения нас его естественных богатств, имела бы главным последствием, что последний свободный пролив—Лаперуза—из северной части Японского моря в океан очутился бы в руках японцев и что близость о. Сахалина к устью реки Амура всегда будет парализующим образом действовать на наши судоходство и торговлю по названной реке. Ввиду же той громадной важности, какую играет в жизни Приамурского края Амурская речная система, обстоятельство это имеет для нас огромное значение, ибо мы всецело подпадем под экономическую зависимость от Японии.

Переходя к вопросу о разоружении Владивостока и лишению России права содержать в Тихом океане военный флот, то очевидно, что исполнение этого требования равносильно полной парализации нашего развития, значения и силы на берегах Тихого океана, чем завершится только полное подчинение интересов нашего населения Приамурского края интересам Японии. Мы не в состоянии будем бороться ни с какими притязаниями этой нации, как бы они ни были для нас тяжелы.

Уплата, наконец, контрибуции в 2 миллиарда, не говоря о том тяжелом бремени, которым она ляжет на народное благосостояние, будет иметь последствием, что Япония не только покроет ею все свои долги, но будет еще иметь миллиард для создания еще более сильного флота и более сильной армии, и тогда борьба с ней, для восстановления нашего потерянного самостоятельного положения на берегах Тихого океана, может оказаться делом непосильным.

Теперь является вопрос: находимся ли мы в таком положении, из которого не было бы другого выхода, как заключение подобного, разоряющего нас во всех отношениях, мира? Ответ на это совершенно определенный: нет. Не нужно смущаться заграничной прессой, да и частью нашей, которые твердят, что мы находимся в положении без-

условной необходимости заключить мир, хотя бы на условиях вышеизложенных. Для финансовых кругов, ссудивших Японию деньгами на ведение войны, несравненно удобнее, чтобы займы эти заплатила Россия, против которой, в Европе, есть возможность принятия репрессивных мер, если бы она отказалась платить свой долг; наоборот, при желании Японии уклониться от исполнения своих денежных обязательств, заставить ее к этому будет несравненно труднее.

Переходя к разбору вопроса по существу, оказывается, что, если последующими военными действиями в руки японцев перешли бы Владивосток, Южно-Уссурийский край, Николаевск и Хабаровск, и наша манчжурская армия должна была бы отступать к Забайкалью, то и тогда мы не находились бы в положении необходимости заключить мир во что бы то ни стало. Для того, чтобы нас принудить к этому—неприятель должен был бы зайти в сердце России или занять прочно территорию, потеря которой нам была бы более тяжела, чем условия предложенного мира. Приморская и Амурская области еще не представляют такой территории. Области эти пока не только не приносят нам дохода, но, напротив того, требуют на свое содержание ежегодной доплаты не одного десятка миллионов. Если мы с таким положением пока миримся, то делаем это в расчете, что затраченные средства будут возвращаться, когда там окрепнут и разовьются поселения и явится возможность в широкой степени эксплоатировать естественные богатства страны; но это еще вопрос более или менее отдаленного будущего. Ввиду этого оставление этих областей временно в руках неприятеля не влечет за собою для государства каких-либо особо серьезных последствий. Впрочем, занявши их, неприятель не достигает еще какой-либо конечной цели войны, и тогда явится вопрос: что же он будет делать дальше? Направляться за нами в Забайкалье и далее, это—итти на верную неудачу, держать же неопределенное время полумиллионную армию будет тяжелым финансовым бременем, разоряющим страну. Тогда может случиться, что японцы выведут свою армию обратно, заняв лишь некоторые из более важных прибрежных пунктов. Но в таком случае мы вновь займем оставленные нами местности и постараемся вытеснить неприятеля из занятых им пунктов, дабы тем обеспечить себе более благоприятную почву для переговоров о мире. Если это, по каким-либо обстоятельствам, нам не удастся, то и тогда выгоднее для нас оставить эти области, впредь до более благоприятного будущего, в руках неприятеля, но без санкционирования этого миром, да еще с уплатою двух миллиардов контрибуции. Не подлежит сомнению, что, если мы и заключим с Японией мир на условиях, приведенных выше, то это будет лишь временное перемирие и не пройдет нескольких лет, как Япония новыми набегами постарается отнять у нас Приамурские области, при чем уплаченные ей два миллиарда только сблегчат ей этот захват.

Из всего вышеизложенного вытекает по моему мнению:

1. В настоящей войне с Японией мы не находимся, и вряд ли когда-либо будем находиться, в необходимости заключить мир во что бы то ни стало, так как для этого неприятелю нужно занять жизненные центры государства, которые слишком отдалены от театра военных действий.

2. Условия мира, приведенные в начале записки, неприемлемы, как в высшей степени невыгодные и разорительные для России, в особенности первые три пункта.

3. Неприемлемость таких условий остается в полной силе и в том случае, если нам, по обстоятельствам, пришлось бы отступить в Забайкалье и временно оставить в руках японцев Приамурские области и

4) Если бы нам не удалось затем вернуть Приамурские области [1]), то это не изменило бы по существу положения, так как мир, на приведенных выше условиях, до такой степени парализовал бы наши действия на Дальнем Востоке, что мы не могли бы рассчитывать на успешное сопротивление какому-либо новому нашествию японцев. Разница была бы лишь в том, что в последнем случае временное затишье мы окупили бы ужасающей суммою в два миллиарда рублей, которой японцы заплатили бы свои долги, улучшили бы материальное положение наиболее пострадавшей от войны части населения, подняли бы промышленность и вооружились бы как на суше, так и на море еще сильнее, чем в настоящую войну.

Поэтому нужно ясно сознавать, что задолженность Японии, все больше и больше увеличивающаяся, есть наш главный союзник в войне, при чем финансовую тяжесть последней мы при двухмиллиардном бюджете легче вынесем, чем Япония при 360-миллионном.

При дальнейшем энергичном продолжении войны, наши усилия должны быть впереди всего и направлены на увеличение провозоспособности железной дороги и на скорейшую прокладку по ней второго пути, а также на развитие всех остальных путей в тылу, дабы иметь возможность в кратчайший срок подвозить для армии все необходимое и, в то же время, не останавливать и снабжение нужнейшими предметами населения Сибири. Организация для этого дальнего тыла, с объединением в данном деле всех ведомств, самая насущная и самая неотложная потребность и к ней следует приступить немедленно, не теряя ни одного дня.

Генерал-лейтенант *Унтербергер*.

25 мая 1905 г.

---

[1]) В этом случае русскому населению, которое пожелало бы переселиться внутрь империи, должна быть оказана правительством материальная помощь.

№ 10. Отношение гр. Ламздорфа м-ру финансов [1]).

Доверительно.

Милостивый государь, Владимир Николаевич!

В первых числах августа месяца нового ст. предстоит в Вашингтоне свидание русских и японских уполномоченных для выяснения возможных условий мира.

Вследствие сего обращаюсь к вашему превосходительству с покорнейшею просьбою сообщить мне в непродолжительном времени соображения ваши по этому вопросу, а равно те данные по вверенному вам ведомству, кои могли бы служить материалом для составления инструкции русским уполномоченным.

Примите и проч.

Ламздорф [2]).

16 июня 1905 г. № 1061.

Копия.

№ 11. Письмо м-ра финансов м-ру иностранных дел [3])

от 20 июня 1905 г. [4]).

Письмом от 16 сего июня за № 1061 ваше сиятельство уведомили меня о предстоящем свидании русских и японских уполномоченных для выяснения возможных условий мира, прося меня сообщить мои по этому вопросу соображения, а равно те данные по вверенному мне ведомству, которые могли бы служить материалом для составления инструкции русским уполномоченным.

Вследствие сего считаю своим долгом высказать вашему сиятельству, что при настоящем положении дела изложение соображений моих по предмету предстоящих переговоров представляется чрезвычайно затруднительным. Проектирование министерством финансов тех или иных условий мира по относящимся к ведомству его предметам по необходимости находится в коренной зависимости от тех руководящих предположений политического свойства, которые лягут в основу предстоящих переговоров с Японией и которые по существу дела могут быть намечены только вашим сиятельством на основании непосредственных предуказаний е. и. в. и всесторонней осведомлек-

---

[1]) На подлинном пометка синим карандашом рукою Коковцева: «пр. переговорить в понедельник. 16/VI.»

[2]) Это письмо, как и ответ на него Коковцева (№ 11), напечатано в «Ор. кн»., стр. 42 и 47—53.

[3]) Экземпляр письма на слоновой бумаге с собственноручными пометками Николая II. В «Ор. кн.» письмо напечатано без этих пометок.

[4]) Рукою Николая II синим карандашом помечено: «*В общем вполне одобряю письмо ваше*». Рукою В. Н. Коковцева: «*В Петергофе 24 июня 1905 г.*».

ности о настоящем политическом положении. Если бы вашему сиятельству угодно было сообщить мне эти предположения, то министерство финансов могло бы с большим успехом выполнить свойственную ему при решении данного вопроса задачу, могущую заключаться лишь в разработке собственно финансовой его стороны и других подробностей, имеющих отношение к компетенции финансового ведомства. При настоящих же условиях, когда эти основные предположения мне неизвестны, всякие мои соображения по предмету предстоящих переговоров, очевидно, не могут не отличаться значительною гадательностью [1]). Тем не менее, принимая во внимание, что вы изволили признать необходимым ознакомиться с моим мнением, имею честь сообщить вам нижеследующее.

Прежде всего я должен оговориться, что изложенные мною ниже взгляды я высказываю в том предположении, что в настоящее время для России не признается необходимым стремиться к заключению мира во что бы то ни стало. Я не имею данных для суждения о том, действительно ли дело стоит так, но в указанном предположении меня не может не убеждать то соображение, что в противном случае едва ли было бы целесообразно снабдить наших уполномоченных особо подробными инструкциями, затребовав предварительно отзывы подлежащих ведомств. Кроме того, за то же говорят, повидимому, и энергичные меры, которые принимаются военным ведомством к усилению состава наших сухопутных армий в Манчжурии, и которые, насколько знаю, выразились в том, что после Мукденского боя армии наши уже получают поддержку в количестве 135 тысяч человек, 15 июня должен был двинуться 19 корпус, а затем еще и 9 и некоторые другие войсковые части. Я не могу, конечно, не иметь в виду, что с чисто финансовой точки зрения продолжение войны становится для нас все более и более затруднительным. Об этом я по долгу службы неоднократно доводил до высочайшего его императорского величества сведения, представив его величеству после Мукденского отступления подробную записку, рассмотренную в особом совещании под председательством его императорского высочества великого князя Николая Николаевича, и доложив затем еще раз кратко после Цусимского боя. Вообще, как министр финансов, не могу не признать, что продолжение войны при нынешнем положении дел на театре войны и в особенности внутри страны представляется весьма трудным, и что с финансовой точки зрения заключение мира крайне желательно. Но само собою разумеется, решение вопроса о войне или мире, от которого должны зависеть жизненные интересы и достоинство России, не может быть поставлено в зависимость исключительно от соображений финансового характера. А при таких условиях нельзя не видеть в предполагаемом свидании с японскими уполномоченными великодушную п о п ы т к у е. и. в. у з н а т ь

[1]) На полях рукою Николая II: «Есть отметки»

требования [1]) японского правительства в тех целях, чтобы скорее даровать мир своему народу,—однако отнюдь не ценою каких угодно политических и экономических уступок Японии, а лишь на условиях, не нарушающих чрезмерно насущных интересов России.

Переходя к существу дела, имею честь сообщить, что, по моему мнению, при предстоящих переговорах главною целью должно быть заключение с Японией такого соглашения, чтобы устанавливаемый этим соглашением мир был искренним и как можно более продолжительным. Для этого в условиях мирного договора не должно быть поставлено чрезмерных требований той стороне, против которой повернулось военное счастье, т.-е. требований такого характера, которые заставили бы эту сторону в силу жизненных ее интересов стремиться к новой войне в будущем. Кроме того, в мирном договоре не должно, конечно, заключаться постановлений, по существу или по форме унизительных для чести или достоинства той или другой стороны.

Для того, чтобы нам добиться мира на условиях, соответствующих указанным основаниям, необходимо взвесить, в чем заключались причины, не внешние, а внутренние, нынешнего вооруженного столкновения между Россией и Японией. С русской точки зрения, они заключались главным образом в опасении нападения Японии после ее утверждения на азиатском материке и вообще враждебных действий последней по отношению к России. Стремление наше воспрепятствовать Японии стать твердой ногой на материке Азии было основано именно на этом опасении. Отсюда — вытеснение нами Японии после победы ее над Китаем с завоеванного ею Ляодунского полуострова, преждевременный захват Порт-Артура, неудачное устройство, под видом лесной концессии, заслона в северной Корее и т. п.

В настоящее время нападение на нас Японии и утверждение на азиатском материке ее вооруженных сил и политического престижа представляются однако совершившимися фактами. При таком положении дальнейшие взаимные отношения между обеими державами будут зависеть от того, как намерена Япония использовать достигнутые успехи. Имеет ли она в виду ограничиться закреплением результатов войны, или намерена посягнуть на жизненные, собственно русские интересы на Дальнем Востоке. Заключенный при последних условиях мир, очевидно, прочностью отличаться не будет. Если же русские интересы, понимая их в смысле нашего отказа от поступательной политики на Дальнем Востоке при сохранении непрерывной связи Сибири с Тихим океаном, будут соблюдены, то, казалось бы, не должно быть препятствий к тому, чтобы достигнуть искреннего мирного соглашения на продолжительный, если не безгранично-долгий срок.

С экономической и культурной точек зрения к жизненным интересам России на Дальнем Востоке необходимо, по моему мнению,

---

[1]) Подчеркнуто царем и на полях отметка, сделанная им же: «Именно».

в настоящее время причислить, независимо от неприкосновенности русских границ и державных прав России относительно Владивостока, Уссурийского края и других местностей, а равно отсутствия ограничений для содержания флота на Дальнем Востоке,—сохранение в нашем полном распоряжении или в крайнем случае под нашим исключительным влиянием рельсовой линии, соединяющей Владивосток с Сибирской железною дорогою, а равно пароходные сообщения, связывающие эту линию с русскими владениями по Сунгари[1]). Если бы, по условиям мирного соглашения, эти сообщения, и в особенности указанный рельсовый путь, были изъяты из нашего распоряжения, то, на мой взгляд, такое соглашение не могло бы служить залогом прочного мира, а, напротив, заставило бы каждую из сторон попрежнему относиться к намерениям другой с недоверием и опасением и истощать свои экономические силы на приготовления к новому вооруженному столкновению. То же самое имело бы место и в том случае, если бы мирный договор предоставил японскому правительству право держать в течение продолжительного времени свои военные силы после заключения мира в районе Китайской Восточной железной дороги, т.-е. в пределах двух северных провинций Манчжурии, ибо присутствие здесь японских войск не могло бы не служить постоянным поводом к возникновению между нами и Японией нежелательных недоразумений.

Но если, таким образом, удержание за нами сообщений Сибирской железной дороги с Приморским краем имеет первостепенное для наших интересов значение, то, с другой стороны, нельзя не признать, что и здравый смысл, и результаты военных действий требовали бы отказа от наших прав на арендуемую нами у китайского правительства часть Ляодунскаго полуострова и участок южной ветви Китайской Восточной железной дороги, от Порт-Артура и Дальнего примерно до южной границы Гириньской провинции или в крайности до пересечения этой ветви с верхним течением Сунгари [2]). При этом необходимо было бы, однако, настоять на том, чтобы означенный участок Южно-Манчжурской ветви перешел в собственность Китая путем досрочного выкупа, ибо оккупация японцами территории, по которой проходит эта железная дорога, или передача ими этой территории Китаю по принципам международного права отнюдь не создает еще для Японии или для Китая права собственности на это частное акционерное предприятие. Само собою разумеется, что при установлении подлежащей уплате Китаем выкупной суммы за железную дорогу стоимость последней могла бы быть сокращена в виду разрушений, произведенных на ней военными действиями; сокращение это, однако, не могло бы быть особенно значительным, так как главнейшие сооружения, как-то: земляное полотно, выемки, устои мостов и т. п., несомненно, в общем пострадали не особенно сильно.

---

[1]) Рукой Николая II отмечено: «Верно».

[2]) Пометка рукой Николая II «Да».

Из полученной от Китая выкупной суммы могло бы быть нами уплачено Японии вознаграждение за содержание наших пленных. Эта уплата, по существу справедливая, по моему мнению, безусловно не имела бы обидного для достоинства России значения. Вместе с тем я считал бы, однако, совершенно недопустимым [1]) уплату нами контрибуции в виде вознаграждения за расходы Японии по ведению войны и полагал бы, что включение в мирный договор подобного рода условия, не соответствующего достоинству России и не оправдываемого достигнутыми Японией успехами, крайне затруднило бы, к ущербу для обеих сторон, сохранение между ними сносных отношений в будущем.

Что касается Корейского полуострова, то мне представляется, что и по существу дела, в виду фактического занятия этой страны японцами, и по форме в виду выраженного нами еще до войны согласия признать преимущественное положение японцев в этой стране,—нам будет крайне трудно ставить в настоящее время какие-либо препятствия установлению здесь преобладающего влияния Японии. Но если японское правительство, действительно, искренне желает возобновить с нами добрососедские отношения, то оно могло бы—в целях возможного устранения всяких поводов к недоразумениям—принять на себя обязательство не вводить в смежные с нашим Приморским краем области северной Кореи своих военных сил и не возводить здесь никаких укреплений.

Далее, считаю долгом сбратить внимание на частные интересы русских подданных, потерпевших вследствие настоящей войны. Для возможного ограждения этих интересов я признавал бы, во-первых, необходимым оговорить, буде это не разумеется само собою, что собственность русских подданных и предприятий в Дальнем и Порт-Артуре, в том числе и собственность Общества Китайской Восточной железной дороги, по окончании войны должна быть немедленно возвращена по принадлежности. Затем подобную же оговорку надлежало бы сделать также и относительно горнопромышленных концессий, принадлежащих русским подданным в районе Манчжурии, занятом японскими войсками, а именно было бы необходимо установить: в случае, если бы после войны за японцами остались какие-либо полномочия по управлению этой частью Манчжурии,— что права русских подданных будут восстановлены немедленно по окончании войны, и во всяком случае,—что если бы японцы за время оккупации страны эксплоатировали какую-либо принадлежащую русским подданным концессию, то за это собственникам должно быть уплачено соответственное вознаграждение.

В заключение позволяю себе сообщить вашему сиятельству, что с внешней стороны разработки инструкции для наших уполномс-

[1]) Это место подчеркнуто Николаем II и сделана собственноручная пометка: «Безусловно».

ченных я считал бы особенно полезным преподание этим уполномоченным определенных указаний относительно того, на какие требования Японии им ни в каком случае невозможно согласиться [1]).

№ 12. Донесение из Вашингтона Виленкина В. Н. Коковцеву [2]).

Ваше высокопревосходительство, Владимир Николаевич!

За последние десять дней общественное мнение Соединенных Штатов всецело поглощено переговорами президента Рузевельта с графом Кассини и японским посланником Такагирой относительно заключения мирного договора, и третьего дня Рузевельт официально заявил, что Россия и Япония изъявили согласие на его предложение, и что местом конференции избран Вашингтон. Американская печать не скрывает своего удовольствия по поводу того, что этим выбором американское национальное чувство польщено и газеты полны панегириками по адресу президента Рузевельта.

Здесь полагают, что уполномоченные соберутся не ранее половины августа и что самые переговоры затянутся не менее двух месяцев; так по окончании испанско-американской войны в 1898 году уполномоченные обеих стран собрались в Париже 1 октября, переговоры же закончились лишь 10 декабря, а между тем главные пункты соглашения между Соединенными Штатами и Испанией были уже улажены предварительным протоколом; задачи же, которые пришлось им разрешить, не были так сложны, как те, которые придется урегулировать России и Японии.

Весьма характерно, что с момента вмешательства Рузевельта здешняя печать, а вместе с нею и общественное мнение сразу переменили свои взгляды и стараются повлиять на Японию не настаивать на большом денежном вознаграждении; еще две недели тому назад здешняя пресса находила, что если Япония потребует 2 миллиарда долларов, то требования ее вполне нормальны; теперь же та же пресса убеждает Японию быть скромной в своих требованиях и ограничиться суммой, составляющей действительный размер произведенных ею военных расходов, что, по словам газет, не должно превышать 500 милл. долларов и из этой суммы вычесть стоимость тех приобретений, которые достанутся ей от России, как то Дальний, Порт-Артур.

Не подлежит сомнению, что столь разительная перемена в настроении здешней печати объясняется главным образом влиянием президента Рузевельта, который в данном случае может оказать веское давление на Японию; по словам здешних дипломатов, ни один из монархов или государственных людей Европы, включая сюда Англию, не пользуется таким влиянием на Японию, как Рузевельт и, если бы нам уда-

[1]) Пометка рукой Николая II: «Да».

[2]) Получено 23 июня; Виленкин—агент м-ва финансов в Вашингтоне.

лось заручиться его полным содействием, то требования Японии могли бы быть низведены до минимума. С другой стороны, американцы поняли, что если бы Японии удалось достичь своей цели, то это сразу оказало бы влияние на европейский денежный рынок, что, в свою очередь, отразилось бы и на американских ценностях, так как Франция, а за нею и Англия прежде всего начали бы реализировать американские бумаги, чтобы запастись наличными деньгами.

Согласие России на предложение Рузевельта и, с другой стороны, назначение сюда послом барона Розена, пользующегося особыми симпатиями американцев, служат самыми лучшими факторами для восстановления дружественных отношений между Россией и Соединенными Штатами и с наступлением осеннего сезона, когда финансовый мир вернется в Нью-Йорк из европейских курортов или летних резиденций, наступит благоприятный момент для привлечения нью-йорского денежного рынка в Россию, и этого момента мы не должны упустить.

В виду того, что в настоящую минуту на здешнем рынке полное затишье, которое продолжится до половины сентября, к какому времени было бы весьма важно приготовить план действий, то я имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство уведомить меня, не найдете ли вы полезным разрешить мне приехать в Петербург, чтобы лично доложить вашему высокопревосходительству о беседах, которые я имел за последнее время с здешними банкирами, и их взглядах на возможность помещения русских ценностей на нью-йорской бирже и привлечения американских капиталов в русские предприятия.

С глубоким почтением и совершенною преданностью имею честь быть

вашего высокопревосходительства покорный слуга

Григорий Виленкин.

Вашингтон 8/21 июня 1905 г. № 181.

№ 13. Письмо Виленкина директору канцелярии мин. финансов А. И. Путилову.

Милостивый государь, Алексей Иванович!

С сегодняшней почтой я послал донесение его высокопревосходительству г. министру финансов, в котором, между прочим, запросил, не найдет ли он полезным в виду летнего полного затишья в делах разрешить мне приехать в Петербург, чтобы лично доложить о настроении здешних банковых кругов и их взглядах на помещение русских ценностей по урегулировании наших отношений к Японии.

В случае если его высокопревосходительство разрешит мне приехать, то я покорнейше прошу ваше превосходительство соблаговолить сообщить мне об этом по телеграфу, дабы я, не теряя времени, мог бы выехать.

Примите и проч.

Григорий Виленкин.

Вашингтон 8/21 июня 1905 г. № 182.

№ 14. Телеграмма А. И. Путилова Виленкину в Вашингтон

от 25 июня 1905 г.

Ответ на письмо 182. Министр считает при настоящем положении необходимым ваше присутствие в Америке и просит вас сообщить имеющиеся у вас сведения подробно письмом [1]).

Путилов.

№ 15. Телеграмма Распопова из Шанхая А. И. Путилову.

от 2/15 июля 1905 г. —получена 4 июля.

Здесь получена телеграмма о назначении С. Ю. Витте главным уполномоченным для мирных переговоров. Если может интересовать С. Ю. Витте, покорнейше прошу доложить следующие сведения о главном японском уполномоченном бароне Комура. Он выдвинут благомыслящею, наиболее умеренною частью оппозиции; до сих пор очень удачно служил связующим звеном между нею и кабинетом. Обе стороны считают это тайной одна от другой. Знаю это случайно, благодаря широкому участию в событиях в Корее, куда Комура был послан улаживать дело об убийстве королевы, но безусловно ручаюсь за точность. Очень не блестящий на вид, Комура обладает, однако, громадным умом, знанием,—с одной стороны, всей подноготной японской прогрессивной оппозиционной партии и ее отношений к правительству и народу, с другой стороны—тех мелочных интриг иностранных представителей, умелая игра которых позволила японцам блестяще достигнуть самых трудно осуществимых целей. Вместе с тем Комура известен как весьма сдержанный, рассудительный человек, далеко не шовинист [2]) по убеждению, и удовлетворяет выдвинувшую его партию лишь настолько, чтобы не поставить ее открыто против правительства. Кто бы ни были прочие делегаты, Комура будет, несомненно, играть руководящую роль, хотя бы и стушевываясь для виду. Сообщил Покотилову.

Распопов.

[1]) Соответствующего письма Виленкина в д. № 145 не имеется.

[2]) Так в подлиннике.

№ 16. Телеграмма А. И. Путилова И. П. Шипову

от 8 июля 1905 г.

Excellence Chipoff Hôtel Chatham Rue Daunon Paris.

Министр просит вас доложить С. Ю. Витте. Слух о покушении на Победоносцева—вымысел. Съезд в Москве, несмотря на запрещение, состоялся и продолжится еще один день. Столкновений с властью не было, ожидавшееся объявление съезда Учредительным Собранием не состоялось, но сделано резкое осуждение проекта Булыгина, закончившееся резолюциею все-таки принять его, чтобы добиться затем большего. Петрункевич вчера ясно выразил недоверие к высшей власти, бесполезность обращения к ней и необходимость обратиться к народу. Здесь господствует сильное неудовольствие по поводу слабости действий московского генерал-губернатора [1]).

Путилов.

№ 17. Телеграмма В. Н. Коковцева С. Ю. Витте

от 12 июля 1905 г.

Consulat Russe Cherbourg Prière remettre Secrétaire Witte ce que suit.

Закрывшийся 9 июля в Москве земский съезд постановил обратиться к стране с воззванием, в котором изложить политическую программу земской партии, организовать в июле повсеместно многолюдные собрания для обсуждения заключений съезда по проекту Булыгина, сосредоточить все продовольственное дело в земстве. Бюро уполномочено пригласить следующий съезд представителей окраин, неземских губерний, вступать в соглашение с разными организациями. Генерал Трепов полагает, что факт постановления о воззвании должен вызвать решительные меры правительства против допущения распространения воззваний и самих организаторов съезда. О значении свидания в Бьерке-Зунд буду телеграфировать особо [2]). В Нижнем-Новгороде 10 июля тысячная толпа избивала интеллигентов.

Коковцев.

---

[1]) П. П. Дурново, назначенного на эту должность после убийства вел. кн. Сергея Александровича (4 февр. 1905 г.). Совершенно «растерявшийся» в обстановке октябрьских событий, Дурново, по категорическому настоянию Витте, был заменен Дубасовым. Ср. Витте, «Воспомин.», т. II, 135—139.

[2]) О состоявшемся свидании Вильгельма II и Николая II в Бьерке Витте узнал, приехав в Париж, из французских газет; для Витте оно было полною неожиданностью. Ввиду необходимости успокоить французское правительство, встревоженное газетным сообщением о свидании, Витте тотчас же телеграфировал мин. ин. дел. гр. Ламздорфу и получил ответ, что свидание было «совершенно частное» и не имело никакого политического значения. О том, что в Бьерке было подписано соглашение о союзе Германии и России, Витте получил точное пред-

№ 18. Телеграмма В. Н. Коковцева С. Ю. Витте

от 19 июля 1905 г.

Excellence Witte chez St. Regis Hôtel.

Приветствую со вступлением на американскую землю. Дай бог в добрый час. По поводу указания вашего о желательности скорейшей отмены повышенных таможенных пошлин, установленных в виде репрессалий на некоторые северо-американские провенансы, считаю долгом сообщить, что я признаю сие вполне своевременным. В этом смысле между мною и Тимирязевым, с одной стороны, и послом Соединенных Штатов, с другой, происходил уже последние три недели обмен мнений, при чем нами высказано лишь пожелание, чтобы эта отмена была понимаема правительством Соединенных Штатов как особая наша уступка в изъятие из обеспеченного нам существующим договором неограниченного права наибольшего благоприятствования. В том же смысле я одновременно вхожу в официальное сношение с министром иностранных дел и думаю, что завтра же последует принципиальное согласие государя императора. Что касается до оформления, то казалось бы лучше всего вам сообщить мне, в какую минуту это необходимо сделать, и я немедленно сообщу министру иностранных дел для обмена дипломатическими нотами [1]). С театра войны ничего нет, кроме дальнейшего занятия японцами среднего Сахалина и высадки малых отрядов на материке против Сахалина. Из внутренних событий упоминаю стачку и перерыв движения на Владикавказской ж. д. В Иваново-Вознесенске стачка, длящаяся уже два месяца, кажется, скоро кончится. По точным сведениям, встреча императоров произошла по инициативе императора Вильгельма. Государь крайне доволен свиданием, видимо, верит искренности отношений соседа. Сейчас еду на заседание под председательством государя по вопросу о Думе [2]).

ставление лишь по возвращении в Петербург. Подробно рассказан весь эпизод в «Воспоминаниях» Витте, т. I, гл. XXVII, XXIX и XXX. Впервые факт подписания союзного соглашения установлен Е. В. Тарле, на основании частной переписки императоров, опубликованной в июльской кн. «Былого» за 1917 г. Ср. также Е. В. Тарле «Запад и Россия», изд. «Былое». Петроград 1918, стр. 183 и сл. См. также опубликованные материалы в V томе «Красного Архива».

[1]) Упоминаемые здесь пошлины были введены, по докладу Витте в бытность его министром финансов, еще до войны в ответ на повышение Америкой пошлины на русский сахар. Об отмене пошлины Витте сообщил президенту Соедин. Штатов лишь после подписания мирного договора с Японией, чтобы «не дать повода говорить, что мы заискиваем расположение американцев» («Восп.», I, 361). Как видно теперь, американское правительство осведомлено было о продстоявшей любезности со стороны русского правительства еще до прибытия Витте в Портсмут.

[2]) Секретные протоколы так наз. петергофских совещаний 1905 г. опубликованы в издании журнала «Голос Минувшего»: «Николай II. Материалы для характеристики личности и царствования». М. 1917 г., стр. 126 и сл.

Результат сообщу. Усерднейше прошу вас на обратном пути настаивать в Париже на необходимости займа, как единственном способе не толкать нас на финансовые безрассудства. На-днях выпущу внутренний заем до 200 миллионов рублей, одинаковый с мартовским. По сообщению лондонского корреспондента «Matin» Рафаловичу, Гаяши надеется на заключение мира, рассчитывает на контрибуцию для покрытия военных расходов; японцы в случае надобности намерены продолжать войну, разбить Линевича, взять Владивосток, оккупировать Манчжурию, затем ожидать нашего наступления [1]).

Коковцев.

№ 19. Письмо Рафаловича В. Н. Коковцеву

от 25 июля н. с. 1905 г. [2])

Париж.

Monsieur le ministre [3]).

Le correspondant du Matin à Londres, Hedeman, est venu me voir. C'est un ancien collaborateur du Times, qui a été en contact avec Hayashi. Le Times envoie trois correspondants dont sir Mackensie Wallace,— et le D-r Morrison, très antirusse, célèbre par ses campagnes contre nous en Chine. D'après Hedeman, Hayashi serait plein d'espoir pour la paix. Il compte fermement sur une indemnité de guerre, pour payer les dépenses faites et les pensions aux victimes de la guerre.

Les Japonais veulent le cas échéant continuer la guerre, battre Linévitch, prendre Vladivostock et après cela occuper la Mandchourie avec 100 ou 150 mille hommes en attendant le retour offensif de notre part. L'entretien de ces 100 à 150 mille hommes ne serait pas coûteux.

Votre très obéissant serviteur *Raffalovitch.*

Перевод.

Господин министр!

Только что был у меня лондонский корреспондент газ. «Matin» Гедеман [4]). Это бывший сотрудник «Times», который был в контакте с Гаяши. «Times» посылает трех корреспондентов,один из них Мэкензи' Уоллес, другой—д-р Моррисон, противник России, известный своей агитацией против нас в Китае. По словам Гедемана, Гаяши полон надежд на заключение мира. Он твердо рассчитывает на военное вознаграждение для покрытия издержек и пенсий жертвам войны.

---

[1]) Письмо Рафаловича Коковцеву см. ниже.

[2]) Письмо Рафаловича служит как бы документальной иллюстрацией к телеграмме Коковцева и в деле подшито вслед за телеграммой. В таком же порядке помещено оно и здесь.

[3]) Пометка синим карандашом рукою Коковцева: «Нужно сообщить сущность С. Ю.».

[4]) Гедеман ездил в Портсмут на одном с Витте пароходе. См. «Воспоминания», I, 340.

Японцы намерены в случае надобности продолжать войну, разбить Линевича, взять Владивосток и после того занять Манчжурию армией в 100—150 тыс. человек в ожидании нашего наступления. Содержание этих 100—150 тысяч, по их мнению, не будет стоить дорого.

Ваш покорный слуга *Рафалович.*

№ 20. Телеграмма В. Н. Коковцева С. Ю. Витте

от 23 июля 1905 г.

Secretaire Etat Witte, Portsmouth.

Два заседания под председательством государя по делу о Государственной Думе прошли благополучно. Все статьи, касающиеся устройства Думы и ее компетенции, остались почти не измененными. Попытки крайних консерваторов внести серьезные изменения успеха не имели. В субботу предстоит продолжение дела и будет приступлено к рассмотрению организации выборов. С войны никаких известий нет, внутренние беспорядки в некоторых местах затихают, в других возникают вновь. В Риге бастуют опять 12.000 человек. На Владикавказской дороге, видимо, наступает успокоение, зато в Баку готовится опять общая забастовка. Государь находится все время в хорошем настроении, видимо, очень ободренный после свидания с германским императором. Торговое соглашение с Францией достигнуто; по многим ставкам я не дошел до пределов, указанных совещанием, по вину же пришлось пойти несколько дальше.

Коковцев.

№ 21. Телеграмма И. П. Шипова на имя А. И. Путилова

из Нью-Йорка, от 23 июля 1905 г.—получена 25 июля [1]).

По заслуживающим доверия сведениям, секретное сообщение (Розена Ламздорфу, если действительно такое имело место, о слухах [2]), будто американские банкиры заинтересованы в получении Японией контрибуции для уплаты долгов, неправильно [3]): в контрибуции кредиторы Японии не нуждаются, платежи по займам обеспечены реальными залогами. Единственная возможная забота избежать затруднений в случае необходимости прибегнуть к обеспечениям устранена передачею части займов европейским странам. Таким образом в подобном случае на исполнении обязательств будут настаивать не

---

[1]) Приписка рукою Коковцева: «Дайте мне для всеподд. доклада».

[2]) Слова в скобках были в черновике телеграммы, но зачеркнуты.

[3]) Такое сообщение действительно нашло себе место в телеграмме Розена Ламздорфу от 20 июля. «Ор. кн.», № 74.

не одни американцы, а все страны. Сильно сомневаюсь признавать кредит Японии исчерпанным; ходят частные слухи о новом займе в 20 милл. ф. Очень многое, впрочем, не зависит от кредитоспособности или заключения выгодных условий мира, а от общественного мнения. Телеграфирую вам глубокое мое убеждение, основанное, кроме личного чувства, на разговорах со многими авторитетными и влиятельными лицами, местными и русскими. Приезд Витте безусловно произвел во враждебном, даже злорадном, к нам отношении американского общества как будто перемену; в части публики замечаются признаки симпатии к России; независимо от прекрасной—пока в общем—прессы мы окружены, благодаря уменью и такту Сергея Юльевича, всеобщим вниманием. Многие деловые люди, например: из банкиров—представитель Моргана Вандерлип, из печати—Стон, из русских—барон Розен и многие другие влиятельные лица считают необходимым воспользоваться переменою настроения и стараться раздувать тлеющий огонек симпатии к нам. Это может иметь в будущем значение в смысле затруднения японцам заключать здесь займы, ибо здешние крупные дельцы и учреждения должны считаться с общественным мнением. От этого мнения, значит, зависит отчасти, в особенности в случае продолжения войны, затруднение денежной ее стороны для японцев. Думаю, что в будущем, если общественное мнение Америки повернется в нашу пользу, возможны для нас благоприятные экономические и финансовые результаты. Для этого поворота желательно воспользоваться пребыванием С. Ю. Витте. Крупные и мелкие банкиры, печать, страховые и разные другие общества, конгрегации, влиятельные лица, корпорации наперерыв стараются устраивать в честь его обеды, представиться, заручиться его автографом и пр. Какой бы оборот мирные переговоры ни приняли, крайне важно было бы, чтобы подобные обеды и общественные начинания осуществились и, сверх того, чтобы С. Ю. Витте предпринял поездку по некоторым главнейшим городам Соединенных Штатов, ибо Нью-Йорк—лишь первый этап Америки. Однако С. Ю. Витте очень уклончиво относится ко всем таким знакам внимания и также к поездке, ибо, кроме личного нерасположения к подобным чествованиям, он, повидимому, сомневается в отношении к этому С.-Петербурга и после переговоров о мире собирается скорее в С.-Петербург. Необходимо упросить его или даже настаивать на том, qu'il fasse les frais de sa personne. Обращаюсь к вашему высокопревосходительству без ведома С. Ю. Витте, потому что вы приказали мне откровенно писать вам и потому что для министерства финансов всего важнее воспользоваться настоящим случаем. Если упустить этот момент, то сочувствующие нам круги потеряют почву. Потом этого не вернуть. Моя крайняя осторожность вам известна. Повторяю—считаю безусловно необходимым повлиять в указанном смысле на С. Ю. Витте [1]). Опасаюсь, что без указания свыше он затруднится сделать это (не

[1]) См. прим. 2-ое на стр. 26.

решится предпринять эту кампанию в американском духе, для которой почва, повидимому, подготовлена [1]).

Шипов.

№ 22. Телеграмма Коковцева С. Ю. Витте

от 25 июля 1905 г.

Excellency Witte Portsmouth.

С войны нет ничего существенного. Внутри рабочее движение то затихает, то опять вспыхивает. В Иваново-Вознесенске забастовка 37.000 человек на ситцевых фабриках кончалась при моем вмешательстве; в Риге, наоборот, забастовка усилилась. Нехорошо и в Баку. Характерно следующее явление. В Нижнем толпа избила интеллигенцию, указывая, что последняя идет против царя и вызывает забастовки. Рассказы газет, что погром устроен полицией, по удостоверению министерства внутренних дел,—вздор. В Балашове еще характернее: земские врачи отказались от службы, устроили банкет и пели революционные песни. Толпа, встретив губернатора с портретом государя и с народным гимном, хотела расправиться самосудом, обвиняя врачей в измене и смуте. Врачи спасены заступничеством губернатора, высланы под охраной казаков. Последние, озлобленные на врачей, поведение которых вызвало из толпы удар камнем, по дороге били врачей нагайками, называя их помощниками японцев.

Коковцев.

№ 23. Телеграмма Коковцева И. П. Шипову

от 26 июля 1905 г.

В том же смысле, как вы телеграфировали мне, барон Розен телеграфировал графу Ламздорфу [2]) и получил от него уведомление, что государь император не видит для Сергея Юльевича оснований торо-

---

[1]) Слова в скобках зачеркнуты в черновике телеграммы.

[2]) Нет в «Оранжевой книге».—Витте в «Воспом.», I, 352—353, пишет, что он, под влиянием настояний Розена, склонялся к мысли о поездке по Америке и телеграфировал об этом Ламздорфу, но тот ему ответил, что «его величество соизволил согласиться, но... (и при этом мне ставились какие-то условия)». Витте, «конечно, сейчас же понял, в чем дело, и сам от проекта бар. Розена отказался».

28 июля-10 августа Ламздорф телеграфировал Витте:«... государю императору благоугодно было соизволить на посещение вами наиболее важных городов для указанной цели, но с тем, однако, чтобы поездка ваша по Америке не была слишком продолжительна и не могла бы быть истолкована в смысле какой-либо агитации среди американского народа».

Витте в ответной телеграмме 29 июля-11 августа на имя Ламадорфа отказывается от поездки, мотивируя свой отказ усталостью, незнанием языка и т. д., а также тем, что из телеграммы Ламздорфа он не усматривал, «чтобы его величество почитал сие полезным и желательным»; на что Витте и получил 31 июля-13 августа ответ Ламздорфа: «Благосклонно приняв во внимание приведенные вами соображения, государь император не видит настоятельной необходимости в путешествии вашем по Америке. При всем том, однако, госу-

питься выездом из Америки и не встречает препятствий к посещению им разных центров Америки. О том же буду завтра докладывать его величеству в более определенной форме и затем буду телеграфировать Сергею Юльевичу.

Коковцев.

№ 24. Телеграмма В. Н. Коковцева С. Ю. Витте

от 26 июля 1905 г.

Вчерашнее заседание совета у его величества прошло вполне благополучно. Все попытки сорвать выработанную советом министров систему выборов и заменить ее узко сословною, а также исключить евреев и квартиронанимателей, отвергнуты его величеством. Остается одолеть государственного контролера, который, как вы знаете, настаивает на пропорциональном числе выборных по группам к числу выборщиков. В остальном нового ничего (на-днях выпускаю 5% внутренний заем на 200 милл. рублей [1]).

Коковцев.

№ 25. Телеграмма В. Н. Коковцева С. Ю. Витте

от 26 июля 1905 г.

Вчера поздно окончилось вполне благополучно рассмотрение дела о Думе. Единственное крупное изменение—включение правила, что в Думу должно быть выбрано по каждой губернии не менее одного члена из выборщиков крестьян. Установить точно день обнародования не берусь, но думаю, что это вопрос немногих дней.

Коковцев.

№ 26. Телеграмма И. П. Шипова В. Н. Коковцеву

из Нью-Кастля, от 27 июля 1905 г.—получена 28 июля.

О депеше барона Розена не знал ни С. Ю. Витте, ни я. Ответную телеграмму графа Ламздорфа барон Розен показал С. Ю. Витте. Она едва ли подвинет дело по своей неопределенности. Мирить общественное мнение Америки с нами тяжелая, неблагодарная задача.

дарь находит желательным, чтобы в случае прекращения переговоров, вы не торопились отъездом из Вашингтона во избежание каких-либо ложных толкований. Для более же тесного в интересах России сближения с Америкой, быть может, по соглашению с бароном Розеном, вы найдете иные соответственные средства».

(Цитируемые телеграммы хранятся в копиях в архиве Витте. Госархив II отделение А. Фонд № 11).

Аналогичный случай имел место при поездке Витте на Д. Восток в 1902 г., когда наш посланник в Токио А. П. Извольский просил Витте принять приглашение микадо приехать в Японию, но из Петербурга Витте получил согласие на поездку туда в качестве лишь «частного человека».

[1]) Слова в скобках зачеркнуты в черновике.

Поэтому указание, что нет препятствий к посещению центров, произвело впечатление, будто в Петербурге думают, что это желательно для С. Ю. Витте. Напротив, он измучен, удручен и склонен по окончании порученного ему дела махнуть рукой на все. Необходимо, чтобы он знал, что дело, о котором я вам телеграфировал, государю угодно, и что свыше настаивают на осуществлении попытки повернуть в нашу пользу настроение Америки. Японцы, сделавшие в этом отношении многое, продолжают свою ловкую работу. Необходимо воздействовать на С. Ю. Витте pour qu'il paie de sa personne, зная, что служит этим государю и благу России и что это сознают в Петербурге. Телеграфирую об этом, укрепившись рядом фактов в справедливости того, что первоначально телеграфировал, и испытавши сам тяжесть американских приемов.

Шипов.

№ 27. Телеграмма А. И. Путилова И. П. Шипову

от 28 июля 1905 г.

Рихтеру, Череванскому поручено выяснить причины войны. Затребованы все материалы с занятия Порт-Артура систематизированные. Напиши для моего личного сведения инструкции С. Ю. Витте. Делопроизводителем—Колебяцкий. Не следует ли дать ему частным образом наши секретные справки [1]).

№ 28. Телеграмма С. Ю. Витте В. Н. Коковцеву

от 28 июля 1905 г.

Предъявлены требования. Преобладание Японии в Корее, эвакуация Манчжурии, уступка Сахалина, Квантуна, южной ветви до Харбина, уплата контрибуции в размере стоимости войны, выдача судов в нейтральных портах, ограничения морских сил, льготы в морских промыслах. Ответ понятный вам по существу скоро последует [2]).

Витте.

---

[1]) Эти справки, составленные в канцелярии м-ра финансов в 1903 г. и отпечатанные в типографии, распространения не получили, так как экземпляры их были сожжены по приказанию Витте. В 1904 г., по приказанию Николая, они тщетно разыскивались департаментом полиции, и Витте, узнав об этом, послал царю свой экземпляр. Один экземпляр сохранил у себя Путилов (см. ниже). Текст их в черновом виде сохранился в архиве канц. мин. фин. Он, с незначительными изменениями, был впоследствии опубликован Витте через Б. Глинского под заглавием: «Пролог русско-японской «войны». П. 1916 (и в «Ист. Вестн.» за 1914 г.). Ср. «Воспом.» Витте, I, 266—267; также Б. А. Романов «Витте и концессия на Ялу». (Сборн. статей, посвящ. С. Ф. Платонову, Петр., 1922, стр. 441 и 442.)

[2]) Полный текст японских требований — в телеграмме Витте Ламздорфу от 28 июля («Оранжевая книга», стр. 108—109). Русский ответ—в телеграмме Витте Ламздорфу от 30 июля (там же, стр. 110—114).

№ 29. Телеграмма Коковцева И. П. Шипову

от 28 июля 1905 г.

За отменой моего сегодняшнего доклада ваши телеграммы доложу его величеству при ближайшем докладе и, вполне разделяя ваш взгляд, сделаю все возможное для его осуществления.

Коковцев.

№ 30. Телеграмма А. И. Путилова И. П. Шипову

от 29 июля 1905 г.

Князь Андронников сообщает: Щербатов передал вчера государю результаты плебисцита Шарапова. Полмиллиона подписей за войну. Впечатление подавляющее. Государь подтвердил резолюциею телеграмме оренбургского духовенства, заявив, что с интересом следит за газетою Шарапова. Последний ждет аудиенции у государя.

Путилов.

№ 31. Телеграмма И. П. Шипова А. И. Путилову

от 29 июля 1905 г.

С. Ю. просит доложить м-ру Ф. о передаче комиссии причинах войны всех документов, у нас хранящихся, равно печатн. записок.

Шипов.

№ 32. Телеграмма С. Ю. Витте В. Н. Коковцеву

от 30 июля 1905 г.

Субботу утром передается наш ответ. Согласие преимущества Корее, но военные мероприятия не должны угрожать нашим соседним областям. Параллельная эвакуация Манчжурии обеими сторонами; уступка Квантуна, части южной ветви, фактически захваченной японцами, с выкупом этой части Китаем передачей выкупной суммы Японии; предоставление льгот морских промыслах; сильно мотивированный категорический отказ уплате контрибуции, но согласие возместить расходы лечению, содержанию пленных [1]); отказ выдаче судов нейтральных портах, уступке Сахалина, вместо которой предлагается предоставить эксплоатацию промыслов острове; отказ ограничить морские силы по воле Японии с заявлением, что ближайшем будущем Россия сама не предполагает держать значительного флота. Полный текст сообщается м-ру и. д.

Витте.

---

[1]) Первоначально в черновике было, но потом зачеркнуто: «...согласие возмещением лишь расходов, вызванных интересами русских подданных...»

№ 33. Телеграмма А. И. Путилова И. П. Шипову

от 30 июля 1905 года.

Министр финансов передает все материалы о причинах войны, однако, прошу для себя лично указать С. Ю. Витте, давать ли секретные печатные справки, которые по сожжении остались только у меня в одном экземпляре.

№ 34. Телеграмма И. П. Шипова А. И. Путилову

от 1 августа 1905 г.

Доложил. Просит непременно дать, считает это необходимым.

№ 35. Телеграмма И. П. Шипова А. И. Путилову

от 31 июля 1905 г. из Нью-Кастля [1]).

Сообщите сведения, свое мнение: 1) отчего обнародование проекта Думы отложено, 2) переменилось ли общественное мнение по внутренним вопросам, сочувствует ли, враждебно ли попрежнему, не смотрят ли на проект, как на этап дальнейшим домогательствам, 3) как относятся к вопросам войны и мира. Данные, от вас получаемые, не дают представления об общем направлении умов.

Шипов.

№ 36. Телеграмма А. И. Путилова И. П. Шипову

от 2 августа 1905 г.

В дополнение к телеграмме министра сообщаю: обнародование Думы задержалось составлением манифеста, который к 30-му не поспел. Общественное мнение к проекту враждебно, но земцы решили его не бойкотировать, считая как этап дальнейших домогательств. Суровые требования японцев, повидимому, поколебали в обществе склонность к миру.

Путилов.

№ 37. Телеграмма В. Н. Коковцева С. Ю. Витте

от 2 августа 1905 г.

Только что получил от Победоносцева сведение, что манифест о Думе принят вчера вполне сочувственно. Редакция неважная, но это большого значения не имеет. Колебаний по существу не допускаю, все попытки крайних реакционеров были решительно

---

[1]) Помета рукою Коковцева: «Я все сообщил С. Ю. и удивляюсь, что мои сообщения признаются недостаточными. Телеграфируйте от меня примерно, как набросано на обороте».

отвергнуты. Опубликования следует ожидать в субботу. В общественном мнении не вижу опасений за дальнейшие домогательства; сам слышал, что домогаться можно и без Думы и ничто не помешает не дать этим домогательствам хода. Общее настроение попрежнему неспокойное, усиливаются попытки отвечать на революционные демонстрации патриотическими, не свободными от грубых насилий. Японские требования решительно признаются неприемлемыми; склонности к миру не вижу. От близкого вам человека слышал фразу: велико будет искусство Витте, если он заставит японцев предложить то, что мы примем.

Коковцев.

№ 38. Телеграмма И. П. Шипова А. И. Путилову

из Нью-Кастля, от 2 августа 1905 г.—получена 3 августа.

Хотя вы телеграфировали, что предложение об ограничениях евреев-выборных в правах отвергнуты, С. Ю. Витте просит во избежание недоразумений подтвердить, нет ли каких-либо ограничений евреев в правах избирателей избранных в Думу. В Америке беспокоятся об этом.

Шипов.

№ 39. Телеграмма А. И. Путилова И. П. Шипову

от 3 августа 1905 г.

В проекте, окончательно представленном его величеству и им одобренном, никаких ограничений для евреев нет. Проект еще не подписан.

Путилов.

№ 40. Телеграмма С. Ю. Витте м-ру ин. дел гр. Ламздорфу

от 1/14 августа 1905 г.

Прошу передать нижеследующую телеграмму министру финансов [1]): Соглашения, в виду громадной разницы условий сторон, не будет достигнуто. Нужно готовиться к продолжительной, тяжелой войне, для чего необходимо прежде всего озаботиться доставлением нам иностранных денежных рынков. Без этого война будет вдвойне тягостной и совершенно подорвет наши финансы. Японцы рассчитывают, что мы денег за границею не получим. Действительно, со всеми, с кем приходилось говорить за границею, чувствовалось, что при настоящем настроении достать деньги за границею более чем трудно. Это настроение основано не только на внешнем, но, пожалуй, еще более на внутреннем положении. Уничтожить это настроение может только перемена по существу, но видоизменить его возможно посредством более деятельного воздействия на умы и посредством личных объяснений. Нужно

[1]) Эта телеграмма напечатана в «Ор. кн.», стр. 120.

следовать примеру японцев. Систематически и планомерно действовать на прессу, привлекать к себе влиятельных людей. Прошло то время, когда к нам ездили давать деньги, нужно теперь нам ездить и создавать конъюнктуры, хотя, думаю, ныне серьезные операции возможны лишь в Америке и особенно Франции. Германия много дать не может, даже если бы была к тому склонна. Мой приезд в Америку создал надлежащее настроение. Если оно будет культивироваться, то, полагаю, через несколько месяцев наступит возможность сделать операцию. Но особенно нужно заняться Францией. Необходимо серьезно объясниться с французским правительством, преимущественно с Рувье, который, как мне кажется, держится двусмысленно. Необходимо лично объясниться со всеми крупными финансистами обеих партий: Ротшильда и Лионского кредита.

№ 41. Телеграмма И. П. Шипова А. И. Путилову

от 3/16 августа 1905 г.

Советую особо секретные телеграммы, как последняя депеша м-ра, посылать через м-во и. д., для остальных возможно чаще менять шифр; вытребуйте себе в правлении Китайской Восточной ж. д. шифр Батшева.

Шипов.

№ 42. Телеграмма В. Н. Коковцева С. Ю. Витте

от 3 августа 1905 г.

Министр иностранных дел передал мне вашу телеграмму от 1 августа о необходимости подготовить почву для новых займов в Америке и Франции. Лично я могу только повторить вашу точку зрения и с ведома его величества покорнейше прошу вас взять на себя труд постараться достигнуть этой цели в Америке, равно как и в Париже. Только личное воздействие может достигнуть цели. Печать не в нашей власти и завладеть ею, по крайней мере я, не можем. Ваше влияние в Америке уже имеется. Париж вам отлично знаком. Объяснение с Рувье и Лубе безусловно необходимо, чтобы заставить их высказаться начистоту. Я готов даже сам ехать в Париж, но думаю, что вы сделаете лучше, едучи обратно. Если усматриваете какие-либо ошибки в моих действиях, укажите их откровенно. Вам известен мой взгляд на вещи. Моя поездка и непосредственное объяснение едва ли желательны. Впрочем, я жду вашего вполне откровенного ответа и совета, представляя вам заранее располагать мною даже в самом крайнем смысле,—тем более, что с учреждением Думы вам предстоит общее руководство и объединение деятельности отдельных министерств [1]).

[1]) В своих «Воспоминаниях» Витте ни словом не обмолвился о том, что это предположение было ему известно при возвращении из Портсмута. Более того:

Если сочтете полезным, я войду безотлагательно в объяснение с французским послом, чтобы изложить нашу точку зрения, но ничего не сделаю, не получивши вашего ответа.

Коковцев.

№ 43. Секретная телеграмма С. Ю. Витте гр. Ламздорфу

из Нью-Кастля, от 2/15 августа 1905 г. [1]).

1-го я, в течение целого вечера, имел беседу с главными вождями американского еврейства, которые имеют существенное влияние на здешнее общественное мнение, располагают огромными капиталами и помогают японскому правительству в денежных операциях. Результатом этой беседы, которую я вел в присутствии посла, было убеждение, что они знакомы с еврейским вопросом по крайне односторонним сведениям, которые черпаются ими из враждебных нам источников и по рассказам прибывающих сюда ежедневно в большом количестве эмигрантов; потому-то действительное положение, в котором у нас пребывают евреи, представляется им в таких размерах и форме, которые успешно могут сделать врагом России каждого человека. Я им выяснил настоящее положение дела и теперешний фазис обсуждения этого вопроса нашим правительством, при чем фактически доказал, что в царствование его императорского величества были принимаемы меры, только клонящиеся к облегчению положения евреев, что они сами признали. Беседа моя, по мнению барона Розена, может иметь серьезное влияние на здешнее общественное мнение и во всяком случае не может не тревожить японцев, так как бывшие у меня лица являются банкирами Японии. Прошу сообщить министру финансов эту телеграмму [2]).

№ 44. Телеграмма И. П. Шипова министру финансов

от 3 августа 1905 г.

Четверг. Потребуйте мой шифр из кредитной канцелярии. Пройдены восемь пунктов. Разногласий, кроме Сахалина, нет. Сегодня шла Кит.-Вост. д. Намечена уступка южной линии от Куань-Ченц. Зато выговорено сохранение всех прав на магистраль и остальную часть южной линии. Завтра и, вероятно, послезавтра обсу-

---

Витте постарался замести всякий след этого сообщения Коковцева. «Еще в Америке я твердо решил удалиться от всяких дел... и просил Ламздорфа исходатайствовать разрешение государя поехать на несколько месяцев к дочери. У меня было какое-то предчувствие, что, если я приеду в Петербург, то меня снова бросят в костер». («Воспом.» I, 369).

[1]) Препровождена в копии м-ром ин. дел В. Н. Коковцеву при письме от 3 августа 1905 г. за № 158. Этой телеграммы нет в «Оранжевой книге».

[2]) Этот эпизод рассказан и в «Воспом.» Витте, I, 360.

ждение самых жгучих вопросов контрибуции, выдачи судов, ограничения морских сил, равно прав рыбным промыслам. С. Ю. имеет очень измученный вид, но бодрится.

Шипов.

№ 45. Телеграмма В. Н. Коковцева С. Ю. Витте

от 4 августа 1905 г.

Обнародован указ о возвращении армянскому духовенству церковных имуществ и капиталов, предоставлено наместнику право облегчения открытия школ.

Общее внутреннее состояние почти без перемен. Тревожно в Прибалтийском крае. Попытка земского съезда влиять на крестьян в смысле привлечения их к своей организации успеха не имеет. Крестьянский съезд, собранный незаконно в Московской губернии, разочаровал устроителей, заявив им, что он не имел права говорить от имени крестьянства

Из Баку успокоительные сведения. Рабочие нефтяных промыслов на сходке заявили агитаторам, что просят оставить в покое и не мешать им работать, что убедились, не интересы рабочих руководят ими, а желание поддерживать смуту. Под конец заявили, если будут мешать работать, то они станут бить, как бил народ в Нижнем тех, кто желал возмущать бедняков.

Коковцев.

№ 46. Телеграмма И. П. Шипова министру финансов

от 4/17 августа 1905 г.

Сейчас С. Ю. отправляет крайне важную телеграмму гр. Ламздорфу и спрашивает точных решительных указаний императорского правительства по четырем спорным пунктам и осторожно высказывает свои мысли. Телеграмма обсуждалась и одобрена всеми делегатами [1]).

№ 47. Телеграмма С. Ю. Витте В. Н. Коковцеву

от 4/17 августа 1905 г.

Соглашение не достигнуто по контрибуции, ограничению морских сил и, повидимому, не будет достигнуто по выдаче судов. Остаются рыбные ловли. Завтра все вопросы будут пройдены. Затем вероятно во вторник окончательное заседание для подписания протокола. Затем Нью-Иорк, где может быть останусь около недели и оттуда домой.

Витте.

---

[1]) Эта телеграмма напечатана в «Оранж. книге», стр. 137.

№ 48. Телеграмма И. П. Шипова министру финансов

от 5/18 августа 1905 г.

Plenipotentiaire après finir tous articles envoyé deux depêches Min. Aff. Etr. Содержание мне неизвестно, но regardér contribution Sachalin. Plenipotentiaire attendre ordre définitif gouv. Russe. Séance Mardi. Plenipotentiaire полагает, что Вы будете prendre part affaire и дорожа votre opinion, тем более что il est question financière, поручил предупредить.

Шипов.

Перевод.

Уполномоченный пораз решению всех вопросов послал две телеграммы м-ру ин. дел. Содержание мне не известно, но смотрите контрибуцию Сахалина. Уполномоченный будет ожидать окончательных распоряжений Российского Правительства. Совещание во вторник. Уполномоченный полагает, что Вы примете участие в этом деле и дорожа Вашим мнением, тем более, что вопрос финансовый, поручил предупредить.

Шипов

№ 49. Телеграмма С. Ю. Витте В. Н. Коковцеву

от 5/18 августа 1905 г. из Нью-Кастля.

Я имел в виду лишь сообщить вам мои, вынесенные мною за границею, заключения о финансовом положении и какие, по моему мнению, средства могут нам помочь, вы сами знаете мое убеждение о вашей деятельности. Я отлично знаю, что вы делаете все от вас зависящее. Вопрос о займе будет существенно зависеть от того, достигнем ли мира или нас вынудят продолжать войну. В Америке расположение склонилось в нашу сторону, но нужно, чтобы правительство продолжало стремиться к той же цели; тогда можно будет при нужде поместить заем. Во всяком случае Америка уже не так охотно, как прежде, будет давать деньги японцам. Согласно высочайшему соизволению, сообщенному вами, и ввиду вашего заявления, быть может, буду иметь возможность совершить небольшую поездку в Америке и во всяком случае остановлюсь в Париже, чтобы переговорить с Рувье, министром финансов и банкирами, но по-моему при первой возможности ваша заграничная поездка весьма желательна. С французским послом говорить не стоит. Крепко жму вашу руку.

Витте.

№ 50. Телеграмма А. И. Путилова И. П. Шипову

от 5 августа 1905 г. [1]).

Sans réponse relativement assentiment S. Witte exercer action placer emprunt Amerique France. Ministre des finances Vous prie demander s'il se chargera de cette affaire et s'arrêtera à ce but Paris.

Poutiloff.

Перевод.

Нет ответа относительно согласия С. Ю. Витте проявить деятельность по размещению займа в Америке и Франции. Министр финансов просит вас спросить, берет ли он (С. Ю. Витте) на себя это дело и остановится ли с этой целью в Париже.

Путилов.

№ 51. Телеграмма В. Н. Коковцева С. Ю. Витте

от 5 августа 1905 г.

Вчера на докладе государь император лично мне сказал, что учреждение Думы окончательно утверждено. Обнародование, вероятно, в субботу. По поводу переданной мне министром ин. дел вашей телеграммы 1 августа о подготовлении кредитных операций в Америке и Париже его величество поручил мне передать вам, что он очень желает, чтобы, независимо от результатов мирных переговоров, вы приняли на себя труд совершить хотя бы небольшую поездку по центрам Америки, пытаясь обеспечить возможность экономического и финансового сближения и мешать нашему врагу найти новые средства. Государь прибавил, что понимает ваше утомление и желание вернуться, но придает особое значение вашему личному воздействию. По отношению к Парижу и особенно Рувье государь повторил сообщенное уже мною вам указание о желательности ваших действий там при возвращении. Я ожидаю вашего ответа на телеграмму 3 августа, чтобы войти в объяснение с французским послом.

Коковцев.

№ 52. Телеграмма С. Ю. Витте В. Н. Коковцеву

от 6/19 августа 1905 г. из Нью-Кастля.

Совершенно личное.

Настоящий момент Петербург должен решить вопрос войны или мира. Необходимо экстренное, но мудрое, твердое решение, ввиду громадной ответственности пред потомством. Усердно прошу вас употребить все усилия, чтобы решение после-

[1]) Эта телеграмма, свидетельствующая о нетерпении Коковцева знать ответ Витте о переговорах по займу, разминулась с телеграммой Витте от того же числа, заключающей этот ответ.

довало экстренно, но по совещании с нашими мудрейшими государственными деятелями, главным образом графом Сольским и Победоносцевым. Телеграмму эту можете показать только Сольскому. Надеюсь вашу энергию и молчание.

Витте.

№ 53. Телеграмма С. Ю. Витте Николаю Романову

Петергоф [1]).

Е. и. в.

Всеподданнейше доношу в. и. в., что, к прискорбию, мирные переговоры не увенчались успехом. Докладываю об этом с болью в сердце, так как глубоко сознаю, как важен и желателен мир для России и для всего света, с каким облегчением вздохнуло бы все человечество без различия государств, народов и рас, если бы ужасы войны сменились благословенною тишиною. Помыслы мои в продолжении всей моей службы направлены были к миру. Поэтому, как по званию лица, облеченного в. в. чрезвычайными полномочиями, и как человек, я искренно стремился достигнуть мирного соглашения. Тяжесть сознания в неуспехе моих стараний усиливается горькою мыслью, что быть может мои способности оказались недостаточны для достижения желанной цели. Но по совести свидетельствую пред вами, государь, перед Россией, пред народом дружественного государства, гостеприимно открывшего свои пределы для мирной конференции, и пред всем человечеством, что все силы разумения моего я положил на прекращение ужасной войны. Однако, каждому человеку, который достоин называться человеком, присуще чувство любви к отечеству. Это чувство не позволило мне принять на себя ответственность за мирные условия, не соответствующие достоинству народа, к которому я имею счастье принадлежать. В скорбной мысли о неуспехе возложенной на меня гуманной задачи, я утешаюсь надеждой, что провидение, зная искренность мирных побуждений России, поможет нашей родине прекратить войну, не роняя своей чести.

Витте.

№ 54. Телеграмма В. Н. Коковцева С. Ю. Витте

от 8/21 августа 1905 г.

Ваши телеграммы 15, 19, 22 мне стали известными только вчера днем. Старания мои склонить на совещание при участии Сольского

---

[1]) Как черновой набросок, так и переписанный от руки беловой текст этой телеграммы—не вшиты в дело № 148. Обычной пометы («отправлена такого-то числа») нет. Можно догадываться, что телеграмма была составлена 4—6 августа. 6 августа Витте писал Ламздорфу: принимая во внимание резолюцию государя на моей телеграмме от 4 августа [*к Ламздорфу—Ред.*] (сказано было—«ни пяди земли, ни рубля уплаты военных издержек. На этом я буду стоять до конца»), считаю, что дальнейшие переговоры будут совершенно бесполезны (см. «Оранж. книга», стр. 142).—Черновой набросок сделан рукою Шипова.

и обер-прокурора св. синода едва ли увенчаются успехом. На телеграммах ваших была положена резолюция: «Ни пяди земли, ни копейки вознаграждения». Министру иностр. дел стоило не мало труда испросить у государя послать письменные запросы мне, военному министру, великому князю Николаю [1]) Я дал отзыв подробный, высказываясь против денежной уплаты в пользу уступки южной половины Сахалина, привел резкие соображения о гибельности дальнейшего ведения войны для наших финансов. Настроение государя упорное в смысле вышеупомянутой резолюции. Оно поддерживается, повидимому, сведениями, доходящими из армии. Окончательные указания министр иностр. дел [2]) только во вторник.

№ 55. Телеграмма С. Ю. Витте В. Н. Коковцеву

от 11/24 августа 1905 г.

Передайте совершенно лично графу Сольскому и Трепову следующее: думая всегда о пользе моего государя, не считаю себя в праве скрыть от вас, что по моему убеждению, для пользы государя было бы весьма важно, чтобы окончательные решения его величества относительно мирных условий были приняты в совещании под председательством государя, с участием хотя бы некоторого числа видных представителей сословий.

Витте.

№ 56. Телеграмма С. Ю. Витте В. Н. Коковцеву

от 12/25 августа 1905 г.

...прошу[3]) не представлять государю мои телеграмму, так как она совершенно частная и касается внутренней политики. Очень сожалею, что она не была понятна—но согласен, что при нашей неподвижности моя мысль, вероятно, не может быть осуществлена своевременно.

Витте.

№ 57. Письмо гр. Ламздорфа В. Н. Коковцеву

Копия.

Вторник 9 августа 1905 г. 10½ ч. веч.

Глубокоуважаемый Владимир Николаевич!

Мой доклад состоялся сегодня в 7 часов вечера, и я только-что вернулся сюда. С. Ю. Витте поручено заявить японским уполномоченным, что, если они не могут отказаться от своих чрезмерных при-

---

[1]) Вся переписка с названными лицами напечатана в «Оранж. книге» стр. 143—161.

[2]) Одно слово не разобрано; вероятно: «получит» (*Б. Р.*).—См. ниже № 59.

[3]) Одно слово не разобрано.

тязаний, то нам, к сожалению, невозможно будет продолжать переговоры [1]). При этом следует прервать переговоры на вопросе о контрибуции, а не о Сахалине, так как в первом—общественное мнение в Америке и сам Рузвельт за нас, а во втором, находят, что японцы, заняв Сахалин, имеют право требовать его уступки [2]). Государь остается твердо при своем решении, известном вам из высочайших помет. Завтра в 4 ч. пополудни, его величество примет американского посла, имеющего передать государю личное сообщение от президента Рузвельта.

Простите это маранье, я страшно устал.

До свиданья. Вам искренно преданный

Ламздорф.

Копия.

№ 58. Письмо гр. Ламздорфа В. Н. Коковцеву

Четверг веч. 11 августа 1905 г.

Глубокоуважаемый Владимир Николаевич!

Сергею Юльевичу сегодня только сообщено, для сведения, содержание вчерашнего разговора государя императора с американским послом [3]).

Следует выждать, как отнесется президент Рузвельт к тому, что его величество поручил г. фон-Ленгерке Мейеру ему передать. Следующее заседание конференции в Портсмуте отложено до субботы. Сергея Юльевича мы просим не слишком торопиться, так как ход столь важного дела нельзя ставить в зависимость от общего нетерпения знать, чем чатся переговоры: nous sommes encore dans l'incertain!

Если позволите, то мы соберемся завтра совсем запросто, в сюртуках.

Вам совершенно преданный

Ламздорф.

№ 59. Телеграмма В. Н. Коковцева С. Ю. Витте

от 12 августа 1905 г.

Поручение ваше в телеграмме 11 августа мною исполнено. Председателю департамента экономии послано на виллу письмо с экстренным курьером. С генерал-губернатором переговорил лично. Он просит, чтобы мною было сообщено вам, что решительно не считает себя в праве передать его величеству вашу мысль, думает, что последнее слово государя сказано уже в 2-часовой беседе, с американским послом 10 августа и весьма опасается, что его вмешательство может вы-

[1]) «Ор. кн.» № 147.
[2]) «Ор. кн.» № 150.
[3]) «Ор. кн.» № 161.

звать крайне неблагоприятные последствия. В частности Трепов просит передать вам, в виду того, что он не вполне усвоивает себе, каких видных представителей сословий вы разумеете и насколько возможно по ходу переговоров отсрочить передачу окончательного решения на то время, которое потребовалось бы его величеству на совещание с представителями сословными. Ввиду такого ответа генерал-губернатора прошу телеграфировать мне, уполномочиваете ли вы меня представить вашу телеграмму вместе с копией этой моей телеграммы государю императору. Для личного сведения вашего сообщаю, что вчера на всеподданнейшем моем докладе государь император прямо мне сказал, что готов уступить южную половину Сахалина, но ни в каком случае не согласен на выкуп северной, ибо по словам его всякий молодец поймет, что это—контрибуция. На замечание мое, допустит ли государь уплату содержания пленных и передачу Японии суммы, которая может быть уплачена Китаем за уступаемую часть жел. дороги, государь ответил, что на это, конечно, согласится, если уплата за пленных будет заявлена добросовестная и будет отвечать действительным расходам по их содержанию и лечению. Относительно же суммы, причитающейся за уступаемую часть южной ветви жел. дороги,—что он никаких претензий на получение этих денег Россией не имеет и готов предоставить их Японии. Жду ваш ответ, не смею, конечно, высказывать вам совета, но, видя здешнее настроение, не ожидаю, чтобы ваша мысль о совещании представителей сословий встретила здесь сочувствие.

Коковцев.

№ 60. Письмо гр. Ламздорфа В. Н. Коковцеву.

Копия.

Суббота 13 августа 1905 г

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Николаевичъ

Вследствие полученного мною вчера вечером от государя императора письма, я ночью протелеграфировал Сергею Юльевичу высочайшее повеление объявить сегодня же японским уполномоченным, что его величество не признает возможным делать какие-либо новые уступки [1]). Мы можем à la rigueur согласиться на предоставление Японии занятой ею южной части Сахалина, но за остающуюся в нашей власти северную часть не заплатим ни гроша и вообще не отступим от сделанного уже нами категорического заявления, что Россия военной контрибуции *ни* под каким видом *не* заплатит.

Это наше последнее слово.

Посмотрим, что на это ответят японцы и как отнесутся к этому их заимодавцы, американцы и C-ie?

До свидания. Вам совершенно преданный

Ламздорф.

[1]) «Ор. кн.» № 169.

№ 61. Телеграмма И. П. Шипова министру финансов

от 16/29 августа 1905 г.

Условия: отказ Японии контрибуции, судов, ограничения морских сил, уступка нами Сахалина по 50-ю параллель, остальные, как известно. Телеграфировано правительствам прекращении военных действий и поручении главнокомандующим заключить перемирие. Полное согласие японцев для всех здесь совершенная неожиданность. Все было готово нашему отъезду. Ожидали условного телефонного сообщения для окончательных сборов. Интересно сравнить условия вашим письмом Ламздорфу начале июня, на котором милостивая резолюция государя [1]). Точно этим письмом продиктованы основания мира. Среди иностранцев и американцев живая радость. Русских приветствуют. Японцы имеют сконфуженный вид. Радости не разделяем, но скорбно вздохнули с облегчением. Сейчас идет заседание всеми делегатами.

Шипов.

№ 62. Телеграмма И. П. Шипова министру Финансов

от 16/29 августа 1905 г.

Conference arrived complete accord all questions decided proceed elaboration treaty peace.

Shipoff

№ 63. Телеграмма И. П. Шипова А. И. Путилову

от 16/29 августа 1905 г.

Mercredi. Просит Миллера помещать отзывы японских газет относительно условий мира. Японцы, повидимому, возмущены. Это послужит необходимым противовесом отзывам наших крайних газет.

Шипов.

№ 64. Телеграмма И. П. Шипова А. И. Путилову

от 17/30 августа 1905 г.

Телеграфируйте личные впечатления, настроения правящих кругов, общественного мнения Петербурге и провинции.

Шипов.

№ 65. Телеграмма В. Н. Коковцева С. Ю. Витте

от 17/30 августа 1905 г.

Приветствую с довершением порученного вам великого дела. Какие бы ни были взгляды на условия мира, мы получили возможность вернуться к мирным, хотя тяжелым, трудам. Потомство оценит ваши

[1]) Имеется в виду доверительное письмо Коковцева Ламздорфу от 20 июня в ответ на запрос последнего о материалах для инструкции уполномоченному, напечатанное здесь под № 11.

усилия; для меня лично, среди моих давних разочарований, служит великим утешением мысль, что, приняв финансы, поставленные вами, я возвращаю их не поколебленными войной и что господь поможет не сходить с пути ни из-за личных увлечений, ни под давлением роковых невзгод.

Коковцев.

№ 66. Телеграмма С. Ю. Витте В. Н. Коковцеву

от 17/30 августа 1905 г.

Очень благодарен за сочувственное слово. Сделал возможное. На благодарность ни от кого никогда не рассчитывал. Уверен, что теперь вы в скором времени приведете финансы в порядок.

Витте.

№ 67. Телеграмма С. Ю. Витте В. Н. Коковцеву

от 18/31 августа 1905 г.

Как поступить в случае серьезных предложений займа? Приезжал Вандерлип (еще до мира) [1]) говорить о займе на случай мира. Если признаете желательным, могу заняться главными основаниями. Но задержаться не могу и разработку всех подробностей, думал бы, поручить Шипову и его сотрудникам.

Витте.

№ 68. Телеграмма А. И. Путилова И. П. Шипову

от 18/31 августа 1905 г.

Прошу телеграфировать, в какой сумме может приблизительно выразиться уплата Японии содержания пленных, в чье владение Китая или Японии поступает южный участок К.-В. дороги, нельзя ли железнодорожную ветвь на Фушунь показать собственностью владельцев фушунских копей, дабы сохранить на них право собственности русского правительства.

Путилов.

№ 69. Телеграмма И. П. Шипова А. И. Путилову

от 18/31 августа 1905 г.

Доложив Витте, сообщаю: сумма неизвестна, будет подлежать уплате лишь, что действительно израсходовано, за вычетом наших соответственных расходов. По этому вопросу Витте вчера телеграфировал Ламздорфу [2]). Южная ветвь поступает Японии, так как передача

---

[1]) Слова в скобках вычеркнуты в черновике.

[2]) «Ор. кн.» № 189.

Китаю свелась бы к тому же. О Фушуне и других вопросах частного права Витте не будет вести переговоров, находя, что, пока не разрешены важнейшие дела, взаимно не улеглись страсти и не разошлись армии, возбуждение подобных вопросов затянет дело, вызовет раздражение. Впрочем, предполагается общая оговорка о сохранении прав частной собственности.

Шипов.

№ 70. Телеграмма В. Н. Коковцева С. Ю. Витте

от 19 августа 1905 г.

Очень прошу обсудить общие и главные основания займа в Америке. Буду сердечно благодарен вам за все, что вы сочтете возможным сделать в этом направлении.

Коковцев.

№ 71. Телеграмма А. И. Путилова И. П. Шипову

от 19 августа 1905 г.

Ссылаясь на последнюю вашу телеграмму, прошу телеграфировать, следует ли теперь же оформить принадлежность железнодорожной ветви на Фушунь владельцам копей или в договоре бу ет оговорена передача ее японцам.

Путилов.

№ 72. Телеграмма А. И. Путилова И. П. Шипову

от 19 августа (1 сентября) 1905 г.

О настроении провинции печати сообщено С.-Петербургским агентством [1]). Радостные сообщения из провинции продолжают поступать; печать, кроме «Гражданина», «Биржевых Ведомостей», высказывается очень сдержанно, даже либеральные газеты, приветствуя мир, считают его тяжелым. Промышленные сферы превозносят мир. К Витте в публике отношение различное, газеты признают заслуги С. Ю. Витте. Многих смущает своим размером сообщаемая цифра 150 миллионов за содержание пленных, чем и был вызван вчерашний запрос. Государь во время разговора с м-ром фин. сказал, что не дал еще себе отчета совершившемся. В первую минуту, когда пришла весть о мире на условиях никем иным, как им, установленных он испытал тяжелое чувство, но когда запр. [2]) стал получать массу приветственных телеграмм, из которых особенно трогательны телеграммы императоров Германии и Австрии, то [1]) подумал, что поступил хорошо, согласившись на мир с уступкой половины Сахалина. Ведь [1]) потоков крови,

---

[1]) Один шифр не разобран.

[2]) Так в дешифрованном тексте; вероятно: «затем». (Б. Р.)

которая пролилась бы, государь опасается, только как примет мир армия, когда обесславленная вернется назад? Из других источников знаю, что государь, повидимому, доволен С. Ю. Витте. Императрица не находит слов для похвал ему. Даже великий князь Александр Мих. сказал: «Какой молодец Витте!».

Путилов.

№ 73. Телеграмма И. П. Шипова А. И. Путилову

от 20 августа (2 сентября) 1905 г.

Dans traité il y aura article suivant: La Russie s'engage à ceder au Japon, sans compensation à condition du consentement du gouvernement de Chine le tronçon du chemin de fer entre пока пропуск [1]) et Port-Artour et tous ses embranchements avec tous les droits, privilèges et proprietés qui lui apportiennent dans cette région ainsi que toutes le mines de charbon qui se trouvent dans la même région appartenant au chemin de fer ou en exploitation pour son profit. Если при существовании этой статьи можете отстоять Фушунь и другие предприятия, то делайте все возможное. *Шипов.*

Перевод.

В договоре будет такая статья: Россия обязуется уступить Японии без компенсации, при условии согласия китайского правительства, железнодорожную полосу, отчуждения между пока пропуск [1]) и Порт-Артуром и всеми ее ветками со всеми правами, привилегиями и владениями, которые ей принадлежат в этой области, равно и все угольные копи, которые находятся в этой полосе и принадлежат железной дороге или разрабатываются ею для своего пользования.

№ 74. Телеграмма И. П. Шипова А. И. Путилову

от 20 августа (2 сентября) 1905 г.

Послезавтра уезжаю в Нью-Йорк с Бергом. Остановлюсь в Hotel St. Regis. Беру шифры кредитный и Синорусса. Остальные Батшевым остаются с Витте.

Шипов.

№ 75. Телеграмма С. Ю. Витте В. Н. Коковцеву

от 24 августа 1905 г.

Комура, уезжая из Портсмута, выдал губернатору 10.000 долларов от японского правительства на бедных. Я считаю безусловно необходимым сделать то же. Так как Комура выдает еще другие суммы

[1]) В тексте договора: «Куан-чензы».

на благотворительность, прошу, кроме этого кредита, открыть мне еще кредит в 500.000 долларов на ту же потребность в том числе на русскую церковь. Прошу спешно ответа [1]).

Витте.

№ 76. Телеграмма В. Н. Коковцева С. Ю. Витте

от 25 августа 1905 г.

Вследствие вашей телеграммы я сделал распоряжение об уплате вам в Нью-Йорке у Моргана 60.000 долларов, полагая, что показанная в телеграмме цифра 500.000 долларов искажена на телеграфе, и не считая себя в праве перевести вам своим распоряжением миллион рублей.

Коковцев.

№ 77. Телеграмма С. Ю. Витте В. Н. Коковцеву

от 26 августа (8 сентября) 1905 г.

Завтра, субботу сообщаю президенту о высочайшей воле прекратить взимание повышенных пошлин с некоторых предметов американского производства. Прошу об этой мере экстренно распубликовать собрании узаконений и сообщить таможням.

Витте.

№ 78. Телеграмма С. Ю. Витте В. Н. Коковцеву

от 26 августа (8 сентября) 1905 г.

В моей телеграмме о деньгах я испрашивал 10.000 долларов на бедных Портсмута и 15 тысяч на другие расходы по благотворительности, т.-е. всего 25 тысяч, а не 500.000, как искажено телеграфом. Я думаю, что более этого собственно на благотворительность и не придется тратить. Если предшествующая телеграмма моя доложена государю, прошу довести до сведения его величества и эту.

Витте.

№ 79. Телеграмма И. П. Шипова министру финансов

от 27 августа (9 сентября) 1905 г.

С. Ю. Витте просил вас предупредить, что он очень доволен Виленкиным и находит его совершенно соответствующим занимаемой должности, но признает неудобным вести переговоры с Морганом при участии Виленкина, в виду родства с фирмой, Моргану враждебной.

Шипов.

---

[1]) Помета рукою Коковцева: «Повидимому, ошибка: ведь это 1 м. р., откройте 60 тыс. долларов».

№ 80. Телеграмма А. И. Путилова И. П. Шипову

от 27 августа (9 сентября) 1905 г.

Благоволите сообщить, когда Сергей Юльевич Витте предполагает возвратиться в Петербург, и долго ли в нем останется?

Путилов.

№ 81. Телеграмма И. П. Шипова А. И. Путилову

от 27 августа (9 сентября) 1905 г.

С. Ю. Витте предполагает возвратиться в Петербург между 15 и 20 сентября, остаться недолго и уехать на продолжительное время.

Шипов.

№ 82. Телеграмма С. Ю. Витте В. Н. Коковцеву

от 27 августа (9 сентября) 1905 г.

Сегодня в первый раз имел деловой разговор с Морганом [1]), который, по общему мнению, самая солидная денежная сила в Америке, таковой признается в высших финансовых сферах Европы и к тому же, во все время войны не принимал и не желал принимать никакого участия в делах Японии. Он находит, что Америка в последнее пятилетие начала делаться мировым банкиром, каковыми операциями прежде не занималась, что при том огромном росте свободных капиталов, который будет еще увеличиваться, скоро Америка сделается главнейшим банкиром мира. Полагая, что это мнение имеет некоторое основание, я, с своей стороны, во всяком случае, нахожу, что России необходимо водвориться на американском рынке, дабы приобрести большую свободу в действиях. Прежде мне это не удавалось—теперь наступило время, когда это возможно достигнуть. Для этого, по основательному мнению Моргана, нужно прежде всего приучать публику к русским фондам. Для сего было бы неудобно на первый раз делать специальный заем в Америке. Сначала она должна лишь принять серьезное участие в русском интернациональном займе. Когда таким путем русские фонды войдут в оборот, то легко будет, по мнению Моргана, делать большие специальные русские займы в Америке. Поэтому он предлагает принять широкое участие в займе вместе с французами или с немцами, или одновременно и с теми и другими, последнее по моему мнению едва ли достижимо, и, со своей стороны, привлечь к операции и Лондон, где он имеет прямые связи. Он находит, что при первой операции нужно дать специальные выгоды американскому рынку. Затем он мне сказал, что, впрочем, мне было хорошо известно, что если пожелаем его участия, то он в отношении Америки никаких

[1]) Свидание и беседа Витте с Морганом описаны в «Дневнике» Коростовца под 26 августа. Ср. также «Воспом»., I, 362—364.

других банкиров не допускает, желая все принять на свою ответственность—и, конечно, рассчитывает, что раз начинают переговоры с ним, то не будут в Америке вести переговоры с другими—покуда будут делать операции с ним, не будут иметь дела с другими. Он полагает, что операцию в Америке удобно делать в начале следующего года, когда деньги дешевеют, но, если нужно, то готов принять участие и ранее. Для этой цели он готов сам лично приехать в Европу для переговоров с банкирами и вашими уполномоченными или прислать Перкинса. Во всяком случае он готов вступить по этому предмету в предварительные переговоры с вами. Все изложенное я приму во внимание при предварительных переговорах согласно вашему желанию в Париже. Ввиду такого положения дела Шипов выедет со мною во вторник.

Витте.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ И ПРОЛИВЫ.

I.

Основной и наиболее характерной чертой внешней политики царской России, начиная с конца XVIII века, всегда и неизменно являлось стремление к получению свободного выхода из Черного моря. Случалось, что под влиянием каких-либо требований данного политического момента, стремление это стушевывалось и отходило на задний план, уступая свое место иным, иногда совершенно посторонним задачам,—но такое положение вещей всегда оказывалось временным и уже очень скоро, по миновании тех или иных обстоятельств, русская внешняя политика неизменно возвращалась к своей доминирующей задаче. Так случалось неоднократно и если широкой публике могло иногда казаться, что бывали моменты, когда Россия как будто бы навсегда отказывалась от задачи захвата проливов, то это происходило лишь потому, что весьма и весьма многие стороны царской дипломатии носили необычайно секретный характер и их окружал покров глубочайшей тайны, спавший лишь после того, как революция сделала доступными все тайники русских дипломатических архивов.

Та страшнейшая дипломатическая катастрофа, каковой оказался для России Берлинский Конгресс 1878 г., далеко не отбил у русской дипломатии охоты к проникновению на Ближний Восток и, если, благодаря столь характерному для 80-х г.г. увлечению среднеазиатскими делами, Россия Александра III как будто бы забыла о балканских делах [1]), то уже в первые же годы царствования его преемника мы имеем попытку возвращения к старым традициям русской внешней политики. Мы разумеем, ставший лишь недавно известным [2]), относя-

---

[1]) Для выяснения отношения правительства Александра III к вопросу о проливах, чрезвычайно характерен приводимый Вильгельмом II в его мемуарах (Вильгельм II. Мемуары. 1923, стр. 7) рассказ о том, как в ответ на сделанное им от имени германского правительства в конце 1886 г. предложение захвата Россией Константинополя и проливов, русский царь ответил, что если бы он захотел овладеть Стамбулом, он бы его взял, а в разрешении или согласии Бисмарка он не нуждается.

[2]) См. «Воспоминания» гр. С. Ю. Витте, т. I, стр. 88—93 (по Берлинскому изданию) и документы, опубликованные М. Н. Покровским в I т. «Красного Архива» за 1922 год, стр. 152—162.

щийся к началу 1897 г.,[1]) проект захвата Верхнего Босфора путем неожиданного десанта русских войск, почти совершенно подготовленный (десантный отряд был уже сформирован) и не состоявшийся лишь по каким-то не вполне выясненным причинам [2]). И если в последовавшие затем годы внимание русских правящих сфер было отвлечено перспективой быстрого и безболезненного захвата (экономического и территориального) Дальнего Востока [3]), то уже немедленно вслед за катастрофической ликвидацией дальне-восточной авантюры происходит новая переоценка ценностей, и все внимание русской дипломатии снова сосредоточивается на старом, но вечно новом, вопросе о проливах.

Как известно из недавно опубликованных документов [4]), в 1908 и 1911 г.г. (в связи с турецкой революцией и итало-турецкой войной из-за Триполи) русское правительство путем дипломатических переговоров пыталось добиться разрешения прохода через проливы военных судов прибрежных черноморских держав, но попытка эта рушилась из-за упорного сопротивления со стороны английской дипломатии.

А между тем связанные с триполитанской войной события сделали вопрос о проливах более острым, чем когда бы то ни было до того. Если до этого времени вопрос рассматривался глави. обр. с чисто стратегической точки зрения (ибо, уже начиная с Кучук-Кайнарджийского договора 1774 г. право прохода русских торговых судов через проливы стояло вне всякого сомнения), соответственно чему предоставление России права проведения через проливы своих военных судов являлось вполне приемлемой для нее комбинацией, то связанное с итало-турецкой войной временное закрытие проливов для прохода *коммерческих* судов меняло все положение вещей. За первую половину 1912 года вывоз из России хлебов и хлебных продуктов понизился, по сравнению с 1911 г., на 172 милл. рублей или на 45%, и вполне понятно, что русская буржуазия и русское правительство не могли на это спокойно смотреть. Неоднократные протесты русской дипло-

---

[1]) Опубликованные в «Красном Архиве» документы относятся к началу 1897 г., Витте говорит о конце 1896 года, а С. Д. Сазонов в своем докладе Николаю II (речь о котором будет ниже) от 23 ноября 1913 г., говорит о 1895 г.

[2]) С. Ю. Витте говорит о воздействии на царя благотворного влияния какого-то лица, а С. Д. Сазонов в своем докладе Николаю II от 23 ноября 1913 г. объясняет отказ русского правительства от своих намерений отсутствием у него количества транспортных средств, достаточного для перевозки десанта; при этом Сазонов утверждает, что весь план было предположено осуществить с *согласия Англии*. Опубликованные в «Красном Архиве» документы решительно противоречат этому последнему утверждению.

[3]) Впрочем, даже и в этот период русские правительственные круги (не исключая и самого Николая II) не забывали совершенно и о проливах. См. по этому поводу дневник А. Н. Куропаткина («Красный Архив», т. II, стр. 31 и 75).

[4]) Материалы по истории франко-русских отношений 1910—1914 г.г. Изд. Н. К. И. Д., 1922.

матии против закрытия проливов не достигли никакого результата, а возможность повторения такого положения вещей каждый раз, когда Турция будет находиться в состоянии войны (что действительно случилось во время Балканской войны 1912—1913 г.г.) само собой указывало на недостаточность прежнего плана решения вопроса о проливах. Открытие проливов для прохода русских военных судов, очень важное в стратегическом отношении, с точки зрения экономической ничего не изменяло—соображения экономики требовали или полного завладения проливами или их нейтрализации. Поскольку же последняя комбинация оказывалась неудобной стратегически, оставалось только одно—полное завладение.

Таким образом дипломатическая неудача 1911 года не могла остановить стремления русской дипломатии к пересмотру вопроса о проливах—как раз наоборот, именно к началу 1912 года вопрос этот оказывался поставленным гораздо острее, чем когда бы то ни было, и вся внешняя политика России в этом году является не чем иным, как попыткой разрешения этой задачи.

Но новые цели требовали и новых средств. Захват проливов проще всего можно было бы осуществить при помощи войны с Турцией, но во-первых, оставался все тот же вечный вопрос об отношении Англии, а во вторых, война с Турцией могла вызвать и войну с Австро-Венгрией. К этой войне русское правительство в 1912 г. еще не считало себя готовым; да к тому же и французское правительство, устами своего премьера Пуанкарэ, заявило (летом 1912 года), что «французское общественное мнение не позволяет Правительству Республики решиться на военные действия из-за чисто балканских вопросов, если Германия останется безучастной и не вызовет по собственному почину применения Casus foederis» [1]). Оставался только один способ—загребать жар чужими руками, и с этой-то целью русская дипломатия весной и летом 1912 г. основывает Балканский Союз, направленный против Турции и Австро-Венгрии [2]).

Впрочем, основывая Балканский Союз, русская дипломатия не особенно верила в силу союзников и смотрела на их армию лишь как на авангард, долженствующий прочистить дорогу к Константинополю русским войскам в тот момент, когда окончательно выяснится, что Турция чересчур слаба, чтобы оставаться в Европе, а союзники недостаточно сильны, чтобы явиться ее наследниками. Вполне понятно, что при такой точке зрения неожиданно быстрые успехи союзников отнюдь не могли обрадовать русское правительство, а молниеносное продвижение болгар к Константинополю поставило всю хитроумную политику русской дипломатии под угрозу катастрофической развязки.

---

[1]) Доклад С. Д. Сазонова царю от 4 авг. 1912 г. «Материалы», стр. 259.

[2]) Не касаясь истории создания Балканского Союза, отсылаем интересующихся к статье С. Сигриста в № 3 «Русского Прошлого».

Однако нет такого яда, от которого бы не нашлось противоядия. Приближение болгарской армии к столице Оттоманской империи вызвало среди населения этой последней вполне понятное волнение, в результате которого европейские державы поспешили отправить в Константинополь свои военные суда «для защиты христианского населения». Вот за это-то и ухватилось русское правительство.

Телеграммой от 20 октября 1912 г. за № 292 [1]) морской министр, адмирал И. К. Григорович, сообщил командующему черноморским флотом, что «по сообщению министра иностранных дел, в виду ожидаемой анархии в Константинополе, возможна посылка туда отдельных судов и даже всего флота» и вслед за этим два русских военных судна были действительно отправлены в Константинополь. Однако уже очень скоро эта мера показалась недостаточной и, после того как вечером 24 октября турецкая армия была разбита болгарами у Чорлу и отошла на линию так называемых Чаталджинских позиций, русскими правительственными кругами овладела полная паника. В 1 час 30 мин. ночи с 25 на 26 октября адм. Григорович телеграфирует за № 320 Николаю II, находившемуся в это время в Спале: «Всеподданнейше испрашиваю соизволения вашего императорского величества разрешить командующему морскими силами Черного моря иметь непосредственное сношение с нашим послом в Турции для высылки неограниченного числа боевых судов или даже всей эскадры, когда в этом наступит надобность, по требованию гофмейстера Гирса. Мера эта вызывается желанием ускорить исполнение распоряжений, не ожидая сношений с Петербургом. Настоящий доклад представляю на обращенную ко мне просьбу министра иностранных дел, одобренную председателем совета министров» [2]).

Эта телеграмма, повидимому, повергла Николая II в такую же панику, в какой находились и его министры, ибо уже в 10 час. 32 мин. утра 26 октября он отвечает телеграммой на имя морского министра: «С самого начала следовало применить испрашиваемую меру, на которую согласен. Николай» [3]).

Для какой же цели русский флот должен был быть отправлен в Константинополь? Ответ на это мы находим в докладе С. Д. Сазонова к Николаю II, составленном полгода позднее, 16 марта 1913 года, когда положение на Балканах (в связи со взятием болгарами Адрианополя) сделалось опять очень тревожным, и Сазонов просил о восстановлении права, предоставленного М. Н. Гирсу телеграммой 26 октября:

«Вызов эскадры мог бы обусловиться как необходимостью принять меры к ограждению мирного христианского населения Константинополя во время беспорядочного отступления турецкой армии,

---

[1]) Дело мор. ген. штаба по 2-й опер. части под названием «Об особых операциях по Балканской войне 1913 г.». Архив военно-морской Исторической Комиссии по изучению опыта войны 1914—1918 г. г. на море (Мориском) № 606.

[2]) Там же.

[3]) Там же.

так и желательностью, чтобы в случае вступления болгарской армии в Константинополь, в водах Босфора находилась внушительная русская сила, способная своим присутствием оказать нужное давление для предотвращения таких решений вопроса о Константинополе и проливах, кои были бы несовместимы с интересами России» [1]).

Но если в докладе министра иностранных дел говорилось, таким образом, лишь о предотвращении нежелательного для России решения вопроса о Константинополе и проливах, то несравненно дальше идет следующий, датированный 20 октября 1912 г., необычайно интересный документ, воспроизводимый нами полностью:

М. М.
Морской ген. штаб
по 2-й опер. части,

Справка.

«В виду возможности наступления анархии в Константинополе и вместе с нею опасности избиения христианского населения, вероятно, придется послать туда военно-морские силы.

Для охраны на берегу посольства и вообще наших интересов, конечно, надо будет сделать десант, для того же, чтобы не ослаблять судовые команды, желательно иметь для этой цели на судах некоторые части с пулеметами.

Кроме того, надо быть готовым к тому, что этот первый десант окажется слишком слабым, если анархия перейдет в революцию со всеми ужасами. В этом случае другие государства, разумеется, поспешат отправлением на Босфор своих отрядов, как это имело место во время боксерского восстания.

Пользуясь нашей близостью к Константинополю, нам легче всего послать нужные силы и в более значительном числе, чем другим государствам, а главное раньше других и тем приобрести первенствующее значение в дальнейших переговорах.

Очень было бы важно воспользоваться малейшим предлогом и перебросить хотя небольшой отряд на европейский берег Босфора, заняв Буюк-Дере, хотя бы для того, чтобы обеспечить безопасность нашего охранного отряда в Константинополе и служить для него резервом.

Оккупацию Верхнего Босфора можно было бы затянуть на очень долго и тогда легче будет там остаться навсегда [2]).

---

[1]) Там же.

[2]) С этим чрезвычайно любопытно сравнить следующий абзац из уже цитированного доклада С. Д. Сазонова от 16 марта 1913 г.: «..... в случае появления нашего флота в Константинополе, мы могли бы одновременно, в предупреждение *ложных* толкований, огласить в печати, что наши военные суда останутся в во-

Твердое же занятие Верхнего Босфора уже на половину разрешает наболевший вопрос о проливах.

Если бы для такого выступления подходящего предлога не оказалось бы, то его надо создать искусственно, имея в виду громадное государственное значение для нас Верхнего Босфора, если не будет возможности овладеть всеми проливами»[1]).

Итак план русского правительства (если не министерства иностранных дел, то во всяком случае военно-морского ведомства) обрисовывается с полной ясностью и удивительно напоминает уже известный план 1896—1897 г.г. — воспользоваться возможными беспорядками в Константинополе (а если они не произойдут, то и спровоцировать их) с тем, чтобы захватить Верхний Босфор и остаться там навсегда. Почему же этот план не был приведен в исполнение?

Прежде всего следует указать на то, что дальнейший ход Балканской войны не благоприятствовал видам русского правительства. Туркам, как известно, удалось надолго закрепиться на Чаталджинской позиции и возможность вторжения болгар в Константинополь оказалась, таким образом, временно отложенной. Но с другой стороны, мы уже знаем, что русский план мотивировался не только этой опасностью, но и просто желанием воспользоваться удобным случаем для осуществления традиционных стремлений царского правительства. В чем же заключается причина отказа России от ее хитроумных намерений?

Причина эта та же самая, которая заставила ее отказаться и от плана 1896—1897 г.г. Необходимое условие успешности плана заключалось в том, чтобы притти в Константинополь первыми (что и отмечается в цитированном выше документе), а между тем печальное состояние транспортных средств черноморского флота делало это условие весьма трудно-осуществимым. Еще за полтора года до этого, в январе-марте 1911 года, особое совещание, заседавшее при морском генеральном штабе признало невозможность (благодаря недостаточности транспортных средств) десантной операции у Босфора [2]) и весьма вероятно, что как только русское правительство в октябре 1912 года стало готовиться к производству такой операции, оно оказалось поставленным лицом к лицу с такими трудностями, которые заставили отказаться от всего плана [3]).

дах Босфора лишь то время, которое пройдет до выяснения окончательных условий мира, после чего они вернутся в Россию» *(курсив наш. Я. З.)*. Кто же кого обманывал—морское ведомство Сазонова, Сазонов—Николая, или все друг друга?

[1]) Мориском, дело № 606.

[2]) Дело мор. ген. штаба по 2 опер. отдел. под названием «Планы войны на Черном море». Мориском, № 531.

[3]) Правильность такого объяснения доказывается следующими словами доклада С. Д. Сазонова Николаю II от 23 ноября 1913 г.: «В минувшем году, когда зашла речь о возможном движении наших войск на Константинополь, выяснилось, что в течение двух месяцев мы можем постепенно перевезти два корпуса, при чем приготовления по мобилизации транспортных судов и подвозу войск

Как бы то ни было, но к середине ноября план о походе на Босфор был, повидимому, оставлен, а начавшиеся в это время мирные переговоры между Турцией и союзниками (перемирие было заключено 22 ноября) ставили перед русской дипломатией новую задачу—воспользоваться этими переговорами для осуществления своих ближневосточных задач. Каковы же были в этот момент предположения русских правительственных кругов?

Перед нами датированный 25 ноября 1912 г. документ, составленный начальником 2 оперативного отделения (специально ведающего делами Черного моря) морского генерального штаба старшим лейтенантом Немицом и озаглавленный «Объяснительная записка. Вопрос о политических задачах России при ликвидации славяно-турецкой войны с военно-морской точки зрения» [1]).

Первое и самое главное, что бросается в глаза при ознакомлении с запиской Немица, это полная и решительная, по сравнению со всеми более ранними трактующими вопрос о проливах записками, перемена той исходной точки зрения, с которой автор подходит к изучению рассматриваемого вопроса. Если до сих пор все авторы этих записок подходили к вопросу о проливах с точки зрения стратегической — обеспечения безопасности Черного моря, то нам уже приходилось указывать, что происшедшее в 1911 —12 г.г. закрытие проливов для прохода *коммерческих* судов и последовавшие, благодаря этому, громадные убытки для русской торговли должны были не только значительно усилить остроту вопроса о проливах, но и кардинально изменить исходную точку зрения. И записка Немица полностью подтверждает это предположение—ни единым словом не упоминая о стратегическом значении проливов, Немиц обращает все свое внимание на их экономическую важность для России и полагает, что существующее «политическое положение в высшей степени невыгодное и столь же унизительное, какого бы не потерпела ни одна промышленная страна. Будучи страною великою и становясь страною промышленною, рано или поздно Россия принуждена это положение изменить: о б е с п е ч и т ь з а с о б о ю б е з у с л о в н о и д л я в с я к о г о в р е м е н и с в о б о д у т о р г о в о г о п л а в а н и я н ы н е т у р е ц к и м и п р о л и в а м и».

Эта стоящая перед Россией задача должна, по мнению Немица, диктовать ей необходимое для ее осуществления поведение.

«Поскольку величие России больше национального значения какой-нибудь Сербии и поскольку это величие нашего отечества и его насущные материальные нужды ближе для русских людей, чем выгоды какой-нибудь Сербии или иной Балканской державы, постольку выход России в Средиземное море больше заслуживает забот русской

заняли бы столько времени, что операция не могла бы остаться ни для кого неожиданной. Иными словами, она просто оказалась неосуществимой».

[1]) Мориском, № 531.

власти и русского общества, чем интересы Сербии и балканских государств, за которые однако Россия бывает готова заступиться, встав во весь свой громадный рост [1]).

Таким образом, для морской стратегии совершенно ясно, какой «политический объект» диктуют здесь России ее военно-морские задачи: этот политический объект есть приобретение морского выхода для отечества в Средиземное море и его там полное упрочнение, чрез овладение и присоединение к территории русского государства проливов Босфора и Дарданелл с прилегающими к ним частями Европы и Малой Азии».

Эта задача уже давно стоит перед Россией, но до сих пор осуществление ее наталкивалось на сопротивление со стороны Англии и Германии, вследствие чего до сих пор Россия оказывалась вынужденной ждать, «уверенная, что неизбежный ход истории восстановит... ее право великой державы». Но происшедшие за последние месяцы события решительно изменили, по мнению Немица, все положение вещей и диктуют России новую линию поведения.

«Освобождение балканского славянства ныне закончено, и, быть может, мы находимся при вратах создания всеславянского могущественного в Европе союза.

Россия только радуется новому великому историческому явлению.

Но вместе с тем стал на очередь разрешения и большой политический вопрос о турецких проливах — вопрос для нас не *общеславянский*, а *чисто русский*, как то изъяснено выше».

Вопрос о проливах может, по мнению Немица, быть разрешен в трех формах. «Но уже раньше их разбора и рассмотрения можно поставить общий ответ—общее положение, которое должно быть, на основании вышеизложенного, соблюдено во всяком случае.

Этот общий ответ формулируется следующим образом.

В свое время России необходимо овладеть обоими, ныне турецкими, проливами—Босфором и Дарданеллами. Это конечная политическая цель России на юге Европы, неизменный вплоть до овладения им «политический объект» для всех стратегических усилий России в южных морях.

Если же по политическим условиям текущего исторического момента присоединение к территории Русского государства обоих турецких проливов *сейчас* невозможно, то общее положение, которое должно быть положено в основание всех ныне очередных военно-политических вопросов, связанных с этими коренными вопросами, заключается в следующем.

---

[1]) Невозможно обойти молчанием наивность Немица: неужели же он серьезно полагал, что русская внешняя политика диктуется интересами балканских государств? Во всяком случае интересно отметить, что на полях данного места записки Немица рукой начальника мор. ген. штаба кн. Ливена сделана пометка—«Не надо таких выражений в серьезной бумаге».

Все, что может в будущем облегчить для России овладение Босфором и Дарданеллами и может быть приобретено дипломатическим путем, сейчас желательно приобрести, желательно в высшей мере; все то из возможных приобретений, что не облегчит этого будущего овладения проливами, но не создает для него препятствий,—допустимо, но не имеет серьезного для России значения с военно-морской точки зрения; и, наконец, все то, что упомянутому будущему овладению Россией проливами Босфора и Дарданелл может создать препятствие,—недопустимо ни в коем случае».

Что же касается трех возможных, по мнению Немица, в настоящий момент форм разрешения вопроса о проливах, то они заключаются в следующем.

I. Проливы остаются под властью Турции с правом последней возводить на них оборонительные сооружения и с правом прохода через проливы военных судов *одной только России*, т.-е. то, к чему Россия стремилась во время переговоров 1908 и 1911 г. г. [1]). При этом решении, по мнению Немица, хорошо то, что проливы остаются под властью Турции (ибо это лучше, чем если бы они перешли к какому-нибудь другому государству, включая сюда и Болгарию), но предоставление Турции права их укрепления может сделать привилегию России чисто иллюзорной. Такое положение фактически не изменит statu quo, а между тем Россия будет вынуждена дать какие-либо компенсации за полученную привилегию.

II. Проливы открываются для военных судов *всех наций*, и их владелец лишается права их укрепления. При этом возможны два случая. Во-первых, проливы могут быть нейтрализованы международным актом и это, по мнению Немица, приведет к тому, что они будут навсегда потеряны для России. «Для России лучше иметь на Босфоре и Дарданеллах турецкие пушки, чем увидеть там представителей международной нейтрализации». Но возможен и иной выход—нейтрализация проливов устанавливается не международным актом, а договором их владельца с Россией. Такая комбинация, по мнению Немица, может быть выгодной для России, но лишь при следующих условиях: 1) оба берега проливов и Мраморного моря остаются в руках Турции и не могут быть переданы даже и славянским государствам, ибо для России выгодно, чтобы проливы находились в руках слабой державы и при этом такой, с которой Россия не связана национальными узами и 2) Россия должна иметь право контроля над невооружением проливов, для чего необходимо предоставление русским судам права прохода через проливы и стоянки в Босфоре и у обоих выходов из Дарданелл, т.-е. как в Мраморном, так и в Эгейском море.

III. Этот пункт отличается от второго случая второго пункта только тем, что в дополнение ко всем вышеперечисленным гарантиям,

[1]) Ибо хотя *формально* тогда говорилось о всех «прибрежных» государствах, но *фактически* (за отсутствием флота у Румынии и Болгарии) это означало одну только Россию.

Россия получает еще в собственность Верхний Босфор с правом его укрепления. Такое дополнение является, по мнению Немица, желательным, но лишь в том случае, если оно не вызовет в виде компенсации захвата Дарданелл какой-либо державой.

«Из всего вышеизложенного видно, что, с точки зрения военно-морской, вопрос о политических задачах России при ликвидации происходящей сейчас славяно-турецкой войны считался бы разрешенным удовлетворительно, если бы Россия приобрела непосредственно от Турции, без вмешательства в этот договор других европейских держав, право свободного плавания в любое время своих военных судов через проливы Босфора и Дарданелл; право оборудовать опорные пункты своему военному флоту в Босфоре, в Мраморном море и в Архипелаге при выходе в него Дарданелл, и в то же время настояла бы на сохранении берегов Мраморного моря и обоих прилегающих к нему проливов за Турцией; не допустила бы выхода в Мраморное море или на берега какой-либо третьей державы; не допустила бы международной «нейтрализации» проливов и получила бы обязательство Порты не возводить по их берегам военных сооружений, не ставить в их водах минных и иных заграждений и вовсе не иметь военного флота.

Если при этом явится возможность, при непременном соблюдении всех перечисленных условий, получить для устройства здесь Россией своего военного порта и морской и сухопутной крепостей, его защищающих, Верхнего Босфора, то это желательно, однако, имеет столь третьестепенное значение для России, что малейшая опасность вызвать этим шагом захват другими державами каких-либо частей берегов Босфора, Мраморного моря, Дарданелл или прилегающих к его выходу в Архипелаг островов, России лучше не подымать совсем вопроса об овладении Верхним Босфором».

В отношении европейского берега Мраморного моря, по мнению Немица, было бы лучше всего, если бы Турция сохранила в своих руках Константинополь и прилегающую к нему территорию до Чаталджийской позиции. Что касается до островов Эгейского моря, то занятие Грецией Лемноса и Тенедоса является, с точки зрения русских интересов, безусловно недопустимым, а Имброс может быть отдан ей лишь при условии его неукрепления и предоставления там русскому флоту права якорной стоянки. Занятие каких-либо островов Архипелага сильными морскими державами безусловно нежелательно, и, если на занятие Крита Англией России, может быть, все же придется согласиться, то это, несомненно, явится большой жертвой с ее стороны.

Записка Немица датирована 25 ноября 1912 года [1]). Этим же числом датирован и явно написанный под влиянием записки Немица доклад № 296 начальника морского генерального штаба вице-адми-

---

[1]) Основные положения записки Немица были целиком поддержаны в относящейся к этому же времени записке капитана 2 ранга Дмитриева. Мориском, № 531.

рала князя Ливена на имя морского министра, на подлиннике которого имеется резолюция И. К. Григоровича от того же числа [1]): «Копию сообщить министру иностранных дел» [2]).

«Положение, созданное войной на Балканах,—говорится в докладе,—снова выдвигает вопрос о Босфоре и Дарданеллах. В виду исторического стремления России к свободному выходу в Средиземное море и возможности в ближайшее время сделать дальнейший шаг к достижению этой заветной цели, надлежит тщательно обдумать каждое наше движение, чтобы действительно расчистить себе кратчайший путь к успеху, а не создавать основания будущих преград.

Надо первым долгом выяснить конечное положение, к которому нам надлежит стремиться, какие для этого потребуются средства, а затем уже обсудить, какую часть этой задачи можно выполнить наличными средствами».

Подчеркивая, так же как и Немиц, громадное экономическое значение Черного моря (в 1910 г. вывоз из его портов составлял 43.3% всего русского вывоза), кн. Ливен делает из этого следующий вывод:

«Очевидно, при такой обстановке обеспеченное сообщение Черного моря с внешним миром уже является и в будущем явится в неизмеримо большей степени вопросом первостепенной важности для свободного развития нашего государства.

Итак, обращаясь к вопросу о проливах, первая и главная задача наших вооруженных сил сбрисовывается в виде необходимости обеспечить свободу сообщения Черного с Средиземным морем во всякое время.

К этому основному взгляду на значение для нас проливов можно прибавить еще другую, чисто военную, сторону, т.-е. удобство обороны Черного моря от неприятельского вторжения именно в этом месте. Но не надо забывать, что эта вторая задача представляет лишь удобство, а не жизненное требование государства. Она может быть решена и другим путем, между тем как первая, обеспечение свободы сообщения из Черного моря, имеет жизненное значение для государства и не допускает другого решения, как охрану пути вооруженной рукой. Вследствие этого надо стремиться к осуществлению именно этой задачи, исполняя другую лишь попутно и по мере возможности».

Каким же путем думает кн. Ливен добиться осуществления указываемой им цели?

«Для вполне надежного господства над морскими путями, необходимо владеть не только водным пространством, но и окружающей его территорией. Итак для полного и окончательного решения задачи обеспечения свободного выхода из Черного моря нам надо присоединить к государству не только Малую Азию и Балканский полуостров, но

[1]) Из того, что записка Немица, доклад Ливена и резолюция Григоровича на этом последнем датированы одним и тем же числом—25 ноября, видно, в каком спешном порядке обсуждался в эти дни вопрос о проливах.

[2]) Дело мор. ген. штаба по 2 опер. отдел. под названием «О проливах и десантная операция». Мориском, № 731.

и все острова греческого архипелага, не исключая Крита, при непременном условии господства над Черным и Эгейским морями посредством первоклассного флота».

Однако наметив для русской внешней политики столь грандиозную программу действий, кн. Ливен все же оказывается вынужденным сразу же значительно сузить ее пределы.

«Такое исчерпывающее решение вопроса нам сейчас, очевидно, не по силам, да и вряд ли окажется и в будущем осуществимым для одной России...

Однако спрашивается, не представится ли целесообразным в виде хотя бы частного ее исполнения постараться захватить ближайшие к проливам территории на европейском и мало-азиатском берегах и укрепиться на этом участке?»

Такое решение кн. Ливен считает невыгодным. При слабости флота крепости будут легко уязвимы и не принесут пользы, а при сильном флоте они не нужны. «Итак для осуществления нашей коренной задачи... захват берегов проливов оказывается бесполезным. Надо захватить или всю отделяющую нас от них территорию, или ничего».

Переходя в дальнейшем к изложению конкретной программы действий для русской дипломатии в связи с славяно-турецкими мирными переговорами, кн. Ливен в общем соглашается с предложением Немица с той только разницей, что он не боится нейтрализации проливов посредством международного акта. «Мы уже раньше выяснили, что захват одних берегов проливов, которых только и может касаться нейтрализация, для нас бесполезен и нежелателен. В этом отношении следовательно бояться международной опеки нечего. Что же касается окончательного достижения нашей цели, т.-е. приобретения Малой Азии и Балканского полуострова, то такой стихийный переворот предполагает развитие огромного могущества, перед которым, очевидно, всякое международное соглашение окажется бессильным».

Точно так же кн. Ливен, в отличие от Немица, высказывается и против захвата Верхнего Босфора [1]), который при сильном флоте не принесет никакой пользы, но может заставить Россию согласиться на нежелательные для нее компенсации.

Мы видели выше, что одно из основных положений, как записки Немица, так и доклада кн. Ливена, заключалось в том, что Россия не должна допускать ничего такого, что может в будущем послужить препятствием для ее захватнических намерений, и мы также видели, что Немиц выводил из этого необходимость сохранения в руках Турции прилегающих к Дарданеллам островов Эгейского моря. В тот же самый день, коим датирована записка Немица — 25 ноября 1912 года —

[1]) Диаметрально-противоположный взгляд по вопросу о стратегическом значении захвата Верхнего Босфора высказывается в составленной около того же времени обер-офицером морского генерального штаба лейтенантом Каллистовым «исторической справке о стратегическом значении для России Дарданелл и Босфора». Мориском, № 531.

С. Д. Сазонов обратился с И. К. Григоровичу с письмом № 832 следующего содержания:

«В виду того, что в ближайшем будущем в числе вопросов, связанных с ликвидацией войны, будет поставлен и вопрос о судьбе островов Эгейского моря, захваченных Грецией, я обращаюсь к вам с покорнейшей просьбой не отказать безотлагательно уведомить меня о вашем заключении по этому вопросу.

Наиболее существенным для министерства иностранных дел является определение того, какие острова должны остаться во владении Турции, чтобы обеспечить безопасность проливов, а также какие острова могут перейти в обладание Греции, без ущерба для наших непосредственных интересов.

Что касается общей постановки вопроса, считаю долгом обратить ваше внимание на то, что судьба островов на Эгейском море, за исключением означенной оговорки, гораздо более интересует Англию и Францию, чем нас, и что нашим видам с общеполитической точки зрения соответствовало бы предоставление этим державам инициативы во всем том, что не связано с теми или иными ограничениями в территориальных приобретениях Греции» [1]).

На этом письме морским министром была в тот же день (25 ноября) положена резолюция: «Начальнику морского ген. штаба. Составить записку», каковая и была 27 ноября за № 301 [2]) представлена Григоровичу. Результатом этой записки, одобренной морским министром в тот же день, явилось его нижеследующее письмо к С. Д. Сазонову от того же числа за № 3964/442 [3]).

«На письмо вашего высокопревосходительства от 25 сего ноября за № 832 имею честь сообщить, что с точки зрения интересов русского флота желательно сохранить острова Эгейского моря вообще в руках слабой державы, т. к. переход их в руки сильной может явиться в будущем угрозой нашему флоту [4]). В особенности нежелателен переход островов в руки Австрии.

Острова Эгейского моря могут быть разделены по степени их важности для нас на три группы: первая из островов Имброс, Лемнос, Тенедос и Самофракия, вторая внутренние Циклады и третья—внешние Циклады.

Первую, как прилегающую непосредственно к Дарданелльскому проливу, безусловно необходимо удержать в слабых руках, при чем желательно было бы в турецких. Некоторые из островов второй и третьей группы могли бы быть уступлены сильным державам, кроме Австрии, если бы этой ценой Россия получила бы существенные

---

[1]) Мориском, № 731.
[2]) Там-же.
[3]) Там-же.
[4]) Мы уже видели, что эта же точка зрения была высказана и в записке Немица.

выгоды для своего флота. Обладание ими Грецией или Турцией, с точки зрения наших интересов, совершенно безразлично».

Продолжением этой записки явилось письмо товарища министра иностранных дел А. А. Нератова на имя начальника морского генер. штаба кн. А. А. Ливена от 10 декабря 1912 г. за № 884 [1]). «Вследствие устных объяснений с вашей светлостью управляющего отделом Ближнего Востока кн. Трубецкого и высказанного вами мнения, что в случае, если бы то признано было желательным по общеполитическим соображениям, вы, со своей стороны, полагали бы, с точки зрения наших морских интересов, присоединение к Греции на известных условиях островов Лемноса, Имброса, Тенедоса и Самофракии допустимым, считаю долгом сообщить вам, что нашему послу в Лондоне предложено сделать находящемуся ныне в этом городе греческому министру-президенту Г. Венизелосу заявление в нижеследующем смысле: Россия готова согласиться на переход четырех островов в обладание Греции, при условии их полной нейтрализации, с обязательством уничтожить всякого рода укрепления и иные военные и военно-морские сооружения, если бы таковые оказались, никогда не возводить таковых, не пользоваться островами в каких-либо военных или связанных с войной целях, и не отчуждать в пользу других держав прав собственности, пользования или иных, на эти острова».

Та же самая точка зрения о необходимости противиться всему тому, что может помешать будущим притязаниям России, следы которой столь заметны в только что приведенной переписке об островах Эгейского моря, наложила очень яркий отпечаток и на способ разрешения русской дипломатией другого вопроса, возникшего в эти же самые дни. Когда неожиданно быстрая победа союзников над Турцией сделала неизбежной постановку на очередь вопроса о полной перекройке карты Балканского полуострова, в связи с чем и стали циркулировать слухи о намерении Австро-Венгрии поживиться на счет турецкого наследства, что, конечно, не могло понравиться России, французский премьер-министр Пуанкарэ обратился к Извольскому с предложением объявить от имени тройственного Согласия, что оно будет противиться захвату турецкой территории какой-либо великой державой. Это предложение вызвало следующее замечание С. Д. Сазонова в его письме к А. П. Извольскому:

«... Так как в виду быстро меняющейся обстановки на Балканах трудно предвидеть все могущие представиться случайности, способные потребовать от нас тех или иных действий для обеспечения наших жизненных интересов, я считал бы наобходимым тщательно избегать в наших переговорах с иностранными кабинетами всего, что впоследствии могло бы оказаться для на сстеснительным. С этой точки зрения, мне казалось бы желательным и в предполагаемом письменном обраще-

---

[1]) Мориском, № 731.

нии вашем к г. Пуанкарэ избегнуть слишком положительных заявлений вроде тех, которые подсказываются словами французского министра «относиться враждебно ко всем захватам турецкой территории какой-либо великой державой», так как это могло бы относиться и к России в области проливов» [1]).

Если, таким образом, русская дипломатия с самых первых дней Балканской войны зорко следила за всеми происходящими событиями и в корне предупреждала все то, что могло помешать осуществлению русских замыслов относительно проливов, то эта же самая политика продолжалась ею и во время дальнейшего хода войны. 13 марта 1913 г. болгарская армия после долгих усилий берет штурмом Адрианополь, а уже 15 марта С. Д. Сазонов, с согласия И. К. Григоровича, телеграфирует в Константинополь М. Н. Гирсу о возобновлении его полномочий на вызов, в случае надобности, всего Черноморского флота без предварительного уведомления Петербурга [2]). А когда между Турцией и союзниками начались вторичные мирные переговоры, то Россия первая предложила проведение болгаро-турецкой границы по линии Энос-Мидия, что должно было оставить в руках Турции преграждающие доступ к Константинополю Чаталджинские позиции.

Чрезвычайно интересно также отношение русского министерства иностранных дел к выдвинутому английским министром сэром Эдуардом Греем, в связи с начавшимися после заключения мира заседаниями парижской финансовой комиссии, предложению введения общеевропейского контроля над турецкими финансами. В ответ на письмо А. П. Извольского от 11/24 апреля, в котором посол высказывался за поддержку этого предложения в виду того, что европейский контроль над турецкими финансами приведет к сокращению турецких вооружений [3]), С. Д. Сазонов в письме от 18 апреля за № 381 высказывал следующие соображения:

«... Не предрешая ничего в будущем, мы не можем не отметить, что если оборона Константинополя и проливов в настоящее время не будет достаточно оборудована, то обстоятельство это, вместо того, чтобы отвечать нашим интересам, может служить опасным соблазном для болгар, тогда как несвоевременная постановка вопроса о проливах может в свою очередь поставить нас в крайне тяжелое положение.

Между тем, если у нас нет, казалось бы, основания препятствовать туркам принять нужные меры против захвата проливов и Константинополя, то с другой стороны, опасаться чрезмерного усиления Турции, после пережитого ею беспримерного поражения, нам также едва ли приходится. И если вопрос о проливах и возможности его постановки в ближайшем будущем ставит перед нами на очередь целый ряд самых серьезных задач, требующих планомерного осуществления, то пока

[1]) «Материалы по истории франко-русских отношений», стр. 299. На подлиннике этого письма имеется собственноручная пометка Николая II.

[2]) Доклад С. Д. Сазонова Николаю II от 16 марта 1913 г. Мориском, № 606.

[3]) «Материалы», стр. 364—366.

вся эта программа будет проводиться, было бы опасно и преждевременно говорить о сокращении средств обороны и без того слабой Турции... С другой стороны, у нас невольно возникает опасение слишком связать свободу своих действий и отношений России с Турцией в случае установления в ней общеевропейского контроля. Обстоятельства так складываются, что не задаваясь какими-либо неосуществимыми утопиями, мы все же можем рассчитывать на возможность завязать с Турцией гораздо лучшие, чем доселе, отношения: Турция не может не сознавать серьезную опасность, грозящую отныне Константинополю и проливам. Эта опасность будет в настоящее время иметь гораздо больше веса в глазах турок, чем традиционное их недоверие к России; нас будет сближать с Турцией до известной степени общий интерес, заключающийся в том, чтобы проливы не подпали под чужое владычество. Турки могут отдать себе отчет в том, что лучшим средством оградиться от опасности со стороны Болгарии было бы опереться на влияние и средства, коими располагает Россия для осуществления этого влияния в Болгарии... Мы полагаем, что Россия может извлечь больше выгод из прямых и непосредственных отношений со свободной Турцией, чем связав ее подчинением европейскому контролю, а себя самих неизбежным участием в последнем, если бы таковой осуществился» [1]).

Та же точка зрения, что и в письме Сазонова, была высказана в письме к этому последнему военного министра В. А. Сухомлинова, от 21 апреля за № 3977, в котором между прочим говорилось:

«Контроль... будет, несомненно, способствовать внедрению и официальному узаконению влияния европейских держав на вопрос о проливах и потому, когда наступит время для разрешения этого вопроса в желательном для России смысле, то таковое разрешение его будет для России значительно труднее и сложнее, нежели при отсутствии контроля» [2]).

Копии с цитированных писем были пересланы Сазоновым морскому министру при его письме от 2 мая за № 432, результатом чего явилось ответное письмо Григоровича от 9 мая за № 1952 [3]), в котором этот последний, вполне соглашаясь с точкой зрения Сазонова, высказывает следующие мысли:

«Ныне турецкие проливы, Босфор и Дарданеллы, с неизбежностью станут рано или поздно русским достоянием, ибо здесь проходит главный торговый путь России, нахождение которого в руках иностранной державы может грозить отечеству неисчислимыми бедствиями. В последнее время этот справедливый взгляд на будущее турецких проливов не встречает уже прежнего непримиримого отношения со стороны Франции и Великобритании, а с другой стороны, ход между-

[1]) Мориском, № 731.
[2]) Там же.
[3]) Там же.

народных событий в Европе делает весьма вероятной постановку этого вопроса для решения в близком будущем.

Единственно действительная «гарантия благоприятного для нас решения вопроса о проливах, когда наступит для сего время» заключается в быстром создании на Черном море военного флота такой силы, чтобы он мог при современной политической конъюнктуре овладеть во время войны водами и берегами обоих турецких проливов и не пустить в них флот враждебных держав. Только при этом условии достигнет цели и десантная операция...

... Нам необходимо сначала (т.-е. до разрешения вопроса о проливах. *Я.З.*) создать на Черном море сильный флот, что может быть сделано в ближайшее пятилетие, если проведение большой судостроительной программы для Черного моря не встретит непреодолимых препятствий. Пока эта морская сила на юге не будет нами создана, нам важно, чтобы вопрос о проливах не был поставлен вовсе; чтобы никакая другая держава не покушалась на них и чтобы соответственное время Турция была достаточно сильна на европейском берегу, дабы не пустить к Константинополю и Дарданеллам Болгарию».

Но если, таким образом, задача русской дипломатии заключалась в том, чтобы защищать Оттоманскую империю от всяких посягательств со стороны третьих держав, то с другой стороны, там, где речь заходила о подготовке к будущей наступательной операции против Турции, сердобольное отношение русского правительства к этой последней совершенно исчезало и вполне естественно заменялось настроением диаметрально противоположного характера. В этом отношении весьма характерны два возникших летом 1913 г. вопроса—о покупке участка земли близ Константинополя и о румынских контр-миноносцах.

Письмом на имя председателя Совета министров В. Н. Коковцова от 2 июня 1913 г. за № 2290/168, морской министр сообщает, что по полученным им сведениям, около Константинополя продаются казенные участки земли и просит о предоставлении средств для покупки нескольких участков, ибо «в целях подготовки некоторых стратегических операций нашего флота для войны, нам было бы весьма важно приобресть два небольших участка земли по обеим сторонам Босфора в определенных пунктах, которые могут быть точно указаны, а также довольно значительные участки по берегам залива Золотой Рог и Константинопольского рейда» [1]).

Письмо И. К. Григоровича вызвало оживленную переписку между заинтересованными ведомствами. Предполагалось даже командировать в Константинополь для изучения вопроса на месте начальника 2-й оперативной части морского генер. штаба (доклад мор. ген. штаба от 22 августа 1913 г. за № 207 с резолюцией Григоровича «согласен» [2]), и лишь извещение морского агента в Константинополе, капитана

[1]) Мориском, дело № 731.
[2]) Там же.

2 ранга Щеглова, от 6/19 октября 1913 г. за № 911 [1]) о том, что слух о продаже казенных участков не соответствует действительности, положило конец соответствующей переписке.

Дело о румынских контр-миноносцах заключалось в следующем. Письмом от 22 июня 1913 г. за № 627 С. Д. Сазонов препроводил И. К. Григоровичу копию телеграммы российского посла в Константинополе, М. Н. Гирса, от 7 июня за № 109, в которой сообщалось, что Румыния предполагает заказать в Италии четыре контр-миноносца, и что Турция по всей вероятности пропустит их через проливы [2]). Морской министр передал вопрос на рассмотрение морского генер. штаба, а этот последний в докладе Григоровичу выразил мнение, что хотя усиление румынского флота для нас невыгодно, было бы все же, с другой стороны, целесообразно допустить создание удобного для нас прецедента с тем, чтобы затем потребовать, «чтобы Турция дала разрешение, и это разрешение было утверждено великими державами, на проход крупной части русского флота из Черного в Средиземное море или обратно в ближайшие годы, если России это передвижение флота понадобится» [3]). В этом духе и было написано ответное письмо Григоровича Сазонову от 28 июня 1913 г. за № 2646/206 [4]).

II.

Уже ознакомление с перепиской по поводу проекта установления европейского контроля над турецкими финансами выяснило нам ту точку зрения на вопрос о проливах, к которой русские правительственные круги пришли к лету 1913 года. Основные моменты этой точки зрения таковы: поражения 1911—1913 г. г. настолько ослабили Оттоманскую империю, что ее гибель (либо полная, либо же только в качестве *европейской* державы) является вопросом ближайшего времени. При таких условиях Россия не может не заботиться о том, чтобы при предстоящем разделе турецкого наследства получить в свои руки проливы и окружающую их территорию. Но так как для осуществления этой задачи необходимо иметь на Черном море сильный флот, каким Россия в настоящее время не располагает, то перед русским правительством стоят две задачи: 1) в наикратчайший срок усилить свой флот до необходимых размеров; 2) вплоть до такого усиления добиваться сохранения status quo в Турции вообще и на проливах в частности, дабы при преждевременном (с точки зрения России) дележе Оттоманской территории лучшая часть турецкого наследства не досталась неожиданно в руки какого-либо иного претендента.

Если такова была точка зрения русских правящих сфер уже в начале лета 1913 г., то совершенно ясно, что вторая балканская война,

[1]) Там же.
[2]) Там же.
[3]) Там же.
[4]) Там же.

спутавшая все карты и значительно осложнившая и обострившая положение вещей на Балканах, должна была усилить восприимчивость русской дипломатии к исходящим со стороны Ближнего Востока раздражениям. И действительно, в течение всего лета 1913 г. в тайниках дипломатического и морского ведомств идет глухая работа по подготовке решения вопроса о проливах.

4 июня 1913 г. уже известный нам Немиц посещает по поручению кн. Ливена начальника канцелярии министерства иностранных дел барона Шиллинга и ведет с ним беседу, во время которой барон отмечает, что «главная забота — цель министерства иностранных дел обеспечить России завладение проливами в случае обще-европейской или вообще большой европейской войны» [1]), а 10 июля тот же Немиц (к этому времени уже капитан 2 ранга) обращается к помощнику бар. Шиллинга, Н. А. Базили, с письмом № 217 [2]), в котором препровождает на рассмотрение министерства иностранных дел проект высочайшего доклада по вопросу о проливах.

Проект Немица, во многом сходный с его запиской 1912 г. и иногда даже дословно воспроизводящий ее отдельные части, начинается с указания на то, что строительство флота и составление стратегического плана его операций требует предварительного точного указания ближайших политических целей России. Основываясь на соображениях экономического, стратегического и историко-политического характера, Немиц затем доказывает, что такой целью должно являться обеспечение выхода России в Средиземное море, средством для чего должен быть захват проливов.

Балканская война, ослабив Турцию, приблизила, по мнению Немица, время ее неизбежного раздела. «В 1913 году, вследствие неготовности России к войне, с одной стороны, и благодаря настойчивым и талантливым усилиям русской дипломатии, с другой, Европу удалось удержать от удовлетворения этих своих домогательств, но можно наверное сказать, что это только начало дележа турецкого наследства.

«... Таким образом, с одной стороны... России необходимо овладеть обоими турецкими проливами, а с другой... России необходимо быть готовой совершить это в ближайшие же годы». Такая готовность, по мнению Немица, может произойти в 1917—1919 г. г., когда русский флот будет доведен до достаточных размеров [3]).

По обстоятельствам, причина коих нам неизвестна (весьма вероятно, что вследствие болезни кн. Ливена), идея совместного обращения морского и иностранного ведомства к царю с докладом по вопросу о проливах не была приведена в осуществление, но совершенно несомненно, что проект Немица по существу был полностью одобрен всеми

[1]) В деле Мориского № 731 имеется написанный карандашом на отдельных листах отчет Немица об этой беседе.

[2]) Мориском, № 531.

[3]) Там же.

заинтересованными ведомствами. Этот проект в значительной части послужил основанием для следующих трех документов: 1) доклада морского генер. штаба И. К. Григоровичу от 7 ноября 1913 года за № 481; 2) доклада, который был представлен Николаю II министром иностранных дел 23 ноября 1913 г. и одобрен царем в Ливадии 27 ноября, и 3) доклада морского министерства от 22 декабря того же года, одобренного Николаем в Царском Селе 30 декабря. Все эти доклады имеют в истории русской внешней политики эпохи накануне империалистической войны столь первостепенное значение, что мы позволим себе остановиться на них более подробно и приведем их наиболее существенные части.

Доклад морского генерального штаба от 7 ноября 1913 г. [1]) начинается с перечисления принятых морским ведомством мер для усиления русского флота и изложения производимых в связи с этим теоретических работ штаба. Затем в записке говорится:

«Работа морского генерального штаба в настоящее время остановилась перед несколькими основными вопросами, без разрешения которых результаты их не могут быть окончательно оформлены. Разрешение же этих основных вопросов не достигается самостоятельно морским генеральным штабом, но требует общих директив вашего высокопревосходительства и высших указаний его императорского величества государя императора.

В кратких чертах содержание этих основных вопросов заключается в следующем.

До настоящего времени, по причине крайней слабости нашего флота, в морском генеральном штабе разрабатывались лишь две общие стратегические операции нашего флота с некоторыми их вариантами, имевшие скромные задачи по обороне отечественных берегов: одна для Балтийского моря и одна—для Черного. Теперь Россия получает к 1918 г. флот такой силы, что, кроме прежних скромных операций, необходимо иметь в полной готовности и общую стратегическую операцию флота, имеющую более широкую и плодотворную цель: сверх обороны своих берегов также и охрану свободы морских путей России. Это особенно ясно при мысли, что и после 1917 г. наше судостроение сохранит нынешний его размах: ибо очевидно было бы нерационально строить военный флот на суммы, переходящие за миллиард рублей, лишь для защиты побережья Финского залива от десанта двух немецких корпусов, десанта весьма проблематического с точки зрения серьезного стратегического расчета.

Итак, начатый постройкой большой русский военный флот должен получить более плодотворную и настоящую морскую задачу—оборону морских путей России.

---

[1]) Дело мор. ген. штаба по 2-му опер. отдел. под названием «Соображения об усилении Черноморского флота 1913—1914 г.г.». Мориском, № 735.

Что касается задач по обороне морских путей России, то их, вообще говоря, всегда было и остается три: обеспечить свободу морских путей России в Атлантический океан из Балтийского моря, в Тихий океан из Японского моря и в Средиземное море из Черного.

Вследствие подавляющего превосходства германского флота, первая задача остается для русского флота еще надолго непосильною. Разрабатывать теперь ее стратегическую подготовку нет надобности. Вторая активная задача—обеспечение выхода в Тихий океан—по совокупности политических и стратегических обстоятельств настоящего времени, к сожалению, не может быть поставлена на очередь. Следовательно, теперь нашему флоту предоставляется лишь одна активная задача: обеспечить России свободу пути из Черного моря в Средиземное. Международная политическая конъюнктура настоящего времени и возможные в связи с нею предположения о ближайшем политическом будущем восточной половины Средиземного моря делают эту стратегическую задачу нашего флота, повидимому, совершенно неотложною. Окончательное решение «Восточного вопроса», вероятно, произойдет в ближайшие годы и тогда (каким бы ни оказалось это решение в отношении России) флот наш должен быть готов к военным действиям в Черном и Средиземном морях, дабы морское ведомство не заслужило снова тяжелого упрека в том, что, выстроив большой флот, оно не сосредоточило его в нужном месте и не подготовило к той стратегической операции, опираясь на которую политика смогла бы с честью и с удачею пронести имя России сквозь все тревоги и затруднения, которые неизбежно свяжутся с решением «Восточного вопроса».

Следовательно, нам необходимо, имея в виду общий состав нашего флота в 1918 г., к этому времени подготовить возможные его активные операции совместно в Черном и Средиземном морях...

... Представляя приведенные соображения, морской генеральный штаб просит директив вашего высокопревосходительства о следующем:

1) Может ли он положить в основание разрабатываемых планов войны, имеющих в виду строющийся флот, а также и тот, который будет строиться после 1917 года, как руководящую мысль всей нашей военно-морской подготовки на ближайшие годы, общую стратегическую идею о готовности нашего Балтийского и Черноморского флотов к операциям не только по обороне своих берегов, но и к активной совместной операции в Средиземном и Черном морях, для обеспечения при всяких обстоятельствах морского пути России из Черного в Эгейское море.

2) Должно ли морскому генеральному штабу положить в основание начатой разработкой новой программы судостроения только что указанную общую цель: идею активного, а не только оборонительного флота России.

3) Должно ли морскому генеральному штабу безотлагательно представить вашему высокопревосходительству для всеподданнейшего доклада соображения по каждому из упомянутых двух вопросов.

При этом морской генеральный штаб докладывает, что сношениями с министерством иностранных дел выяснено, что представители нашей внешней политики, по соображениям порученного им дела, настаивают на сосредоточении всех наших военно-морских усилий в Черном и Средиземном морях, так как это дало бы России более веский голос при решении «Восточного вопроса»; и что такая наша стратегическая мера была бы очень желательна нашему союзнику—Франции, подкрепление флота которой в Средиземном море нашей Средиземноморской эскадрой против соединенного флота Австрии и Италии вполне отвечает известным морскому генеральному штабу желаниям французского главного морского штаба.

Вышеизложенное морской генеральный штаб представляет вашему высокопревосходительству, испрашивая соответствующих директив».

На этом докладе И. К. Григорович наложил резолюцию: «Вполне одобряю и прошу работать в указанном направлении. 8. XI. 13».

Доклад С. Д. Сазонова Николаю II от 23 ноября 1913 г. [1]) начинается с обозрения положения на Балканах, создавшегося в результате второй Балканской войны:

«События на Балканском полуострове, создавшие неустойчивое и непрочное положение на всем юго-востоке Европы и в Мало-Азиатской Турции, выдвигают перед министерством иностранных дел задачу определить наше собственное отношение к условиям новой политической обстановки.

Благодаря междуусобной войне между балканскими государствами, Турции удалось внести в ликвидацию кризиса некоторые поправки в свою пользу и получить границу, более благоприятную для защиты столицы и проливов против сухопутного натиска неприятеля. Таким образом до известной степени уменьшилась непосредственная опасность внезапного морского наступления со стороны Греции. С другой стороны, можно сказать, что военные поражения Турции, в связи с расшатанным внутренним положением и печальным состоянием ее государственных финансов, создали во всех европейских Кабинетах убеждение в том, что на возрождение этого государства нельзя слишком полагаться и что долговечность турецкого владычества подвержена серьезному сомнению.

В связи с таким настроением все великие державы без исключения учитывают уже теперь возможность окончательного распадения Оттоманской империи и задаются вопросом о заблаговременном обеспечении своих прав и интересов в различных областях Малой Азии. Этим объясняется усилившаяся деятельность Германии, Италии и даже Австрии, доселе не имевшей интересов в Малой Азии, создать и упрочить основания политических притязаний в будущем дележе Оттоманской империи.

---

[1]) Мориском, № 53.

Правда, нельзя не оговориться, что окончательное крушение Турции возвещается на протяжении двух столетий. Но если государство это все еще обнаруживает известную живучесть, то нельзя не признать, что ряд поражений—в особенности те, которые испытаны Оттоманской империей как раз в период работы над ее военным возрождением—свидетельствует о том, что для последнего нет налицо необходимых данных. Если внешние условия сложатся для Турции более благоприятно, она может еще долго влачить существование, обосновывая свою относительную безопасность на чужих раздорах и соревнованиях. Но против решительного удара извне Турция едва ли найдет в себе силы для его отражения. Между тем, хотя желание мира как будто преобладает в настоящее время среди великих держав, поручиться за прочность общего политического положения в Европе не представляется возможным. Эта неуверенность усиливается нынешним неустойчивым положением на Балканском полуострове в результате Бухарестского мира.

Вышеуказанные условия, несомненно, создают для России крайне сложные и нелегкие задачи. В наши непосредственные интересы не входит преследование каких-либо земельных приращений. Все потребности нашего внутреннего развития ставят задачу поддержания мира на первое место. Не оставляя этой главной и первостепенной задачи, мы не можем однако закрывать глаза на опасности международного положения, устранение коих зависит не от нас одних. В связи с этим мы, так же как и другие державы, не можем не задаваться мыслью о необходимости заблаговременного обеспечения своих прав и интересов, если бы события выдвинули перед нами обязанность их оградить вооруженной рукой.

Сомнение в прочности и долговечности Турции связано для нас с постановкой исторического вопроса о проливах и оценки всего значения их для нас с политической и экономической точек зрения.

Можно быть разных взглядов на счет того, следует или нет России стремиться к завладению проливами. Если мы поставим вопрос о потребных для сего жертвах и о ценности такого приобретения, то мы неизбежно натолкнемся на противоположение одних аргументов другим. На спорных базах нельзя обосновывать направление внешней политики в столь первостепенной важности вопросе.

За последнее время вопрос о проливах осложнился новыми условиями, которые, с одной стороны, усилили экономическое значение проливов для России, а с другой,—осложнили политические и стратегические трудности на пути к возможному завладению ими. Вопрос так и остается открытым, и единственное заключение, к которому можно притти в настоящее время,—это, что едва ли в России найдется ответственный политический деятель, который не признавал бы, что, в случае изменения существующего положения, Россия не может допустить разрешения вопроса вопреки своим интересам, иными словами, при известных условиях не может оставаться безучастной зрительницей событий.

Допустимо ли с точки зрения интересов России завладение проливами другим государством вместо Турции? Чтобы ответить на этот вопрос, следует предварительно оценить нынешнее положение—обладание проливами Турциею.

Сложный и трудный вопрос охраны проливов в настоящее время разрешается, в сущности, довольно удовлетворительно с точки зрения наших непосредственных интересов. Турция представляется не слишком сильным, но и не слишком слабым государством, не способным угрожать нам и в то же время вынужденным считаться с более сильной Россией. Самые недочеты Оттоманской империи, ее неспособность возродиться на правовых и культурных основах до сих пор служили нам на пользу, порождая то тяготение к православной России подвластных полумесяцу народов, которое составляет одну из основ нашего международного положения на Востоке и в Европе.

Как бы то ни было, но раз долговечность Турции не обеспечена, то нельзя не задаться вопросом о том, можем ли мы не готовиться к наступлению событий, которые в корне изменят положение Константинополя и проливов? Оставляя открытым вопрос о положительной ценности завладения и тем и другими, а также и потребных для сего жертвах, допустим [ли] для нас переход проливов в полновластное обладание другого государства?

Поставить этот вопрос—все равно что ответить на него отрицательно. Проливы в руках сильного государства—это значит полное подчинение экономического развития всего юга России этому государству. Согласно объяснительной записке министра финансов к проекту государственной росписи доходов и расходов на 1914 год, торговый баланс России в 1912 г. был на 100 миллионов менее в сравнении с средним активным сальдо за предыдущие три года. Причиной этого м-во признает недостаточно удовлетворительную реализацию урожая; затруднение в вывозе хлеба помимо стихийных причин произошло вследствие временного закрытия Дарданелл для торговых судов всех наций. В связи с этим весной последовало также повышение государственным банком учета на $^1/_2\%$ для трехмесячных векселей. Таким образом временное закрытие проливов отразилось на всей экономической жизни страны, лишний раз подчеркивая все первостепенное для нас значение этого вопроса.

Если теперь осложнения Турции отражаются многомиллионными потерями для России, хотя нам удавалось добиваться сокращения времени закрытия проливов до сравнительно незначительных пределов, то что же будет, когда вместо Турции проливами будет обладать государство, способное оказать сопротивление требованиям России? И для этого не нужно, чтобы государство, владеющее проливами, обладало само по себе силой великой державы. Оно неизбежно приобретет эту силу, обосновавшись в проливах из-за исключительных географических условий. В самом деле, тот, кто завладеет проливами, получит в свои руки не только ключи морей Черного и Средиземного.

Он будет иметь ключи для наступательного движения в Малую Азию и для гегемонии на Балканах. Вследствие этого государство, заменившее Турцию на берегах проливов, по всем вероятиям, будет стремиться итти по дорогам, проторенным в былое время турками.

Выше указано было на недопустимость для нас такого рода чужого завладения проливами с экономической точки зрения. Но не представляется ли это столь же мало допустимым с точки зрения политической? Не создают ли указанные выше тенденции к гегемонии на Балканах и проникновению в Малую Азию неизбежность резкого антагонизма между всяким новым государством, которое стало бы на место Турции и России? Недопустимость для нас полновластного утверждения нового государства на проливах подала повод предположению о возможности избегнуть такого положения созданием нейтрализации проливов, со срытием с них укреплений и запрещением возводить новые. Едва ли, однако, подобная комбинация может быть признана удовлетворительной. Всякая правовая норма действительна лишь в мирное время. Когда же наступает война, то для своего ограждения она требует силу. Ведь война может начаться внезапным захватом их неприятелем, и самое отсутствие укреплений будет только способствовать подобной операции, успех коей и в настоящее время зависит в значительной мере от быстроты и неожиданности. Поэтому, если бы были даже найдены какие-либо условия, при коих признавалась бы возможность нейтрализации проливов, указанные выше соображения сделали бы для нас необходимым такое усиление наших военно-морских сил в Черном море, которое дозволило бы нам в любую минуту предупредить занятие проливов всякою иною державою.

В первый период Балканской войны, вместе с успехами Болгарии, одно время обрисовывалось стремление ее честолюбивых вождей к занятию Константинополя и утверждению гегемонии на Балканах.

Непомерное честолюбие Болгарии сплотило против нее ее недавних союзников и Румынию и закончилось ее поражением. Но едва ли возможно ожидать, чтобы Болгария помирилась с таким исходом. Не вероятнее ли, что она будет искать случая вернуть себе отнятое? Прежняя мечта о гегемонии и об утверждении на проливах может снова возродиться. При изменчивости счастья и неспособности Турции воспринимать удары судьбы, как уроки, никто не может определить дня и часа, когда Болгария вновь обрушится на своего соседа стремительным натиском, на который способны болгары и который может оказаться последним и роковым для Оттоманской империи.

Уже 30 лет прошло с того времени, когда державною волею покойного императора Александра III возродился Черноморский флот. Около 60-ти лет прошло со времени появления торгового пароходного движения на Черном море. Оба начинания связаны были с мыслью о мощи России, о возможном утверждении интересов наших на проливах. Сотни миллионов были истрачены на это дело, равно как и на содержание войск Одесского военного округа, призванного к совмест-

ным с нашим флотом операциям. Как известно, еще в 1895 году, в связи с армянскими избиениями, был поставлен вопрос о временном занятии Константинополя нашими войсками, с ведома и согласия наиболее опасного из возможных в то время для нас соперников—Англии. От плана этого пришлось отказаться по недостатку транспортных средств и несовершенству сухопутной мобилизации.

С тех пор прошло 18 лет. По-прежнему тратятся многие сотни миллионов и по-прежнему мы ни на шаг не подвинулись к цели. Строятся военные суда, отпускаются ежегодные крупные субсидии на поддержание торгового мореходства. Между тем, когда заходит речь о желательности той или иной крупной десантной операции, правительство останавливается перед почти невозможностью ее осуществить.

В минувшем году, когда зашла речь о возможном движении наших войск на Константинополь, выяснилось, что в течение двух месяцев мы можем постепенно перевезти два корпуса, при чем приготовления по мобилизации транспортных судов и подвозу войск заняли бы столько времени, что операция не могла бы остаться ни для кого неожиданной. Иными словами, она просто оказалась неосуществимой, не говоря о том, насколько не соответствовала самая численность такой десантной армии тем задачам, которые ей предстояло бы выполнить.

Впрочем, в настоящее время приходится говорить не только о невозможности серьезных активных выступлений против Турции, но о недостаточности наших оборонительных средств против морской программы, которая может быть осуществлена в ближайшее время Турциею.

На основании данных, в разное время полученных министерством иностранных дел, приходится притти к заключению, что в период 1914—1916 г.г. турецкий военный флот будет иметь преобладание над нашим в Черном море по качеству своих судов и силе их артиллерии. Относящиеся к этому данные сгруппированы в прилагаемой у сего записке, в которой сделана попытка указать соотношение между нашими и турецкими морскими силами в ближайшие годы. Морскому ведомству принадлежит, конечно, проверка точности приведенных в этой записке данных, которые почерпнуты частью из сведений, сообщавшихся печатью, частью в свое время приводившихся в различных донесениях императорского посольства в Константинополе и, наконец, из сообщавшихся в разное время министерству иностранных дел предположений нашего морского педомства.

Если даже в эти данные могли вкрасться какие-либо неточности, во всяком случае общее положение в ней, повидимому, соответствует действительности.

Едва ли нужно настаивать на том, насколько подобное положение может считаться допустимым. После громадных средств, израсходованных в течение ряда лет на создание мощной силы в бассейне Чер-

ного моря, Россия не может мириться с положением, при коем ее морское превосходство над Турциею может оказаться необеспеченным. Ежегодное ассигнование крупных государственных средств на дело обороны в бассейне Черного моря указывает на значение, которое придает ему правительство. Тем настоятельнее представляется необходимым пересмотреть новые условия, при коих нашим военно-морским силам на Черном море должны быть предъявлены определенные задания и намечены мероприятия для их выполнения. Россия не может ни допустить в настоящее время морского превосходства в Черном море, ни в будущем остаться безучастной к решению вопроса о проливах. Поручиться за то, что вопрос этот не будет поставлен в недалеком будущем, мы не можем.

Следовательно, государственная предусмотрительность требует от нас внимательной подготовки к выступлению, которое может потребоваться. Указанная подготовка не может не носить характера всесторонней планомерной программы с привлечением к работе различных ведомств.

Предстоит выяснить, что̀ может быть предпринято для усиления нашей военной и морской мощи на Черном море? Какие мероприятия потребуются со стороны военного и морского ведомств для ускорения мобилизации, в связи с оборудованием новых путей сообщения и доведением наших транспортных средств до должных размеров? Какие задачи могут, в соответствии с этими средствами, быть намечены и в какое приблизительно время? Возможно или нет поставить в качестве задания нашей армии и флоту прорыв через проливы и занятие Константинополя, если бы этого потребовали обстоятельства?

Возвращаясь к упомянутой политической стороне подготовки, приходится вновь повторить, что распадение Турции не может быть для нас желанным, и что в пределах дипломатического воздействия должно сделать все возможное для отсрочки такой развязки...

В дальнейшей части доклада С. Д. Сазонова указывается на необходимость принятия ряда практических мер, а именно: 1) ускорения мобилизации предназначенных для десанта войск; 2) оборудования необходимых для этого путей сообщения; 3) усиления Черноморского военного флота; 4) увеличения транспортных средств на Черном море и 5) постройки перевальной жел. дороги через Кавказ».

В этом последнем отношении очень любопытно следующее замечание Сазонова: «Министерству иностранных дел приходилось до сих пор напрягать значительные усилия, чтобы отсрочить, по возможности, постройку Турциею железных дорог в соседстве с нашею границею. На долю русской дипломатии выпадает неблагодарная задача отстаивать концессии на бездорожье, в то время как все другие державы наперерыв предлагают Турции свои услуги по проведению и усовершенствованию путей сообщения». Такое положение вещей, по мнению Сазонова, долго продолжаться не будет, а потому надо усилить нашу ж.-д. сеть на Кавказе.

После этих замечаний С. Д. Сазонов продолжает:

«Таковы главные вопросы, которые ставятся на очередь при обсуждении будущности Малой Азии и тех мер внутреннего порядка, кои вызываются заботою об охране интересов России. Само собой разумеется, что наши военное и морское ведомства в праве в свою очередь поставить министерству иностранных дел вопрос о том, что может быть сделано для создания наиболее благоприятной политической обстановки при наступлении событий, могущих потребовать от нас решительных действий?

Повторяя высказанное в письме пожелание о возможно более длительном поддержании status quo, приходится также снова повторить, что вопрос о проливах едва ли может выдвинуться иначе, как в обстановке обще-европейских осложнений. Последние, если можно судить по нынешним условиям, застали бы нас в союзе с Францией и возможном, но далеко не обеспеченном союзе с Англией, или же доброжелательном нейтралитете этой последней. На Балканах мы, в случае обще-европейских осложнений, могли бы рассчитывать на Сербию, а может быть, и на Румынию. Отсюда выясняется задача нашей дипломатии—создавать условия для возможно большего сближения с Румынией. Работа в этом направлении должна быть столь же постоянной, сколь и осторожной и чуждой излишних увлечений. Положение Румынии на Балканах во многом схоже с положением Италии в Европе. Обе державы страдают мегаломанией и, не имея достаточно сил, должны пробавляться политическим оппортунизмом, высматривая, где в данную минуту сила, чтобы быть на ее стороне.

В заблаговременном учете сил было бы столь же опасно заранее полагаться на такие колеблющиеся факторы, как было бы неблагоразумно вовсе не считаться с ними.

В неустойчивости нынешнего положения на Балканах два фактора играют главную роль: первый из них, это—Австро-Венгрия, в которой усилилось племенное брожение, вызванное успехами сербов и румын и отношением к этому их единоплеменников в пределах Габсбургской монархии; второй фактор, это—невозможность для Болгарии примириться с тяжелыми последствиями Бухарестского договора.

Оба эти государства могут либо сплотиться в общей цели вновь перестроить Балканы, либо оказаться в противоположных лагерях, если Болгария получит надежду иным путем вернуть себе Македонию. Как ни трудна задача снова сплотить Сербию с Болгарией, но только при условии союза каждая из них может ставить себе дальнейшие национальные идеалы. Находясь во вражде, оба государства будут сковываться взаимным бессилием. Наоборот, Сербия может осуществить широкий идеал объединения всего сербского народа только в том случае, если ей не будет противиться в том или даже помогать Болгария, взамен возврата утраченной Македонии. Но нет сомнения, что и то и другое может случиться лишь, если Россия в это время будет также вовлечена в разрешение своих исторических задач

и будет с ними действовать, ибо предоставленные сами себе балканские государства неизбежно обречены на междоусобия, которые могут быть предотвращены только присутствием России, как руководящей активной силы.

Обо всех этих условиях приходится говорить не с точки зрения отвлеченных мечтаний, или увлечений миссиею России. Заглядывая вперед и отдавая себе отчет в том, что сохранение столь желательного для нас мира не всегда будет в наших руках, приходится ставить себе задачи не на один сегодняшний и завтрашний день, дабы не оправдать столь часто делаемого упрека в том, будто русский государственный корабль плывет по ветру и относится течением без твердого руля, направляющего его путь.

Сложные и ответственные вопросы, здесь затронутые, требуют всестороннего обсуждения для принятия тех или иных решений, с которыми могут быть сообразованы как внутренние наши мероприятия, так и дальнейшее направление нашей внешней политики.

Повергая на высочайшее благоволение изложенные выше соображения, приемлю смелость испросить всемилостивейшего разрешения вашего императорского величества подвергнуть их обсуждению особого совещания.

Сазонов».

(Продолжение следует).

Я. Захер.

С. Г. Нечаев в Алексеевском равелине[1]).

XXI.

После катастрофы Нечаев был переведен 29 декабря 1881 года в камеру № 1—последнее его земное местопребывание. Камера № 1 находилась в так называемом малом коридоре лицевого фасада; в этот коридор выходили три камеры; никакого сообщения между этим малым, совершенно изолированным, коридором и большим не было. В № 2—была дежурная комната жандармов, и сидевшие в №№ 1 и 3 находились в абсолютном, полном одиночестве, без возможности войти с кем-либо в общение. Те же, кто сидели в камерах большого коридора, могли и не догадываться о том, что кто-нибудь есть и в малом коридоре. Так и случилось: при новом смотрителе, незабвенном штабс-капитане Соколове, при абсолютно новом составе равелинной стражи, Нечаев, посаженный в камеру № 1, подвергся изоляции настолько полной, что заключенные в 1882 году в равелине народовольцы и не подозревали об его присутствии в равелине. Нечаев точно сгинул, и только темные и зловещие рассказы ходили об его участи и об его судьбе.

Мирский оставался в № 13. Режим для того и другого первое время после катастрофы оставался без изменений. И Мирский и Нечаев читали книги — департамент полиции по-прежнему посылал им книги,—имели прогулку, пользовались сравнительно хорошим столом. Им отпускалось по 70 коп. в день—сумма по тому времени очень большая.

В ночь с 26 на 27 марта 1882 года произошло давно, со средины шестидесятых годов, невиданное наполнение Алексеевского равелина.

26 марта 1882 года директор департамента полиции сообщал коменданту С.-Петербургской крепости о том, что «вследствие полученных министром внутренних дел высочайших указаний, государственные преступники, судившиеся в феврале 1882 года в Особом присутствии Правительствующего Сената, по обвинению в тяжких государственных преступлениях, как присужденные к смертной казни, коим таковая заменена по высочайшему усмотрению бессрочной каторжной

---

[1]) См. Красный Архив, т. IV и V.

работой, так и приговоренные к таковой же работе на разные сроки Особым присутствием, подлежат впредь до особых распоряжений содержанию в тюремных помещениях С.-Петербургской крепости на положении преступников, содержащихся в центральных каторжных тюрьмах». Сообщив об этом, директор департамента полиции уведомлял коменданта крепости о том, что из числа этих арестантов: Александр Михайлов, Николай Колодкевич, Михаил Фроленко, Григорий Исаев, Николай Клеточников, Александр Баранников, Айзик Арончик, Николай Морозов, Мартын Ланганс и Михаил Тригони должны быть немедленно переведены в помещения Алексеевского равелина» и что «срок каторжных работ для приговоренных к срочным наказаниям должен исчисляться со дня получения настоящего сообщения».

Получив распоряжение департамента полиции, комендант крепости немедленно отдал и свои распоряжения. Заведующему арестантскими помещениями С.-Петербургской крепости майору Леснику он предписал «содержащихся в Трубецком бастионе осужденных преступников в числе 10-ти ночью 26 марта сдать под расписку отд. корп. жанд. штабс-капитану Соколову и из списков арестантов Трубецкого бастиона исключить».

Временно заведующему Алексеевским равелином штабс-капитану Соколову комендант предписал (№ 181, 26 марта 1882 г.) «ночью 26 марта принять из Трубецкого бастиона от майора Лесника и включить в отдельные покои названных выше 10 человек». Комендант преподавал в бумаге еще следующие наставления: «принятие и доставление в равелин означенных преступников должно быть произведено под личною вашею ответственностью с особою осторожностью и в совершенной тайне. В такой же тайне они должны быть содержимы и в равелине, отнюдь не называя их по фамилиям. При чем для усиления бдительности за преступниками предписываю прибавить посты, один в большом коридоре и один снаружи под окнами, внушив часовым отнюдь не останавливаться: первым у дверей камеры, а последним у окна, а иметь бдительное наблюдение посредством незаметного тихого движения: в коридоре по матам, а под окнами по земле, но не по плитному тротуару, и обо всем замеченном давать знать дежурному жандармскому унтер-офицеру для доклада смотрителю».

В тот же день 26 марта Ганецкий обратился к начальнику штаба отдельного корпуса жандармов с просьбой о прибавке с 27 марта к жандармской команде при Алексеевском равелине шести рядовых, ссылаясь в объяснении на то, что по особому экстренному распоряжению караул при арестантах равелина увеличился на два поста. Заключая свою просьбу, комендант подвел итоги численности жандармской команды, не лишенные интереса: со включением прибавки жандармская охрана равелина при 12 занятых камерах состояла из 1 унтер-офицера и 41 рядового.

В ночь на 27 марта распоряжение департамента полиции было исполнено. 27 марта комендант всеподданнейшим рапортом (№ 189) довел до сведения царя о переводе народовольцев из бастиона в равелин. В тот же день (№ 188) комендант уведомил директора, что осужденные государственные преступники «в ночь на 27-е марта при полном порядке и тишине переведены в Алексеевский равелин и заключены в отдельные покои с содержанием впредь до подробных указаний на общем основании заключаемых в равелин» [1]).

Церемониал перевода народовольцев завершился последней формальностью—предписанием от 16 апреля (№ 224) Соколову «принять от майора Лесника вещи преступников и хранить в цейхгаузе при равелине, проветривая по временам, и предъявить опись вещам и деньгам для отобрания расписки в правильности подсчета. Из этой описи видно, что в момент перевода у А. Михайлова было 47 р. 55 к., у А. Баранникова—419 р. 56 к., Колодкевича—55 р. 7 к., Тригони—135 р. 12 к., А. Аранчука—7 р. 55 к., Исаева—1 р. 53½ к., Фроленко—44 р. 47½ к., Н. Морозова—60 р. 10 к., Ланганса—29 р. 85 к., Н. Клеточникова—0.

Но помимо приведенного выше официального «отношения», заготовленного в канцелярии департамента полиции и только подписанного директором В. К. Плеве, в тот же день 26 марта из департамента в крепость пошла еще одна бумага: частное письмо Ивану Степановичу Ганецкому, написанное с начала до конца собственноручно Вячеславом Константиновичем Плеве и содержавшее указание интимного характера.

«Милостивый государь Иван Степанович! В дополнение к сообщению от сего числа по вопросу о перемещении некоторых арестантов в Алексеевский равелин, имею честь уведомить ваше высокопревосходительство, что переводимые арестанты, содержась на положении ссыльно-каторжных, подчиняются инструкции, составленной для содержания арестантов Веймара, Сабурова и Михайлова, относительно пищи и дисциплины, а также воспрещения книг, в прочем же содержатся на общем основании. Затем желательно, чтобы преступник Александр Михайлов содержался на той половине, где помещается известный арестант, при чем им обоим не следовало бы разрешать прогулки, остальные же арестанты могут быть размещены в длинном коридоре с условием, чтобы возле занятой уже камеры,

---

[1]) Комендант не разобрался в предписании департамента, и переведенные в равелин должны были быть подчинены тому же ссыльно-каторжному режиму, какому подчинены были заключенные в бастионе, режиму, установленному для Сабурова, Михайлова и Веймара. Подлинный текст инструкции по содержанию последних мне не известен. Комендант следующим образом излагает содержание этой инструкции: «преступникам кроме казенной пищи, установленной для подследственных политических арестантов, заключающейся из обеда и ужина, не будет допускаться никаких улучшений в пище и покупки каких бы то ни было лакомств на собственные их средства, при чем они лишены курения табаку, чтения книг, кроме св. Евангелия, и вести переписку».

по обеим ее сторонам, были посажены Исаев и Баранников. Примите, ваше высокопревосходительство, уверение в совершенном уважении и преданности. В. Плеве».

Это письмо требует некоторых пояснений. Известный арестант— это С. Г. Нечаев, уже изолированный в коротком коридоре равелина в № 1. Мы уже указывали, что в № 2 была дежурная комната, следовательно и сидевшие в №№ 1 и 3 находились в действительном одиночном заключении, не имея физической возможности сноситься с соседями. Впоследствии в № 3 сидел П. С. Поливанов, переведенный сюда за перестукивание с Щедриным. В своих воспоминаниях он оставил поразительное описание об ужасающем влиянии на душу этого абсолютного одиночного заключения, а пробыл он там всего $7^1/_2$ месяцев. Здесь было положено начало той душевной болезни, которая вызвала позже в Алексеевском равелине двукратное покушение на самоубийство. Нечаеву и Михайлову не сужден был хотя бы мгновенный перерыв абсолютного одиночества. Из своих номеров они уже не вышли. То невысказанное желание, которое руководило Плеве и было разгадано, конечно, комендантом, было желанием скорейшего исчезновения Михайлова из этого смертного мира.

Плеве поставил еще одно условие размещения: Исаев и Баранников должны были быть посажены по обеим сторонам занятой камеры. Речь идет о камере № 13, в которой сидел Мирский. Ясно, что департаменту полиции нужны были от Мирского еще услуги, вроде уже оказанной им. Очевидно, он должен был войти в сношения с своими соседями по камере и поделиться с начальством сведениями, которые он от них получил. Исаев, посредник в сношениях равелина с волей, был особенно любопытен департаменту полиции. Посредником же в сношениях Мирского с департаментом полиции был выбран майор Судейкин, который и появился в равелине 28 марта. К его появлению относится следующее письмо Ганецкого графу Н. П. Игнатьеву от 28 марта 1882 года (№ 196):

«Милостивый государь, граф Николай Павлович, начальник секретного отделения С.-Петербургского обер-полицеймейстера отдельного корпуса жандармов, майор Судейкин, сего числа явился ко мне и доложил о последовавшем со стороны вашего сиятельства разрешении к допущению его к арестантам Алексеевского равелина. Ввиду экстренности дела и переданного мне лично вашим сиятельством разрешения о допущении майора Судейкина в Алексеевский равелин, допустив его сего числа к одному из прежних арестантов, содержащемуся в № 13, долгом считаю иметь честь покорнейше просить ваше сиятельство о снабжении меня письменным разрешением на допущение названного штаб-офицера в Алексеевский равелин, так как, на основании существующих об Алексеевском равелине правил, в оный без особого высочайшего разрешения воспрещено впускать кого бы то ни было, кроме шефа жандармов».

Но министр внутренних дел знал порядки. Высочайшее разрешение Судейкину на посещение равелина было уже испрошено еще 20 марта, и о нем, по недосмотру канцелярии, комендант не был извещен. Доклад был составлен в следующих выражениях: «в видах более успешного ведения розыскного дела по обнаружению лиц, принадлежащих к тайному преступному сообществу, представлялось бы необходимым разрешить начальнику отделения канцелярии С.-Петербургского обер-полицеймейстера по охранению порядка и общественного спокойствия в городе вход в Алексеевский равелин для личного свидания с некоторыми, содержащимися в оном, государственными преступниками»...

Мирский продолжал оказывать услуги.

При такой постановке дела с содержанием этого письма неизбежно связывается и следующее письмо Ганецкого к Плеве от 25 мая 1882 года (№ 202), которое мы сейчас приведем, забегая несколько вперед в нашем изложении:

«Милостивый государь Вячеслав Константинович, благодаря сведениям, переданным вашим превосходительством смотрителю Алексеевского равелина штабс-капитану Соколову, относительно проектируемого содержащимися в Алексеевском равелине осужденными ссыльно-каторжными преступниками тайного между собою сношения посредством способов трудно уловимых при самом бдительном наблюдении, штабс-капитан Соколов все-таки нашел спрятанными в воротнике рубашки несколько ниток с узлами, заключающими в себе, как нужно полагать, разговорные знаки. Приказав Соколову означенные нитки вручить лично вашему превосходительству, имею честь покорнейше просить, если и в них заключаются какие-нибудь условия или проекты о способе дальнейшего между арестантами тайного разговора, то не найдете ли нужным познакомить и с ними Соколова для дальнейшего наблюдения.

При чем прошу в том случае, если будет признано полезным, дать им возможность сноситься между собою означенным способом, то возвратить эти нитки Соколову для вложения в воротник рубашек с целью получения на них ответа».

А Соколов был прав в своих подозрениях. Он напал на «ниточную переписку». М. Р. Попов следующим образом описывает этот способ сношений:

«Дергали мы из холщевых портянок основу, сучили из этой основы нитку любой длины и затем при помощи навязанных на нитке узлов передавали слова точно так же, как передавались нами слова в стену».

О проектированном тайном сношении заключенных в равелине между собою директор департамента полиции В. К. Плеве—от кого же мог узнать? Кажется, нет сомнений,—что от того же Мирского, продолжавшего зарабатывать свой дессерт, свой улучшенный табак и чтение новых книг и журналов.

После отступления о тех мерах, которые были приняты высшим начальством и комендантом крепости при внедрении в равелин десяти новых узников, продолжаем документальный рассказ об установлении нового режима, того знаменитого режима смотрителя Соколова, смотрителя Ирода, о котором сохранились полные глубокого драматизма воспоминания Фроленко, Тригони и особенно Поливанова. Впрочем, было бы несправедливо всю честь по установлению нового режима отдать Соколову. Соколов сотрудничал в этом деле взапуски с Александром III, графом Д. А. Толстым, товарищем министра внутренних дел П. В. Оржевским, В. К. Плеве и И. С. Ганецким.

27 же марта Соколов получил от коменданта новое более подробное разъяснение о порядке содержания:

«В дополнение к предписанию 26 марта за № 186 предписываю:

1) Заключенных вчера в Алексеевский равелин 10 человек осужденных ссыльно-каторжных государственных преступников содержать на положении преступников, содержащихся в центральных каторжных тюрьмах, и согласно прилагаемых при сем правил.

2) Всем им немедленно обстричь волосы по форме, установленной для нижних чинов.

3) Одеть на них ссыльно-каторжное платье, которое принять по описи от заведывающего арестантскими помещениями майора Лесника.

4) Продовольствовать их на точном основании прилагаемого при сем расписания о пище, которую готовить в артели равелинной команды и подавать в следующие часы:

а) В 7 часов утра суточную дачу хлеба в $2^1/_2$ ф., надрезанную ломтями, или часть, потребную на завтрак, при чем подавать и соль в размере, потребном в сутки.

б) В 12 часов обед, заключающийся, как сказано в расписании, из супа или щей с четвертью фунта мяса в крошку и гречневой кашицы, а по средам и пятницам постный горох и гречневую кашу, которая должна быть подаваема и в воскресенье.

в) В 7 часов вечера ужин из одного приварка и

г) К обеду и ужину должен быть подаваем квас в жестяных кружках.

5) На прогулку в сад выводить по одиночке, по мере возможности, и не более как на $^1/_2$ часа [1]).

6) О всяких проступках и несоблюдении ими правил одиночного заключения докладывать мне для наложения взыскания и внесения в штрафной журнал, который и имеете получить из Управления.

7) Прилагаемые при сем правила о порядке содержания государственных преступников объявить лично и каждому, и

---

[1]) Арестант камеры № 1 и другой преступник, сидящий в одном с ним отделении, впредь до приказания на прогулку не выводятся. (Это — Нечаев и Михайлов. *П. Щ.*)

8) Войти в соображение о том, во что может обойтись пища для означенных арестантов в сутки, подразделив на постную и скоромную, и донести мне».

Таков был на бумаге новый режим Алексеевского равелина. Мы еще будем говорить о том, каков он был в действительности.

Теперь перед комендантом стал вопрос об исключительном режиме, на котором были до сих пор Нечаев и Мирский. Он казался коменданту вопиющим анахронизмом. При переходе на новый режим он по собственной инициативе уже ущемил Нечаева, лишив его прогулки, но осталось еще много особенностей привилегированного положения. Уже 29 марта в своем рапорте министру внутренних дел комендант указал на противоречие в суммах на пищевое довольствие: в то время как на каждого из новых десяти заключенных шло суточных по 24 коп., на Мирского и Нечаева шло на каждого по 70 коп.

А 30 марта комендант изложил свои сомнения в совершенно секретном письме к В. К. Плеве:

«Ввиду последовавшего распоряжения об изменении существовавшего в Алексеевском равелине до заключения в оном известных 10 человек ссыльно-каторжных государственных преступников порядка довольствия арестантов улучшенною пищею, заключающеюся из 3-х прихотливых блюд, признавая справедливым подчинить простой установленной для каторжных арестантов пище и прежних двух арестантов, как также ссыльно-каторжных и лишенных всех прав состояния, о таком моем включении имею честь сообщить вашему превосходительству, прося о последующем не оставить меня уведомлением».

К немалому, должно быть, изумлению коменданта мнение его не встретило одобрения, и Плеве писал Ганецкому 2 апреля:

«Вследствие письма от 30 минувшего марта за № 197 имею честь уведомить ваше высокопревосходительство, что по докладе мной господину министру внутренних дел, вашего, милостивый государь, предположения о подчинении прежних двух арестантов Алексеевского равелина общей пище, установленной для каторжных арестантов, его сиятельство изволил признать возможным продолжить содержание этих двух лиц на прежнем основании».

24—25 мая 1882 года разбирался первый процесс команды нижних чинов Алексеевского равелина во главе с смотрителем Филимоновым и его помощником Андреевым. Приговор, как мы знаем, был суровый: солдат—на разные сроки в дисциплинарный батальон, начальство—к лишению всех прав состояния и ссылке в Архангельскую губернию. Нечего и говорить о том, что главный винт во всем деле, главное действующее лицо, Нечаев, не только не вызывался к допросам, но даже и не был назван по фамилии: арестант № 5—и только.

После суда комендант крепости Ганецкий решил отбросить все сантименты по отношению к Нечаеву, сделать новую атаку на него и привести его скорейшим путем в состояние небытия. 27 мая он писал директору департамента полиции В. К. Плеве:

«Во время бывшего 24 и 25 текущего мая в крепости заседания военно-окружного суда по делу о лицах, обвиняемых в нарушении особых обязанностей караульной службы в Алексеевском равелине, из показаний подсудимых нижних чинов обнаружилось, что причиною преступных их деяний частию было то исключительное, так сказать, привилегированное положение арестанта № 5, которое, ввиду различных снисхождений и исполнений со стороны начальства всех его претензий и капризов, вызвало в них предположение, что означенный преступник есть не простой арестант, и затем какое-то безотчетное к нему послушание и страх.

Признавая вследствие сего необходимым лишить означенного преступника всякой возможности в будущем влиять на солдат равелинной команды, я, в предупреждение подобных случаев и происшедшего на-днях печального результата тяжкого наказания нескольких лиц, которые при других условиях содержания такого исключительного государственного преступника, как арестант камеры № 5, были бы далеки от скамьи подсудимых, полагал бы справедливым одеть его, по примеру других 10 осужденных преступников, в каторжную одежду, давать наравне с последними простую пищу и лишить чтения книг, кроме евангелия и библии.

Имея честь вновь заявить об этом вашему превосходительству,— прошу испросить разрешения его сиятельства г. министра внутренних дел на приведение сего в исполнение и о последующем не оставить уведомлением, присовокупляя, что чтения книг я уже лишил его».

2 июня комендант получил от Плеве извещение, что граф Игнатьев, министр внутренних дел, вполне одобрил предположение относительно дальнейшего порядка содержания известного арестанта.

Отныне Нечаев переходил на новый режим, а Мирский сохранял по-прежнему свой прежний режим с привилегиями.

XXII.

Заселение равелина шло следующим путем. 25 июня 1882 года директор департамента полиции В. К. Плеве уведомил коменданта о том, что арестант Трубецкого бастиона государственный преступник Макар Тетерка подлежит перемещению в Алексеевский равелин и содержанию на условиях, созданных для десяти народовольцев. 26 июня в 12 часу ночи «с соблюдением тайны» Макар Тетерка был переведен в равелин.

18 сентября в равелин были доставлены из Восточной Сибири Игнатий Иванов, Михаил Попов и Николай Щедрин. На некоторых обстоятельствах, сопровождавших их водворение в равелин, следует остановиться. В первых числах мая 1882 года из Карийской каторжной тюрьмы бежало восемь государственных преступников. Главное начальство Восточной Сибири обратилось в Петербург с просьбой перевести восемь ссыльно-каторжных преступников, как «обнаруживаю-

щих наиболее вредное влияние на своих товарищей» в центральные каторжные тюрьмы Европейской России. Департамент полиции приказал направить их в Петербург и уведомил коменданта, что пять человек—Дмитрий Буцинский, Меер Геллис, Людвиг Кобылянский, Иннокентий Волошенко и Павел Орлов—должны быть заключены в Трубецкий бастион, а Игнатий Иванов, Михаил Попов и Николай Щедрин—в Алексеевский равелин. 18 сентября карийцы были привезены в Петербург и немедленно доставлены в крепость и посажены по указанию. Но комендант оказался в недоуменном положении, о котором он и поведал Плеве 20 сентября:

«Восемь человек ссыльно-каторжных государственных преступников доставлены в ножных оковах и с признаками бритых голов, а *Николай Щедрин* и при тележке, которая была отцеплена от него и привезена в крепость испорченною.

Вследствие переданного подпоручиком отдельного корпуса жандармов Кандыбою распоряжения департамента государственной полиции о том, чтобы по доставлении Щедрина в крепость тележка была снова прикреплена к нему, я распорядился исправить ее и прикрепить вчера.

Так как при прикреплении означенной тележки посредством запора на ключ, имеющихся при оной ручных оков, Щедрин заявил, что в месте ссылки она была прикреплена к нему не так, как здесь, и что на ночь она будто бы была снимаема с него, то, ввиду сего и неимения в комендантском управлении никаких сведений по означенному предмету, я просил бы ваше превосходительство сообщить мне о том, как должна быть прикреплена тележка и в каких случаях снимаема с преступника.

Вместе с сим прошу уведомить, следует ли сказанным восьми ссыльно-каторжным преступникам брить головы и продолжать держать их в ножных кандалах».

Законник Плеве приказал справиться с законами. Оказалось: «По отношению к первому вопросу в законе (уст. о ссыл., т. XIV) указаний не имеется; в ст. 779 (изд. 1857 г. по прод. 1876 г.) говорится лишь о приковании к тачке, как об одном из видов наказания, к коему приговариваются бессрочные ссыльно-каторжные. Что же касается бритья головы и содержания в оковах, то на основании ст. ст. 555 и 556 (того же тома по прод. 1876 г.) арестанты, каторжные мужеского пола, во время содержания в острогах, для удержания от побегов, подвергаются бритью головы, каждый месяц один раз. В оковах же содержимы должны быть: бессрочные каторжные—в ручных и ножных кандалах, а срочные в одних лишь ножных».

Пришлось восходить на высочайшее имя. Был изготовлен доклад, в котором министр просил царя утвердить предположенное им разрешение вопроса:

«Принимая во внимание особые условия, коими сопровождается содержание государственных преступников в С.-Петербургской крепости (одиночное заключение и совершенное отсутствие общения

с посторонними лицами), я предполагаю уведомить коменданта крепости, что содержащиеся в Алексеевском равелине в Трубецком бастионе ссыльно-каторжные государственные преступники подчиняются существующему в названных местах заключения порядку, без применения действующих в Сибири правил содержания ссыльно-каторжных».

5 октября коменданту была отправлена соответствующая бумага и недоумение было разрешено. Только 9 октября были сняты оковы, и Щедрин был освобожден от тележки. Но Ганецкий не успокоился и вновь писал в департамент:

«Усматривая из статейного списка каторжника Щедрина, что тележка, к которой он был прикован, есть наказание, определенное ему по конфирмации временно-командующим войсками Восточного Сибирского округа, взамен смертной казни, за совершенное Щедриным в месте ссылки новое тяжкое преступление и что срок прицепления к нему тележки оканчивается лишь 22 марта 1883 года,—я долгом считаю обратить на это внимание вашего превосходительства в том случае, если Щедрин должен оставаться до истечения срока при тележке, и просить уведомить меня дополнительно».

Плеве пришлось указать коменданту на то, что решение относительно тележки Щедрина последовало на основании высочайших указаний.

В ночь на 17 ноября 1882 года в равелин был заключен Петр Сергеевич Поливанов. Пылкий и горячий юноша 23 лет, Поливанов вместе с Мих. Дм. Райко, еще более молодым юношей, 16 августа 1882 г. сделал смелую попытку освободить содержащегося в Саратовском тюремном замке М. Э. Новицкого. Попытка кончилась неудачно. Поливанов вынужден был стрелять и убить тюремного ключника, а затем все три были схвачены. М. Д. Райко был до смерти избит уличной толпой, П. С. Поливанов и М. Э. Новицкий были преданы временному военному суду, который 23 сентября приговорил их к смертной казни через повешение. Приговор военного суда утверждался командующим военным округом (в данном случае Казанским). И Новицкий и Поливанов подали прошения о помиловании. 25 сентября командующему была отправлена за подписью князя Имеретинского, начальника главного военно-судного управления, следующая телеграмма: «Предварительно конфирмации приговора по делу Новицкого, согласно особому высочайшему повелению вам следует войти по телеграфу в соглашение по сему предмету с министром внутренних дел». В исполнение этого предложения командующий войсками округа 10 октября телеграфировал: «Военный суд в Саратове, признав Поливанова виновным в умышленном убийстве ключника Колобова, приговорил обоих к повешению. Учрежденное в Казани особое присутствие оставило кассационные жалобы без последствий. Признавая с своей стороны Новицкого менее виновным, как не принимавшего собственно в убийстве никакого участия, полагал бы ограничить ему меру наказания по третьей степени—на работы в рудниках на 12 лет. Относительно Поливанова, хотя он заслуживает смертной казни, но во вни-

мание его молодости, раскаянию, прирожденной экзальтации от сумасшедшей матери и боевой службе старика отца, считаю возможным применить к нему первую степень—на работы в рудниках без срока». 11 октября 1882 года граф Д. А. Толстой ответил: «На телеграмму от 10 сего октября за № 2904 и согласно состоявшемуся высочайшему повелению, по коему дарование жизни осужденным преступникам может исходить лишь от монаршего милосердия, имею честь уведомить ваше превосходительство, что по делу Поливанова и Новицкого государь император соизволил на освобождение преступников от смертной казни с заменою сего наказанием, предположенным вами. Вследствие сего вашему превосходительству надлежит, конфирмовав приговор без всякого в оном изменения, объявить затем, что его императорское величество, по доведении о существе приговора до его сведения, высочайше повелеть соизволил даровать жизнь осужденным, заменив смертную казнь, по лишению всех прав состояния, Новицкому—ссылкой в каторжные работы в рудниках на двенадцать лет, а Поливанову—ссылкой в каторжные работы в рудниках без срока».

18 октября помилование было объявлено, и саратовский губернатор попросил о немедленном переводе из Саратова Новицкого и Поливанова. Новицкий был немедленно отправлен в Восточную Сибирь, а Поливанова ждала иная участь. Александр III заменил Поливанову смертную казнь ссылкой в каторжные работы в рудниках без срока, *однако с тем, чтобы он был заключен в Алексеевский равелин*. 29 октября Поливанов был уже доставлен в крепость и заключен в Трубецкой бастион. В равелине не было места. Комендант 29 октября уведомлял Плеве:

«По неимению в настоящее время в равелине ни одной пригодной к заключению комнаты, названный преступник, временно, впредь до приспособления таковой в Алексеевском равелине, заключен в Трубецком бастионе в келии под № 9, изолированной от других с одной стороны дежурною комнатою, а с другой лестницею, при чем он одет в установленную для каторжников одежду, включен в число арестантов, содержащихся на положении преступников центральных каторжных тюрем, и будет называться не иначе как №. Вместе с сим долгом считаю поставить ваше превосходительство в известность, что в Алексеевском равелине состоит всего *двадцать одиночных келий*, из которых 16 заняты арестантами, а остальные четыре, отопка которых производится не из коридоров, как в первых 16-ти, а с внутри, и которые не имеют прочных запоров и правильно устроенных вентиляторов, служат: две расположенные по разным фасам дежурными комнатами жандармских унтер-офицеров и две цейхгаузами. Из этих последних одну келью, расположенную по лицевому фасаду и занятую складом осветительных принадлежностей, я ввиду настоящей потребности признал возможным безотлагательно приспособить под помещение арестанта, устроив печь так, чтобы топилась из коридора. Об окончании означенных работ и о возможности перемещения вышеназван-

ного арестанта в Алексеевский равелин я буду считать долгом сообщить своевременно».

По окончании ремонта Поливанов был водворен в равелине.

Вот этот контингент и подвергся воздействию соколовского режима в полном его объеме, без каких-либо отмен. Прошло больше полутора лет со дня заключения Поливанова до нового пополнения равелина. В апреле 1884 года занадобились места. Секретарь коменданта Денежкин дал справку о количестве свободных камер в равелине. Их оказалось всего восемь. «Ввиду значительного числа подследственных политических арестантов, содержащихся в тюремном помещении Трубецкого бастиона», по докладу министра внутренних дел, Александр III приказал временно перевести из бастиона в равелин Меера Геллиса, Савелия Златопольского, Михаила Грачевского, Юрия Богдановича, Александра Буцевича, Егора Минакова и Ипполита Мышкина. В ночь на 29 апреля 1884 года все они были переведены в равелин.

День 4 августа 1884 года был последним днем равелина. Все заключенные в нем были переведены во вновь построенную тюрьму Шлиссельбургской крепости.

XXIII.

О жизни в равелине в 1882—1884 годах оставили свои воспоминания сидевшие в нем П. С. Поливанов, М. Ф. Фроленко, М. Н. Тригони и М. Р. Попов [1]). В дальнейшем изложении, в характеристике режима мы пользуемся преимущественно архивными данными, иллюстрируя их параллелями из воспоминаний. Для начала остановимся на бюджете тюрьмы.

Средства на содержание заключенных в Алексеевском равелине отпускало III отделение, а по его уничтожении—департамент полиции. Установился такой порядок. Комендант, «ввиду близкого прихода к окончанию суммы, выписанной (тогда-то III отделением) на содержание арестантов», просил сделать распоряжение о высылке на означенный предмет «примерно двести рублей». Эти двести рублей записывались на приход и расходовались по мере надобности. Комендант первого числа каждого месяца представлял главному начальнику III отделения или директору департамента полиции «краткую выписку о денежной сумме, отпускаемой на продовольствие и прочее содержание политических арестантов Алексеевского равелина». Вот, например, несколько выписок за то время, когда в равелине были только

---

[1]) П. Поливанов, Алексеевский равелин, СПБ. 1907, и новое издание, выпускаемое Гос. Изд. под редакцией П. Е. Щеголева; М. Фроленко. Милость. Из воспоминаний об Алексеевском равелине, в «Былом» 1906, февраль, и отд. СПБ. 1906; М. Н. Тригони, Из воспоминаний об Алексеевском равелине,—«Минувшие Годы», 1908, кн. 4; М. Р. Попов в его статьях о Н. П. Щедрине («Былое», 1906, декабрь) и И. Н. Мышкине (там же, 1906, февраль).

Бейдеман и Нечаев. За февраль 1874 года «поступило в расход на продовольствие двух арестованных по 50 коп. в сутки на каждого, на покупку лекарства, мыла и прачке за мытье и починку белья»—34 р. 17 коп. Вот расходы за февраль 1876 года: «на продовольствие двух арестантов по 70 коп. в сутки на каждого, на покупку гуттаперчевой кружки, лекарства, мыла и прачке за мытье белья и уплаченные за сделанную в одном из окон нумера раму с проволочной сеткой»—75 р. 10 к. Расходы за февраль 1876 года: «на продовольствие двух арестованных по 70 коп. в сутки на каждого, на покупку лекарств, мыла, курительных порошков, прачке за починку и мытье белья и уплоченные за вставку в одном из окон нумеров 12 матовых и простых белых стекол»,—всего 56 р. 60 коп. Стекла, должно быть, были выбиты или Нечаевым в один из его протестов, или Бейдеманом. Вот нелишенные интереса расходы за декабрь 1876 года: «на продовольствие двух арестованных по 70 коп. в сутки на каждого, на покупку лекарств, мыла и курительных порошков и уплоченные за переделку и за ковку кандал и прачке за мытье и починку белья»—50 р. 15 к. Кандалы в это время были на Нечаеве.

Справедливость требует сказать, что пищевой режим в 1879, 1880, 1881 годах, когда комендантом был барон Майдель, был удовлетворителен и как небо от земли отстоял от позднейшего народовольческого режима, проводившегося Ганецким и Соколовым. Накануне нового 1881 года барон Майдель дал смотрителю равелина следующее либеральное предписание:

«В видах разнообразия в продовольствии пищею заключенных в Алексеевском равелине предписываю с 1 января 1881 года готовить им обед по прилагаемому при сем расписанию, при чем на остальные деньги, которых должно оставаться от приготовления обеда ежедневно не менее 80 коп., покупать к столу хлеба, подавать два раза в день утром и вечером чай с булкою в 3 к., с четырьмя кусками в каждый раз сахару в таком размере, чтобы его было достаточно на два стакана в накладку. Кроме того покупать из особо назначаемой в меру надобности в ваше распоряжение суммы для курящих арестантов по фунту табаку ценою в 1 рубль и по 500 гильз в месяц, которые и класть каждому в келью ежемесячно первого числа вместе с потребными ватою и палочкою для набивки папирос. Табак должен быть выдаваем в картузе целым нетронутым фунтом, но распечатанным. Последнее должно делаться в тех единственно предостережениях, чтобы в картузной бумаге не могло случиться никаких побочных предметов. При чем в случае затруднения, по неумелости состоящего в Алексеевском равелине повара, готовить все из значущихся в росписании блюд, разрешаю брать в первое время, для содействия в приготовлении пищи, из арестантской кухни солдата местной команды Ивана Чуракова».

Рядовому Чуракову за труд по обучению поварскому делу находящегося при равелине повара-солдата было выдано в награду пять рублей, а выучившемуся поварскому делу равелинному солдату еже-

месячно выписывалось «за труды и усердие по приготовлению стола для арестованных» по три рубля. Нельзя не отметить постоянной в это время статьи расхода на табак, гильзы, мыло, курительную бумагу. Так продолжалось до перевода народовольцев в равелин. Они не знали уже никаких поблажек, никакого мыла, табака, гильз, никакой курительной бумаги. На продовольствие—24 копейки в день на человека и больше ничего. В случаях болезни ничтожная трата на лимон, чеснок, молоко. Их режиму был подчинен и Нечаев. Один только заключенный в равелине был свободен от подчинения этому режиму. И никто из его товарищей не знал о его привилегиях. Мирскому, по-прежнему, отпускалось на продовольствие по 70 коп., а немного позже даже по рублю. По-прежнему приобретались для него ежемесячно фунт табаку (один рубль фунт), гильзы для 600 папирос и фруктов (на рубль, два). И в то время, как рядом умирали по камерам от цынги и от голодания, Мирский курил свои папиросы и кушал свой дессерт.

Вот несколько расходных записей за народовольческий период. Расходы за первый месяц сидения—апрель 1882 г.: «на продовольствие арестантов по 70 к. в сутки за 72 дня 50 р. 40 к. и по 24 коп. в сутки за 40 дней 9 р. 60 к., на покупку: фрукт на 80 к., пасхи, кулича и яиц—2 р. 60 к., гильз для папирос 600 шт. 42 к., мыла 3 ф.—42 к., веников для бани 20 шт. 30 к., чайник фарфоровый 35 к., гребенок 2 шт. 40 к., щеток половых 2 шт. 1 р. 80 к., кружек глиняных 6 шт. 80 к., ложек деревянных 12 шт. 18 к., умывальников 12 шт. и тарелок 18 шт. 69 р. 80 к., за починку сапог 80 к., прачке за мытье белья 3 р. и повару за труды и усердие по приготовлению стола для арестованных 3 р., а всего сто сорок четыре рубл. семьдесять семь коп.».

А вот экстраординарный расход: «По предписанию коменданта крепости от 18 декабря за № 522 выписаны в расход употребленные на приобретение 6 суконных халатов, 2 пары суконных брюк, 30 пар подштанников, 4 дюжины нитяных носков, 2 дюжины салфетов, 2 дюжины носовых платков, 2 пары кожаных сапог, 12 пар кожаных башмаков, 12 переносных ватер-клозетов с цинковыми ведрами, и для помещения смотрителя, находящегося в равелинном доме: письменный стол, диван, дюжина стульев и лампа всего триста пятьдесят рубл.». Всего на содержание заключенных (в том числе и на кабинет смотрителя) в 1882 году израсходовано 2.034 руб. 19 коп.

Расходы за январь 1883 года: «За продовольствие арестантов за 31 день по 1 рублю и 465 дней по 24 коп. в день, на покупку фрукт, табаку 1 ф., гильз 600 шт., лимонов 16 шт., молока 173 бут., чесноку, прачке за стирку и починку арестантского белья и выданные повару за труды и усердие по приготовлению стола для арестантов всего 186 р. 28 к.

Расходы за август 1883 года: «за продовольствие арестантов за 387 дней по 30 к., на покупку для больных арестантов по рецептам доктора молока 195 бут., лимонов 30 шт., чесноку, промывательного клистира, гуттаперчевой подушки, чаю и сахару, за стирку и починку

арестантского белья и башмаков, на покупку клеенки и бумаги и выданные повару за труд и усердие по приготовлению стола для арестантов, всего 165 р. 33 к.». Всего на содержание заключенных равелина израсходовано в 1883 году 1.903 р. 27 коп.

Вот последняя запись расходов на четыре дня августа месяца 1884 года — на содержание и на отправку в Шлиссельбургскую крепость: «на продовольствие арестантов по 30 коп. в сутки за 23 дня 6 р. 90 коп, на покупку говядины в отправку с арестантами 15 ф. 1 р. 89 к., хлеба 23 ф. 46 к., соли 4 ф. 7 к. и за стирку арестантского белья 2 р. 60 к., а всего 11 р. 92 к.». Всего в 1884 г. вышло на заключенных 1.002 р. 77 к.

Всего за время с 1 января 1882 года по 4 августа 1884 года (946 дней) отсижено в равелине 11.653 дня, истрачено же 4.940 р. 23 к. День тюремной жизни обошелся в 42 к. с лишним.

XXIV.

Переходя к административному укладу равелина, мы должны, прежде всего остановиться на смотрителе.

Соколов Матвей Ефимович «Ирод». По формулярным данным, не дающим иногда ясного представления, родился в 1834 году, происходил из мещан Каменец-Подольской губернии, вероисповедания православного, а «воспитывался» в Саратовском батальоне военных кантонистов. Формуляр как будто не дает указаний на еврейское происхождение Соколова, о котором определенно говорят и Поливанов, и Панкратов. Но батальон кантонистов обычно покрывал еврейское происхождение. Воспитание Соколова закончилось рано, ибо на семнадцатом году он уже был рядовым в 4 учебном карабинерном полку (этот полк в 1855 году был переименован в 4-й стрелковый батальон). Отсюда рядовым же он был переведен в стрелковый батальон императорской фамилии. Только через восемь лет Соколов был произведен в унтер-офицеры. Выделяться по службе он начал во время польского мятежа: за отличие в делах с польскими мятежниками под Монтвидовым получил в августе 1863 года знак отличия военного ордена св. Георгия. В 1865 году Соколов меняет специальность: для пользы службы его переводят в Виленскую уездную жандармскую команду. По этой должности «за особые заслуги» он получает знак отличия св. Анны с бантом. В 1866 году он был переведен в Лидскую уездную жандармскую команду и в октябре этого же года он был выбран (по высочайшему повелению, сообщенному в предписании начальника штаба корпуса жандармов от 6 октября 1866 г. за № 3631) для исполнения особых поручений при III отделении с зачислением в С.-Петербургский жандармский дивизион. Через девятнадцать лет от начала службы, в 1870 году Соколов получил первый офицерский чин прапорщика. Попав в корпус жандармов и в III отделение, Соколов оказался на своем месте и стал делать карьеру. К моменту назначения в Алексеевский равелин он состоял в должности смотрителя

дома штаба корпуса жандармов, имея чин штабс-капитана (с 20 апр. 1880 года), был уже кавалером Анны 3-й степени и получал неоднократно единовременные денежные пособия «во внимание отлично-усердной службы и недостаточного состояния». После временного исправления должности смотрителя был утвержден в ней 8 мая 1882 года В этой должности он был произведен в капитаны (15 мая 1883 года). Содержание Соколов получал в следующем размере: жалованья по чину 339 р., столовых—980 р. 70 к., добавочных (из департамента полиции)—1.000 руб., на наем казенной прислуги 96 р. Всего 2.415 р. 70 коп. С закрытием равелина он был назначен смотрителем Шлиссельбургской крепости.

«Память о Соколове,—говорит В. Н. Фигнер,—живет в нас, побывавших в его руках, и, можно надеяться, останется в умах тех, кто когда-либо будет интересоваться эпилогом борьбы «Народной Воли» против самодержавия, тем мрачным эпилогом—настоящим синодиком, который записан на страницах истории Шлиссельбургской крепости», и (добавим от себя. *П. Щ.*) на последних страницах истории Алексеевского равелина. Образ Соколова рисовали все писавшие о своих тюрьмах узники, и он, как живой, стоит перед нами, чьи бы мемуары мы ни взяли. Вот характеристика, сделанная В. Н. Фигнер: «Настоящая сторожевая собака, неусыпный цербер, подобный трехголовому псу у ворот Тартара, и, как тот охранял вход в ад древних греков, так и он сторожил тюремный ад нового времени. Он служил не за страх, а за совесть, и любил свое дело—гнусное ремесло бездушного палача. Его готовность итти в своей профессии до конца выразилась вполне в одной угрозе, сказанной при соответствующем случае: «Если прикажут говорить заключенному: «ваше сиятельство»—буду говорить «ваше сиятельство». Если прикажут задушить—задушу»... К исполнению своих обязанностей он относился с такою ревностью, что никаким жандармам не доверял наблюдения над узниками... Широкая мускулистая рука его ни на минуту не выпускала связки ключей от камер: ежедневно собственноручно он отпирал и запирал как их, так и дверные фортки при раздаче пищи, зорко следя за каждым жестом своих подчиненных». А вот как рисует его Поливанов: «Первое, что меня в нем поразило, это было выражение его глаз. До сих пор я не видел ничего подобного никогда и ни у одного человека. Они поразительно походили на глаза крупных пресмыкающихся. Тот же холодный блеск, то же самое отсутствие мысли. То же самое выражение тупой, безжалостной злобы. В этих глазах ясно читалось, что их обладателя ничем не проймешь, ничем не удивишь, ничем не разжалобишь, что он будет так же хладнокровно и так же методически душить свою жертву, как боа-констриктор давит барана. Отталкивающее впечатление, производимое этим человеком, еще более усиливали щетинистые подстриженные усы, выдающийся бритый подбородок и все его ухватки, напоминавшие не то мясника, не то палача, каковые звания очень шли к его плотной, коренастой фигуре с молодецки выпяченной грудью

и широкими ручищами, толстые пальцы которых находились в постоянном движении, как бы отыскивая себе работу».

Под стать Соколову была и вся его команда. После Нечаевской катастрофы в равелине служили только жандармы, присланные сюда по особому отбору. Они были вышколены Соколовым в самой превосходной степени. «Нужно было удивляться мелочной точности, с какой жандармы исполняли все предписанные начальством меры, направленные к пресечению и предупреждению чего-либо подобного тому, что здесь завелось было при Нечаеве»,—пишет Поливанов. Нужно сказать, что ключи от камер и форточек были у Соколова, и без Соколова жандарм не мог войти к заключенному. А сам Соколов почти не выходил из равелина.

На отлучку, хотя бы самую кратковременную, из Алексеевского равелина смотритель испрашивал разрешение коменданта всякий раз записками трафаретного содержания, вроде следующей: «испрашиваю разрешения вашего высокопревосходительства отлучиться из Алексеевского равелина завтра 1 января от $12^1/_2$ до 3 часов пополудни». Комендант писал на записке: «уволить Соколова и заменить его подпоручику Андрееву». В деле № 11 управления коменданта по Алексеевскому равелину о временных отлучках и болезни смотрителя Алексеевского равелина (началось 31 декабря 1881 г. и кончилось 2 февраля 1882 г.) за время с 1 января по 1 апреля 1882 находим 12 записок Соколова. Соколов за 3 месяца отлучался из равелина 12 раз (1, 7, 13, 20, 26 января, 9, 20, 24 февраля, 3, 10, 20, 30 марта), в общей сложности на 52 часа. Случилось Соколову заболеть. Он обратился 23 ноября с рапортом: «заболев сего числа возвратной горячкой, службу е. и. в-а исполнять не могу, о чем и имею честь донести вашему высокопревосходительству». Заменен Соколов был прикомандированным к коменд. управлению отд. корп. жанд. поручиком Яковлевым (будущим комендантом Шлиссельбургской крепости). Яковлеву было дано следующее совершенно секретное предписание:

«По случаю болезни смотрителя равелина, штабс-капитана Соколова, предписываю вашему благородию вступить в заведывание Алексеевским равелином на точном основании инструкции и предписаний и, приняв заключенных преступников, которые в настоящее время числом шестнадцать чел., равно ключи от их камер, инструкцию, предписания, команду нижних чинов, вещи, деньги и проч. в свое ведение, ключи от арестантских камер хранить лично при себе и входить в них только в известные часы, как-то: для выхода на прогулку в сад при доме, для подачи обеда и ужина, непременно при дежурном жандармском унтер-офицере, отнюдь не называть арестантов по фамилии и без разрешения моего ни под каким предлогом не отлучаться из равелина. При чем я убежден, что вы, ввиду особенной важности вверяемого вам поста, к исполнению должности смотрителя отнесетесь с полным вниманием и сохраните в строжайшей тайне содержащихся в равелине».

О столь важном событии, как болезнь смотрителя, комендант уведомил сейчас же и В. К. Плеве. Но Соколов, верный слуга, сознавал, что он болеть не должен, и уже 9 декабря донес коменданту, что, «получив облегчение от болезни, службу е. и. в. нести может».

XXV.

В Музее революции, в витрине хранится большая толстая, в выцветшем переплете «книга для записывания смен постов караула в Алексеевском равелине» за 1882 год. Эта книга была заведена Соколовым по всем правилам искусства. На первом листе этой книги читаем, за подписью коменданта, следующие указания:

«В книгу эту должны быть вписываемы:

1. Все нижние чины, наряженные в суточный караул и дежурство по Алексеевскому равелину с точным указанием: а) постов и смен часовых, б) начальника караула и разводящего; в) дежурного и поддежурного жандармских унтер-офицеров, а также патрулей с объяснением, кем и в какие часы были делаемы обходы.

2. Посещающие равелин начальствующие лица, имеющие на то право, с указанием времени входа и возвращения их из равелина.

3. Выпускаемые из равелина в Васильевские ворота и впускаемые обратно нижние чины Алексеевского равелина с указанием часов.

Все это должно быть вписываемо рукою начальника караула, а по безграмотности его, дежурным по равелину жандармским унтер-офицером и свидетельствуемо подписью смотрителя Алексеевского равелина».

Эта книга—дневник жизни равелина с 1 июля 1882 года по 31 декабря 1883 года, жизни, такой же точной, размеренной и разграфленной, как листы постовой книги. Верхняя часть страницы фиксирует караульную службу. На первом месте записываются караульный начальник и разводящий, а затем постовые, которые дежурили по 8 часов (три смены в сутки). Наружные посты были «у фронта» (лицевой фасад равелина) и сзади бастиона 2 и 3 фаса. Внутренних постов в коридорах было три—в первом коридоре от № 1 до № 3, во втором коридоре от № 4 до № 10 (а с 22 сентября до № 13), в третьем коридоре от № 11 до № 17 (а с 22 сентября от № 14 до № 19). Кроме постоянного дежурства был еще по вечерам и ночью (4—6 раз) обход патрулей. В средней части листа отмечались имена и фамилии выпускаемых (и впускаемых) из равелина через Васильевские ворота нижних чинов с указанием часов и минут времени увольнения и прибытия. На нижней странице листа укладывалась вся остальная часть жизни равелина. Не записывалось только время прибытия и убытия самого смотрителя равелина. Самым точным и скрупулезным образом, с обозначением минут, вписывались все посещения равелина: «Был впущен местный доктор Вильмс. Время прибытия $2^{3}/_{4}$ часа дня, время выбытия—3 часа 5 мин.»—«Был впущен в равелин помощник смотрителя

поручик Яковлев. Время прибытия—в 1 час дня; время выхода—в 3 часа 40 мин. дня». Вот запись 28 декабря 1882 года. Были впущены в равелин: «Священник Преображенский (к арестанту, содержащемуся в № 9). Время прибытия—12½ часа дня; время выбытия—1 ч. 37 м. дня и для осмотра мусорных ям и отхожих мест вахтер Пестриков и колонист СПБ. губернии Иван Иванов. Время прибытия—2 ч. 35 мин. дня; время выбытия—2 ч. 45 м. дня». Все рабочие и мастеровые, призывавшиеся для ремонта, все отходники, фонарщики, трубочисты,—все заносились в книгу.

По этой книге можно видеть, как редко посещался равелин начальством. Трафаретная запись (с сохранением орфографии): «Посѣщеніе Равелинъ Начальствующими лицами не было». Первая запись о начальственном посещении была сделана 18 июля 1882 года. Дело представляется так. Новые порядки, новый режим действовал в полном объеме. Со времени заключения народовольцев прошло уже 3½ месяца. Зачинатели режима испытывали, очевидно, потребность в личном удостоверении воздействия режима. И вот в ясный солнечный день 18 июля в 3 часа 35 минут пополудни в равелин прибыли министр внутренних дел граф Толстой, товарищ министра внутренних дел Оржевский, директор департамента государственной полиции Плеве, комендант крепости генерал-адъютант Ганецкий и секретарь коменданта Денежкин. Вышли начальствующие лица из равелина в 4 часа пополудни. Значит пробыли они в равелине всего 25 минут. Вспоминавшие о равелине Фроленко и Тригони об этом посещении не вспомнили и не могли вспомнить, потому что они их не видали. Начальствующие лица двигались бесшумно по коридору и засматривали в глазок. Для удовлетворения их любопытства этого было достаточно.

Первое, заметное для заключенных, посещение равелина состоялось только в 1883 году, когда новый режим уже дал прочные ростки—безнадежные болезни.—Оржевский посетил равелин 8 и 14 июля. Комендант Ганецкий (без высшего начальства) бывал в равелине очень редко. В 1882 году в книге помечено три посещения Ганецкого: 13 сентября (12¼—12½ ч. дня), 17 ноября (10¾—11¼ ч. дня), 21 ноября (3¾—4 ч. дня) и в 1883 году всего три посещения 7 февраля (11 ч. 10 м.—11 ч. 55 м. дня), 14 июня (2 ч. 35 м.—3 ч. 40 м.) и 30 июля (10 ч. 40 м.—11 ч. 10 м. дня—был вместе с крепостным инженерным генералом Старковым).

На некоторых других посещениях, отмеченных в книге, мы еще остановимся, а сейчас обратим внимание на встречающиеся изредка отметки вроде следующей—16 окт. 1882 г.:

«Принята в равелин личность»...

Время прибытия.	Звание личности.	Время выбытия.
В 11 ч. веч.	Личность (одна).	

Прибыла личность в 11 ч. веч. и не выбыла...

Это прибавился новый заключенный—Петр Поливанов.

Впрочем иногда отмечалось и время «убытия». Например, запись «Убыла личность из № 8 в 11 час. вечера» относится к смерти Ланганса. Или такая запись 13 июля 1883 года о смерти Клеточникова:

Время выбытия	Выбыл арестант
в 11¼ ч. в.	из № 6 умершим.

Жуткое впечатление производят листы постовой книги, вводящие жизнь «личности» в разграфленную клетку.

XXVI.

В пункте № 7 инструкции присяжным унтер-офицерам дома Алексеевского равелина указывалось, что посещать арестованных в равелине могут еще «доктор и один из священников», но с следующими оговорками: «не иначе, как при бытности смотрителя». Доктор и священник входили к арестованным в крайнем случае, первый для подания медицинского пособия и последний для исполнения обряда говения и всегда с личного приказания коменданта. По отношению не только к доктору и священнику, но и к другим, имеющим право посещения, т.-е. коменданту и шефу жандармов, в пункте 8 названной инструкции содержалось следующее предписание: «дежурный присяжный сопровождает означенных лиц до самого нумера и все время остается при арестованном, если не последует приказания через смотрителя выйти из нумера, тогда он, оставив арестованного, ожидает возвращения помянутых лиц за дверями».

В инструкции идет речь о разрешении допускать священника в равелин *только для выполнения обряда говения* всякий раз с личного приказания коменданта. Вообще же священнику вход не был дозволен. В 1866 году (4 октября III отделение—коменданту, № 2903) за услуги, оказанные протоиереем Полисадовым в деле склонения Каракозова к признанию, Александр II разрешил «допускать во всякое время к содержащимся в равелине арестантам протоиерея Полисадова для духовного назидания арестантов и для исполнения духовных треб». Таким образом право посещения камер равелина было дано лично Полисадову, но не священнику вообще. До 1871 года священники допускались только с высочайшего соизволения, а с 1871 года было разрешено допускать в равелин священника Дмитрия Флоринского с разрешения шефа жандармов (20 мая 1871, № 1377, III отделение—коменданту). Посещение заключенных было, таким образом, личной привилегией того или другого священника. Есть все основания думать, что за весь долгий период, когда в равелине сидели только двое, Нечаев и Бейдеман, священник не входил в тюрьму ни для бесед, ни для исповеди. В его услугах не было нужды: Бейдеман был сумасшедшим, а Нечаев был убежденным атеистом.

Впервые, после долгого перерыва, священник появляется в 1882 году, когда равелин был заселен народовольцами. Отрезанные от всего

мира, народовольцы должны были искать всеми путями сношения с внешним миром, с живыми людьми, не принадлежащими к составу охраны. И священник мог оказаться отдушиной, и он мог сообщить что-нибудь или «проговориться» о том или ином событии и т. д. Таков был взгляд заключенных народовольцев на приглашение священника. Так объяснял нам это дело в личной беседе и Николай Александрович Морозов.

Начало сношений с священником было положено соседом Н. А. Морозова по камере Тригони, но сношения привели к неожиданным результатам, о которых мы узнаем из совершенно секретного письма коменданта к Плеве от 22 декабря 1882 года за № 526:

«Милостивый государь Вячеслав Константинович. К одному из заключенных в Алексеевском равелине, осужденных ссыльно-каторжных преступников, именно к Михаилу *Тригони*, согласно его убедительной просьбы, основанной на желании исповедаться, был допущен избранный мною священник Петропавловского собора Сергей Преображенский, который, пробыв у него около получаса, доложил мне, что преступник, с которым он вел духовную беседу, большею частию касался догматов православной церкви и ее учений и некоторых внешних сведений, так, например, была ли коронация, но о желании исповедаться ничего не заявил.

При чем священник Преображенский, по поводу замеченной им в камере библии и св. евангелия, коснулся в разговоре со мной о том, что чтение библии и св. евангелия мало верующими и незнакомыми основательно с догматами православной церкви, без предварительного чтения учений о боге—Иисусе Христе, как спасителе мира, и его апостолах, не может повлиять на душу заблудшего так, как бы чтение других духовных сочинений, издаваемых при С.-Петербургской Духовной Академии, как например: «Христианское Чтение», «Историко-критический обзор новейшего западно-европейского социализма» и проч.

Ввиду того, что до сих пор заключенным в Алексеевском равелине и в Трубецком бастионе осужденным ссыльно-каторжным арестантам, как находящимся в разряде испытуемых, кроме св. евангелия и библии, не даются для чтения никакие другие духовно-нравственные книги, долгом считаю о таковом заключении о. Сергия сообщить вашему превосходительству на тот конец, не последует ли распоряжения на дозволение сказанным арестантам-каторжникам давать для чтения, кроме библии и св. евангелия, и другие священные или духовно-нравственные книги по выбору допускаемого к ним священника».

Ходатайство коменданта было удовлетворено, и круг чтения заключенных расширился; к евангелию были прибавлены духовно-нравственные и душеспасительные книги. Итог совсем небольшой!

Перед пасхой 1883 года узники равелина решили произвести организованное нападение на крепостного священника.

25 февраля комендант писал Плеве:

«Из числа заключенных в Алексеевском равелине государственных преступников десять человек, именно: Михайлов, Поливанов, Клеточников, Исаев, Морозов, Фроленко, Иванов, Баранников и Тетерка—православного вероисповедания и Ланганс—лютеранского желают исполнить обряд говения в предстоящем великом посту.

Предположив возложить совершение молитв, затем исповедать и приобщить означенных арестантов св. таин, каждого порознь в своих келиях, на священника Петропавловского собора Сергия Преображенского, как допускавшегося уже в равелин для духовных бесед с арестантом Тригони, я тем не менее долгом считаю просить ваше превосходительство уведомить, не может ли встретиться к сему какого-либо препятствия со стороны департамента государственной полиции. Что же касается Ланганса, то ввиду того, [что] для него, как лютеранина, требуется стороннее духовное лицо, до сих пор никогда, как видно из дел комендантского управления, не допускавшееся, то обстоятельство это имею честь представить на разрешение г. министра внутренних дел».

5 марта Плеве уведомил коменданта, что к допущению православного священника в равелин препятствий не встречается, а допущение «лица лютеранского исповедания не признается удобным». В тот же день комендант просил священника Преображенского «принять на себя труд совершить молитвы, исповедать и приобщить св. таин сих арестантов, каждого порознь в своих келиях, сбратясь за указанием их к смотрителю равелина, и, по исполнении сего, мне доложить. При чем сбязываюсь присовокупить, что арестанты, содержащиеся в равелине не должны быть оглашаемы и потому, если при духовных с ними беседах, вам сделаются известными их фамилии, то, конечно, сохраните это в тайне».

В 1884 году повторилась комедия с исповедью, но на этот раз уже не десять, а пять человек «изъявили желание на первой неделе великого поста исполнить обряд говения». Очевидно, надежды на священническую информацию сильно потускнели. Опять был приглашен священник Преображенский. При чем смотрителю было дано следующее предписание от 19 февраля 1884 года:

«Предложив священнику Петропавловского собора Преображенскому на первой неделе великого поста совершить молитвы, исповедать и приобщить св. таин тех арестантов Алексеевского равелина, которые изъявили желание говеть, предписываю допустить названного священника оставаться в келиях означенных арестантов наедине, с тем, чтобы двери келий в это время были полуоткрыты и наблюдение за действиями арестанта было производимо вами из коридора. Пища как для говеющих, так и для остальных арестантов в течение первой и страстной недели должна быть постная, преимущественно рыбная, и о том, что будет готовиться, представить мне расписание на всю неделю».

Вот и меню постного стола, меню, которому можно дать заголовок «то, чего не было»:

«*Расписание*. Для арестантов, содержащихся в Алексеевском равелине, пища постная в течение первой недели великого поста.

Понедельник. Щи со свежими снитками и пшенная каша с подсолнечным маслом.

Вторник. Суп перловый с грибами и жареная рыба с картофелем.

Среда. Картофельный суп с головизной и гречневая каша с подсолнечным маслом.

Четверг. Манный суп со свежими снитками и жареная рыба с картофелем.

Пятница. Щи с головизной и макароны с подсолнечным маслом.

Суббота. Суп пшенный со свежими снитками и жареная рыба с картофелем».

XXVII.

До введения «народовольческого» режима на продовольствие заключенных (Мирского и Нечаева) отпускалось по 70 коп. в день; вновь прибывшим—только по 24 копейки. 24 копейки по тому времени была порядочная сумма, и на нее можно было бы порядочно кормить, но смотритель экономил еще в свой карман, и вот описание пищевого довольствия, которое мы берем из воспоминаний М. Н. Тригони:

«В течение года с месяцами обед наш состоял из оловянной миски мутной жидкости, в которой плавали несколько микроскопических кусочков жил и зеленых обрезков кислой капусты, и маленькой тарелочки гречневой кашицы, приготовленной в виде жидкого клейстера, на котором плавало несколько капель сала, от которого несло запахом сальной свечи. На ужин давали те же щи, с тою лишь разницею, что в них отсутствовали кусочки жил. Это в скоромные дни; в постные же дни, т.-е. в среду и пятницу, давали гороховый суп или, лучше сказать, намек на гороховый суп, так как это была зеленоватая вода с очень незначительным количеством шелухи гороховой, и кашу, в которой только слышался запах постного масла. Некоторые в течение всего времени, когда давалась эта пища, питались почти только ржаным хлебом и квасом, так как есть пищу не было физической возможности. Но для тех, кто приневоливал себя есть обеды, так и для тех, кто не был в силах делать это, результат подобного питания на здоровье в скором времени отразился одинаково».

Только в августе 1883 года после того, как новый режим дал себя знать, произошло некоторое улучшение в пище, и на стол стали отпускать по 30 к.

Прогулка первое время совершенно не давалась, и народовольцы просидели по несколько месяцев безвыходно в сырых казематах. Надо принять во внимание, что камеры равелина, за исключением 4 камер, были нежилыми помещениями с 1866 года, т.-е. в течение более четверти века. О сырости камер рассказывают и Фроленко, и Тригони, и Поливанов. Нижняя часть стены приблизительно на аршин высоты была покрыта плесенью. У Тригони за ночь пол покрывался серебряным налетом, грибы успевали вырости настолько, что получалась сплошная

беловатая кора. Соль нельзя было держать на столе: получался рассол. Волосяные матрацы прогнивали снизу. Форточек не было, вентиляторы почти везде были засорены. Окна были или матовые, или выбеленные. Свет плохой, бледный. В таких условиях каждый месяц сокращал жизнь на года. Пищевой режим гарантировал цынгу, а в связи с остальными физическими условиями—туберкулез.

Для духовной жизни условий, просто, никаких не было. Заключенные были отрезаны навсегда от внешнего мира, от своих близких родных. Тщетно жены, матери, братья, отцы и сестры писали на департамент полиции письма своим неизвестно где заключенным родственникам; письма никогда не передавались и просто подшивались к делам. В 1917 году в делах нашлись целые кладбища писем, не полученных адресатами. Узникам равелина было запрещено писать. Так же, как и читать. Никаких книг, кроме евангелия и «божественных», да и те были даны, как мы видели, не сразу.

Все меры к преграждению сношений между заключенными были приняты. Бдительность жандармских унтер-офицеров не знала пределов. И все же заключенные находили время и возможность перестукиваться между собой. И этому помогали новые правила, по которым часовые (тоже из жандармов) в коридорах могли ходить только по средине по мату и не имели права приближаться к дверям камер, а жандармские унтер-офицеры не все свое время могли посвящать надзору за перестукиванием и, кроме того, изощренное ухо узника всегда слышало их приближение. Начальство, в лице смотрителя, знало о перестукивании, боролось с ним, как могло, но имело и верные средства против упорных стукальщиков. Был изолированный короткий коридор с двумя камерами № 1 и 3, отделенными дежурной для жандармов. Тот, кто попадал сюда, испытывал весь ужас абсолютного одиночного заключения. За перестукивание был посажен в № 3 Поливанов. Он просидел здесь восемь месяцев, и здесь нашла свое начало душевная болезнь, которая привела к двум попыткам самоубийства в равелине и закончилась уже на воле много позже все-таки самоубийством.

«Восемь месяцев,—вспоминал Поливанов,—прожитые в этой камере, были в моей тюремной жизни эпохой абсолютного одиночества, идеального одиночества, идеального одиночества тюремного заключения. Здесь не было даже того разнообразия, тех развлечений, которые доступны заключенному в Трубецком. Вечная тишина, вечные сумерки, вечно одни и те же угрюмо-злобные лица Соколова и его унтеров. День за днем одно и то же, и в том же убийственно монотонном порядке. Вечное молчание: ни стучать, ни говорить не с кем. Иногда проходило более месяца сряду, как я не произносил ни одного слова. Да и какие разговоры могли быть с Иродом! Разве скажешь во время ванны (она была раз в шесть недель): «дайте еще горячей воды» и снова замолкнешь на месяц, на два, до следующей ванны. Со мной именно и было раз таким образом».

Такое одиночество переживали Нечаев и Михайлов, сидевшие в этом изолированном коридоре. Они не вышли отсюда и здесь

умерли. Сравнительно короткое время здесь сидел Грачевский (с 29 апреля по день перевода в Шлиссельбургскую крепость); душевное расстройство, которое привело его в Шлиссельбургской крепости к самосожжению, в этом изолированном коридоре получило свое развитие. Одно время сидел здесь и Златопольский.

Но перестукивание прекращалось, как это часто бывало в равелине, еще и по обстоятельствам, от начальства непосредственно независевшим. Сосед заболевал так, что не мог подойти к стенке, или впадал в помешательство: тогда сношения прерывались.

Возьмем группу заключенных, с которой новый режим начался и на которую он обрушился всей своей тяжестью. Пятнадцать человек: одиннадцать человек по процессу 20, три карийца и Поливанов. По возрасту это были все молодые люди. Самые молодые—по 23 года—Поливанов, Арончик, Игнатий Иванов; 24 лет—Баранников, 25—Исаев, 26—Михайлов, 27—Морозов, 28—Щедрин, 29—Тетерка, 30—Ланганс, 31—Попов, Тригони, 32—Колоткевич, 34—Фроленко и 35—Клеточников. Все они до заключения в равелине уже провели известное время в тюрьмах, но сравнительно не большое—около года в среднем на человека. Один только Поливанов просидел до этого всего три месяца. Таким образом нельзя считать их организм чрезмерно истощенным к началу их заточения в равелине. Что сталось с этой группой в равелине?

XXVIII.

Условия жизни—и физически, и морально—могли только вызывать и содействовать разрушению организма. Но ведь в равелине была и медицинская помощь, был и доктор. Но медицинские заботы были чистым лицемерием, ибо в планы начальства вовсе и не входило вылечивать болезни и спасать от смерти, да и как при таких условиях вылечить от туберкулеза, от сумасшествия? Врач Вильмс был достойным товарищем «Ирода» Соколова. Доктор медицины, действительный статский советник, Гавриил Иванович Вильмс родился 13 июля 1822 года. На службе в крепости он находился с 19 февраля 1863 года. Старик, сутуловатый, седой, как лунь, и сухой, как палка, он поражал заключенных своей необычайной грубостью и нахальством. «В его манере, в его голосе было что-то такое отталкивающее, наглое, что совсем не вязалось с представлением о враче»,—пишет Поливанов. Вильмс являлся, когда его требовал Соколов, безучастно осматривал больных, и только.

Заболевания цынгой начались уже летом 1882 года. Об этом обстоятельстве можно заключить по появлению в ежемесячных отчетах смотрителя (по расходу денег) записей о тратах на молоко, лимоны и чеснок: $^1/_2$ бут. молока, $^1/_2$ лимона—вот, чем реагировал Вильмс на режим—в самый тяжкий период болезни. Этой жалкой помощи при первом намеке на выздоровление больной сейчас же лишался. К этим средствам надо добавить еще чеснок и чай (в редких случаях). Вот и все.

Молоко впервые появляется в расходных выписках в июле 1882 года: в этот месяц было куплено 17 бут., в августе 38, в сентябре 108, в ноябре 90, в декабре 106; в 1883 г. по месяцам 173, 168, 125, 126, 95, 135, 195, 145, 124, 120, 124. Лимоны появляются в августе 1882 года, по месяцам 31, 30, 31, 15 и 16 и в 1883 году—16, 18, 20, 40, 25, 20, 25, 30 (август). Дальше лимоны уже не покупались. Чеснок фигурирует в записях января—октября 1883 года—на 50, 60, 60, 95, 90, 100, 100, 70, 50, 70 коп. в месяц. Наконец, чай и сахар появляется только в августе, сентябре и октябре 1883 года.

В некоторых случаях Вильмс считал нужным подавать коменданту рапорты. Так, 4 декабря 1882 года Вильмс подал рапорт о № 18. Кажется, это был М. Ф. Фроленко: «У содержащегося в № 18 Алексеевского равелина арестанта развилась цынга в столь сильной степени, что истощение арестанта вследствие постоянных цынготных кровоизлияний принимает угрожающий для жизни арестанта характер, а потому считаю необходимым, при недействительности исключительно врачебных средств, отпускать сказанному арестанту для поддержания сил по полбутылке молока ежедневно». А 20 декабря последовал рапорт о № 10—Н. А. Морозове: «У содержащегося в камере № 10 Алексеевского равелина арестанта снова начала развиваться цынга, осложненная в настоящее время поражением сочленения правой стопы с голенью, а потому считаю необходимым отпускать сказанному больному арестанту, для поддержания действия соответствующих врачебных средств, еще по полбутылке молока в сутки».

Но Вильмс следил и за своевременным лишением больных молока. Так 4 марта 1883 года Соколов рапортовал: «При осмотре 2 сего марта доктором Вильмсом арестантских заключений вверенного мне равелина признал возможным: 1) арестованным, содержащимся в №№ 1, 6, 7, 11, 16 и 18, прекратить выдачу молока и 2) арестованному, содержащемуся в № 8, выдавать рыбий жир». А 9 апреля Вильмс нашел нужным давать по $^1/_2$ бут. молока № 4 и возобновить дачу молока № 11.

В середине 1883 года режим показал себя во-всю, так показал, что даже высшие творцы его, вроде генерала Оржевского, несколько изумились и сочли нужным ослабить его: до того здорово он действовал. Генерал Оржевский лично убедился в результатах режима. Он посетил равелин 8 июля (от $12^1/_4$ до $1^1/_4$ дня) и 14 июля (от 12 ч. 20 м. до 2 ч. дня). Он не мог не обратить внимания, не мог не оценить действия режима, не мог не притти к заключению, что новые правила превзошли все ожидания и действуют уже свыше меры. Генерал увидел не тюрьму, не равелин, а своеобразный—без медицинского ухода и без медицинской помощи—лазарет тяжело-больных. Смерть распростерла свои крылья над этим местом человеческих страданий, и все пятнадцать ощутили веяние этих крыльев. Безмолвно, не видя сочувственного взора, не слыша дружественного слова, не ощущая помощи дружеской руки, болели и умирали народовольцы. В это время уже были разрешены прогулки, но только один из заключенных был

в состоянии передвинуться из камеры в садик. Железо—противоцынготное средство—вначале стояло в окне коридора в небольшом пузырьке, теперь поставили огромную бутыль чуть не в ¼ ведра. Многие заключенные не поднимались с коек. Туберкулез тоже делал свое дело.

Пришлось ослабить узду режима. И Тригони и Поливанов совершенно правильно объясняют причины незначительного улучшения. Тригони пишет: «Увидев собственными глазами заключенных, Оржевский хорошо понимал, что дело клонится к близкой развязке и что необходимо принять меры, чтобы предупредить скандал повального вымирания тюрьмы в течение одного года с месяцами. Объяснить изменение пищевого режима чем-нибудь иным будет ошибкой». С горькой иронией вспоминает Поливанов: «Высшая администрация почему-то удостоила обратить внимание на Алексеевский равелин, вернее всего из боязни, чтобы не перемерли все вдруг и притом в самом непродолжительном времени: все же надо было соблюсти хотя тень внешнего приличия и некоторую постепенность в препровождении нас из земной юдоли туда, где нет ни плача, ни воздыхания. Притом же для нас уже строилась Шлиссельбургская тюрьма. Кого же там держать, если Соколов с Лесником переморят раньше должного времени тех, для кого и затеяли реставрацию Шлиссельбурга?»

Потрясающие картины безмолвного умирания в равелине нарисовали Поливанов, Фроленко, Тригони. Мы располагаем еще одним своеобразным источником для истории равелина этой поры или, вернее, для истории болезни заключенных. Оржевский приказал позаботиться о больных, комендант в свою очередь приказал (3 августа 1883 года) Вильмсу подавать еженедельные рапорты о «здоровьи» заключенных. Часть этих рапортов сохранилась. Сухие, жесткие, как сам Вильмс, медицинские отчеты производят впечатление не менее глубокое, чем воспоминания Поливанова, Фроленко, Тригони. В своей совокупности они дают поразительный мартиролог узников Алексеевского равелина. Мы возьмем время с 13 июля по 18 сентября 1883 года, а затем присоединим и официальные сведения о «здоровьи» и за позднейшее время. Используем не только еженедельные общие рапорты, но вообще все сохранившиеся рапорты Вильмса.

В начале июля помирал Клеточников. О последних его днях следующие данные находим в рапорте Вильмса от 10 июля 1883 года: «Содержащийся в камере № 6 Алексеевского равелина арестант, вследствие сильнейшего разрыхления и изъязвления десен цынгою, не может есть черного хлеба, а потому считаю необходимым отпускать сказанному арестанту, вместо отпускаемого ему черного хлеба, по одному фунту белого хлеба в сутки». Комендант разрешил выдавать белый хлеб, но это уже не помогло. 13 июля Вильмс рапортовал: «Содержавшийся в камере № 6 Алексеевского равелина арестант сего 13 июля 1883 года в 7 часов утра скончался от продолжительного изнурительного поноса вследствие бугорчатого страдания кишечного канала». А через два дня последовал новый рапорт Вильмса: «Так как содержав-

шийся в № 6 Алексеевского равелина арестант помер 13 сего июля от изнурительного поноса, каковая болезнь в местах тюремного заключения имеет наклонность принимать заразительный характер, то честь имею всепокорнейше просить распоряжения вашего высокопревосходительства об уничтожении всего грязного белья, одежды, равно как и тюфяков, пропитанных испражнениями больного, равно о дезинфекции твердых вещей и об обмытии самой камеры».

Несчастному Клеточникову пришлось тяжелее всех в равелине. Ведь он служил в III отделении, был сослуживцем Соколова, пользовался доверием своего начальства, но служил он исключительно в целях и по заданиям «Народной Воли», доставляя все сведения о планах и мерах III отделения и парализуя тем его деятельность. Народовольцы очень высоко оценивали его полезность для дела революции. «Не успел он,—вспоминает Тригони,—переступить порога тюрьмы, как Соколов объявил ему: «Ну, а с тебя взыскания будут строгие». И действительно, несмотря на его страдания желудком, легочную болезнь и цынгу, Вильмс не улучшал ему пищи, не давал ему даже молока. Клеточников решил заморить себя голодом. «Ну, в таком случае будем кормить силой»,—сказал ему Соколов. Тригони рассказывает: «Когда Соколов увидел, что пища стоит нетронутой, то приказал жандармам кормить его, если он сейчас же не начнет есть. Клеточников съел несколько ложек. Жандармы вышли. Клеточников бросил ложку. Так продолжалось три дня. На 4-й день приехал в Алексеевский равелин товарищ министра внутренних дел Оржевский и вместе с комендантом обошел все камеры. До этого времени, т.-е. в течение 1 года 3 месяцев, в камеры не входил никто из ревизующих. По всей вероятности, ревизоры бывали и ранее, заглядывали в дверное стеклышко, но в камеры не заходили. После отъезда Оржевского Клеточникову стали давать молоко и белый хлеб».

Этот рассказ Тригони совпадает с действительностью, изложенною в рапортах Вильмса.

6 августа Вильмс донес специально о «здоровье» №№ 8 и 19: «Сим честь имею всепокорнейше просить распоряжения вашего превосходительства об отпуске содержащимся в №№ 8 и 19 Алексеевского равелина арестантам, независимо от отпускаемого им молока, еще по три стакана чаю в сутки, так как арестант, содержащийся в № 8, по роду своей болезни требует усиленного питания, арестант же, содержащийся в № 19, страдая изнурительной лихорадкой с поносом, не может принимать никакой пищи и не может пить ни воды, ни квасу».

№ 8—это Мартын Лангане, а № 19—Макар Тетерка.

6 августа Вильмс представил коменданту следующий рапорт: «Содержавшийся в камере № 14 Алексеевского равелина арестант по фамилии, согласно заявлению смотрителя, Баранников сего августа 6 дня в $7^3/_4$ часа утра умер от скоротечной чахотки». О его последних днях и минутах рассказывает сидевший с ним рядом (в № 15) Поливанов: «Баранников уже не вставал с постели и не мог отвечать на мой

стук. Он был уже при смерти, и его стоны разрывали мне сердце. Тот, кто сам не бывал в подобных условиях, едва ли может себе представить, какая это адская мука знать, что рядом с тобой, отделенный только стеною, мучается в агонии твой товарищ, может быть, твой близкий, дорогой друг, одинокий, беспомощный, лишенный возможности перед смертью увидеть хоть один любящий взгляд, услышать хоть одно теплое слово, и ты бессилен чем-нибудь облегчить его страдания. Ужасно, ужасно! Это доводило меня до исступления, и я бегал по камере, как дикий зверь в клетке. Дней через восемь Баранников умер. Я помню, его стоны разбудили меня в 3 часа утра, и я уже не мог более заснуть. Он стонал часа полтора под-ряд. Жандармы шушукались в коридоре, часто подходили к двери и заглядывали в стеклышко, но не входили к нему. Наконец, он стал стихать, стихать, и совсем замолк. Прошло минуть пять, и вдруг снова раздался стон, пронзительный, протяжный, и сразу резко оборвался. Все было кончено. В шесть часов при обычном утреннем обходе в № 14 зашел Соколов и сейчас же вышел. Заметно было, что оттуда не выносили ведра, не наливали свежей воды, не подметали пола, словом не делали того, что обыкновенно делалось. Часов в семь с половиной, раньше, чем доктор обыкновенно обходил больных, Соколов снова пришел с Вильмсом. Они пробыли в камере минуты две-три и ушли. Немного погодя жандармы вынесли труп и стали прибирать камеру».

Баранников скончался в молодом возрасте. Он отличался большой физической силой и цветущим здоровьем. Баранников, по словам В. Н. Фигнер, был одним из самых энергичных и пылких террористов. Его фигура и мрачное лицо вполне гармонировали с решительностью его убеждений, и если бы нужно было дать физическое воплощение террору, то нельзя было сделать лучшего выбора, как взяв образ Баранникова. По смелости и отваге это был настоящий герой: «Если кого-нибудь можно назвать ангелом мести, так именно его».

Исполняя предписание коменданта, Вильмс начал с 7 августа представлять еженедельные рапорты. В первом из них он доносил, что «арестанты, содержащиеся в камерах Алексеевского равелина, за исключением содержащегося в № 9, все пользуются врачебным пособием, так как все в течение прошлой зимы были одержимы скорбутом. Содержащийся в № 9 совершенно здоров. Арестант, содержащийся в № 8, страдая белою опухолью правого коленного сустава, без оперативного лечения не подает надежды на выздоровление, хотя в настоящее время прямой опасности для его жизни не предвидится. Арестант, содержащийся в № 19, страдая изнурительной лихорадкой с поносом, при совершенном упадке сил и питания, подает мало надежды не только на выздоровление, но и на продолжительность жизни».

№ 9—совершенно здоровый—это М. Н. Тригони, несомненно самый мощный из всех заключенных в равелине. Правда, скоро и его должен был поместить Вильмс в числе больных. У него тоже была

цынга, но она не осложнилась другими болезнями и не причиняла ему сильных физических страданий, когда он лежал.

А о № 8 и 19—Лангансе и Тетерке—Вильмс подал 9 августа специальный рапорт: «Содержащиеся в №№ 8 и 19 Алексеевского равелина арестанты находятся в столь тяжком болезненном состоянии, что требуют постоянной посторонней помощи, а потому при условиях одиночного заключения лечение этих больных невозможно: без особого ухода за ними и без частого врачебного наблюдения арестанты эти неминуемо должны умереть, хотя во всяком случае предсказание относительно жизни весьма неблагоприятно, особенно для арестанта, содержащегося в № 19».

Арестант № 19 не пережил этого дня. В этот же день Вильмс рапортовал: «Содержавшийся в № 19 Алексеевского равелина арестант по фамилии, согласно заявлению смотрителя равелина, Тетерка, сего 9 августа 1883 года в 8 часов вечера скончался от продолжительной изнурительной лихорадки, развившейся после воспаления правой подреберной плевы». Впоследствии 25 августа Вильмс доносил: «Содержавшийся в № 19 Алексеевского равелина арестант в последние недели своей жизни страдал изнурительным поносом, принимающим иногда характер заразительности, а потому считаю необходимым все мягкие вещи, загрязненные сказанным умершим арестантом, как-то: тюфяк, подушка, одеяло, тулуп, равно и грязное белье того арестанта подвергнуть уничтожению через сожигание. Самая камера должна быть вымыта щелоком и выбелена». Макар Тетерка—стойкий и выдержанный рабочий-революционер отходил к смерти незаметно, в полном одиночестве. Он не мог ни с кем даже перестучаться, ибо занимал последнюю камеру в коридоре, отделенную от других камерой, в которой сидел впавший в умопомешательство Арончик.

14 августа Вильмс доносил, что в равелине пользуются врачебной помощью 11 человек. Затем следовало добавление о № 8—Лангансе: «Болезнь арестанта, содержащегося в камере № 8 Алексеевского равелина, несколько ухудшилась, так как у больного арестанта появилось в течение последней недели кровохаркание, состояние болезни вообще подает мало надежды на выздоровление».

Через неделю 21 августа Вильмс доносил о том, что по состоянию своего здоровья все заключенные в равелине пользуются врачебной помощью, а о Лангансе сообщил: «Состояние болезни арестанта, содержащегося в камере № 8 того равелина, не представляет перемены к лучшему, так как больной, по сильно-болезненному страданию своей правой нижней конечности, не может лежать иначе, как только на правом боку, то при крайнем исхудании больного угрожают сбразоваться пролежни в области большого вертела правого бедра. Для предупреждения таковых пролежней считаю необходимым приобрести для содержащегося в камере № 8 Алексеевского равелина больного арестанта круглые резиновые подушки с центральным просветом».

«Разрешаю купить резиновую подушку»—положил резолюцию на рапорте врача генерал Ганецкий.

Через неделю Вильмс доносил, что «в камерах Алексеевского равелина все арестанты, за исключением содержащегося в камере № 9, пользуются врачебными средствами. Состояние болезни арестанта, содержащегося в № 8 Алексеевского равелина, безнадежно, так как вследствие бугорчатного страдания колена правой нижней конечности появились и приняли угрожающий характер поражения бугорчаткой как легкого, так и кишечного канала. Бывший доселе понос принял вид изнурительного поноса; кровохаркание усилилось и не уступает никаким средствам».

Еще через неделю в рапорте Вильмса от 4 сентября читаем: «В камерах Алексеевского равелина все арестанты пользуются врачебной помощью. В состоянии болезни арестанта, содержащегося в камере № 8 Алексеевского равелина, никаких перемен к лучшему не замечается. Больной начинает терять позыв к пище».

Условия жизни в равелине буквально разрушали организм заключенных. Более крепкие организмы подстерегала болезнь души—сумасшествие. Так было с Игнатием Ивановым. Любопытно, что инициатива признания его сумасшедшим исходила не от тюремного доктора, не от тюремного начальства, а от департамента полиции. Это был, конечно, прямой результат посещения равелина Оржевским 30 июля. В. К. Плеве, по встретившейся надобности, просил коменданта «не отказать в распоряжении о доставлении ему заключения врача о состоянии здоровья содержащегося в С.-Петербургской крепости государственного преступника Игнатия Иванова».

2 августа комендант переслал директору департамента полиции следующий рапорт доктора Вильмса от 1 августа: «Вследствие предписания вашего высокопревосходительства в надписи от 31 июля 1883 года за № 634 свидетельствовал я сего числа, в присутствии смотрителя Алексеевского равелина капитана Соколова, состояние здоровья содержавшегося в камере № 17 арестанта, состоящего по списку, по заявлению смотрителя Соколова, под именем Игнатия Иванова, но сам себя именующего Петром Непомнящим родства, при чем оказалось нижеследующее: арестант небольшого роста, крепкого телосложения, при наружном осмотре представляет по всему телу мелко-ужеватую сыпь, глаза несколько выпячены, так что край верхних век не достает верхнего края роговиц; объем шеи не увеличен, удары сердца нормальны 60—70; температура кожи не возвышена, вообще арестант не представляет никаких объективных признаков какой-либо болезни. Аппетит хорош, сон нормальный. При подробном расспросе жалуется на боль в голове по темени и на боль между лопатками, особенно в верхней части спинно-грудных позвонков. При входе в камеру арестант выказывает припадки религиозного помешательства, но действительно ли эти припадки могут считаться признаками душевного расстройства, решить трудно и для этого требуется методическое продолжительное наблюде-

ние, так как упорное скрытие своего настоящего имени наводит сомнение о существовании у арестанта постоянного расстройства умственных способностей».

2 сентября департамент полиции уведомил коменданта, что Игнатий Иванов, как страдающий расстройством умственных способностей, подлежит переводу для пользования в Казанскую окружную лечебницу во имя божией матери всех скорбящих.

4 сентября в 12 часов ночи, при совершенной тайне, Игнатий Иванов переведен в дом Трубецкого бастиона, а отсюда 5 сентября отправлен по назначению.

Любопытно, что генерал Ганецкий еще раз заставил доктора Вильмса рапортовать об Игнатии Иванове 5 сентября уже после перевода его из равелина: «Во исполнение переданного мне секретарем управления приказания вашего высокопревосходительства, честь имею донести, что арестант Игнатий Иванов, действительно, выказывает постоянные припадки мрачного умопомешательства религиозного характера, но для точного определения степени расстройства умственных способностей сказанного арестанта необходимо продолжительное, обставленное особыми приспособлениями, наблюдение за тем арестантом, чего нет возможности исполнить при заключении арестанта в одиночной камере крепостных арестантских помещений».

Об этом увозе Игнатия Иванова ярки воспоминания М. Ф. Фроленко: «Среди гробовой тишины вдруг раздался отчаянный крик погибающего человека, за криком последовала короткая возня — борьба, и слышно было, как что-то тяжелое пронесли по коридору. Что такое? Бьют кого? Или сошел кто с ума? Ужас, отчаяние, жалость охватили разом все существо... От сознания своего бессилия слезы заполнили глаза... Являлось желание ломать руки, кричать, неистовствовать, разбить себе голову... Но какая польза?—спрашивал разум. Это ужасное состояние поймет хорошо тот, у кого на глазах тонул, горел, вообще погибал близкий человек; самому же ему пришлось стоять и смотреть и в бессилии ломать лишь руки, безумно бегая по берегу реки или возле горящего дома. Соколов, видно, понял наше состояние и не скрыл: «Сошел с ума, увезли в больницу»,—ответил он и, действительно, это был карийский Игнатий Иванов».

Судьба Иванова известна. Когда начальство нашло, что он достаточно вылечился в Казанской больнице, оно перевело его в Шлиссельбургскую тюрьму, где он и умер «от чахотки».

Следующий еженедельный рапорт Вильмса от 11 сентября давал следующие сведения: «В камерах Алексеевского равелина все арестанты пользуются врачебными средствами. Состояние болезни арестанта, содержащегося в камере № 8 Алексеевского равелина, еще ухудшилось, значительно явственнее стал упадок сил; сознание начинает потемняться». Не успел еще Вильмс подать этот рапорт, как ему пришлось писать новый: «Содержащийся в № 8 Алексеевского равелина арестант Ланганс сего сентября 11 дня 1883 года в $2^1/_2$ часа

пополудни скончался от бугорчатной легочной чахотки, развившейся вследствие хронического бугорчатого страдания правого коленного сустава». О последних днях Ланганса рассказывает М. Н. Тригони, сидевший рядом с ним (в № 9): «У Ланганса цынга проходила, открылось сильное кровохарканье, ходил он с большим трудом. Все время лежал он и лишь изредка добирался до стены, чтобы перемолвиться словом. Он не думал, что у него чахотка, и верил в свое выздоровление... Несмотря на сильные страдания, душевной бодрости Мартын Рудольфович не терял. Впоследствии вставать с постели он уже не мог и, если хотел сказать что-нибудь, то брал в руку башмак и, лежа, с кровати, стоявшей вдали от стены, стучал по полу, а я отвечал ему стуком в стену. В конце августа начали выводить на прогулку. Ланганс обратился с просьбой к доктору дать ему костыли, чтобы иметь возможность подышать свежим воздухом $^1/_4$ часа. Доктор ответил, что без коменданта разрешить он не может, но что доложит об этом коменданту... На следующий день доктор зашел к Лангансу и объявил ему, что «комендант не разрешает выдать костыли». Через несколько дней состояние Ланганса так ухудшилось, что он не мог перестукиваться, и еще немного спустя он умер».

18 сентября Вильмс рапортовал, что в камерах Алексеевского равелина все арестанты в течение последней недели пользовались врачебной помощью.

Богатую жатву собрала смерть за три месяца 1883 года (июль—сентябрь)... Под давлением смерти режим был несколько улучшен, но стоило только здоровью заключенных чуть поправиться, как аккуратное начальство сейчас же начинало уничтожать маленькие улучшения в пище, отнимать молоко и т. д. Весной 1884 года цынга вернулась в равелин, и смерти нашлось дело.

8 марта 1884 года Вильмс донес коменданту: «У содержащегося в № 1 Алексеевского равелина арестанта, страдавшего до того эпидемическим катаром воздухоносных путей (гриппом), в настоящее время развилось остро-катаральное воспаление обоих легких с опасным для жизни характером, о чем вашему высокопревосходительству, на основании предписания от 9 августа 1883 года за № 662, донести честь имею». № 1—это Александр Михайлов, изолированный в коротком коридоре равелина. А 18 марта Вильмс доносил уже о смерти Михайлова: «Содержавшийся в камере № 1 Алексеевского равелина арестант, именовавшийся, по заявлению смотрителя того равелина, Александром Михайловым, сего марта 18 числа 1884 года умер в 12 часов дня от остро-катарального воспаления обоих легких, перешедшего в сплошной отек обоих легких».

Так сошел в могилу, на 29-м году жизни, один из достойнейших и благороднейших революционеров, которых когда-либо знала история. Неоцененный страж и хозяин-устроитель революционных организаций, блюститель революционной дисциплины, Александр Дмитриевич Михайлов был фанатически предан революции. «В узких рамках русской

жизни он не имел возможности развернуть силы в широком масштабе и сыграть крупную роль в истории, но в революционной Франции XVIII века он был бы Робеспьером»,—так оценивает А. Д. Михайлова В. Н. Фигнер.

Смерть Михайлова опять вызвала послабление режима. В рапорте 25 марта Вильмс докладывал: «Состояние здоровья арестантов, содержащихся в камерах Алексеевского равелина, хотя удовлетворительно, но у некоторых из этих арестантов все же замечаются, хотя и в слабой степени, признаки цынги, а потому при увеличившихся светлых часах дня считал бы полезным увеличить для тех арестантов продолжительность прогулки на открытом воздухе». Комендант внял заявлению доктора и предписал смотрителю Соколову: «Выводить арестантов установленным порядком, по одиночке, на прогулку в сад по возможности на продолжительное время, при чем поощрять их заниматься во время прогулки физическим трудом, т.-е. перекидыванием песку с места на место и подметанием дорожек в саду, для чего обязываю вас иметь в саду несколько куч песку, деревянные лопаты и метлы».

В рапорте 1 апреля находим любопытные подробности: «Состояние арестантов, содержащихся в камерах Алексеевского равелина, удовлетворительно, лишь у арестанта, содержащегося в камере № 18, проявляются признаки цынги, которою болезнью сказанный арестант страдал довольно сильно и в прошлом 1883 году весною. При наступлении настоящего теплого времени считал бы весьма полезным выставить в камерах зимние оконные рамы, так как камеры Алексеевского равелина лишены всякого приспособления для вентиляции, а при наклонности здания к постоянному удержанию сырости в нижних частях стен, прекращение топки невозможно».

Комендант разрешил выставить зимние рамы.

В рапорте Вильмса от 8 июля 1884 года находим следующие сведения о здоровьи узников равелина:

«Состояние болезни арестанта, содержащегося в камере № 3 Алексеевского равелина, несколько ухудшилось. У арестанта, содержащегося в камере № 16 Алексеевского равелина, замечается упадок питания—вследствие упорного произвольного голодания. Состояние здоровья остальных арестантов, содержащихся в камерах Алексеевского равелина, удовлетворительно».

№ 3—по всем данным М. Ф. Грачевский, а № 16—Николай Николаевич Колодкевич.

А 24 июля Вильмс доносил о смерти Колодкевича: «Содержащийся в камере № 16 Алексеевского равелина арестант, именовавшийся, по заявлению смотрителя равелина, Николаем Колодкевичем, вследствие много раз повторявшихся продолжительных произвольных голоданий, 23 сего июля 1884 года в 10 часов вечера умер от истощения сил, несмотря на все принятые меры насильственного кормления».

Нет оснований не доверять рапорту доктора Вильмса: Колодкевич умер от произвольного голодания. В. Н. Фигнер, описывая на-

ружность Колодкевича, отмечает поразительное несоответствие между суровой внешностью и нежной, гуманной душой Колодкевича. «Его внешность обнаруживала лишь одну сторону его натуры—энергию и мужественную твердость, а вся доброта и деликатность была скрыта под холодной и мрачной оболочкой». Колодкевич сидел рядом с Поливановым, и Поливанов рассказал в своих воспоминаниях историю своего общения, своей тюремной дружбы с этим человеком. Они сидели рядом, не видали друг друга, не слышали голоса друг друга, они только перестукивались, и все же эта дружба через стены полна тончайших и сложнейших переживаний, и рассказ о ней—один из своеобразнейших и трогательнейших, какие только известны во всемирной литературе. А та истина, которую мы только теперь узнаем из рапорта доктора Вильмса, истина о смерти Колодкевича свидетельствует о *высочайшем героизме* его духа. Именно эти слова надо сказать здесь.

Поливанов в начале августа 1883 года был переведен в камеру № 15, рядом с Колодкевичем, после восьми месяцев абсолютного одиночества, расстроившего его психику. Не сразу он мог начать перестукиваться, потому что Колодкевич лежал в сильной цынге, и только в половине сентября мог подходить на костылях к стене. Поливанов был в это время в угнетенном состоянии, он боялся, что он на грани безумия, и искал спасения в мыслях о самоубийстве. В это время он совершил две попытки покончить с собой. Но Колодкевич оказал ему огромную нравственную поддержку. Вот рассказ Поливанова: «Чем более я вспоминаю об этом честном и искреннем, добром и вместе сильном умом и сильном волею человека, тем больше и больше я проникаюсь уважением, даже просто благоговением к его памяти и тем более понимаю, как многим лично я ему обязан. Как он был нежен ко мне, как был заботлив, как ему хотелось чем-нибудь облегчить мое тяжелое душевное состояние. Одиночное заключение и болезнь всегда дурно отражаются на характере человека. Он невольно становится раздражительным, брюзгливым, эгоистичным, тяжелым для себя и для других. Ничего подобного я не замечал в Колодкевиче. Он был всегда одинаково ровен, тверд, терпелив, ни на что не жаловался, даже не любил говорить о своих страданиях и всегда старался их умалить. Как ловко он умел наводить разговор на такие предметы, которые могли отвлекать меня от мрачных мыслей, угнетавших меня. Как искусно он умел затрагивать в моей душе все то, что могло поддержать веру и надежду на будущее, энергию и бодрость духа, так необходимые для борьбы с душевным и физическим недугом, все еще не покидавшим меня... Колодкевич внимательно следил за моим душевным состоянием и умел его верно понять, несмотря на такой неудобный способ сношений, какой был единственно для нас возможным. Он со своими больными ногами простаивал на костылях по целому часу, заставляя меня рассказывать о моих охотничьих воспоминаниях, о детстве; он просил меня описывать нашу усадьбу, сады, рощу, моего отца, сестер; интере-

совался мелкими подробностями моей личной жизни. Как часто я отходил от стены успокоившись, с примиренной и охваченной добрым чувством душой, в которой оно сменяло злобный порыв отчаяния, когда я готов был пробовать разбить голову о стену... Я не сомневаюсь в том, что главным образом соседству Колодкевича я обязан тем, что окончательно не сошел с ума и не лишил себя жизни».

Поливанов вспоминает, что в последние дни жизни настроение Колодкевича было очень бодрое, и они вели спор на тему о жизни и смерти. «Я доказывал,—говорит Поливанов,—что небытие предпочтительнее бытия, потому что оно составляет единственно реальное, единственно доступное человеку блаженство; что люди должны считать самыми счастливыми часами своей жизни те, которые они провели в крепком, глубоком сне, не нарушавшемся сновидениями, и это может подтвердить общее признание всего человечества, что, хотя раз явившись на свет, человек жадно хватается за жизнь и упорно создает себе иллюзию за иллюзией, надежду за надеждой по мере того, как они друг за другом разбиваются действительностью, но каждый, если его спросить, что он предпочел бы: родиться на свет или не родиться, в том случае, когда это зависело бы исключительно от его желания,—каждый, наверно, ответит: предпочел бы не родиться. Колодкевич заметил на это: «Я все-таки предпочел бы родиться».—Как!—спросил я,—даже зная наперед, что будет ждать в жизни, чем и где она кончится?—«Как человек, которому всего дороже истина,—отвечал Колодкевич,—я говорю, предпочел бы родиться и узнать, что такое бытие, что такое жизнь, чем не родиться и не знать этого». Его слова и тогда произвели на меня сильное впечатление, так как в искренность Колодкевича я глубоко верил, и я много размышлял по этому поводу, но теперь их смысл приобрел для меня особое значение. Это было сказано человеком, стоявшим уже одною ногою в могиле, человеком, за плечами которого было так много тяжелых и физических и нравственных мук, и это не были пустые фразы, а искреннее убеждение сильного ума и твердой души».

Но задумаемся на минуту над сообщением Поливанова и лаконическим рапортом доктора Вильмса о много раз повторявшихся произвольных голоданиях, которые привели к смертному концу. И этот человек, который утверждал в своем погибавшем соседе волю к жизни, не давал угаснуть чуть тлевшему огоньку жизни, действовал примером своей твердости и ровного терпения, этот человек в это самое время планомерно и терпеливо вел себя к могиле, творил над собой самоубийство, сознательно прекращал свою жизнь, в изменение которой он не верил. Перед таким величием духа надо склониться в благоговейном изумлении...

Мартиролог надо пополнить еще Арончиком, который в 1884 году окончательно сошел с ума. Его помешательство было тихое, и начальство не сочло нужным переводить его, подобно Иванову, в больницу для умалишенных. Так в тихом безумии он был переведен в Шлиссель-

бургскую тюрьму. С параличем ног, он не вставал с койки, из камеры не выходил и умер 2 апреля 1888 года.

Но должно вернуться к тому, чье имя надо поставить в начале мартиролога.

XXIX.

Со 2 июня 1882 года Нечаев был всецело подчинен только что описанному знаменитому режиму Алексеевского равелина, который имел одно задание: возможно скорее вывести в тираж возможно большее число заключенных.

Жесточайшего режима, установленного в равелине, не выносили люди совсем молодые, подвергшиеся до перевода в равелин недолгому, сравнительно, предварительному заключению. Его, конечно, не мог вынести Нечаев, подвергнутый ему на десятом году тяжелого заключения.

Отрезанный от всякого общения, Нечаев находился под бдительным оком Соколова; завязать сношения с новой командой было немыслимо. Но мысль Нечаева работала над проблемой о прорыве блокады. Оставались две отдушины: доктор и священник. Доктор Вильмс стоил смотрителя Соколова, да все равно без смотрителя он не мог войти в камеру; священник—тот мог. Только предположив, что Нечаев хотел испытать священника, как средство сообщения, или, на крайний случай, как источник какой-либо информации, можно объяснить возбуждение им ходатайства о допущении к нему священника. 1 июня 1882 года комендант писал Плеве: «Заключенный в Алексеевском равелине в камере под № 1, содержавшийся прежде в камере № 5, известный преступник обратился с просьбой о выдаче ему библии и о приглашении к нему для духовных бесед священника. Последнее заявление он объяснил тем, что у него явилось какое-то смутное, незнакомое ему до сих пор желание обратиться к вере». Мы решительно отрицаем даже тень правдоподобия в этом заявлении Нечаева. Повидимому, сам Ганецкий прозревал истинные намерения и отнесся столь подозрительно к просьбе Нечаева, что, получив от министра внутренних дел разрешение допустить для бесед с Нечаевым одного из крепостных священников, по его, Ганецкого, выбору, не счел нужным привести в исполнение разрешения министра и тем дать Нечаеву случай исполнить «смутное, незнакомое ему до сих пор желание обратиться к вере». Священник к Нечаеву допущен не был. В книге, о которой мы говорили, не записано ни одного посещения священника за период после 8 июня (дата отношения департамента полиции с разрешением) до самой смерти Нечаева. Первое отмеченное в книге посещение равелина священником приходится на 18 декабря 1882 года...

Итак, решительное крушение надежд на освобождение... Исчезновение друзей. Абсолютное одиночество. Полное безмолвие. Полное отсутствие книг (одно набившее оскомину евангелие!). Безвыходное

заключение в камере. Ужасающий цынготный пищевой режим. И беспросветная безнадежность в будущем.

Дни Нечаева были сочтены. На сцену выступил доктор Вильмс. 8 ноября он представил коменданту рапорт следующего содержания: «У арестанта, содержащегося в № 1 Алексеевского равелина, развилась цынга, осложненная общей водянкой в столь сильной степени, что угрожает жизни арестанта, а потому совместно с другими врачебными средствами считал бы необходимым сказанному арестанту отпускать в день по полбутылке молока и для усиленного лечения от сказанной болезни считаю также крайне необходимым прогулки на воздухе ежедневно».

Комендант предписал смотрителю равелина покупать для арестанта № 1 ежедневно по полбутылке молока и выводить на прогулку в арестантский сад. А 21 ноября Вильмс рапортовал коменданту:

«Содержащийся в камере № 1 Алексеевского равелина арестант сего 21 ноября 1882 года около двух часов пополудни умер от общей водянки, осложненной цынготною болезнью, о чем вашему превосходительству донести честь имею». В постовой книге под 21 ноября 1882 года под рубрикой «посещение равелина нижеследующими начальствующими лицами», записано прибытие в $2^{3}/_{4}$ ч. пополудни доктора Вильмса. Очевидно, он был вызван констатировать смерть Нечаева. Время выбытия указано—3 часа 5 минут. А за ним отмечено посещение коменданта крепости генерал-адъютанта Ганецкого: время прибытия $3^{3}/_{4}$ часа пополудни и время выбытия—4 часа пополудни. Генерал, не часто жаловавший в равелин, побеспокоил на этот раз свою персону. Так и чудятся в коридоре властные, начальственные шаги генерала, который спешил собственными глазами убедиться в смерти человека, в течение стольких лет приводившего в смятение и смущение начальнические сердца, посмотреть еще неостывший труп своего врага...

Дальше был совершен обряд погребения Нечаева по своеобразному ритуалу, принятому в Алексеевском равелине. С этим своеобразным церемониалом следует познакомиться. Один за другим совершались следующие обряды. Смотритель равелина в тот же день, 21 ноября, представил по команде коменданту рапорт о смерти Нечаева и спрашивал предписания о том, как поступить с хранящимися при равелине собственными вещами покойного.

Комендант о смерти Нечаева, «пользовавшегося более месяца врачебной помощью от цынги», донес 21 же ноября рапортом царю (№ 489) и министру внутренних дел (№ 490). А к директору департамента полиции комендант в тот же день (№ 491) обратился с следующим запросом: «имею честь просить распоряжения о принятии тела умершего Нечаева из крепости для предания земле на одном из кладбищ, присовокупляя, что для устранения огласки о существовании в Алексеевском равелине преступников, я приказал тело умершего перенести сего числа ночью, при совершенной тайне, в один из арестантских казематов Екатерининской куртины, откуда оно и может быть принято

командированными за ним лицами. При чем прошу уведомить меня о том, кому именно должно быть сдано тело умершего, так равно и о том, следует ли, ввиду той тайны при которой был заключен названный преступник, пояснять фамилию умершего при сдаче тела».

В этот же день генерал Ганецкий получил от Плеве уведомление на свой запрос: «для принятия из крепости и похорон тела умершего известного государственного преступника, в 1 ч. ночи в крепость прибудет пристав 1-го участка Петербургской части Панкратьев; при этом долгом считаю присовокупить, что фамилия умершего должна быть сохранена в тайне».

На свободной странице письма Плеве сохранилась следующая расписка: «Тело умершего в 1 час ночи из Петропавловской крепости для доставления на Преображенскую станцию Николаевской железной дороги принял пристав Панкратьев. 21 ноября 1882 года. При приеме тела находился секретарь управления Денежкин. При приеме тела находился майор Лесник».

Пристав Панкратьев, майор Лесник и секретарь Денежкин проводили к могиле смертные останки известного арестанта.

После Нечаева остались вещи. Их должны были уничтожить. Для этого существовал определенный церемониал. Препровождая 13 декабря (№ 517) опись вещам директору департамента полиции, комендант спрашивал: «Предположив означенные вещи, как не представляющие особой ценности и пришедшие от времени в негодность, по бывшим при подобных случаях примерам, уничтожить сожжением, а предварительно окончательного по сему распоряжения, имею честь просить ваше превосходительство уведомить меня о вашем по означенному предмету заключении».

В. К. Плеве совершенно секретно 16 декабря уведомляет «милостивого государя Ивана Степановича Ганецкого, что к уничтожению сожжением оставшихся после смерти известного арестанта (№ 1) вещей, поименованных в возвращаемой описи, с его стороны препятствий не встречается». Комендант 21 декабря отдал смотрителю равелина предписание «уничтожить вещи сожжением в присутствии двух жандармских унтер-офицеров и составленный о том акт, за общими подписями участвующих при сожжении, представить ему».

27 декабря Соколов представил при рапорте и следующий акт: «Вследствие предписания от 21 декабря 1882 года за № 524, его высокопревосходительство, господин комендант приказать изволил: все вещи, оставшиеся в Алексеевском равелине после смерти арестанта, содержащегося в № 1,—уничтожить сожжением. 24 декабря сего 1882 года, в присутствии смотрителя Алексеевского равелина и унтер-офицеров Игнатия Прокофьева и Федора Блинова, сожжены нижеследующие вещи: армяк серый—1, штаны—1, шапка—1, полушубок дубленый—1, пальто летнее драповое—1, пиджак летний—1, рубашка теплая фланелевая—1, подштанники—1, галстух статский—1, шляпа котелком—1, рукавицы замшевые с теплыми варегами—1 пара, шер-

стяные чулки—1 пара, полусапожки—1 пара и платок—1. Присовокупляю, что еще оказались очки с футляром, которые были разбиты и брошены в печь; о чем свидетельствуем своими подписями»...

Тут конец житию Сергея Генадиевича Нечаева.

XXX.

Можно подвести итоги режиму граа Д. А. Толстого, П. В. Оржевского, В. К. Плеве и И. С. Ганецкого, освященному Александром III и проведенному штабс-капитаном Соколовым. Оставляем в стороне Л. Ф. Мирского, у которого была своя судьба, и С. Г. Нечаева, погибшего в камере № 1 21 ноября 1882 года. Группа из пятнадцати человек! Из них в июле—сентябре 1883 года умерло 4: Клеточников, Баранников, Тетерка, Ланганс, и в 1884 году 2: А. Михайлов и Колодкевич. Сошло с ума двое: Игнатий Иванов и Арончик. Получили начало душевного расстройства, развившегося впоследствии, трое: Исаев, Щедрин и Поливанов. И только Морозов, Тригони, Фроленко и Попов прошли через Алексеевский равелин и Шлиссельбургскую крепость. Итого на 15 человек—умерших (6), сошедших с ума (2) и тронувшихся в уме (2—Исаев и Щедрин)—66,6% убыли и это за 2 года 4 месяца заключения!

Вторая группа заключенных в равелине, перевезенная сюда в ночь на 29 апреля 1884 года, с закрытием равелина была перемещена в Шлиссельбургскую тюрьму. Их было семь: Богданович, Буцевич, Геллис, Грачевский, Златопольский, Минаков и Мышкин. Их ждала такая судьба: Минаков и Мышкин были расстреляны в Шлиссельбургской тюрьме, Грачевский там же кончил с собой самосожжением, а остальные там же умерли: в 1885 году Буцевич, Златопольский, в 1886 году Геллис и в 1888 году Богданович.

XXXI.

А Мирский, неведомо ни для кого из своих соседей по заключению, погибавших от режима, содержался по-прежнему «на исключительных условиях» от других арестантов, т.-е. получал улучшенную пищу и пользовался правом чтения книг. Но и исключительные условия не спасли его от цынги. Начальство вспомнило об услугах Мирского, и 23 июня 1883 года последовало высочайшее соизволение на отправление Леона Мирского для дальнейшего отбывания наказания в Сибирь, на каторгу. В ночь на 26 июня Мирский был переведен в Трубецкой бастион, а 15 июля он был сдан под расписку жандармскому капитану для доставления в Дом Предварительного заключения. За время с 1866 года это был первый случай, когда заключенный был куда-то перевезен из стен равелина. Заточенные или здесь умирали или же отсюда переводились в больницу для умалишенных. Только эти два исхода и были.

Мирский не знал о том, что его переводят на каторгу в Сибирь, и, прибыв в Трубецкой бастион, сейчас же обратился с почтительно-фамильярным письмом к его высокопревосходительству господину коменданту. «Мне, к сожалению, не сказали, надолго ли я переведен из равелина. Если мое пребывание в бастионе продлится более или менее долго, то я прошу ваше высокопревосходительство приказать выдать мне новый халат, новое одеяло, а то я боюсь заразиться, так как полученная мною одежда имеет вид крайне подозрительный. Сверх того, у меня нечего читать. Из равелина принесли журнал «Дело», но я уже прочитал все эти книги и могу их возвратить. Будьте добры прикажите или выдавать мне книги из библиотеки бастиона, или—еще лучше—пришлите мне «Отечеств. Записки» за вторую половину 1882 г., о чем я имел честь просить ваше высокопревосходительство в половине текущего месяца. Еще есть у меня убедительнейшая и покорнейшая просьба к вашему высокопревосходительству, и надеюсь, вы не отвергнете ее, потому что дело идет о сохранении моего здоровья и жизни. Прикажите ради бога устроить надлежащую вентиляцию в моем номере, в равелине. В последнее время у меня стала побаливать грудь и вообще обнаружилось некоторое повреждение легких от недостатка воздуха. Кроме того, цынга до сих пор не прошла. Поэтому я умоляю вас, мой благодетель, прикажите вставить один вентилятор в левом углу окна, так чтобы единовременно действовали два вентилятора в окне и один в стене. Притом я бы просил, чтобы в новом вентиляторе дырочки были хоть сколько-нибудь побольше. Я твердо надеюсь, что ваше высокопревосходительство не забудете об этой важной просьбе. Вашего высокопревосходительства покорн. слуга Мирский. 26 июня 1883 г.»

Это—последнее документальное известие о пребывании Мирского в С. Петербургской крепости.

XXXII.

Наш рассказ о жизни в равелине в 1882—1884 годах был бы неполным, если бы мы не упомянули об одном совершенно исключительном событии.

В «книге для записывания смен поста караула Алексеевского равелина» под 29 августа 1882 года читается любопытная запись.

Из Алексеевского равелина убыла личность:

Время выбытия.	Личность.	Время прибытия.
Выб. в 12 ч. 50 м. ночи	одна личность.	

А под 30 августа в той же книге находим новую запись.

Прибыла в равелин личность:

Время выбытия.	Личность.	В какое время прибыл.
	одна личность	в 10 ч. 40 м. ночи.

Одна личность, убывшая в ночь на 29 августа и прибывшая через сутки,—Михаил Николаевич Тригони. Его перевели из равелина в Трубецкой бастион, чтобы дать свидание с матерью. Это свидание было исключительным событием в жизни равелина, оно было единственным за долгий период с 1864 года. Мать Тригони, вдова генерал-майора, дочь адмирала Станюковича, добилась этого благодаря своим связям при дворе, помимо департамента полиции. Через генерал-адъютанта Рихтера она передала Александру III следующее письмо: «Ваше императорское величество, самодержавный и всемилостивейший государь. Для высокоторжественного дня тезоименитства вашего величества, дозвольте мне видеться с сыном... Этот день миллионы народов празднуют, позвольте и мне надеяться. Государь, я женщина в летах, приехала из Крыма, имея надежду на милосердие и милость царя и отца несчастных, умоляю вас, услышьте мою просьбу. Имею счастие быть с чувствами глубочайшего благоговеления, душевно преданная вашему императорскому величеству верноподданная, вдова генерал-майора Ольга Тригони».

Александр III «услышал просьбу» и положил резолюцию: «можно, но при свидетелях». Об этом экстраординарном разрешении довел до сведения коменданта крепости собственноручным письмом сам товарищ министра внутренних дел П. В. Оржевский. Письмо было передано в руки коменданта секретарем департамента С. Э. Зволянским. «Лично и совершенно секретно», писал 29 августа генерал П. В. Оржевский милостивому государю Ивану Степановичу: «государю императору благоугодно было разрешить вдове генерал-майора Ольге Тригони иметь завтра, 30 августа, свидание с содержащимся во вверенной вашему высокопревосходительству крепости ссыльно-каторжным государственным преступником Михаилом Тригони, но с непременным условием, чтобы означенное свидание происходило при свидетелях. Сообщая о таковой высочайшей воле на зависящее исполнение вашего высокопревосходительства, считаю необходимым присовокупить, что важность содеянных Михаилом Тригони преступлений и исключительность оказанной матери его монаршей милости обусловливают принятие особых мер к тому, чтобы свидание это осталось тайной для всех прочих, содержащихся в крепости ссыльно-каторжных. В сих видах, я имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство, не изволите ли признать возможным приказать капитану Соколову лично доставить Тригони в избранное вами, для свидания, место и затем, до возвращения названного преступника в его камеру, безотлучно при нем находиться, наблюдая самым тщательным образом за всеми его словами и движениями.

Независимо от сего, согласно выраженному г. министром внутренних дел мнению, я имею честь уведомить ваше высокопревосходительство, что во внимание к совершенной исключительности настоящего случая, личное присутствие ваше, при свидании Ольги Тригони с сыном, представляется весьма желательным».

А 31 августа секретарь департамента С. Э. Зволянский уже засылал к секретарю коменданта «многоуважаемому Тимофею Ефремовичу» Денежкину конфиденциальное письмецо следующего содержания: «Спешу сообщить вам конфиденциально о высказанном г. товарищем министра П. В. Оржевским желании иметь подробное донесение *о вчерашнем свидании*, как было, при ком, что говорилось и т. д.» Желание Оржевского было удовлетворено в тот же день. «Совершенно секретно» комендант сообщил милостивому государю Петру Васильевичу: «На письмо от 29 сего августа имею честь уведомить, что по получении извещения вашего превосходительства о высочайшем соизволении дать свидание вдове генерал-майора Ольге Тригони с сыном ее, осужденным ссыльно-каторжным преступником Михаилом Тригони, он ночью, в совершенной тайне, был переведен в Трубецкой бастион и помещен в одну из камер пустого отделения. В $3^1/_4$ часа по полудни, тотчас по отъезде их императорских величеств из Петропавловского собора, в моем присутствии и штабс-капитана Соколова, дано свидание в комнате Екатерининской куртины за решеткой, продолжавшееся 20 минут. Мать и сын, повидимому, были в спокойном, относительно, состоянии и вели разговор исключительно о родственниках и семейных делах. Преступник, пораженный неожиданностью видеться с матерью, делал ей вопросы, от кого и как она могла узнать о существовании его здесь и каким образом добилась свидания. Ответы матери были следующие: «приехав в Петербург, она обратилась к товарищу шефа, генералу Оржевскому, который уверил ее в добром здоровьи сына, и затем обратилась к генералу Рихтеру с просьбою исходатайствовать ей свидание и вот, благодаря участию и милости государя императора, она видит его». На вопросы ее о здоровьи и как переносит одиночное заключение, он успокаивает тем, что совершенно здоров, пища хороша и, насколько можно в его положении, крепок духом; когда же она коснулась разговора о намерении к коронации снова приехать в Петербург или Москву из Крыма с просьбою об облегчении его участи и, когда посоветовала ему и с своей стороны написать просьбу его императорскому величеству о раскаянии и помиловании, то он ответил, что признает это для себя неудобным не потому, чтобы не желал просить государя, но находит неуместным ввиду характера и важности его преступления. Затем, по окончании свидания, преступник Тригони снова был отведен штабс-капитаном Соколовым в Трубецкой бастион и в 11 часов ночи возвращен в Алексеевский равелин».

Остается еще привести отрывки из воспоминаний М. Н. Тригони об исключительном событии его жизни в Алексеевском равелине.

«Позднею ночью на 30 августа меня увели из Алексеевского равелина в Трубецкой бастион. Привели в камеру, и Соколов, сказав «можно раздеваться и ложиться спать», вышел. Из Алексеевского равелина так скоро не уводят. Я недоумевал, что это значит. Порешив, что размышления все равно ни к чему не приведут, я разделся и лег спать. На другой день утром в 7 часов принесли черный хлеб, кружку

молока и 1/2 лимона. У меня была цынга, и все это я получал в Алексеевском равелине. В 12 часов дали тот же обед, какой давали в равелине. Значит связь с равелином не утрачивается. Через полчаса после обеда входят в камеру Соколов и смотритель Трубецкого бастиона Лесник, который сказал мне: «государь разрешил вашей матушке свидание с вами на 1/4 часа, которое сейчас будет дано. При этом мы должны предупредить вас, что, если вы скажете, где вас держат или как вас содержат, то свидание в ту же минуту будет прекращено». Меня сейчас же повели на свидание, которое было дано в обычном месте для свиданий, т.-е. через две проволочных сетки. Между проволочными сетками поместились Соколов и Лесник, а в отделении, где была мать, находился комендант крепости Ганецкий. Для такого-то свидания мать приехала из Севастополя в Петербург...»

XXXIII.

Пока внедрялся режим содержания в равелине на положении ссыльно-каторжных и пока под действием этого режима выходили в тираж заключенные, приходили к концу и, наконец, закончились работы по переустройству новой тюрьмы в Шлиссельбурге. 24 июля 1884 года П. В. Оржевский обратился к коменданту крепости со следующим совершенно секретным письмом (№ 466). «Ввиду окончания работ по устройству государственной тюрьмы в упраздненной Шлиссельбургской крепости, в означенную тюрьму подлежат ныне переводу, согласно высочайшего повеления от 23 июня минувшего года, содержащиеся в Алексеевском равелине и Трубецком бастионе С.-Петербургской крепости ссыльно-каторжные государственные преступники.

«Возложив на коменданта С.-Петербургского жандармского дивизиона полковника Стаховича перевозку из крепости в Шлиссельбургскую тюрьму подлежащих заключению в оной ссыльно-каторжных, я имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство сделать распоряжение выдать полковнику Стаховичу содержащихся ссыльно-каторжных: 1) Михаила Фроленко, 2) Григория Исаева, 3) Айзика Арончика, 4) Николая Морозова, 5) Петра Поливанова, 6) Михаила Тригони, 7) Михаила Попова, 8) Николая Щедрина, 9) Мейера Геллиса, 10) Савелия Златопольского, 11) Михаила Грачевского, 12) Юрия Богдановича, 13) Александра Буцевича, 14) Егора Минакова, 15) Ипполита Мышкина, и содержащихся в Трубецком бастионе: 16) Дмитрия Буцинского, 17) Людвига Кобылянского, 18) Владимира Малавского, 19) Федора Юрковского, 20) Александра Долгушина и 21) Михаила Клименко — и вместе с тем не отказать в вашем, милостивый государь, благосклонном содействии вышеозначенному штаб-офицеру по всем вопросам, связанным с исполнением возложенного на него поручения. О последующем не откажите, ваше высокопревосходительство, почтить меня уведомлением.»

А 31 июля (№ 148) Ганецкий уведомил Оржевского о том, что «посадка будет произведена с 1 на 2 августа, т.-е. со среды на четверг». Тем временем Соколов отбыл в Шлиссельбург для того, чтобы приготовиться к встрече своих заключенных на новом месте. По случаю перевода арестантов в Шлиссельбургскую тюрьму и отъезда капитана Соколова 1 августа прикомандированному к комендантскому управлению С.-Петербургской крепости жандармскому поручику Егорову было предписано: «в 10 часов вечера 1 августа явиться».

Исполнение распоряжения о переводе потребовало, очевидно, некоторых приуготовительных действий. Об одном затруднении сохранилась память в «совершенно-секретном» письме коменданта полковнику Стаховичу от 20 июля, № 144: «Милостивый государь, Михаил Парменович, ввиду устройства у Невской пристани Иордана для водосвятия 1 августа и отвода перевозного плота к Екатерининскому бастиону, где по мелководью пароход не может пристать, прошу вас, милостивый государь, произвести посадку не раньше как с 1-го на 2 августа, т.-е. со среды на четверг. О последующем меня уведомить».

Заключенные были разделены на две партии. В первой было 11 человек: Фроленко, Исаев, Морозов, Тригони, Попов, Щедрин, Грачевский, Златопольский, Геллис, Минаков и Буцевич. Во второй партии были оставшиеся четыре человека: Поливанов, Мышкин, Арончик и Богданович; сюда же присоединены и обитатели Трубецкого бастиона Буцынский, Кобылянский, Малавский, Юрковский, Долгушин, Клименко. 2 августа (№ 152) комендант уведомил Оржевского, что первая партия 2 августа в 4 часа утра сдана Стаховичу, а посадка остальных арестантов будет произведена с 3 на 4 августа. О сдаче этой партии Стаховичу 4 августа в 4 часа утра Оржевский был уведомлен письмом 4 августа (№ 156).

Сохранился «акт передачи»—список ссыльно-каторжным государственным преступникам, содержавшимся в С.-Петербургской крепости, сданным 2 и 4 августа в распоряжение коменданта С.-Петербургского жандармского дивизиона полковника Стаховича. Список скреплен следующими подписями: «комендант генерал-адъютант Ганецкий. Принял полковник Стахович. Присутствовали штаб-офицеры: комендантского управления полковник Сабанеев, подполковник Лесник, капитан Соколов. За секретаря поручик Андреев».

Как подобает, комендант представил царю рапорты о переводе первой партии 2 августа (№ 150) и второй 4 августа (№ 154), одновременно и министру внутренних дел (№ 151 и 155).

XXXIV.

За неделю до перевода заключенных из равелина в Шлиссельбургскую крепость, Плеве писал Ганецкому: «За упразднением государственной тюрьмы в Алексеевском равелине С. П. Б. крепости, имею

честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство сделать распоряжение о приводе в порядок и доставлении затем в д-т полиции для дальнейшего хранения всей секретной переписки управления вверенной вашему высокопревосходительству крепости, касающейся означенного равелина по заключению и содержанию в оном государственных преступников.

Равным образом покорнейше прошу приказать доставить в д-т полиции и серебро, принадлежащее дому Алексеевского равелина, упомянутое в вашем, м. г., письме от 20 сего июля. Что же касается тех вещей, которые не будут переданы начальнику Шлиссельбургского жандармского управления, то, соглашаясь с предположением вашего высокопревосходительства об их уничтожении, я вместе с сим сделаю распоряжение, чтобы, по вашему уведомлению, от д-та полиции было командировано уполномоченное лицо, для присутствования при уничтожении вещей».

Все просьбы Плеве были выполнены: серебро доставлено в департамент полиции; вещи и предметы обихода, годные к употреблению, переданы в новую тюрьму, негодные—сожжены. А секретная переписка по равелину была передана в департамент полиции, где и хранилась на секретном положении, вплоть до великой революции, раскрывшей все государственные тайники. Вся эта секретная переписка, недоступная до тех пор ни одному из исследователей, положена в основу нашей работы.

Таков был конец Алексеевского равелина.

П. Щеголев.

Настоящая работа написана на основании неизданных архивных материалов, заключающихся в нижепоименованных делах. По упразднении равелина в департамент полиции было передано все производство, хранившееся как при доме Алексеевского равелина, так и при управлении коменданта. Делам этим была составлена опись, номера и приводятся нами с показанием числа листов.

По содержанию арестантов Алексеевского равелина: № 133 на 135 л. (1873 г.), № 136 на 106 л. (1874 г.), № 138 на 102 л. (1875 г.), № 140 на 102 л. (1876 г.), № 142 на 94 л. (1877 г.), № 144 на 95 л. (1878 г.), № 148 на 64 л. (1879 г.), № 153 на 80 л. (1880 г.), № 157 на 88 л. (1880 г.), № 162 на 103 л. (1881 г.), № 167 на 144 л. (1883 г.), № 175 на 59 л. (1884 г.).

Отчеты о содержавшихся в Алексеевском равелине арестантах: № 134 на 24 л. (1873 г.), № 137 на 17 л. (1874 г.), № 139 на 12 л. (1875 г.), № 141 на 12 л. (1876 г.), № 143 на 12 л. (1877 г.), № 146 на 12 л. (1878 г.), № 149 на 12 л. (1879 г.), № 154 на 12 л. (1880 г.), № 158 на 12 л. (1881 г.), № 166 на 17 л. (1882 г.), № 168 на 12 л. (1883 г.), № 176 на 11 л. (1884 г.).

Совершенно секретная переписка: № 145 на 23 л. (1878 г.).

О высылке из III отделения собственной его императорского величества канцелярии книг для чтения известному арестанту: № 147 на 4 л. (1878 г.), № 150 на 18 л. (1879 г.), № 152 на 55 л. (1880 г.).

О высылке из департамента полиции книг для чтения известному арестанту: № 156 на 38 л. (1880 г.), № 169 на 4 л. (1883 г.).

О заключении в каземат Алексеевского равелина преступника № 5: № 135 на 71 л. (1873 г.).

О заключении в Алексеевский равелин секретного государственного преступника М.: № 151 на 21 л. (1879 г.).

О заключении в Алексеевский равелин С. Петербургской крепости лица, значущегося в деле под № 12: № 1155 на 34 л. (1880 г.).

О заключении в крепости пяти человек ссыльно-каторжных государственных преступников, находившихся на Каре: № 164 на 25 л. (1882 г.).

О беспорядках в Алексеевском равелине: № 160 на 559 л. (1881 г.).

О рядовом Петербургской местной команды Иване Губкине: № 161 на 14 л. (1881 г.).

О предании военно-окружному суду чинов Алексеевского равелина за допущенные беспорядки: № 163 на 171 л. (1882 г.).

О говении арестантов Алексеевского равелина: № 170 на 2 л. (1883 г.), № 177 на 11 л. (1884 г.).

О смерти арестанта Николая Клеточникова: № 171 на 17 л. (1883 г.).

О смерти арестанта Александра Баранникова: № 172 на 17 л. (1883 г.).

О смерти арестанта Макара Тетерки: № 173 на 17 л. (1883 г.).

О смерти арестанта Алексеевского равелина Мартына Ланганса: № 174 на 16 л. (1883 г.).

О смерти арестанта Алексеевского равелина Александра Михайлова: № 178 на 17 л. (1884 г.).

О смерти арестанта Алексеевского равелина Николая Колодкевича: № 180 на 19 л. (1884 г.).

О переводе из Трубецкого бастиона в Алексеевский равелин семи человек ссыльно-каторжных государственных преступников: № 179 на 6 л. (1884 г.).

О переводе ссыльно-каторжных арестантов из Алексеевского равелина; Трубецкого бастиона в Шлиссельбургскую тюрьму: № 181 на 18 л. (1884 г.).

Об арестантах, содержащихся в Алексеевском равелине: № 165 на 69 л. (1882 г.).

Дело № 11 управления коменданта Спб. крепости по Алексеевскому равелину—о временных отлучках и болезни смотрителя Алексеевского равелина; нач. 31 дек. 1881 г., конч. 2 февраля 1882 г., на 19 листах.

Дело департамента полиции 1 делопроизводства, № 5, нач. 10 янв. 1883 г. конч. 9 марта 1884 г.—о расходах по содержанию госуд. преступников—на 94 листах.

Дело III отд. 3 экспедиции, 1879 г. № 167—о покушении на Дрентельна.

Дело штаба корпуса жандармов по 1 отделению, 1887 г. № 198 — об отчислении ротмистра Соколова от занимаемой им должности, на 79 листах.

Разрозненные и не подшитые бумаги, хранившиеся в секретной части—об Алексеевском равелине.

Книга для записывания смен постов караула в Алексеевском равелине на 1882 год (хранится в Музее Революции).

П. Щеголев.

Из архива Л. Тихомирова.

Воспроизведенные ниже материалы по истории интеллигентски-революционного движения 70-х годов извлечены из переданного Центрархиву «архива» известного народовольца, потом ренегата, автора брошюры «Почему я перестал быть революционером», публициста черного режима, недавно умершего никому не нужным,—Л. Тихомирова. «Архив» его состоит из папки различного содержания статей и заметок,— из которых иные даны ниже (о покушении на Александра II, список членов Исполнительного Комитета Народной Воли),— из 23 тетрадей, содержащих его «Дневники», охватывающие период от 1883 г. по октябрь 1917 г. и 3 тетрадей «Записок и Воспоминаний». Последние представляют лишь фрагменты недописанной автобиографии. Свои «Воспоминания» Тихомиров писал еще в годы своей революционной деятельности и часть их использовал для своей известной книги, написанной с целью ознакомления общественного мнения Европы с революционным подпольем 70 годов—«Conspirateurs et policiers. Souvenirs d'un proscrit russe» [1]). Свои «Воспоминания» он потом сжег и, перебравшись в Россию в 1889 г., принялся их восстановлять по памяти, при чем для соответствующего периода прошлого воспользовался своей французской книгой с известными—«дополнениями». Впрочем, эти главы среди его «Воспоминаний» отсутствуют,— вероятно, не были им восстановлены. Повествование обрывается здесь как раз в том месте, где начинается первая глава книги «Conspirateurs.» На основании сохранившегося можно теперь установить, что спрятанный под инициалом В. французской книги и русского перевода, пославший Тихомирова на квартиру Синегуба был Кропоткин, а фигурирующий в книге (и в переводе ее) Углов, который отвел его на квартиру, был рабочий Орлов, «весьма неглупый и приблизительно настолько развитой, как средние студенты», знавший «имена Лассаля, Шульце-Делича и Маркса», но потом «отставший от рабочего движения». Сохранившиеся фрагменты автобиографии Тихомирова воспроизводят следующие моменты: 1) историю родителей—«семейную хронику» Тихомировых, 2) студенческие годы, 3) кружок чайковцев и 4) ниже напечатанные (с сокращениями) страницы, охватывающие период «Земли и Воли» и «Народной Воли», но до последней не доведенные. Не внося новых крупных данных в наши представления об этом периоде революционного движения, «Воспоминания» Тихомирова, однако, представляют некоторый общий интерес, который вскользь выявлен в статье М. Н. Покровского «Ленин в русской революции» («Вестник Коммунистической Академии», № 7). Говоря здесь о том, что В. И. Ленин усматривал первую крепкую конспиративную революционную организацию уже у землевольцев, в противоположность Плеханову, который возводил ее к народовольцам, автор упомянутой статьи замечает: «Для нас это

[1]) Есть русский перевод. В подпольн. изд. «Друг Народа». П. 1907 г.

стало ясно только теперь на основании новых документов, а для Ильича было совершенно ясно еще в 1902 г.» К числу этих «новых документов» автор относит как воспоминания В. Фигнер, так и автобиографию Л. Тихомирова (именно ниже печатаемый отрывок ее).

«Воспоминания» Тихомирова о землевольческой эпохе дополнены двумя особостоящими документами: 1) списком членов Исполнительного Комитета Народной Воли, несколько разнящимся от приведенного В. Фигнер в ее «Запечатленном Труде» (см. прим. 52) и 2) рассказом об убийстве Александра II, где много места уделяется «случайности» и «фатальности» этого события, по поводу чего в его «Дневнике» (под 18 сент. 1889) имеется также пара страниц благочестивых размышлений в духе «Московских Ведомостей».

Не лишенное автобиографической ценности и несомненной колоритности покаянное его прошение на имя царя занесено им в его «Дневник» под 12 сент. 1888 г. после лаконической заметки: «Послал нижеследующее прошение».

«Дневники» ренегата, в которых имеются, между прочим, данные о первых шагах «Группы Освобождения Труда», в их дальнейших частях, когда он уже плыл под флагом: «самодержавие, православие и народность», не безынтересны в том смысле, что в них то и дело звучит полускрытое признание, насильственно и искусственно подавляемое, что измена делу революции, если и дала ему материальное обеспечение, то внутреннего удовлетворения, повидимому, не дала. При чтении «Воспоминаний» Тихомирова надо, разумеется, помнить, что они в том виде, как сохранились, писались в годы, когда он не только отошел от революционного движения, но и выступая, как ее казенный обвинитель [1]).

Вл. Ф.

---

[1]) Примечания и указатель составлены В. П. Алексеевым.

I.

Эпоха „Земли и Воли", Исполнительного Комитета и „Народной Воли".

1.

Я приступаю к запискам о временах «Народной Воли» так много лет спустя (1898 г.)—почти 20 лет, после столького пережитого, передуманного,—что чувствую себя совершенно беспристрастным, почти бесстрастным...

Я бы сказал прямо «бесстрастным», если бы не чувствовал глубокой жалости ко всем или по крайней мере большинству тогда погибшим л ю д я м. Все они л ю д и, и все очень полною ценой расплатились за все, что сделали ошибочного или преступного. Притом понятие преступного в политике так условно, так часто сводится к простой ошибке или даже к[1]) вопросу об удаче или неудаче.

Наконец, я пишу для того отдаленного будущего, когда все эти события уже потеряют жгучее или заразительное значение. Следовательно, даже соображения общественной пользы не могут отклонять меня в нижеследующих строках от того беспристрастия, которое установилось в душе моей по отношению к этим стародавним временам, когда и я был молод, и я ошибался, и я делал зло, не думая, чтобы это было зло, но чувствуя, будто бы веду жизнь самоотверженного героизма.

Прошло 20 лет. Я постарел и стал опытнее. Но мне ли не знать, что и теперь я часто ошибаюсь и, думая делать добро, может быть, делаю зло? По крайней мере—не могу поручиться, чтобы этого не случалось. Чувствуя это, я не имею ни малейшего желания становиться с у д ь е й людей тех времен. С е б я я за дела тех дней уже осудил и лично и публично, свою жизнь постарался изменить сообразно с этим судом. А судить умерших — не чувствую желания. Мне хочется только припомнить, представить себе и рассказать потомству—к а к б ы л о д е л о. Кто хочет—пусть судит. А я только думаю, что из п р а в д и в о г о рассказа о действительно бывшем можно н а у ч и т ь с я многому, даже помимо осуждения собственно людей.

[1]) В подл. зачеркнуто: удачам неудачам.

Но я сам не хочу даже и учить ничему. Мне лично хочется только р а с с к а з а т ь, о с т а в и т ь м а т е р и а л для суждения об эпохе, которой большая часть людей крупных и знавших—погибла, а остались больше люди мелкие, ничего толком не знавшие, которые тем более свободно будут рассказывать басни, не имеющие ничего общего с действительностью.

2.

Внутренний смысл событий, как я его, правильно или ошибочно, понимаю, я уже формулировал в брошюре «Начала и Концы» [1]). Ничего другого и теперь не сказал бы я, если бы пришлось говорить. Мне теперь хочется хорошенько припомнить и изложить собственно фактическую часть происшествий.

Когда у нас стали появляться политические убийства то в форме самозащиты, то в форме нападения,—все это сначала вовсе было не организовано, не обдумано и направляемо кем-либо в отдельности. Никаких тут не было таинственных рук или польских ржондов, как то вообразил Любимов и Катков. Все это просто носилось в воздухе, было не личной идеей, а идеей интеллигентного слоя. Мысль о «терроре», о цареубийстве, о заговоре приходила в голову людям в разных концах России, в совершенно различных положениях, различных национальностей, всем рассеянным «гражданам революционной идеи». Это было начало восстания, которое не удалось, не разгорелось, потому что желающий восстания слой был очень слаб. Вот и все. Тут была логика революционной идеи, а не чья-либо таинственная рука. Разве, пожалуй, можно говорить о таинственной руке диавола... Это может быть, конечно, но нам, людям, не одаренным духовной прозорливостью, входить в такие гипотезы, конечно, трудно.

В человеческом же смысле—«таинственная рука», т.-е. о р г а н и з а ц и я, явилась только как п о с л е д с т в и е, а не как начало. Бывали даже моменты, когда она была совершенно мифической: одно имя, один звук, без всякой реальности.

Это «бунтарское» настроение назрело за те 4 года с лишним, которые я с сотнями других просидели в тюрьме [2]). В 1872—1873 годах мы не помышляли о восстаниях, а что касается убийств,—то они возмутили бы наше нравственное чувство. Когда в 1876—1877 годах у нас завязались сношения с «волей», то настроения этих новых поколений казались многим и большинству из нас дикими и ложными. Впоследствии же сами порицатели новых поколений примкнули к террористам.

---

[1]) Издано в М. 1890 г.

[2]) По процессам 193-х и 50-ти, разбиравшимся с окт. 1877 г. по янв. 1878 г.—отбывали предварительное заключение. В частности Л. Тихомирову по приговору было зачтено предварительное заключение. См. ниже. Процесс 193-х издан Стопневичем А. Д. «Северная Пальмира». СПБ. 1906 г. и Сабашниковым М. 1906 г.

Когда я вышел из тюрьмы, все остатки старых «чайковцев» [1]) и особенно «освобожденные» из тюрьмы группировались около П е р о в с к о й. Она их собрала около себя и держала их в оппозиции «троглодитам» [2]), другими словами, ученикам Натансона [3]). Я совсем не знал Натансона, но это был человек, говорят, крупный. В мои времена, т.-е. 70—71 г.г., Натансон, Чайковский, Сердюков и Лермонтов были возбудителями революционного движения, совсем подавленного после Нечаева. Сначала они составляли один дружеский кружок, потом постепенно разошлись. Натансон был арестован и выслан [4]). Сердюков—тоже арестован и несколько лет почти не выходил из тюрьмы. Лермонтов разошелся с кружком Чайковского и в 1873 году пытался образовать свой или, точнее сказать, свои кружки, так как он усвоил новую и модную тогда теорию анархизма. Впрочем, действовал он не долго, был арестован и умер в тюрьме [5]).

Человек это был очень способный, но едва ли хороший. Двуличный, эгоистичный и, вероятно, готовый все принести в жертву своей карьере, которая сливалась для него с участью революции. Впрочем, господь его знает. Может быть, мои легкие впечатления и ошибочны.

Итак, кружок вышел «кружком Чайковского», а затем началось «движение в народ», захватившее кружок, но созданное не им, а тою же всесильной логикой психологии революции. Затем прошло «шальное лето» [6]), движение было разгромлено, и вот в это время, когда по России, по разным тюрьмам сидело до 1.000 человек,—Марк Натансон бежал и явился в Петербург с «новой идеей» [7]).

Эта новая идея состояла именно в «народничестве». Мы раньше были «пропагандистами» и «развивали народ», прививали ему «высшие» идеи. Новая идея состояла в открытии, которое впоследствии развивалось в «Основах народничества» Каблица (Юзова) [8]), но гораздо лучше изложена в программе кружка Натансона, да отчасти вошло и в программу «Народной Воли». Решено было, что народ русский, и м е е т уже те самые идеи, которые интеллигенция считает передовыми, т.-е. он, народ [9]), отрицает частную собственность на землю, склонен к ассоциации, к федерализму общинному и областному. Учить его было нечему, нечему и самим учиться. Требовалось только помочь

---

[1]) Народнический кружок, возникший в Петербурге весной 1869 г. по инициативе В. Александрова и Сердюкова, и потом получивший свое название по имени одного из первых примкнувших к основателям кружка Н. В. Чайковского.

[2]) Так прозвал членов кружка группы Натансона Д. А. Клеменц за их отрицательное отношение к образованию.

[3]) Марка Андреевича.

[4]) В 1871 г. в Архангельск. губ.

[5]) По процессу 193-х.

[6]) 1874-й год,—«сумасшедший».

[7]) Вернулся из ссылки в 1876 г.

[8]) Вышли в 1882 г.

[9]) В подл. зачеркнуто: признает право.

в организации сил и в задаче сбросить гнет правительства, которое держит его в порабощении.

Отсюда «народники» стали разнообразными «бунтарями», с очень анархическим оттенком. А именно: захвата власти они не признавали, а допускали лишь «дезорганизацию правительства». Само собою скоро явились фракции и у народников. Но пока это случилось, они организовали очень могущественный кружок «Земля и Воля», который для 1871—1877 годов был тем же, чем для 1872—1873 годов был кружок чайковцев.

Сам Натансон не долго действовал и был арестован с револьвером в кармане [1]): «признак времени». Вообще револьверы стали появляться, хотя их еще и не пускали в ход. Возвратились со славянской войны и добровольцы-революционеры, понюхавшие пороха. Вообще воинственное настроение эпохи освобождения славян сильно расшевелило боевые инстинкты у революционеров, а позорное поведение России на Берлинском Конгрессе [2]) рисовало правительство не только малодушным, но и б е с с и л ь н ы м. Все это подымало дух врагов его. Являлись уже фантазии динамитного характера. Первый заговорил о динамите, по преданию, Каблиц, который развивал идею, что можно в о з динамита подвезтив нужную минуту ко дворцу и взорвать. Конечно,—взрывавший должен обречь себя на смерть...

Натансон был арестован, но кружок остался. В нем было собрано много очень, в революционном смысле, серьезных сил. Руководила кружком жена Натансона Ольга (урожденная Шлейснер). Я ее знавал и не нахожу в ней ничего особенного, но люди из кружка почитали ее чрезвычайно и ставили высоко. Не знаю. Когда я поступил в кружок, Ольга Натансон была уже тоже арестована [3]), так что я не мог лично наблюдать, что именно давала она кружку. На взгляд же она напоминала Перовскую, и, вероятно, такого же рода было и ее влияние.

Оба типа чисто женские. Ума — не много, но масса убеждения, веры, самоотверженности и воли — правда, в низшей форме [4]) у п о р с т в а. Уж что заберет в голову — колом не вышибешь. При этом огромная доза консерватизма, «на чем поставлена — на том и стоит». Ума творческого немного или даже вовсе нет, но очень много ума практического, житейского, который так нужен во всякой организации. Таковы, по всей вероятности, разные хлыстовские «богородицы».

Итак, некоторое время,—т.-е. месяц или два—петербургская революция официально находилась под руководством двух «баб». Нас, «освобожденных», толкалось около Перовской человек 40. Она легко сделалась центром, потому что прожила все время на воле, все время вела с нами сношения, и по выходе из тюрьмы мы, естественно, попадали

[1]) Летом 1877 г.
[2]) Происходил с 13 июня по 13 июля 1878 г.
[3]) 13 окт. 1878 г. после убийства Мезенцева.
[4]) В подл. зачеркнуто: упрям.

к ней. Она жила в дрянных номерах в доме Фридерикса, где занимала сама довольно большое помещение, да еще ее сестра, Марья Львовна — тоже. Жил тут, помнится, и еще кое-кто. Номера эти недели 3 были нашим пристанищем. Здесь собирались, здесь ночевали, шлялись и разговаривали по коридору... Потом, когда понадобилось помещение менее доступное наблюдению, мы сняли квартиру на Знаменской, где жила нас целая куча, а шлялось еще больше. Правда, скоро хозяин отказал нам, но в это время и так уже всем приходилось разъезжаться из СПБ.

Мы, выходя из тюрьмы, не могли иметь никакого понятия об окружающем. Большинство было так уставши, что даже и не имело желания какой-нибудь немедленной деятельности. Сверх того, многие из нас подлежали высылке и не могли решить вопроса, становиться ли сразу в «нелегальное положение». В общей сложности все это располагало охотно слушать советы Перовской не присоединяться к «троглодитам» [1]), как Клеменс прозвал народников за их пренебрежение к знаниям и культуре. Перовская предлагала основать с в о й кружок, или, точнее, восстановить пропагаторский кружок, жить с народом, развивать его, но, конечно, все это по-революционному. В этом она в сущности вовсе не далека была от «троглодитов», и не ладила с ними, вероятно, более из кружкового патриотизма. Как бы то ни было, мы все соглашались не приставать к народникам, которые сильно желали нас завербовать, но что именно делать,— это оставалось спорным, неясным и нерешенным. Да в сущности все мы желали до времени одного: рассмотреться, ориентироваться и отдохнуть.

Среди этих нескольких десятков человек деловую ценность представляли только П е р о в с к а я, К л е м е н с (Дмитрий Александрович, все время бывший на свободе, «в народе», за границей и т. п.), Н и к о л а й М о р о з о в и я. Но все три последние лица очень скоро стали сближаться с натансоновцами.

Клеменс был человек очень милый и талантливый. Конечно, смешно и нелепо возводить его в великие умы и герои, как мне недавно писал мой бедный Сергей Синегуб, очевидно, совсем засохший умственно на каторге. Но Клеменс, несомненно, талантлив и не глуп. Он все же выучился иностранным языкам, занимался и увлекался многими отраслями знаний, остроумен, на все способен: может и стихи написать, и статью, и поговорить с «либералами». Он человек с авантюрской жилкой, храбрый, а в то же время любезный [2]), прилично воспитанный. Никакой сколько-нибудь заметной умственной силы он не имел, но не имел и фанатической тупости и неразвитости большинства революционного слоя. Но по характеру он был переменчив, увлекающийся и поддающийся влияниям как людей, так и веяний времени.

---

[1]) В подл. зач.: пропагандистам.
[2]) В подл. зач.: хорошо.

Клеменс, хотя и прозвал натансоновцев «троглодитами», однако понимал, что у них есть люди неглупые и энергичные, особенно энергичные. Когда я, после первых свиданий с «троглодитами», высказал ему, что они производят хорошее впечатление, он совершенно [1]) подтвердил это (он их знал много раньше, чем я) [2]). И действительно, в этом кружке, скоро принявшем название «Земли и Воли», были подобраны люди в революционном смысле очень полезные, Александр Михайлов, Преображенский (кажется — Алексей) [3]), Тищенко, Никандр Мощенко, Мих. Родионович Попов, Осип Аптекман, Моисей Зунделевич, Александр Васильевич Квятковский, Адриан Михайлов, Георгий Плеханов, Харизоменов, Оболешев (Сабуров), Василий Игнатов, Бух (младший).

Из них самые крупные были Александр Михайлов и Плеханов. Очень умным и начитанным казался Преображенский, который и прекрасно говорил. Но это был чистый народник, отрицатель всякой «конституции» и государственности, в сущности не революционер. Он скоро после того умер. Очень неглуп был также Харизоменов, тоже «народник», тоже был мало революционер, скоро и совсем отставший. При разделении «Земли и Воли» на «Народную Волю» и «Черный Передел» [4]), он не присоединился никуда и отстал от «революции», позднее я читал его очень любопытные статьи о развитии обороны в Южной России.

Мойша Зунделевич — также был очень способный еврей. Именно — еврей, потому что по преимуществу имел практические способности. Перевезти ли человека через границу, делать ли что-нибудь запрещенное, — ловче не было человека. По взглядам это был чистый марксист, социал-демократ, но вообще человек не теоретический. Хороший товарищ, человек — что редко между евреями — с крепкими нервами, не трус. Аптекман, напротив, был тип хорошего еврея, идеалист, сенти ментален, ничего не понимающий на практике и весь из нервов, вечно напряженных и изнемогающих. Его любили, но в сущности — ни в умственном, ни в практическом отношении ничего не давал кружку. Квятковский и Попов вскоре заявили себя, как «террористы». Плеханов тогда был еще мало выработан, хотя все черты его характера были видны сразу.

Георгий Валентинович Плеханов — сын разорившегося дворянина-помещика, чрезвычайного пьяницы, буяна и безобразника. Плеханов сам говаривал тогда, что от такого родителя может произойти только или революционер, или червонный валет. Из Георгия вышел революционер, но человек он был далеко не хороший, сухой, самолю-

[1]) Зач.: согласился.

[2]) Зач.: и действительно, там были весьма крупные силы, особенно Александр Михайлов, Преображенский и Тищенко.

[3]) Алексей Иванович («Юрист»).

[4]) После Воронежского съезда землевольцев осенью 1879 года.

бивый, задорный, мстительный, чуждый великодушия. Он был очень умен и способен, но низшей области способностей. Есть способные люди с оттенком творчества, у таких есть чутье, глазомер, некоторая искра гения, благодаря которой они хорошо видят основные факты посылки. Такие черты были, напр., у Герцена или даже у Кропоткина, несмотря на маленькое анархическое умопомешательство Кропоткина. У Плеханова—ничего подобного. В своих посылках, в общем миросозерцании своем, он—самый банальный человек своего времени. Он верит в то, во что верит интеллигентная толпа. Тут он не создал ни одной искры своего, не заметил ничего, что бы ему не было дано другими. Но он прекрасно запоминает и усваивает это чужое содержание и затем обладает редкой логикой в выводах. Он имел натуру адвоката, замечательное искусство в построении силлогизма, в диалектике, с такой же ловкостью и бессовестностью, но с силой и убедительностью. А самое основание, дело, которое требуется защитить—оно не его, не им создано, оно ему дано. Плеханов настолько типичен в этом отношении, что не способен даже заметить этого своего порока. Я, в эпоху самых дружеских наших отношений, в Женеве, рассказал ему в разговоре о способностях его и других лиц: «У вас превосходная логика, но вы не имеете той же силы в установке посылок». Плеханов заметил: «Да что же тут устанавливать? Ведь это точный научный факт». Дело шло именно об экономическом материализме. Плеханов принял учение Маркса, как откровение. Оно совсем подошло к его душе. Он своим логическим аппаратом сразу определил, что именно в теории Маркса материалистические идеи получают свое последнее слово, и он стал чистым марксистом в то время, когда у нас марксистов еще почти не было. Народнический и анархический сумбур, хаос, противоречия были противны ясному логическому уму Плеханова. Он их отбросил беспощадно и смело, даже с ненавистью. Над народниками он только язвительно смеялся, но анархистов прямо ненавидел, как злейшую помеху социализма. Идеалом его были, конечно, немецкие социал-демократы, у которых он учился усердно и успешно.

Знания он мало-по-малу приобрел весьма солидные. Воспитывался он в Горном, кажется, институте [1]), но курса не кончил. Все свои знания приобрел самоучкой, чтением. Работать он умел. А пользовался знаниями—артистично, не боясь шарлатанства, софистики, забрасывал именами, цитатами, ловко переменяя позицию невыгодного спора,—вообще диалектик и спорщик был превосходный и неутомимый. Нельзя не отметить одной его любопытной черты. Он носил в душе неистребимый русский патриотизм. Ничего оригинального, своеобразного он в России, как и во всех других странах мира, не видел и не признавал. Но он видел в России великую социалистическую

[1]) Плеханов поступил в Горный институт в 1874 году. Об этом периоде его жизни см. ст. Дейча: «Молодость Г. В. Плеханова», «Былое» 1918 г. № 13, также у Плеханова: «Русский рабочий в революционном движении».

страну будущего, и никому Россию не отдавал. Всякие сепаратизмы буквально ненавидел. К украинофильству он относился презрительно и враждебно. В нем глубоко жил великорусский унитарист и уравнитель. Революционеру и эмигранту нельзя открыто итти против поляков, как тоже силы революционной. Но Плеханов не любил поляков, не уважал их и не верил им. В дружеских беседах он это откровенно высказывал. С Драгомановым он был в открытой вражде. О Шевченке, смеясь, говорил: «Я Шевченке никогда не прощу, что он написал: «Вмию, та не хочу говорить по русски». К Шевченке и украинофилам он относился, конечно, с большей ненавистью, чем даже, например, Катков.

Никогда также (по крайней мере все время мне известное) не было у Плеханова той подлости, как у «Набата» [1]) или у С. Кравчинского, которые признавали иностранное вмешательство в русскую революцию и брали иностранные деньги [2]). Думаю, что ничего подобного Плеханов не способен был сделать [3]).

Плеханов был не из особенно храбрых людей, опасности вообще боялся, и своей особой никогда не рисковал. Жизнь «нелегального», которую ему невольно пришлось испытать, он вспоминал с отвращением и нервной дрожью. Эмигрировал он очень скоро и затем уже никогда не решался ехать в Россию. Даже и за границей он боялся ступить ногой в Германию, хотя, будучи чист от всяких террористических преступлений, почти не испытывал никакого риска быть выданным.

Эта нервная боязливость его проявлялась во всех случаях опасности. Однажды Плеханов с друзьями—Засулич и своей женой—приехал ко мне в гости в Morneux и полез на гору. Влез он среди кустов, не замечая крутизны, на несколько сажен, но когда пришлось спускаться, страшно растерялся и испугался, перетревожил всех нас. Нужно было лезть ему на помощь, хотя вообще—это такой пустяк, что не могу себе представить, чтобы тут была сколько-нибудь действительная опасность... А между тем, он таким дрожащим голосом звал на помощь, кричал, что ничего не видит, требовал, чтобы ему снизу указывали, куда спускаться, куда поворачивать... Правда, Плеханов был довольно слабого здоровья. За границей несколько раз говорили, что у него оказалась чахотка. Сил у него не было, нервность большая, вечные занятия и очень негигиеничная жизнь. С тех пор как я его знаю, он любил выпить и—очень. Питался всегда «по нигилистически», как придется, зря, ну и, конечно—как в революционной среде почти все—во всех отношениях вел жизнь неправильную.

Не помогла ему в этом и женитьба. Я говорю «женитьба» в «натуральном» смысле, потому что этот брак, кажется, и теперь остался не офор-

---

[1]) Журнал, орган русских якобинцев, издававшийся в Женеве с 1875 по 1881 г., под редакцией П. Н. Ткачева.

[2]) Утверждение необоснованное.

[3]) Для характеристики взаимных отношений Плеханова и Тихомирова ср. предисловие Аптекмана к кн. «Черный Передел», Госиздат М. П. 1922 г.

млен законом. Еще в СПБ. Плеханов сошелся с Розой Боград, курсисткой, еврейкой. За границей я уже застал у них несколько штук детей. Боград все училась и в Женеве, и что-то очень много лет училась медицине, хотя все-таки, наконец, кончила курс. Это была семья образцово беспорядочная. Муж с женой жили дружно, и Боград питала очень высокое мнение о своем Георге. Но по хозяйству оба не занимались и ничего не смыслили. Издерживали они очень много денег, а жили грязно, беспорядочно и скудно. Своих денег или заработка у Плеханова не было, но он жил на счет кружка («Черный Передел»), да и вообще их фактотум Дейч был мастер добывать деньги. В кружке были, кроме Плеханова, Вера Засулич, Стефанович, Дейч, были богатенькие приверженцы в России (вроде Игнатова). К таким «именам», да еще занимающимся «изданиями», деньги всегда более или менее притекают. Жили и Плеханов с К-о, и тратили даже довольно много.

У них, напр., по счету в лавочке как-то пришлось заплатить за 300 яиц в месяц. А яйца ела только одна девочка по одной или 2 штуке в день.

Все остальное воровала прислуга[1]). Это пример—Плехановы так тратили во всем: ни на что не обращая внимания, не унижаясь до экономии, не понимая цен, тратили столько, что можно было жить в полнем довольстве, а жили грязно, бестолково, среди переходов от излишества к голоду. Так жило, впрочем, тогда большинство эмигрантов [2]).

Я, однако, остановился на Плеханове более чем следует в данную минуту. В кружке «З е м л я и в о л я» он не играл еще особенной роли. Быстрее всего там приобрел значение А л е к с а н д р М и х а й л о в.

При Натансоне он был еще мальчишкой. При нем же отправился «в народ», где шлялся много, а в 1878 году возвратился в СПБ. Тут он в начале года, когда я с ним познакомился, еще только осматривался и с благоговением ученика относился к Ольге Натансон (в которую чуть ли не был платонически и рыцарски влюблен), но, можно сказать, рос с каждым месяцем и к осени уже стал первым человеком в кружке.

Во все время своего знакомства с революционной средой, из тысячи полторы человек, которых сколько-нибудь помню, я не знаю человека, который бы производил впечатление более хорошей силы, чем этот отчаянный «террорист».

Он был родом из дворянской семьи, чуть ли не Курской губернии, во всяком случае чистый великоросс, превосходно сохранивший свойства русской расы. Среднего роста, он был очень крепок, коренаст,

---

[1]) Зач.: вообще.

[2]) О П л е х а н о в е б о л е е п о д р о б н о р а с с к а з а т ь в з а г р а н и ч н о м о т д е л е. Е г о с м е ш н а я в р а ж д а к Г о л д о в с к о м у. Д е й ч. С т е ф а н о в и ч. «А г и т а ц и о н н ы е п о е з д к и». «Ш у т к а» о в и з и т е М а р к с а. См. (Прим. Л. Тихомирова.)

вынослив. Единственный порок физический составляло его заиканье. Такое же здоровое соотношение представляли его духовные свойства. Не могу без грусти думать, что такую богатую натуру загубила наша поганая, обезьянья «интеллигентская» цивилизация. С самого юного возраста Михайлов воспринял, конечно, наше революционное миросозерцание, и затем уже мог развиваться только в его рамках. На беду он вышел в свет в такой момент, когда лозунгом стало «опрощение», и были совершенно заброшены даже наши жалкие книги. Михайлов остался поразительно невежественным, на редкость даже среди нас. Только его удивительная память и чутье, благодаря которому он сразу определял умного человека, помогли ему приобретать сведения от людей: он охотно слушал речи знающих людей. Но хотя таким образом он нахватался достаточно фактов и фраз для того, чтобы казаться все-таки «интеллигентным», его теоретические познания были и остались ничтожны. Никакого самостоятельного применения из них он не мог сделать, почему и остался во власти революционного миросозерцания. Но все, что он сам видел и наблюдал, он узнавал и понимал превосходно, и это сделало из него великого практика. Теперь прошло с тех пор 20 лет, у меня нет иллюзий и я совершенно хладнокровно и убежденно говорю, что Михайлов мог бы, при иной обстановке, быть великим министром, мог бы совершить великие дела для своей родины.

Часто я наблюдал огромное значение нравственных свойств для развития всех остальных сил человека, в том числе и умственных. При сильной любви к чему-нибудь человек удивительно развивается. Эта-то нравственная основа была очень хороша у Александра Михайлова. Личность в основе необычайно чистая и искренняя. Уверовавши в революцию для блага родины и народа, он отдался этой революции совершенно без остатка, весь целиком жил своей революцией, не как принципом, не сухо, не мрачно, не по долгу, а всем своим существом. Это был здоровый, крепкий парень, веселый, жизнерадостный. Конечно, и у него были всякие минуты горя, огорчений и т. п.; озабоченность делами иногда угнетала его. Но вообще он оставался совершенно счастлив своей жизнью, каждый успех «дела» радовал его чисто лично. Он жил для «дела». Когда ходили в «народ», Михайлов «опростился», как немногие, «оброс шерстью», жил нигилистом, не позволял себе никакой «роскоши», ни в виде питания сносного, ни в виде одежды удобной и теплой. Когда он стал заниматься городскими заговорами да «терроризмом», он решил, что тут нужно [1]) беречь силу. Нужно быть крепким, здоровым, бодрым. И с этого времени Михайлов завел такой режим, что всякий врач залюбовался бы на него. Никакого ни в чем излишества, но необходимо спать столько-то часов, необходимо есть регулярно и питательную пищу, нужно бывать в бане и т. п. Никогда, ложась спать, Михайлов не

[1]) Зач.: быть.

забывал завесить окна чем-нибудь плотным, чтобы утром свет не портил глаз. Глаза особенно нужны заговорщику и «нелегальному». Нужно видеть далеко и отчетливо, все и всех на улице. И уж насчет «слежения» за собой, как [1]) и за другими, Михайлов мог поспорить с самым гениальным сыщиком. Он видел на улицах все, среди сотен физиономий моментально различал знакомых или «подозрительных» и умел устроить так, что его самого трудно было заметить. Для этого у него всегда был целый запас заранее замеченных магазинов, проходных дворов, лестниц, выходящих на разные улицы. Он в каждом новом городе, знакомясь с людьми и делами, немедленно знакомился и с этой своего рода заговорщицко-шпионской «топографией», в знакомом большом городе, как Москва или Петербург, он был буквально неуловим, как зверь в лесу. Он всегда умел куда-то мгновенно исчезнуть, как сквозь землю провалиться. Точно так же он никогда не забывал узнавать возможно полнее весь персонал тайной полиции. Стоило ему услыхать от кого-нибудь о сыщике,—он немедленно записывал имя, адрес, приметы, старался л и ч н о посмотреть этого сыщика, и знал их, действительно, множество, оставаясь им неизвестен, и постоянно меняя физиономию и костюмы.

Кто-нибудь скажет: «достоинства ловкого сыщика». Да, но ими владел и Мадзини. Не из любви к сыщничеству выработал себя в этом отношении Михайлов, а потому, что это н у ж н о. С таким же тщанием он, когда это оказалось н у ж н ы м, старался выработать и выработал вид «образованного» человека, запоминая нужные для этого фразы и факты. И не одни эти способности имел он. Он был р е д к и м организатором. Не видал я человека, который умел бы в такой степени группировать людей не только в м е с т е, но и направлял их, хотя бы помимо их воли, именно туда, куда, по его мнению, н у ж н о было. Он умел властвовать, но умел и играть роль подчиняющегося, умел уступить видимость первого места самолюбивому конкуренту, не имел ни самолюбия, ни тщеславия, не требуя ничего для себя, лишь бы д е л о ш л о, куда н у ж н о. Всякий талант, всякая способность в других радовала его. Я не знаю, был ли он о себе высокого мнения, но во всяком случае не гордился и, конечно, просто не и н т е р е с о в а л с я этим вопросом. А, между тем, он был истинной душой и творцом той организации, которая зародилась в среде кружка «Земли и Воли» и потом превратилась в «Н а р о д н у ю В о л ю», где десяток человек «Исполнительного Комитета» умели держать около себя в разных кружках, в конце концов, около 500 человек, готовых исполнять распоряжения «Комитета». Этот «Исполнительный Комитет» создан Михайловым и развивался и рос, пока был Михайлов. Арест Михайлова был началом упадка и расстройства «Исполнительного Комитета».

Я, впрочем, несколько отвлекся в сторону от хода дела. Итак, говорю я, наш кружок из «освобожденных» да из разного хлама остат-

[1]) Зач.: Михайлов.

ков старых чайковцев, видимо, смотрел на-ладан. Кто же сколько-нибудь интересовался делами, знакомились с натансоновцами и более или менее с ними сходились. Таков был и сам Клеменс, и я, и Николай Морозов. Впрочем, дел мы еще никаких не делали, а только разговаривали да шлялись по демонстрациям. Благо их тогда явилась целая куча.

Чуть не в первый же день по моем выпуске «на волю», Вера Засулич—она была близка с натансоновцами—выстрелила в Трепова. Я, помню, узнал это на улице. Иду—слышу, извозчики говорят, что кто-то ранил Трепова. Я остановился: «Как, что?» Извозчик с большой радостью объяснил: «Барыня какая-то... Так ему и надо».—«А тебе он что сделал?»—«Притесняет очень»... Извозчики тогда в Петербурге так же ненавидели Трепова, как позднее в Москве—Власовского: за строгости по поддержанию порядка в упряжи и т. п. Само собою, тут не было никакой политики, да и политический мотив выстрела Засулич объяснен лишь постепенно. Петербург даже долго не верил этому и все больше предполагал какой-нибудь роман.

Само собою разумеется [1]) даже и мы не предполагали тогда, что Засулич оправдают. Да не ожидалось и быстрое ведение процесса. Собственно мы, т.-е. «чайковцы», сгруппированные около Перовской, не имели в виду и как-нибудь эксплоатировать это дело: оно было не наше и нас не касалось. Мы только ходили да наблюдали, ожидая только, чтобы нас суд, наконец, отпустил куда-нибудь. В ожидании утверждения приговора по делу 193-х мы все были обязаны подпиской о невыезде. Побывавши на похоронах Подлевского (демонстрация, о которой я писал уже в брошюре «Начала и Концы») [2]), я решился съездить в Москву, повидаться с братом, да кстати потолковать, нельзя ли меня снова принять в университет. Я в то время еще не думал сжигать кораблей и поступать в формальные революционеры. Однако в университете мне сказали, что меня нельзя принять. Тихонравов (он, помнится, был ректором) заявил мне, что университет мне не станет портить репутацию, что они ничего не знают о моем аресте и процессе, и выдадут мне свидетельство, что я уволен за невзнос платы, но принимать меня снова—нельзя. «Да и к чему вам? Вы уже и по летам пропустили свой срок».

Такое свидетельство мне и выдано. Очень мне было досадно, я тут впервые почувствовал, что я—какой-то «обреченный!». Что я буду делать? Чем заниматься?

Брат [3]), который меня встретил, как всегда, горячо и дружески, тоже был огорчен этим непоправимым исключением. Между тем, я знакомился с московскими радикалами не как «деятель», а просто из любопытства, стараясь понять, что делается в России. Москва

[1]) Зач.: в ожидании.
[2]) См. указатель.
[3]) Владимир.

точно так же радикальничала и либеральничала, как Петербург. Да и вся Россия, т.-е. образованная, была тогда настроена как-то революционно. Правительство было в полном презрении. Все были в уверенности какого-то близкого переворота, в близости тем или иным путем конституции.

Между тем, наступило неожиданно быстро разбирательство дела Засулич. Само собою разумеется, что еще до процесса как либералы, так и радикалы всячески рекламировали ее, как героиню. Еще когда я был в Петербурге, помню, попал я на студенческий бал. Народу было масса, все было весело и оживленно. Я встретился тут с Александром Михайловым, с которым только что познакомился. Он решился воспользоваться случаем, и,—смотрю,—мой Михайлов взгромоздился на стул с бокалом вина и кричит:

— Господа, господа, внимание!

Стали оборачиваться в его сторону. Шум разговора немного стих, и Михайлов, заикаясь (он был заика), но развязно и горячо начал краткую речь о русском произволе, о героической женщине, которая ценой жизни (или что-то в этом роде) решилась наказать надругательство над человеческой личностью, и в заключение провозгласил тост:

«За здоровье Веры Ивановны Засулич!»

Публика слушала, но что касается тоста,—то его поддержали, нужно сказать, немногие. Все-таки боязно еще было. Ведь на этих балах даже обязательно и явно присутствовала полиция, не говоря уже о тайной полиции.

Но вот к нам в Москву пришла весть о процессе, об оправдании Засулич, о демонстрациях, о ее «освобождении» из рук полиции. В Петербурге запахло нам чуть не революцией. Товарищи сообщали, что Сидорацкого, «убитого» при освобождении Засулич, будут торжественно хоронить [1]).

Приехавши в Петербург, я расстался со своими московскими спутниками и закружился среди петербургского «радикализма». Наши «чайковцы» совсем рассыпались, и о «кружке» смешно было даже говорить, хотя Перовская все еще хлопотала о нем. Мои личные отношения с нею в это время уже стали почти холодны.

В тюрьме я считался ее женихом. Это был один из множества тюремных романов. Она была «на воле», я—«страдал»; она меня посещала и утешала, и—оба влюбились или, по малой мере, это вообразили. Думаю, что о н а, если и вообразила это, то разве на самую малую секунду. Я же считал себя очень сильно привязанным. Как бы то ни было, мы совершенно открыто и окончательно решили жениться, заявили об этом даже родителям своим. Но едва ли я для нее в то время подходил. Она могла уважать меня и особенно ж а л е т ь, но любить—

---

[1]) Далее редакцией опущено несколько абзацев ввиду того, что в них речь идет о живом ныне деятеле, и автор касается интимной стороны его жизни.

едва ли. Ей, при ее характере, нужен был человек, которому бы она могла п о д ч и н и т ь с я, а у меня этого никогда не было. Как бы то ни было, когда я вышел из тюрьмы, она меня встретила и сконфуженно, и холодно, и сразу поставила на «благородную дистанцию». Я от этого несколько времени очень страдал и даже воображал себя очень несчастным, но, в конце концов, у меня был тоже не такой характер, чтобы я погиб «из-за бабы». Я влюблялся множество раз, но столь же легко утешался. Впоследствии мы с Перовской стали снова большие друзья, и она меня брала даже в конфиденты. Но в это время, само собою, я сначала огорчался, потом стал обижаться и вообще злился на нее. Да и в «убеждениях» мы будто расходились. Она молилась на память «чайковцев», а я и в 1873 году над ними подтрунивал. Она старалась воссоздать «свой» кружок, а я все более захватывался о б щ и м движением, и искал людей повсюду, она мечтала о пропаганде в народе, я—о революции. [1]) И впоследствии даже она стала ярой т е р р о р и с т к о й, а я—только и думал о з а г о в о р е и г о с у д а р с т в е н н о м п е р е в о р о т е.

Как бы ни было, в Петербурге мне с ней нечего было делать, и я все время бегал по тем, кто имел отношение к демонстрациям. Из наших, чайковцев, я явился прежде всего к Клеменсу, а потом отправился к своему новому другу, Александру Михайлову, который меня препроводил к адвокату Ольхину, где они в это время составляли прокламации и подготовлялись к демонстрации.

Тут я познакомился с Георгом Плехановым.

Клеменс жил у Веймара, Ореста Эдуардовича. Впрочем, Орест с братом жили вместе. Их дом (собственный) как раз в лучшей части Невского, почти против Морской. Вообще они были богаты. Оба брата были порядочные люди и большие радикалы, особенно старший (Орест). Орест,—доктор медицины, отличившийся в Турецкой войне [2]), имел, кроме состояния, и собственное лечебное заведение. В кружках он уже не участвовал нигде, но вполне сочувствовал революции. Он и лично участвовал в дерзком и пр овком освобождении кн. Кропоткина из Николаевской больницы. Понятно, что он укрыва у себя друзей, вроде Клеменса. Но должно заметить, что на каторгу его впоследствии сослали совершенно неправильно, по ошибке. Орест Веймар никакого отношения к покушениям на жизнь государя Александра Николаевича н е и м е л и, может быть, даже ничего не знал о них. Он не дарил и револьвера Соловьеву. Этот злосчастный револьвер он подарил, без всяких мыслей и намерений, Клеменсу, просто по дружбе. Клеменсу он, конечно, тоже не был нужен, и впоследствии Морозов Николай, уезжая в Харьков освобождать Мышкина и Войнаральского, выпросил у Клеменса этот револьвер. Потом этот револьвер от Морозова попал еще кому-то и, в конце концов,—к Соловьеву, вероятно, через Александра Михайлова.

[1]) Зач. одна строка, которую трудно разобрать.

[2]) 1877—1878 г.г.

Орест Веймар даже и понятия не имел о том, куда, по злой прихоти случая, попал его подарок.

По всем рассказам разных лиц, видавших лично историю, дело с «освобождением» Засулич и самоубийство Сидорацкого было так. Когда Засулич оправдали, это был скандал, смятение, беспорядок и общая растерянность. Публика в зале суда беснуется и рукоплещет. Публика на улице—тоже. Героиня дня должна была быть выпущена на свободу и б ы л а. Конечно на улице всякие овации. Но, конечно, было весьма вероятно, что ее опять и, может быть, сейчас же заберут, как только начальство опомнится. Поэтому ее друзья, посадив ее в карету, окружили ее и шли такой демонстративной, ликующей и угрожающей толпой, которая сама по себе составляла беспорядок. Толпа привлекала новую толпу простых любопытных, иногда ровно ничего не понимавших. Так, например, в толпу случайно затесались конвойцы, черкесы, которые шли мимо и заинтересовались, что такое происходит. Само собою разумеется, что полиция и жандармы сопровождали шествие, и в толпе раздавались [1]) восклицания против них. Я так и не узнал, состоялось ли приказание заарестовать Веру Засулич, и думаю, что н е т. На это не было времени у начальства, а без приказа никто не стал бы арестовывать. Но, естественно и даже необходимо, полиция должна была захотеть отодвинуть толпу от центра и предмета ее воодушевления, т.-е. от кареты Засулич. Но, когда полиция стала окружать карету, в толпе раздались крики, что Засулич арестовывают; толпы начали тесниться к карете, произошла сутолока, как всегда в этих случаях, вероятно, близкая к легкой драке. Вдруг раздался в ы с т р е л! Потом еще... Сколько я ни расспрашивал, этот момент для меня остался неясным [2]). Кто начал стрелять, зачем? Факт только в том, что Сидорацкий, человек вообще шалый, нервный и экзальтированный, шел в толпе близ кареты в состоянии [3]) чрезвычайного возбуждения и и м е л п р и с е б е р е в о л ь в е р. Рассказывали потом, что пуля его револьвера как раз подходила к его ране, а жандармские пули совсем иного калибра. Впоследствии говорили, что он сам себя убил, и это, по всем видимостям, и есть несомненный факт. Но почему? Для того ли, чтобы стать «жертвой» насилия и этим возбудить толпу? Это говорили даже сами «радикалы». А я думаю, что, может быть, н а ч а в с т р е л я т ь, Сидорацкий, чтобы не попадаться в руки полиции, застрелился. Он много лет жизни провел в тюрьме и ссылке, и, конечно, мысль о новой тюрьме была ужасна. А начав стрелять, он, быть может, думал, что не один окажется... Эта гипотеза подтверждается тем, что, по словам свидетельствовавших о самоубийстве, Сидорацкий именно о т б е ж а л от толпы в крайнем возбуждении к тротуару и тут приложил пистолет к голове и застрелился.

[1]) (Зач.: всякие)
[2]) (зач. одно слово)
[3]) (зач.: огромного)

Ни Клеменс, ни Михайлов не могли мне объяснить толком этого дела. Факт только, что когда раздались выстрелы, то полиция бросилась разгонять толпу силой, а толпа и сама разбежалась. Началась страшная сумятица, многих помяли, многих побили, а когда все рассеялось, то оказалось, что карета Веры Засулич умчалась неизвестно куда, а на тротуаре валялся труп убитого Сидорацкого.

Друзья Веры Засулич ее умчали и спрятали. Прятки эти были сделаны очень умно и в полной тайне. Я тогда не знал, кто ее скрывает, и лишь впоследствии узнал, что это был Гольдсмит. Впрочем, я в этом не уверен. Я был той школы заговорщиков, которые не расспрашивают о тайнах без надобности. Когда знаешь, то можешь где-нибудь, как-нибудь невольно косвенно проболтаться. Самому спокойнее и для «дела» лучше — не знать, если нет практической необходимости знать. Притом в радикальной карьере приходится держать в голове такую массу всяких тайн, условий, конфиденций, что стараешься из экономии не набивать в этот переполненный чемодан никакого лишнего багажа [1]).

Хотя никто из радикалов не верил в то, что его убили, и все убеждены были в самоубийстве, тем не менее затеялась демонстрация в честь «жертв насилия». Я эту демонстрацию описывал в «Началах и Концах» достаточно подробно. Замечательно, что это именно был Плеханов, остривший над «либералами»:

У нашего господина
Разыгралася скотина:
И коровы и быки,
И дворовы мужики.

И точно «скотина» тогда разыгралась до невозможности. Собственно говоря, эти скоты-либералы нас толкнули к насильственным действиям. Конечно, революционеры и сами старались довести до драки, но никогда бы на это не пошло много народа, если бы либералы не вели себя так явно ободряющим нас образом.

После демонстрации-«панихиды» Сидорацкого наступило минутное затишье. Участники ждали арестов, которых, впрочем, не последовало [2]).

---

[1]) Подробности процесса В. Засулич и последовавшей за ее оправданием демонстрации можно найти: Градовский Г. К., «Итоги» (1862—1907 г.г.); М. Федоров, «Из воспоминаний по управлению С.-Петербургским домом предварительного заключения» («Русск. Ст.» 1905 г. № 1); Герценштейн, «Тридцать лет тому назад» («Былое» 1907 г. № 6); С. Глаголь, «Процесс первой русской террористки» («Голос минувшего», 1918 г. № 7—8). Сравни описание демонстрации корресп. «З. и В.» в «Русск. Ист. Б-ке» № 7, стр. 34—36. Приказ об аресте Засулич был отдан в тот же день, т.-е. 31 марта 1878 г. Укрыл ее в Петербурге от полиции Аркадий Головин (привлекался по делу 193-х), а за границу переправил ее Л. Тихомиров, где она нашла приют у коммунара 71 г., Анри Рошфора, см. назв. выше статьи Глаголя, а также «Голос Минувшего» 1920—21, стр. 85—88. Нов. сведения об истории Боголюбова, вызвавшие покушение Засулича см. «Кр. Арх.» т. V. Письма 193, стр. 152 — 153.

[2]) В подлинн. зачеркнуто шесть строчек — неразобраны.

Делать в Петербурге мне было нечего, да и жить нечем, а, между тем, отец и мать обижались, что я не еду повидаться с ними после стольких лет. Я решил снова двинуться на юг.

Но тут ко мне обратилась Перовская с предложением, которое немыслимо было отклонить. Дело в следующем. Наш приговор (по делу 193-х) все оставался не утвержден, а по слухам (от жандармов) он переделывался в более строгом смысле. А, между тем, по тем же сведениям, уже готовились высылки разных лиц, в том числе Мышкина, именно в Харьковскую центральную тюрьму. Об этих центральных тюрьмах думали и говорили с ужасом, да и основательно. Это была не Сибирская каторга, представлявшая нечто добродушное и льготное, вне всякого соображения с формальным законом. Это была уже настоящая европейская, жестокая тюрьма.

Ясно было, что туда пойдет не один Мышкин, а все главные. В числе их собственно чайковцев трудно было ожидать, но как знать? Чарушин мог быть отправлен. Мышкин же на суде прославился, как особый талант и характер. Перовская, мечтая о своем кружке, желала его спасти. Как бы то ни было, она затеяла освободить его по дороге в тюрьму и предложила мне, по дороге на Кавказ, навести об этом справки в Харькове. Я согласился.

Собственно говоря, это была фантазия. Дело трудное, и его даже с долгой подготовкой было почти невероятно устроить, наскоро же — совершенная фантазия. Ничего и не вышло. После этого, летом и еще позднее была гораздо более обдуманная попытка, и то ничего не вышло. Я же был только «на разведках». Но эти разведки дали мне случай познакомиться с целой кучей южан, все поголовно «террористов». Тут были два Ивичевича, Сентянин, Брантнер, Рафаил (забыл его фамилию). Все они очень скоро погибли, кто «в бою», кто на виселице. Тут я также познакомился или встретился и кой с кем из наших и из народников. Тут жили Жебуневы (зачеркнуто: Сергей), Владимир с женой; я у них много был. Познакомился с Николкой Быковцевым,—прелюбопытный тип южного народника, и т. д. Вообще я просто захлебывался от океана новых наблюдений и впечатлений, которые нахлынули на меня после 4 лет тюрьмы.

Все эти люди, вроде В. Жебунева или Быковцева, — все это было прошлое, они имели свою пору увлечения. Похождения Быковцева даже очень любопытны, и сам он не уступал в энергии и способностях кому другому, но он уже устал, он уже увидел, что если есть «дело», то нет революции. Жебуневы когда-то прославились своей пылкостью, и их компания даже получила насмешливую кличку «сумасшедший орден Сен-жебунистов». Жена (Марья Александровна) была даже из крупных женщин. Но все это было уже уставши, разочаровано и в глубине души уже видело, не желая сознаться, что революции нет, или уже не видели ее. Они толкались в радикальной среде, суетились, «помогали», «оказывали услуги», но у них

уже не было желания инициативы, и они, так сказать, ничего не делали.

Напротив того, весь террористический строй был полон оживления, надежд, уверенности. Он сознавал себя настоящим и вполне верил в обладание будущим. Он видел перед собой революцию и лично в ней уже находился. Надо сказать, что во всем этом слое не было ни одного заметно крупного ума. Но [1]) характеров было очень много. Не мало было и очень милых людей, простых, добродушных, храбрых, вроде тех, которые отличаются на войне, считаясь в то же время добрыми малыми и товарищами. Были и просто легкомысленные авантюристы, но менее всего вспоминаю людей жестоких и холодных.

Что такое был собственно терроризм? Это была, по существу, попытка начать революцию с теми силами, какие имелись в наличности. Страна предполагалась в состоянии революционного настроения, но не начинала активной революции. Были, однако, десятки, сотни и, казалось, тысячи людей, которые готовы были взяться за оружие. Естественно являлась мысль: почему же не начать? Правительство имело вид бессильный. Попытка активной борьбы могла вызвать подражание и возбудить мысль о возможности ниспровергнуть правительство. Но, разумеется, сил, готовых браться за оружие, было так мало, что нелепо бы было и подумать собрать их в один крошечный отряд для восстания, например, в Петербурге. Ясно, что эти сотни 2—3 людей были бы мгновенно раздавлены. Но если начать борьбу конспиративно, партизански, нападая где удобно и прячась перед силой, то столь же ясно, что шансы долго продержаться возрастают чрезвычайно. Эти 2—3 сотни человек, при такой системе, будут переловлены очень нескоро. А, между тем, их пример вызывает подражание, вызывает новые силы, тем более, что эта борьба производит впечатление устрашающее (предполагалось) на правительство, и агитирующее на народ.

Терроризм именно и был такой партизанской войной. Сами террористы очень различно понимали смысл своих поступков, но они были вообще не люди рассуждения, а во всех массовых движениях (это было массовое движение в революционном слое интеллигенции), во всех, хочу сказать, стадных движениях, люди всегда плохо понимают точный смысл того, к чему их толкает не коллективный смысл, а коллективный инстинкт.

Инстинкт этот бывает нередко очень проницателен. И действительно, у нас в то время нельзя было более производительно (с боевой точки зрения) употребить имеющиеся ничтожные революционные силы. Впоследствии директор полиции [2]), Петр Нико-

---

[1]) Зач.: все это было.

[2]) Департамента полиции.

лаевич Дурново говорил мне: «Вы доказываете, что терроризм нелепость. Однако нужно сказать, что это очень ядовитая идея, очень страшная, которая создала силу из бессилия». Это, конечно, верно. Только это была не м ы с л ь, не и д е я. Если бы террористы были поразвитее и действовали сколько-нибудь г о л о в о й, они бы очень легко поняли, что терроризм нелепость, ибо им они революции все-таки не п р о и з в е д у т. Им пришлось бы тогда понять то, что я объясняю в «Почему я перестал быть революционером» [1]), и перестать быть революционерами. Но они действовали не головой, не разумом, а ч у в с т в о м. Они ни за что н е х о т е л и перестать быть революционерами. С этой же точки зрения, инстинкт не мог им подсказать ничего более «ядовитого», ничего более «практичного», как т е р р о р и з м.

Итак, прав Дурново в своей оценке, прав и я. Терроризм это был наиболее «практический» способ временно поддержать «фикцию». Но ф и к ц и я все-таки есть фикция и ф а к т а переломить не может. А потому терроризм был только крайним, высшим пунктом развития тех идей и суждений, которые по существу были н е л е п ы.

Первые факты т е р о р р и з м а были чисто случайны, личны, вызывались обстоятельствами, а не теорией, не идеей. «Шпионов» и «изменников» убивают всякие заговорщики-революционеры. Угрозы врагам делают все и всегда. Попытки лучше погибнуть с оружием в руках, нежели пойти в тюрьму и каторгу — совершенно понятны [2]), вне всякой зависимости от теории. Но в возбужденном неудачами пропаганды революционном слое, в умах, видевших, что «ничего нельзя делать» (для революции), совершенно естественно рождалась охота к этой мелкой войне. Ее уж во всяком случае м о ж н о делать. Идея терроризма становилась все более популярной, и, как всегда, люди стараются возвести в принцип то, к чему их т я н е т. Стали являться попытки возвести в принцип и терроризм и, таким образом, его систематизировать.

Эти попытки в п е р в ы е явились на нашем юге. Первым систематическим сторонником терроризма можно считать В а л е р и а н а О с и н с к о г о. Я его лично уже не застал. Он был в это время арестован. Но я много слыхал о нем от его учеников и друзей, а также и от его сестры (Настасьи), которую впоследствии знал хорошо. Это был человек, очевидно, способный, очень энергичный и особенно пылкий: характер скорее польский, чем русский (хотя Осинские — русские). Он не был уже мальчиком, пробовал действовать в земстве и т. п., и вот он убедился, что «ничего нельзя делать», т.-е. в пользу того, к чему его только и тянула душа, — в пользу полного переворота России. Он тогда перешел на чисто революционный, т е р р о р и с т и ч е с к и й путь.

---

[1]) Брошюра написана Тихомировым за границей в 1889 г, на франц. яз. в объяснение своего разрыва с революцией.

[2] Зач.: при каких.

Он его основал, создал «Исполнительный Комитет русской социально-революционной партии». Основан «Комитет» был в Киеве, если только можно говорить о резиденции некоего призрака. В сущности этот «Исполнительный Комитет» был глупым шарлатанством. Во-первых, никакая «социально-революционная партия» его не выбирала, не назначала, не признавала даже. Огромная часть тех, которые называли себя «социалистами-революционерами», даже очень не одобряла террора и с пеной у рта протестовала против приписыванья им солидарности с самыми целями Комитета. Не только «партия», но и вообще никто Комитета не выбирал. Его устроил сам Осинский. Сверх того, «Комитет» был учреждением совершенно туманным: кто были члены Комитета? Этого и сам Осинский, вероятно, не мог бы сказать. Просто несколько человек согласились, чтобы была «фирма», и от ее имени действовали. Но в сущности, насколько мне известно, никто из них даже не слушал этого воздушного «Комитета» и действовал, кто как хотел, по свободному соглашению. Объединял всех сам Осинский, не как член Комитета, а просто как личность. Ему верили, его слушались до известной степени. «Комитет» же был только для рекламы, «на страх врагам», чтобы эти враги думали, будто бы есть «организация» сильная и правильная [1]).

«Комитет», т.-е. Осинский, конечно, завел и печать. Выпускал прокламации и т. п., главное же занялся террором, т.-е. мелкими политическими убийствами. Их было совершено «Комитетом» очень немного. Убит жандармский капитан Гейкинг, совершено покушение на жизнь тов. прок. Котляревского, да еще, помнится, под фирму «Комитета» было зачислено убийство в Ростове-на-Дону изменника рабочего Никонова. Кажется, больше и не было у них крови [2]).

Притом должно сказать, что убийство Гейкинга [3]) было большой мерзостью. Этот Гейкинг совершенно никакого зла революционерам не делал. Он относился к своей службе совершенно формально, безо всякого особого усердия, а политическим арестованным делал всякие льготы. Его «политические» вообще любили, и Гейкинг считал себя

---

[1]) О южных кружках, в частности о роли Осинского в них и организации им террора см. «Воспоминания» Дебагория-Мокриевича, СПБ. 1906 г. и Аптекмана «Земля и Воля» 1870 годов. СПБ. 1907. Новое изд. 1924 г. (дополнено) и «Последние слова казненных». СПБ. 1906 г. Об Исполн. комитетах — Киевском и приемниках его по деятельности, т.-е. Исп. Ком. «Земли и Воли» и затем «Нар. Воли».. см. Богучарский, «Из ист. политич. борьбы в 70—80-х г. г. XIX в.» стр. 12—46.

[2]) Кроме перечисленных здесь актов террора Киевского «Исп. Ком.», еще был убит 8 февр. 1879 г. харьковский губернатор Кропоткин Гольденбергом с санкцией «Исполн. Ком.», в том числе члена его тогда В. Осинского, и совершено покушение на Гориновича (провокатора) в том же году.

[3]) Убит 25 мая 1879 г. Григорием Попко. Характеристика его, данная Тихомировым, совпадая с другими характеристиками в отношении «либерализма»

безусловно в безопасности. Но именно потому, что он не берегся, его и порешили убить. «Комитету» нужно было чем-нибудь з а я в и т ь о своем существовании, а, между тем, у него не было средств для какого-нибудь сложного убийства, не было ни людей, ни денег, что необходимо для всякого такого «дела». Итак, нужно было что-нибудь о ч е н ь л е г к о е. Но ничего нет легче, как убить Гейкинга, который всем известен в лицо, и ходит по улицам, не остерегаясь. Его и убили, а потом наврали в прокламации, будто он был жесток, и за это, по решению «Комитета», «казнен». Жена Гейкинга, дотоль очень либеральная, была так возмущена этой подлостью, что возненавидела революционеров, и еще долго потом считалось опасным попасть ей на глаза: «донесет». Покушение на жизнь Котляревского [1]) не удалось. Но и тут чуть не вышло истории похуже. Очевидно, у киевлян было очень мало сил на хорошее выслеживанье своих жертв. И вот, едет ночью какой-то киевский барин, в карете, вдруг кто-то вскакивает на подножку и протягивает к нему револьвер... в ту же секунду произносит: «Извините, мы о ш и б л и с ь!»

И видение исчезает!

Они ошиблись! Над этим оригинальным извинением тогда много х о х о т а л и, но ведь стоило одной десятой секунды позже понять свою «ошибку», и человек был бы у б и т.

Что касается Никонова, то это дело было чисто местное. В Ростове-на-Дону рабочий Никонов начал «доносить». Эти доносы угрожали пропагандистам. Ивичевич (кажется, Иван) решил его убить; подстерег на улице ночью, дал выстрел. Никонов упал. Ивичевич подбежал и, рискуя попасться, все-таки не ушел, прежде чем не всадил в голову «шпиона» в с е пули своего револьвера. Это он сделал «для верности», — чтобы не вышло какой-нибудь ошибки и чтобы уж наверное «покончить» [2]).

В Харьков я приехал на разведки, без всяких указаний лиц или условий. Но, конечно, моментально ориентировался. У нас в Харькове были свои люди — Жебуневы, члены вновь организованного ничего не делающего кружка Перовской. Жебуневы меня направили к Николке Быковцеву, а Николка — к террористам, которых я собственно и должен был розыскать.

Это была компания выше помянутых Сентянина, Рафаила, Брантнера и Ивичевичей. Эти отчаянные люди жили совсем нараспашку, по-студенчески, в холостой квартире, уже не помню, где-то неподa-

---

этого жандарма, во всем остальном расходится. Другие из товарищей по партии Тихомирова изображают Гейкинга двуличным и хитрым карьеристом (см. у Аптекмана «З. и В.» 70-х годов, стр. 166; у Дейча «Южные бунтари» «Голос Минувшего», 1920—21 г.г., стр. 47—48).

[1]) 23 февр. 1878 г. Фоминым (Медведевым), А. Федоровым и Ив. Ивичевичем, по инициативе В. Осинского. См. «Хроника соц. движения», стр. 15—17.

[2]) Никонов убит Ив. Ивичевичем и Люд. Брантнером 1 февр. 1878 г. См. «Хроника соц. движения в России 1878—1887 г. г.», Москва 1907 г. В подлиннике далее зачеркнуто четыре строчки—не разобраны.

леку от Полицейской части. В комнате царствовал самый живописный студенческий беспорядок, посетители приходили и уходили с утра до ночи, так перемешиваясь, что я до сих пор не знаю, кто собственно числился хозяином квартиры. «Конспирации» — ни малейшей. Выследить нас всех, подслушать все разговоры ничего не стоило, и только полной ничтожностью и халатностью полиции объясняется возможность действия таких заговорщиков. Сами террористы оказались почти поголовно молодежью, почти мальчишками. Один Брантнер был постарше и помрачнее. Остальные — настоящая казачья молодежь, «добрые молодцы», у которых кровь кипит и требует разгуляться на чем-нибудь. Всю компанию я застал за завтраком, конечно, на грязных и некрытых столах, на которых тут же были разбросаны книги, бумаги, кобуры от револьверов и т. п. Но самые кушанья меня изумили роскошью: превосходные паштеты, великолепная птица разных родов. Были и кое-какие напитки. Пригласили, конечно, и меня. Я отказался... Они заметили, должно быть, мое удивление и сообщили, что все эти припасы привезены, кажется, Сентянином от родителей из имения, откуда он только что приехал. Я успокоился, а то сначала было невольно подумал: «неужто они это общественные деньги так прокучивают?»

Сентянин, кажется, был из богатого семейства, во всяком случае был чрезвычайно мил и известен. Веселый, очень мягкий, вежливый, с хорошими манерами, он мне показался баринком, едва ли способным на большие подвиги... В этом я ошибся. Этот «дворянчик» скоро выкинул одну из невероятнейших штук, какую только учиняли когда-либо революционеры. Об этом скажу ниже. Сентянин был по образованию из Горного института, товарищ Георга Плеханова.

Брантнер, по отзывам, был наиболее уважаемым лицом своей компании. Это, говорят, был человек чрезвычайной честности, искренности. По взглядам и вкусам — народник, шлялся в народе, а в террористы пошел, как все, замечая, что «действовать не дают», т.-е. не позволяют бунтовать народ. Брантнер считался превосходным товарищем, человеком безусловно самоотверженным. Таким он казался и мне. Но несомненно также, что он был очень ограничен умственно и с самыми поверхностными знаниями. Тупая, честная наивность у него сквозила в каждом слове.

Рафаил точно так же был простым рядовым революции, только, видимо, не обладая нравственной высотой Брантнера. Но Ивичевичи производили очаровательное впечатление. Не приходило даже в голову думать о их уме. Конечно, ум самый первый и встречный, знания тоже — студенческие. Но с них этого невозможно и незачем было спрашивать, потому что они и не претендовали на это. Они производили впечатление только что выпущенных прямо на войну кадетов. Они знали, что война объявлена, и не пускались в глубину политики — рады были подраться. Молоденькие, жизнерадостные, они и не думали, что есть смерть, да конечно — каждую минуту готовы были

отдать жизнь за копейку. И — не нужно громких слов: не за Россию, не за народ, не за свободу они готовы были отдать жизнь, а за всякую удальскую авантюру. За Россию же, за народ, за свободу — тем, конечно, приятнее отдать жизнь, или точнее рискнуть жизнью, потому что эти удальцы не представляют себе, что взаправду будут убиты. Жизнь и удаль слишком сильно кипит в них. К правительству (жандармам, шпионам) — эти люди, как, впрочем, и вообще революционеры, относились так же, как на войне вообще относятся к неприятелю. Личность человека (не) считается в неприятеле. Люди более зрелые духовно—не способны к этому. Я видел других—и далеко не особенно тонкие натуры, — которые лично совершили политические убийства: это их мучило долго. Образ убитой жертвы — хотя бы это был действительный «шпион» — преследовал их и не давал спать. Они становились мрачны. Ничего подобного у Ивичевича. Он только что убил Никонова, и ни искры сожаления или тяжести на совести. Он о нем думал так же мало, как казак, подстреливший черкеса. Молодая заразительная веселость так и сочилась у него изо всех пор...

Мой запрос относительно возможности освобождения арестантов в Харькове — встретил в компании самое сочувственное внимание. Они и сами об этом думали при первых слухах о проекте ссылки политических в Печенежскую центральную тюрьму. Ивичевичу (я говорю все об Иване, т.-е. об убийце Никонова) уже приходило в голову нападение на поезд, и он производил кое-какие исследования. Он полагал, что вагон с арестантами можно отцепить на ходу, пользуясь теми местами, когда поезд идет под гору, для того чтобы отвинтить скрепу вагона с другими, а затем — снять цепи, как только поезд пойдет в гору. Затем можно было перебить конвой. Ивичевич делал опыты: он стрелял на поезде, забравшись в пустой вагон, и звуков этой пальбы никто не слышал: ни кондуктор, ни пассажиры соседних вагонов... Однако же, в конце концов, вся компания признала, что освобождение— дело очень трудное и требует выработки плана и многих опытов. Может быть, удобнее подкупить кого-либо в тюрьме; может быть, лучше напасть за Харьковом. Вообще требуются разведки и большие траты денег. Могут ли в Петербурге дать денег? Людей можно найти на месте сколько угодно, но денег нет. Таковы были окончательные результаты наших разговоров. Относительно денег я не мог дать никаких точных данных, и решил ехать за ними в Петербург. Плана никакого установлено не было по полному недостатку сведений. Тюрьму Харьковскую мы снаружи немного осматривали, но, конечно, это не могло дать многого. Вообще решено было, что я поеду в СПБ. за деньгами. Но в это самое время привезли в Харьков первого политического — Мышкина. Это обстоятельство застало нас совершенно врасплох, неподготовленными, и я тем быстрее решился ехать в СПБ.

Но пока я ехал на север, беднягу Мышкина повезли на юг — после самого м[illegible]ментального отдыха в Харьковской тюрьме его перевезли

в Печенеги. Говорят, он во время переезда все оглядывался и ждал, очевидно, попыток освобождения. Вероятно, Перовская его в этом обнадежила, но увы — никаких попыток не воспоследовало. Когда я прибыл в СПБ., совершенно спокойный, — и хотел излагать планы харьковцев — Перовская оказалась словно бешеная. Тут я только узнал о провозе Мышкина из Харькова. Перовская была буквально бешеная, и осыпала меня теми ядовитыми словами, на которые столь изобретательны женщины: и «проворонили», и «неизвестно зачем ездили» и т. п. Я, конечно, передаю смысл, а не точные выражения, которых не упомнил. Меня эти глупые и грубые упреки, в свою очередь, возмутили. Ни тени вины ни за мною, ни за харьковцами нельзя было найти, и если уж кого можно было винить, то разве самое Перовскую, которая так поздно собралась вступить в сношения с Харьковом. Как бы то ни было, — я расстался с Перовской рассерженный и огорченный, почти в ссоре. Я говорил себе, что с ней невозможно иметь дело, и решил уехать к себе, на юг.

Надо сказать, что Перовская была очень сильная женская натура, и со всеми недостатками этого. Самолюбива, деспотична. Она любила властвовать и окружать себя ничтожностями и бездарностями. Впоследствии она делала много вреда в Исполнительном Комитете своим бунтовством против Александра Михайлова. Что касается меня, впоследствии я умел с ней поладить, так что она меня уважала. Дожил я, наконец, до того, что видел Перовскую и в полном порабощении у Желябова. Это была женщина: полюбила Желябова всей душой и стала его рабой. Но об этом после. Как бы то ни было, на этот раз мы расстались в гневе, и Перовская,видимо, не подозревала — насколько сильно порвала наши связи.

Когда через $1^1/_2$ года она узнала, что я женился на другой, — она была, как мне передавали, крайне обижена и раздосадована. Однако — когда мы после этого снова встретились, — впервые Перовская начала смотреть на меня как-то немножко снизу вверх. Вероятно, она в глубине души почувствовала ко мне уважение, увидавши, что я не даю «бабе» крутить собой.

А между тем, в действительности, было не совсем так. Конечно, я из-за «бабы» не мог ни изменить поведения, ни уж чересчур закручиниться. Но надо сказать правду, что первое время и очень долго (т.-е. несколько месяцев) ссора с Перовской меня сокрушала и давила камнем. Это тянулось, пока я не встретился с Катей [1]). Тут Перовская мне стала казаться не женщиной, а мужчиной. Я увидел настоящую женскую личность, сильную не мужскими, а женскими качествами: сердцем любящим, отношением. В жизни—органической силой, инстинктивным пониманием множества тонкостей, столь трудно дающихся рассудку, а вместе с тем той непередаваемой скромностью, которая составляет лучшую красоту женщины, да и вообще внешнюю красоту

[1]) Екат. Дмитр. Сергеева.

жизни. В сравнении с Катей Перовская совершенно исчезла для меня. И благодарю господа, что спас меня от типичной «революционерки» и свел с истинной женой и другом.

У Перовской ее женские свойства были засыпаны слишком густым слоем «идейности», радикализма. Они проявились лишь тогда, когда она полюбила Желябова, на ее горе. А впрочем, может быть, она все-таки обязана этому мучительному для нее времени несколькими минутами жизни не «идейной», а «личной», непосредственно-человеческой.

Итак, я уехал на юг. Поехал во Владикавказ. Жил у сестры. Потом в Новороссийск. Тут только явилось решение моей участи по процессу 193. Государь Александр Второй у с и л и л мне наказание, т.-е. не безусловно выбросил, как суд просил, в наказании $4^1/_3$ годов предварительного заключения а приказал выслать административно с тем, что, если окажусь неблагонадежным, то применить ссылку на житье в Сибирь.

Надо сказать, что в о о б щ е решение суда было государем изменено очень радикально и в общем более сообразно со справедливостью. Суд строго осудил людей безобидных и очень легко опасных. Государь все это изменил, усилив наказания опасным. Однако приговор вышел при этом крайне строг, и в отношении многих поэтому жесток. В числе их был и я. Моя виновность была очень невелика, а просидел я в тюрьме 4 года, 3 месяца и 6 дней. А затем меня сослали. Ну что я должен был делать в административной ссылке, где не мог ни служить, и вообще даже зарабатывать хлеб?

Сверх того — малейшая ссора с полицией или чей-нибудь донос — и я мог быть сослан на жительство в Сибирь. Положение это совершенно невыносимое для молодого человека, полного жизни и жажды деятельности...

Я — моментально у б е ж а л и с тех пор начинается моя долголетняя (почти десятилетняя) н е л е г а л ь н а я ж и з н ь.

Считая тюрьму, правительство отняло у меня, насколько в его силах, почти 15 лет жизни, лучших лет силы и развития. Со своей стороны — немногие сделали столько вреда правительству, как я, за это время своей нелегальности, т.-е. с 1878 по 1887 год. Я, конечно, широко «сквитался» по нашим счетам и не жалуюсь. Все устраивает бог, а что касается государей, то если один был ко мне жесток и несправедлив, то и я к нему был еще более жесток и несправедлив; а перед другим государем и я покаялся, когда понял свою вину, и он меня простил, когда — да наградит его господь — поверил мне. Итак, мне нечего жаловаться, и нет у меня в сердце обиды. Я, только что прибыв в Россию, явился на гроб императора Александра Николаевича. Я и теперь, еще через 10 лет, был недавно на его могиле и молил его самого помолиться за меня, чтобы простил бог все, в чем я прегрешил перед царем-мучеником. Но безо всякой злобы или вражды или обиды,

не могу не сказать, по совести, что т о г д а, в 1878 году, государь наказал меня без должной справедливости и сам вынудил меня махнуть рукой на все и броситься в единственно оставшуюся для меня отчаянную борьбу.

Мое полугодовое пребывание на Кавказе было для меня полно множества поучительных встреч и наблюдений. Это очень содержательные месяцы моей жизни. Но я когда-нибудь, если богу угодно, возвращусь к нему специально, а пока перехожу к революционному миру, все более клокотавшему в Центральной России.

Я прибыл в СПБ. 1878 г. позднею осенью. Не помню ни месяца, ни числа, но когда я переваливал в Новороссийске Небержайское ущелье, — в горах выпал первый снег. Приехал я в СПБ безо всего: не было паспорта, не было денег, и я совершенно не знал, кто и где из товарищей или знакомых. Однако, конечно, сразу осмотрелся. Пошел к Грибоедову, от него узнал, где найти Клеменса, а затем — уже, понятно, очутился немедленно в самом центре «революции».

За несколько месяцев (всего не больше полугода или немного больше), что я пребывал на Кавказе, — в революционном мире произошли многие важные события.

Из кружка Перовской, разумеется, ничего не вышло. Он не то, что умер, а даже не сложился. Разъехавшиеся по провинции не поддерживали связи и ничего не делали. Несколько человек поживее — прямо присоединились к «Земле и Воле», именно Клеменс, Николай Морозов и — сама Перовская. Таким образом «Земля и Воля» избавилась от конкуренции и усилилась. Но за токое-кто, как сама Ольга Натансон, были арестованы. Кравчинский приехал из-за границы и тоже присоединился к «Земле и Воле».

Перовская, примыкая к «Земле и Воле», не оставила своих планов освобождения харьковских каторжан. Напротив, она, без сомнения, только и присоединилась потому, что понимала, что только «землевольцы» могут ей помочь в этом. И они, действительно, согласились заняться этим делом и организовали огромную экспедицию. Само собою, Перовская приняла в ней участие. Но помимо того — туда были посланы лучшие «террористы» кружка, и сверх того, присоединились некоторые местные люди. Из последних заслуживают особого внимания Марья Николаевна Ошанина, урожденная Оловенникова, а по нелегальному мужу также Кошурникова. Это—личность весьма выдающаяся и игравшая довольно видную роль в нашей «революции».

Собственно к «Земле и Воле» она не только не принадлежала, но относилась к ней с насмешкой. Мария Оловенникова родом из Орла, как и жена моя, Екатерина Сергеева. В Орле с «незапамятных времен», т.-е. с 60-х годов был ссыльный, тоже местный дворянин, Зайчневский.

Этот Зайчневский устраивал революцию еще с «золотыми грамотами» [1]), при освобождении крестьян, но, конечно, попался, был, кажется, сослан в Сибирь, а затем, по прошению матери, помилован и водворен административно в Орел. Человек очень способный, начитанный и красноречивый до чрезвычайности (говорят, настоящий оратор), он был страстный поклонник французских якобинцев. и проповедывал государственный переворот путем заговора и захвата власти революционной партией. У них там в Орле было два пропсведника: Оболенский (Леонид), известный деятель печати и до ныне играющий роль в либеральном мире, и Зайчневский. Мужчин у них не было, но всем орловским барышням они вскружили голову. Оболенского, который был учителем, его ученицы слушали с благоговением. Но он больше занимался отрицанием бога и различных основ, не входя в большую революцию, вообще был либералом. Кстати сказать—это человек тупой и никогда не забывавший своих делишек, «благополучный россиянин». О нравственном его влиянии на молодежь можно судить потому, что самую красивую из своих поклонниц и учениц, он сделал своей любовницей, хотя был женат, и они все так и жили втроем: он, законная жена и любовница, при чем Оболенский, кажется, находился в супружеских отношениях с обеими. Это было очень прогрессивно. Вот в таком теоретическом и практическом отрицании нравственных и общественных основ и состояла деятельность Оболенского. Что касается Зайчневского, — он очень честный революционер. Любовниц и у него было множество. Вечно, бывало, слышишь то о той, то о другой. Точно так же он был bon vivant [2]). Но в революционном отношении он был, несомненно, искренний человек и производил большое влияние. Он образовал около себя кружок «якобинцев», все из барышень. Мужчин у него не было, и он, кажется, считал русских революционеров недозревшими до истинного, т.-е. якобинского понимания революции. Он так и остался до конца вне наших партий, потому что даже и «Народную Волю» не вполне одобрял из-за ее патриотизма. Он старался внушить идею заговора и государственного переворота.

Оловенникова была его наиболее рьяной последовательницей. Это, надо сказать,—настоящая дворянская, светская натура. Очень красивая в молодости, с огромным темпераментсм, с большим стремлением к чему-то великому, пышному, красивому, очень умная и с упорнейшим характером, наконец, с прекрасным светским воспитанием, известная и способная очаровать, она в то же время была весьма бессердечна...

---

[1]) Поднятие П. Г. Зайчневским крестьян при помощи «золотых грамот», т.-е. подложных царских манифестов, отмечавшееся некоторыми исследователями, в настоящее время после опубликования достаточно полного биографического материала и оценки деятельности этого революционера, должно быть совершенно отвергнуто.

[2]) Любитель пожить.

Она очень искала молодых людей, но и бросала их, когда надоедали, так же легко, как брала. Вышла она замуж за Ошанина, и скоро его бросила, имея от него дочь, которую также совершенно бросила на руках матери. Сама она вертелась в Петербурге и Орле, мечтая о политической роли, о заговоре, о салоне Madame Roland [1]). Нужно сказать, что она была очень умна и среди «радикальных» замарашек и мущин производила очень своеобразное впечатление.

Так вот ее-то и привлекли к делу освобождения «централистов». Она согласилась, но не захотела присоединяться к кружку. Авантюра ей нравилась и потом — освободить революционеров дело «полезное». Но пропаганда в народе — это глупости, и даже террор сам по себе — глупости. Она хотела «заговора»...

Попытка освобождения Войнаральского, хотя и наименее интересного из «централистов», но последнего, которого еще можно было попытаться отбить при провозе (остальные были уже провезены) — была отчаянно дерзкая. В ней участвовали Оловенникова, Перовская, Баранников, Николай Морозов, Александр Михайлов и еще кое-кто [2]). Само собою, дело распадалось на много отраслей. Нужно было вступить в сношения с тюрьмой, нужно было устроить конспиративную квартиру для подготовки нападения на конвой, нужно было обеспечить скрытие арестанта по освобождении. Все это было сделано очень ловко и уже на настоящих конспиративных началах. Тут и Перовская и Оловенникова показали себя одинаково храбрыми и ловкими. Но Александр Михайлов, хваля мне Марию Николаевну, как новую силу, которую хотелось бы привлечь, заметил, что она, однако, поразила его своим бессердечием. Когда маленький отряд, наконец, отправился сторожить Войнаральского, которого везли в «централку», — Перовская и Ошанина остались дома, и должны были приготовить все необходимое для скрытия беглецов, для перевязки ран и т. п. Вооруженное нападение на вооруженный конвой не могло обойтись без жертв. Перовская делала свое дело энергично, но волновалась. Ошанина — сделав все—преспокойно з а с н у л а. А между тем там дрались люди, товарищи, наконец, Баранников, которого она любила (она даже повенчалась скоро с ним под фальшивыми документами на имя Кошурникова). Наконец, каждую минуту, преследуя бегущих, — полиция могла нагрянуть и захватить самое Ошанину... С п а т ь при таких условиях, конечно, показывает большое мужество, но Александр Михайлов укоризненно покачивал головой: «Ей не жаль даже близких товарищей! Это не хорошо».

---

[1]) Г-жа Ролан одна из знаменитейших женщин времен французской революции 1789 г., в доме которой собирались главные деятели (Бриссо, Верньо, Робеспьер, Дантон), убежденная республиканка, принадлежавшая к жирондистам. По приговору конвента казнена 9 ноября 1793 г.

[2]) Кроме перечисленных лиц, еще участвовал, в качестве кучера, А. Ф. Фомин (Медведев). Об освобождении Войнаральского см. «Хроника соц. движения», стр. 31—32 и Попов М. Р. «Из моего революционного прошлого». «Былое», 1907 г., № 8, стр. 252—253. Дело произошло 1 июля 1878 г.

Нападение, очень хорошо подготовленное, не увенчалось, однако, успехом. Я не составил себе полного понятия о причинах, хотя слышал рассказ от участников — Михайлова, Морозова и отчасти Марии Николаевны. Повидимому, нападающие погорячились, плохо стреляли, не успели убить лошадей и, оставшись сзади, уже не могли нагнать тележки. Сам Войнаральский, п. ч., вместо помощи нападающим, на какую они рассчитывали, — проявил полную пассивность и сидел неподвижно, как будто дело его и не касается [1]).

Как бы то ни было, после беспокойной пальбы и гонки, нападающие возвратились домой. Кстати сказать, Морозов здесь действовал револьвером, полученным от Клеменса, а Клеменсу подаренным Орестом Веймаром. Это тот самый злополучный револьвер, который после того увез Михайлов и дал Соловьеву. Отобранный от Соловьева револьвер был признан в магазине, как проданный Веймару. Этот магазин помещался в доме Веймара, так что хозяин магазина прекрасно знал, кому продал. Таким образом возникло обвинение против Веймара в соучастии с Соловьевым, которого он и в глаза не видел и о замыслах которого на цареубийство не имел понятия.

Веймар погиб за то, что не хотел назвать Клеменса, и я не понимаю, почему сам Клеменс не выручил приятеля и друга. Вероятно, не хотелось самому пострадать, так как он, Клеменс, отделался очень легко, простой административной высылкой.

Это образчик того, как мало правды в карах политических судов.

После неудачной попытки заговорщикам пришлось спешно скрыться. Часть уехала в Петербург. Баранников, под фальшивым паспортом Кошурникова, уехал в Орловскую губернию, где обвенчался с бывшей Ошаниной, и жил с нею открыто целый год, пока не возник «Исполнительный Комитет». Одна Перовская осталась на месте, и более года упорствовала в намерении как-нибудь освободить каторжан. Все, чего она могла достигнуть, состояло в кое-каких сношениях с ними, так что мало-по-малу даже ее упорство остыло, и она убедилась, что бьется лбом о стену.

Что касается моих харьковских знакомых, то они со своей стороны предприняли попытки освобождения одного из провозимых (не помню кого). Дело было организовано Сентяниным. Он, переодевшись жандармским офицером, и подделав нужные бумаги, отправился в тюрьму и потребовал, чтобы ему выдали арестанта для препровождения в жандармское правление. Дерзкая попытка едва не увенчалась успехом. Уже пошли за арестантом, но тут обратили внимание на какую-то мелкую неправильность в костюме или в бумагах, и — усумнились.

---

[1]) Спокойствие Войнаральского объясняется, по его собственным словам, тем, что сопровождавший его жандарм, приставил к его лбу револьвер, угрожая при малейшем движении спустить курок. См. Богучарский, «Активное народничество», стр. 343, примеч. 2-е.

Попросили Сентянина подождать, из тюрьмы сделали запрос в жандармское правление, и в результате, конечно, арестовали самого Сентянина [1]). Верный своей программе, он пытался стрелять, но ему не дали. На допросе он щеголевато и развязно, на вопрос о себе, отрекомендовался:

«Сентянин, секретарь Исполнительного Комитета социально-революционной партии».

Этот бравый молодой человек скоро умер в Петропавловской крепости.

Вслед за неудачными попытками освобождения каторжан, землевольцы предприняли в то же лето, в мое отсутствие, убить шефа жандармов Мезенцева. Как известно, генерал Мезенцев был лично человек добродушный, bon vivant и никому никакого особенного зла не делал. Точно так же отнюдь нельзя сказать, чтобы он был как-нибудь особенно деятелен в звании начальника III отделения. Само III отделение находилось в слабом и дезорганизованном состоянии, и трудно себе представить более дряннную политическую полицию, чем была тогда. Собственно для заговорщиков — следовало бы беречь такую полицию, при ней можно было бы, имея сериозный план переворота, натворить чудес. При тогдашнем правительстве, тогдашнем настроении общества и офицеров, — да еще при такой полиции — положительно возможно бы было организовать дворцовый переворот. Но, на счастье России, наши революционеры были все-таки мальчишки и невежды. Они болтали о революции в народе, боялись «буржуазии», боялись «конституции» и вовсе не желали сознательно низвергнуть правительство и тем менее захватить власть в свои руки. Они шли «в террор» просто по бунтовскому темпераменту, по досаде, из мщения за своих собратьев, и — в самом сознательном случае — из надежды «дезорганизовать» правительство... Как будто можно было желать более дезорганизованного правительства, чем было тогда! Совершенно хаотическое, анархическое состояние революционных голов было причиною того, что возник «террор», совершенно б е с ц е л ь н ы й, ибо при нем революционеры совершенно не ставили себе ц е л и, а называли разве только п р и ч и н у того или иного убийства, и все больше мелкие, нелепые причины, вроде жестокости, притеснений и т. п. В числе таких убийств было и Мезенцевское [2]).

---

[1]) Речь идет здесь, несомненно, об освобождении А. Ф. Фомина (Медведева). После неудавшейся его собственной попытки бегства из тюрьмы и вторичного заключения, Исп. Ком. поручил освободить Фомина Сентянину. Но последний попался в руки полиции и был сам арестован. Тогда Комитет вторично поручил это дело двум членам организации Рашко и Березняку, которые, переодевшись в жандармск. форму, явились в тюрьму за Фоминым, но были задержаны и арестованы. См. об этом в «Хронике соц. движения», стр. 32, а также «Революц. журналистика 70-х годов» Богучарского «Русск. Ист. Б-ка», № 7, стр. 278—279, 285).

[2]) Убийство Мезенцева произошло 4 авг. 1878 г. по такого рода мотивам: 1) по процессу 193-х, благодаря Мезенцеву, увеличена была мера наказания при-

Кружок занялся им очень усердно. Как я заметил выше, самое убийство было поручено Кравчинскому. Почему именно ему? Может быть потому, что он был здоровяк и силач, каких немного. А кружок уже плохо верил в револьверы, и кинжал казался вернее. Кравчинский (Сергей Михайлович) согласился на предложение по довольно непонятным для меня мотивам. Вообще его я не считаю храбрым, и во всяком случае он страшный эгоист, весьма пекущийся о своей драгоценной персоне. Но он в то же время тщеславен и самолюбив до крайности. Может быть, на этой струнке он и поймался. Во всяком случае его поведение было какое-то двойственное. В Петербурге он храбрился и выдумывал планы убийства как можно более оригинальные. Особенно ему нравилась мысль о т р у б и т ь г о л о в у Мезенцеву. Для этого он даже заказал себе особенную саблю (я ее видел впоследствии), короткую и очень тяжелую. Но, по настоянию других, план этот был оставлен, потому что, конечно, при малейшем движении Мезенцева удар бы кончился простой раной, да сверх того Кравчинский и не был достаточно велик, чтобы рубить свою жертву по шее. Так вот Кравчинский строил из себя разбойничьего героя, а в то же время заграничным друзьям писал очень меланхолические письма, где говорил, что в Петербурге его все ласкают, ухаживают за ним, но он знает, что это совершенно тоже, как ухаживают за скаковой лошадью, выпускаемой на взятие приза. Сам по себе он — никому не нужен, а нужно чтобы он взял приз — жизнь Мезенцева.

Убийство, как известно, удалось «блистательно». Выследить Мезенцева ничего не стоило. Он ходил, не остерегаясь. Выслеживал Александр Михайлов. По знаку, Кравчинский, в сопровождении Баранникова [1]) пошел навстречу Мезенцеву и, пропустив его, ударил сзади кинжалом, который был скрыт в свертке легкой газетной бумаги. «Приз» был взят. Рука убийцы не дрогнула. Кравчинский, воткнув кинжал, даже не забыл крутнуть его, по всем правилам кинжальных убийств. На убийц бросились, но тут ждала их пролетка, которой кучером был Адриан Михайлов. Рысак был приобретен знаменитый, и в два-три поворота по улицам убийцы скрылись о т всех преследований, — и прямо канули, как в воду. Это, можно сказать, одно из самых «отделанных» убийств того времени.

влеченным к нему. Суд ходатайствовал о замене осужденным на каторгу этой меры наказания ссылкой, но вследствие протеста Мезенцева ходатайство суда не было уважено, и в конечном результате даже некоторые из оправданных оказались высланными в северные губернии; 2) им утвержден смертный приговор Ковальскому, казненному в июле 1878 г. В объяснение убийства Мезенцева Кравчинским была выпущена специальная брошюра «Смерть за смерть» (Переиздана в «Историко-Революционной Б-ке» Госизд., Пет. 1920 г.). Описание убийства см. «Хроника соц. движения», стр. 20—22. Богучарский, «В 1878 г. Всеподданнейшее донесение шефа жандармов».—«Голос Минувшего», 1917 г. № 7—10.

[2]) Он после этого и удалился к своей Марье Николаевне справлять медовый месяц *(Примечание автора)*.

О впечатлении, произведенном на правительство, общество и революционеров — излишне распространяться. Такие случаи всегда «агитируют» и служат рекламой для прокламации. Но должно заметить, что убийства делались не от имени «Земли и Воли», а от имени «Исполнительного Комитета социально-революционной партии».

По разгроме Осинского в Киеве, некоторые «землевольцы», бывшие с ним в сношениях, увезли в СПБ. печать «Исп. К. соц.-рев. партии», и действовали его именем, хотя уже никакого Комитета не было. Сами же эти лица выхлопотали у «Земли и Воли» разрешение основать «террористическую подгруппу», которая должна была подчиняться кружку «Земли и Воли», но на самом деле брала у «Земли и Воли» только деньги и делала, что хотела. В эту подгруппу входили несколько членов кружка «Земли и Воли», как Александр Михайлов, Николай Морозов и Квятковский, но также и несколько не состоящих в «Земле и Воле», как Степан Ширяев и Шлеман. Полного состава группы я не знаю, потому что в нее не входил и не хотел входить и даже — при всей личной дружбе с Александром Михайловым, — никогда не расспрашивал его о делах «террористической группы» [1]).

Вот сколько событий совершилось за время моего отсутствия. О них я знал отчасти из газет, но только прибыв в Петербург, получил более обстоятельные сведения [2]).

Приехав в Петербург, я еще не был членом никакого кружка. Александр Михайлов встретил меня с радостью, как и я его. Мы друг другу сразу понравились, и не мудрено, потому что в сущности мы по характерам и способностям совершенно дополняли друг друга. Скоро он, переговоривши со своими, принял меня в кружок «Земли и Воли». Сделать это было легко, потому что у «землевольцев» было принято решение: всех бывших «чайковцев» принимать без голосования, если только они согласны признать уставы «Земли и Воли». Эти уставы были довольно сложны. У «землевольцев», еще в натансоновские времена, в противность прежней беспорядочности и анархичности кружков, возникло стремление к регламентации и конспирации. Само собою, Александр Михайлов много поработал над составлением уставов. Принятие мое совершилось так. Спросив меня о желании вступить в кружок, Михайлов привел меня на одну квартиру—ч у ж у ю: с в о и х квартир мне еще не должно было открывать. Квартира эта принадлежала как раз моей будущей жене, Екатерине Сергеевой, которая не была членом «Земли и Воли» и жила для студентки довольно богато, имея 2 — 3 комнаты. Катя только была знакома со всем «радикализмом». Но веселая, жизнерадостная, она готовилась просто к месту

[1]) Об этой группе, носившей название «Свобода или Смерть» (прообраз. Исп. Ком. «Земли и Воли») см., между прочим, в «Календаре русской революции» Бурцева, стр. 167.

[2]) Далее несколько относящихся к оборудованию типографии «Земли и Воли» абзацев опущено, ввиду того, что очень подробные сведения об этом есть в кн. Тихомирова «В подполье» Изд. «Друг Народа», П. 1907 г.

фельдшерицы, не принимая участия в заговорах или пропаганде. По личным же связям она, орловская сама, — примыкала к кружку Зайчневского, особенно по приятельству с Марией Оловенниковой, да и вообще со всем семейством Оловенниковых . У нее-то Александр Михайлов и выпросил комнату для моего посвящения в кружок. Сама Катя должна была на это время удалиться из квартиры.

Александр Михайлов совершал церемонию с серьезностью и таинственностью, которые меня очень забавляли. Он привел с собой с в и д е т е л я, не помню кого, который должен был слушать мои ответы. Сначала Михайлов прочел мне п р о г р а м м у кружка—о целях его. Эти цели были довольно чепухисты и сводились к созданию мифического органа, который бы осуществлял якобы идеалы народа относительно общности земель, федерации и т. п. Обыкновенная н а р о д н и ч е с к а я чепуха. Я согласился с этими целями, хотя в сущности у меня уже начинали складываться несколько иные понятия. Но — во всяком случае, в общем — я ничего не мог возразить и принял программу. Это та самая, что была развита, насколько позволяет цензура, в «Основах народничества» Каблица (Юзова). После этого Михайлов предложил мне вопрос о п р и н ц и п а х д е й с т в и я: признаю ли я принцип «цель оправдывает средства», централизацию и дисциплину и еще что-то, чуть ли не террор, как средство дезорганизующее правительство. Все это я принял безоговорочно и совершенно искренне. Тогда Михайлов объявил мне, что я принят в кружок, если приму самый устав. Уставу я заранее подчинился, и Михайлов читал его, спрашивая за каждым §, принимаю ли я. Я все принял, хотя в уставе не нашел достаточной, по моим желаниям, централизации, за которую тщетно спорил еще в 1873 году у «чайковцев». После этого Михайлов сообщил мне имена всех членов кружка, дал отчет о состоянии его дел, о его средствах и, наконец, сообщил шифры, условные знаки и квартиры [1]).

Однако же — я все-таки узнал не все. Согласно духу устава, Михайлов, фактически уже почти бывший главным начальником, вводил систематически самую строгую конспирацию. Каждый член, говорил он, должен знать подробно лишь то, чем занимается, а на все остальное должен лишь иметь в о з м о ж н о с т ь у з н а т ь, если понадобится. Поэтому квартиру типографии не знал сначала н и к т о, кроме него самого и, кажется, Клеменса. Потом он, на случай ареста своего, уже после ареста Клеменса, провел туда меня. Точно так же заграничных путей переправы не знал никто, кроме Мойши Зунделевича. Террористическую группу знали только ее члены. Рабочей группой заведывал Плеханов. Каждая такая группа

[1]) Программа и устав (первый) «Земли и Воли» воспроизведены Аптекманом в его книге «Земля и Воля» 70-х годов. Перв. Изд. Последний не текстуально, а на память. См. стр. 94—98. Впоследствии устав был переделан Ал. Михайловым в новом, в смысле террора, духе. См. там же, стр. 141.

имела с в о ю квар иру. Общей же землевольческой квартиры не знали никто, кроме членов кружка. Паспортное отделение точно так же было совершенно обособлено. Благодаря такой системе обособления всех частных дел — нас действительно трудно было открывать. Но понятно, что она же создавала совершенно «неконституционную» власть для членов кружка, проживавших в Петербурге.

Вообще кружок жил очень мало соответственно своей программе и уставу.

Положение было таково. По внешности «Земля и Воля» представляла организацию столь сильную и стройную, как еще не было в России.

Он вобрал в себя все сколько-нибудь крупное в революционной среде. Число членов было значительно, и кроме членов — немало лиц примыкало к нему по системе подгрупп, на каждом частном деле. Так, например, у нас в типографии членом кружка был только Николай Бух; остальные трое — Крылов, Марья Васильевна и Птица — были завербованы только на это дело. То же самое было во всех группах и в провинции. Таким образом человек 20 членов объединяли около себя довольно много сил, не говоря о том, что кружок имел влияние на многие частные кружки, студенческие и вообще молодые, с которыми не хотел, по их незрелости, совсем сойтись. Кружок имел разнообразные и хорошие связи по всей России. Кружок имел имя и доверие, вследствие чего получал деньги от сочувствующих. Он имел и собственного богача Л и з о г у б а, который был отрешен от всех дел специально затем, чтобы свои поместья ликвидировать и обратить в деньги. Это должно было доставить сотни тысяч рублей и уже доставило десятки.

Благодаря основанию типографии, кружок «Земли и Воли» совершенно не нуждался в эмигрантах и вышел из-под всякой зависимости заграницы. Это было явление новое. Наконец, «Земля и Воля» не имела никаких конкурентов, потому что южная организация Осинского была уничтожена, а затем все мелкие кружки неоспоримо признавали, если не главенство, то превосходство «Земли и Воли». По всероссийскому влиянию, только один И с п о л н и т е л ь н ы й К о м и т е т Н а р о д н о й В о л и впоследствии превзошел «Землю и Волю».

Но эта видимость силы была приобретена в ущерб внутреннему единству. Как ни экзаменовали в «Земле и Воле» вновь поступающих, однако исполняли это больше для формальности, и на самом деле внутри кружка царствовал глубокий раздор двух направлений, слитых совершенно искусственно. Это был тот же разлад, что по всей революционной России.

«Земля и Воля» была кружком н а р о д н и ч е с к и м. По программе — кружок должен был создать н а р о д н о - р е в о л ю ц и о н н о е д в и ж е н и е. Только для этого существовала организация интеллигенции. Всякие «улучшения» правительственного строя отрицались, «конституция» считалась хуже, вреднее, нежели «абсо-

лютизм», ибо она объединит «эксплоататоров», «буржуазию». «Земля и Воля» ставила целью ниспровержение в с е г о существующего строя, а вовсе не правительства. Между тем нарастал терроризм, который направлялся против правительства. Это была трата сил, вредная. Народники понимали еще попытки освобождения ссыльных; понимали убийство шпионов: все это могло быть необходимо или хоть не бесполезно. Но убийство Мезенцева, с их точки зрения, совершенно выходило из программы. Пока такими делами занимался Осинский с К°, — это было чужое. Но когда с в о й собственный кружок переходил на такую точку, народники, со своей точки зрения, совершенно справедливо возмущались. По программе большая часть членов «Земли и Воли» должны были жить и жили «в народе», в деревне. Хозяином кружка было общее собрание членов. Только оно одно устанавливало планы действия. Лица, оставшиеся в Петербурге, не получили никакой власти , никаких полномочий. Они обязаны были только исполнять решения общего собрания, т.-е. доставать деньги и все нужное для «деревенщиков» (как мы их презрительно называли). Типография и газета «Земля и Воля» должны были служить тоже нуждам «деревенщиков». Террористическую группу хотя и дозволяли, но только для уничтожения опасных для кружка сыщиков. Кружок петербургских членов был не властью, а простой комиссией для исполнения постановлений общего собрания.

На самом деле выходило совсем не то. Во-первых, члены находившиеся в Петербурге, фактически становились властью, потому что все нужное было в их руках. Во-вторых, они по направлению становились все более отличны от «деревенщиков», а потому и направляли свою деятельность сначала не совсем так, а потом и совсем не так, как хотели «деревенщики».

Суть появившейся разницы состояла в следующем. Лица, живущие в народе, — в виде учителей, волостных писарей и т. п., становились все менее революционны. Чем более они обживались и сходились с мужиками, тем менее думали о бунте, и тем более вдавались в мысль о легальной защите интересов мужика. Живущие же в Петербурге — напротив, все более разгорались революционно и все более думали о борьбе с правительством. Когда, после долгого отсутствия, встречались бывшие товарищи — один из деревни, другой из города, — оказывалось, что они оба друг другом недовольны. «Деревенщик» имел уже даже немного странные провинциальные манеры, не интересовался никакими мировыми событиями, толковал о каких - то мелочах народной жизни. Он, видимо, «дереволюционизировался» с точки зрения горожанина. Петербуржец же казался «деревенщику» чуть не «либералом»: он и привык к приличной одежде, и говорит о «политике», и негодует не против «кулака» или «барина», а против «правительства»: того гляди — станет «просить конституции». А между тем у горожан было в руках все, и деревенщик жаловался на их невнимание, невы-

сылку денег, недоставление людей, книг, невнимания к устройству нужных для деревенщика связей и т. п.

Так нарастало взаимное неудовольствие и назревал полный разрыв.

Когда я приехал в СПБ., в городе совсем было мало членов кружка. Помню только: Александр Михайлов, Клеменс, Морозов Николай, Георгий Плеханов, Зунделевич, да, кажется, еще был Квятковский. Бух сидел в типографии. Потом, стало быть, прибавился я. Все люди — крайне не «деревенские». Остальные, в разных подгруппах, были не членами и находились, стало быть, под нашей командой. Душой организации был Александр Михайлов. Он всех объединял, везде бегал, все знал, все направлял. Остальные занимались каждый своим делом, кого куда тянуло. Клеменс весь погрузился в сношения с «либералами», приобрел в их среде массу знакомых и друзей, которых, думаю, находил себе более близкими, чем нас. Да и действительно, мы были или мальчишки, или все-таки мало культурные люди. Клеменс же имел все потребности культурного человека, интересовался и наукой, и политикой, и просто городской жизнью, наконец, не прочь был и кутнуть более или менее роскошно, а не по-мужицки. Он сблизился с адвокатом Александровым, у которого и поселился, обдумывая вместе с ним планы поднять агитацию среди земцев. Собственно для кружка — Клеменс вел редакцию газеты «Земля и Воля». Писал он мало (да и газета мало выходила), но иногда очень остроумно. Помню его статью «Императоры заговорили» [1]). Ник. Алексеевич Грибоедов, у которого я тогда проживал, пришел в восторг:

— А, Лев Александрович, каково? Ведь это Герценом пахнет.

Оно точно — пахло Герценом, но только очень редко. Клеменс был порядочный лентяй, да, сверх того, не хотел, по возможности, жить на деньги кружка и много работал по легальным журналам, что ему давало и деньги и связи. Благодаря этому, он одевался совсем по-барски и мог быть на равной ноге среди «либералов» [2]).

Плеханов занимался петербургскими рабочими, ведя пропаганду и организуя их. Помощников из рабочих он имел очень много, и дело у него шло очень успешно. Рабочие устраивали и стачки, и демонстрации, была даже раз попытка «фабричного террора». Плеханов в это время начинал становиться все более чистым марксистом, и, стало быть, переставал быть «народником». Агитация же среди рабочих приводила его к чисто «политическому» способу действия. Так, например, была тогда огромная стачка на Новой Бумагопрядильной и соседних фабриках, у Шоу и других. Стачка возникла самостоятельно, но наши (революционеры-рабочие) воспользовались ею для раздувания дела и пропаганды. По этому поводу наша типография печатала много прокламаций, составленных Плеха-

[1]) Под таким названием статьи в изданных Богучарским №№ «Земли и Воли» (Русская Истор. Библиотека, № 7) нет.

[2]) В подл. зачеркнута одна строчка — не разобрана.

новым. Конечно, приходилось говорить далеко не по-народнически. Затем, для агитации, пущена была идея итти с жалобой на фабрикантов и полицию к наследнику. Демонстрация вышла очень внушительная, хотя и была разогнана жандармами. Итак, Плеханову пришлось стать на почву столь «политическую», чтобы подбивать народ даже обратиться к наследнику — как бы в оппозицию против государя. Плеханов был очень занят и оживлен. Террору он не сочувствовал, потому что он мог мешать его пропаганде и агитации. Но еще менее расположен он был помогать «деревенщикам», все более приходя к убеждению, что весь центр социалистической революции находится в городских рабочих, а никак не в мужиках, по самому занятию неспособных проникнуться социалистическими идеями. Я заметил о попытке «фабричного террора». Это было раз, и Плеханов рассказывал о ней со смехом. На фабрике управляющий очень притеснял рабочих, и рабочая группа задумала взорвать его. Долго старались они, наконец, подложили у квартиры его мешок пороху и ночью взорвали. Но вреда никому не произошло, и — даже никто не проснулся! Все хлопоты группы остались при безвредном треске, которого никто даже не заметил [1]).

Кроме агитации среди рабочих, Плеханов занимался также и в редакции «Земли и Воли». При этом он постоянно ссорился с Клеменсом, который казался ему совсем не социалистом. Больше же всего, конечно, дело было в том, что Клеменс являлся невольно главою редакции и это мозолило глаза Плеханову.

Николай Морозов оставался прежним мальчишкой, но бредил террором и больше ничем не интересовался. Причислен был и он к редакции, но что-то не помню за это время его писаний. Знался он больше, как и Клеменс, с «либералами», которые его очень любили. Он был впрочем очень мил, добродушен, любил поболтать и умел болтать, так что легко сходился, особенно с барынями, которых любимцем всегда был издавна. Он был, между прочим, очень недурен собой.

Для кружка, в сущности, он ничего не делал, хотя по своей несомненной храбрости и молодому задору всегда готов был поставить жизнь на карту, да и связи его с либералами иногда оказывались не бесполезны. Так распределялись силы кружка в СПБ.

Я был назначен на место, досель остававшееся в забросе — именно на сношения с учащейся молодежью. Сверх того я был причислен к редакции газеты. В газете я сначала держался совершенно пассивно, являясь простым помощником Клеменса, которого превосходство в этом деле вполне признавал. Он уже редактировал раньше газету

---

[1]) О деятельности «рабочей группы» «Земли и Воли» среди петроградских рабочих см. Плеханов, «Русский рабочий в революционном движении. По личным воспоминаниям». М. 1920 г. и Попов, М. Р., «Из моего революционного прошлого». («Былое», 1907 г. № 5 и 7.) Там же описание демонстрации с подачей адреса наследнику. Сравни ст. Бурцева, «Северно-русский рабочий союз». («Былое», 1906 г. № 1, 178).

«Община» (за границей) [1]), да и вообще был опытным писателем. А я в это время писал очень мало. Впрочем у меня было кое-что, писанное для рабочих еще в 1873 году, и в тюрьме я зарабатывал кое-какие деньжонки, пиша в журналах (цензурных) [2]). Во всяком случае, уступая Клеменсу, я был более писателем, чем Плеханов или Морозов.

Зато самостоятельно и широко я повел связи с молодежью [3]). Молодежь я всегда любил и понимал и легко с нею сходился. Не навязывая особенно своих взглядов, оставаясь очень терпеливым к чужим мнениям, я, однако, мало-по-малу всегда многих переводил в свой лагерь. Знакомства у меня скоро стали очень большие [4]).

Между прочим, тут я познакомился и сблизился с Сергеевой, с которой через год и повенчался.

Жил я сначала у Грибоедова, потом вел странствующую жизнь по студенческим квартирам, а под конец поселился с Катей [5]).

Итак, деятельность петербургских членов была менее всего направлена на помощь находившимся в деревне. С ними поддерживали переписку, но — содержание ее было совсем чуждо интересам петербуржцев. «Деревенщикам» высылали деньги, но немного и неохотно. Все внимание и силы невольно (и вольно) поглощались с в о и м и делами: типография, агитация в обществе, агитация в студенчестве [6]), террористическая группа [7]), наконец, рабочее движение: вот что поглощало все силы и средства. Нельзя при этом не заметить, что эти средства доставались нами же, петербуржцами. Пожертвования поступали благодаря нашим хлопотам, стараниям, знакомствам, а все эти связи и знакомства, понятно, требуют внимания и огромной затраты времени. В это же время у Александра Михайлова было положено начало двум в высшей степени важным делам. Во-первых, пустяшные студенческие знакомства свели его с К л е т о ч н и к о в ы м. Клеточников прибыл в Петербург просто из желания сложить голову на каком-нибудь т е р р о р и с т и ч е с к о м деле, но непременно террористическом. Тогда таких личностей попадалось немало, и Михайлов их не пропускал без внимания. Так он, помню, открыл Мартыновского. Мартыновский — тип Достоевского — фанатик, туповатый, но с какой-то глубокой внутренней, и — при-

---

[1]) Журнал, издававшийся в 1878 г. в Женеве группой народников-бакунистов. Вышло 9 номеров.

[2]) Сотрудничал в журнале «Дело», «Отеч. Зап.», «Русск. Бог». под псевдонимом И. Кольцова.

[3]) Очень различных заведений, между прочим и с военною. За это время у меня мало-по-малу стали сами собой развиваться знакомства и в обществе. *(Прим. автора).*

[4]) Об этой работе Тихомирова см. «Календарь «Народной Воли» на 1883 г.»

[5]) Здесь должно быть вставлено описание моей деятельности в студенчестве. См. тетрадь — , стр. *(Прим. автора).*

[6]) Зач.: два слова — неразобрано.

[7]) Зач.: поглощали все.

том искалеченной жизнью,—прямо искал смерти. Кто-то из его знакомых, очень веселый человек, привел его к Михайлову, познакомил:

— Вот, — говорит, — человек желает умереть. Ничего он делать не хочет, а именно стремится умереть... Не найдется ли ему помещения?

Михайлов немедленно принял Мартыновского под свое покровительство и обещал найти ему такое дело, в котором либо голову сложит, либо будет казнен. Судьба устроила иначе, и Мартыновский был арестован случайно и куда-то сослан [1]), а желание умереть у него, потом, если не ошибаюсь, прошло. Я говорю только для примера. Таких людей было тогда достаточно. Точно так же, например, Шлеман. Он говорил, что он не социалист, не народник, а желает политической свободы. Жить долго он, по болезни, не надеется, а потому предлагает себя на самые рискованные террористические дела. Конечно, и его Михайлов немедленно принял под свое крылышко. Шлеман был человек отчаянной храбрости и сослужил ему службу. Михайлов же, не только расходился уже внутренне с кружком, но сверх того имел п р а в и л о м: все, что только возможно, делать ч у ж и м и руками, более сберегая с в о и, т.-е. кружковые, силы. Это была система натансоновцев да и, конечно, всех практичных заговорщиков. Но должно заметить, что А. Михайлов, пользуясь так «чужими» — относился к ним с величайшей заботливостью и попечением. О их нуждах, о их безопасности он считал обязательным думать даже больше, чем о с в о и х. Это был вопрос чести организации, которую никто не должен был иметь повод обвинить, что она своих бережет лучше, чем союзников.

О К л е т о ч н и к о в е я писал достаточно подробно в Conspirateurs et policiers [2]), а потому здесь ничего повторять не стану. Михайлов убедил его вместо террора—постараться проникнуть в III отделение. Клеточников был уже средних лет, когда-то немного служил, имел чин и производил впечатление человека очень выдержанного и рассудительного. На т а к о е дело никого не было лучше под руками, а на террор всегда с избытком имеется разных сорви-голов и мальчишек. Клеточников послушался. С Михайловым они сошлись крайне дружески, любили друг друга, особенно Клеточников прямо благоговел перед Михайловым. Когда предприятие удалось, Михайлов постарался окружить Клеточникова непроницаемой тайной, распустил слухи, что он уехал из Петербурга, никому не говорил его имени,— даже в кружке его не открывал, а вел все сношения с ним самолично, и вообще берег, его как зеницу ока, готовый лучше погибнуть сам, нежели допустить гибель драгоценного агента [3]).

Другое — важное знакомство Михайлова — составил К и б а л ь ч и ч хотя это знакомство произошло немножко позднее.

---

[1]) На каторгу в Сибирь в 1880 г.

[2]) См. книгу Тихомирова «В подполье».

[3]) История с Клеточниковым выяснена на процессе 20-ти в 1882 г. См. «Былое», 1906 г., № 1.

В то время, когда Михайлов водворял Клеточникова в III отделение, последнее, в свою очередь, нашло агента [который], по ловкости и удачливости, мог бы разрушить всю назревающую организацию, если [бы] Клеточников не узнал его раньше, чем он Клеточникова. Я говорю о «Николушке» Р е й н ш т е й н е. Дело кончилось убийством Рейнштейна [1]). Об этом я писал также в Conspirateurs et policiers. Это было такое дело, которое вполне одобряли наши «деревенщики», по крайней мере, знавшие о нем, ибо Рейнштейн в первую голову угрожал пропаганде среди рабочих. Но совсем иной характер имело покушение на жизнь Дрентельна [2]), а уже тем более покушение Соловьева на жизнь государя Александра Николаевича [3]). Тут собственно кружок был настолько п р о т и в, что Михайлов действовал и самовольно и даже тайком от кружка. Тут он, несомненно, нарушал все свои обязанности, как член «Земли и Воли».

Любопытно отметить, что излюбленный принцип того времени «цель оправдывает средства» вообще говоря чрезвычайно подрывал силу тогдашних организаций. В уставе «Земли и Воли» безусловное подчинение кружку было развито в высшей степени, но никогда у нас, в кружке чайковцев, не имевших никакого устава и не требовавших никакого подчинения, кроме добровольного, — никогда не было такого, в сущности, возмутительного обмана и злоупотребления, как в «Земле и Воле». Достаточно было лицам, находящимся в СПБ., изменить взгляды на ц е л и, чтобы, ничто же сумняся, начать в кружке самую беззаконную узурпацию. В этом менее всего можно обвинять нас, т.-е. меня, Клеменса, Морозова. Мы были ч у ж и е кружку и хотя, входя, принимали его программу, но смотрели на это, как на формальность, а себя считали некоторой аристократией революции: ведь нас и принимали вне общих правил, б е з г о л о с о в а н ь я. Сверх того, мы и не ломали кружка, не навязывали ему ничего, а только сами делали с в о е дело. Но Александр Михайлов, Квятковский, Мойша Зунделевич [4]) с точки зрения кружковой легальности, конечно, действовали высоко беззаконно. Они пользовались фирмой и средствами кружка для целей, ему прямо противных, и делали это сознательно. Особенно это должно сказать об Александре Михайлове. Мы с Морозовым, видя разногласия, охотно готовы были просто оставить «Землю и Волю». Клеменс, вероятно, был бы такого же мнения, но он был арестован очень скоро [5]), раньше появления острых раздоров. Но Александр Михайлов дольше всех не хотел разделяться, и, в дружеских объяснениях со мной, прямо указывал на важность ф и р м ы «Земли и Воли». Я высказывал, что н о в а я ф и р м а очень скоро приобретет

[1]) 26 февраля 1879 г. в Москве в гостинице Мамонтова за Москвой-рекой.

[2]) 13 марта 1879 г.

[3]) 2 апреля 1879 г. О переговорах Соловьева с «Землей и Волей» см. В. Фигнер «Запечатленный труд», стр. 115—120, изд. «Задруга», М. 1922 г.

[4]) Зач.: конечно.

[5]) Весной 1879 г.

такую же известность и влияние. Но Александр Михайлов не доверял этому, а в революционной деятельности, особенно при краткосрочности существования лиц, фирма значит очень много. Это обстоятельство казалось ему так важно, что даже когда единство окончательно рухнуло,—он более всех настаивал, чтобы название «Земли и Воли» было совсем уничтожено, а не доставалось «деревенщикам», так чтобы обе разделившиеся группы явились перед публикой с новыми названиями, если уж нельзя сохранить старой фирмы для себя.

Я впрочем забежал вперед. В то время, когда я присоединился к «Земле и Воле», мысль о разрыве еще не возникала, но внутренние отношения уже были запутаны. Идеи раздваивались, что между прочим отражалось и на газете «Земля и Воля» [1]). Главный предмет раздора был терроризм. Народники допускали только террор аграрный или фабричный. Но среди нас — Александр Михайлов, Морозов, Квятковский — тянулись к террору политическому. Кравчинский, хотя и убежавший за границу—тоже. Клеменс, как и я, не был террористом в собственном смысле, но все-таки видел в терроре больше толку, нежели в «деревенской деятельности». Он, как и я, хотел революции, в том числе и ниспровержения правительства, не потому, чтобы был конституционалистом, а потому, что рассчитывал, что из революции явится строй во всяком случае более демократический. Не думаю, чтобы Клеменс был особенно определенным социалистом. Я же, могу сказать, и совсем им не был [2]). Лозунг времени был социализм. Но я, в сущности, хотел только материальной обеспеченности народа. Теории социалистов я уже знал в это время, но не был ни за одну, хотя все-таки считал себя социалистом. Мой социализм, в сущности, сводился к государственной регуляции частной собственности. Что касается террора, то мне он нравился только как первые революционные схватки, передовые аванпостные стычки. Но и только. Террора, как систему, я не понимал, и даже она мне казалась нелепостью.

Иные взгляды были у Кравчинского и у Морозова. Особенно последний бродил около мыслей, которые впоследствии сформил в брошюре «Террористическая борьба и революция» [3]). В этой брошюре террор выставляется новой, современной формой революции [4]). Идея—анархическая и нелепая. Кравчинский, которого голова теоретически была

---

[1]) Для выяснения вопроса о расколе в партии «Земля и Воля» и распадения ее на «Черный Передел» и «Народную Волю» служит предисловие Антекмана к книге «Черный Передел» как и самый журнал того же имени, воспроизведенный в этом издании «Памятники агитационной литературы», т. I. «Черный Передел». (Госиздат, 1923 г.). См. также рецензию на книгу в журнале «Каторга и Ссылка», № 6, библиография.

[2]) Сравни характеристику Клеменса у Дейча: «Один из последних семидесятников». Истор.-Революц. Библиотека. Госиздат, Пет. 1921 г.

[3]) Зачеркнуто три слова: не разобраны.

[4]) Вышла за границей вскоре после отъезда Морозова из России в 1880 г.

весьма тупа и смутна, едва ли в то время имел определенные мысли, но вообще держался мнения, что террор есть средство вынудить к уступкам.

Михайлов был человек не теории, а чутья. Он был за террор, потому что чувствовал, что кроме его ничто революционное невозможно. Что касается теории, то он готов был принять любую защиту террора.

Понятно, какую путаницу представляла публицистика «Земли и Воли». Тут, кажется, в каждом новом № были новые взгляды. Кравчинский додумался до нелепости, которой думал совместить народническое отрицание политики с террористическим требованием уступок. Он писал: нам, революционерам, не нужно конституции, но мы требуем, чтобы н а м не мешало правительство действовать в народе. Если же оно мешает, мы отвечаем террором. Другими словами: мы не требуем никакой свободы, кроме свободы бунта!

Эта чепуха не утвердилась в газете. Но морозовские идеи проводились в приложении к ней: «Листок Земли и Воли»[1]). А сама газета в это время писала о народном терроре, о вооруженных шайках, которые должны поддерживать «требования народа». Вообще в газете была такая же мешанина, как и в умах.

А Михайлов, в ответ на всякую критику, отвечал: «Что ни напилано—это все равно. Главное п о я в л е н и е газеты—нелегально! Посиция ищет, и не может ничего найти. Вот это действует на публику. А что написанс—это не важно». «По мне,—прибавил он раз со смехом,—идеальная газета была бы такая, чтобы в ней н и ч е г о не было напечатано. Но это, к сожалению, невозможно».

Замечание, в сущности, неглупое! Газета, действительно, производила влияние своим существованием, а не содержанием. Она была живым доказательством бессилия полиции и силы какой-то таинственной организации. Где типография? Почему ее не могут отыскать? На эту тему фантазия публики разыгрывалась до белого каления. Предполагали даже иные, что типография помещается в каком-нибудь дворце и т. п. Уважение к силе революционеров росло именно из-за с у щ е с т в о в а н и я типографии, а чепухистое содержание газеты, постоянно сожигаемой большинством читателей, мало запоминалось, а потому и мало компрометировало.

До тех пор, пока существовал Клеменс, мое участие в газете было очень пассивно и ограничивалось составлением разных мелких сведений. Но Клеменс скоро был арестован.

Он жил по фальшивому, но очень хорошему (он был даже не фальшивый, а только не Клеменса) паспорту, на имя капитана Штурма, и долго оставался незамеченным полицией. С революционерами он водился мало, а все вращался в общество «либералов», жил их жизнью. Пощадаться было не на чем. Но по мере развития связей, он стал ду-

[1]) Выходил в 1879 г. под редакцией Морозова. Вышло 6 номеров (см. Богучарский, «Революционная журналистика 70-х годов».—Русск. Ист. Б-ка № 7).

мать о более широкой агитации, именно в земствах. Его сожитель Александров сам состоял в каком-то земстве и отправился туда на агитацию. Но слуга Александрова и Клеменса, подслушав их неосторожные разговоры, донес на них. Клеменс был арестован. Александров тоже. Александров, как я полагаю, сошел с ума в тюрьме. Что касается Клеменса, то арест буквально спас его. Ни в чем серьезном он не был скомпрометирован, а по обращению своему скоро очаровал жандармов, как всех, с кем имел дело. Он, действительно, был очень милый, приятный и добродушный человек, легко сходящийся с кем угодно, хоть с самим чортом. Между тем события в революционном мире шли все разгораясь, убийства наростали, и скоро Клеменс, милый, кроткий, любезный, в своей тюрьме стал казаться совершенно невинным агнцем в сравнении с террористическими волками. Поэтому его, при помощи хлопот друзей, а быть может, и не без денежных их пожертвований признали не подлежащим суду, а выслали а д м и н и с т р а т и в н о в Сибирь. Этим и кончилась его революционная деятельность. Образец справедливости тогдашних наказаний. Какого-нибудь несчастного доктора Добровольского, абсолютно ничего не сделавшего, закатали на 20 лет каторги (он впрочем убежал от нее за границу), а такого вожака, как Клеменс, явного, за подписью, издателя «Общины», — административная высылка!

После ареста Клеменса, мое участие в газете стало сильнее. Тут же Михайлов, все более убеждавшийся в моей «конспиративности», решился, на случай своего ареста, показать мне типографию, о которой я дотоль не имел понятия. С величайшими предосторожностями провел он меня в это таинственное место.

Оно оказалось слегка прозаически, но столь же практически устроенным. Это была просто-напросто средней руки квартира, в одном доме, на Николаевской улице. Весь персонал квартиры был сочинен из своих людей. Хозяйкой была Крылова, а ее якобы мужем Бух. Разумеется, жили они по подложному, очень хорошему паспорту. В прислуги им была дана некая Марья Васильевна Грязнова, радикалка, очень глупая, но вполне преданная «делу», тем более, что она была влюблена в четвертого жителя квартиры—Лубкина. Лубкин (кажется Сергей Николаевич) был маленький незаметный человечек, которого высшее счастье состояло в том, чтобы его листки были напечатаны чисто и красиво.

Квартирка смотрела чистенько, среднего достатка. В гостиной—портрет государя в золотой раме. Самая типография находилась в задней комнате. Она была устроена очень прекрасно. Станок (действовал валом на рельсах) устроен очень тщательно, бесшумно, и сверх того помещался на мягкой кушетке, которая окончательно съедала звук. В эту же кушетку станок прятали, когда являлись полотеры. День натирания полов—не работали. Все пряталось: кассы в конторку, станок в кушетку. Бумага убиралась. Полы выметали тщательно, чтоб не попадалась случайно ни одна буква шрифта.

На случай ночных работ, окна сверх обычных занавесок, завешивались клеенкой. Снаружи никто не мог бы догадаться, что в комнатах чуть не блистательное освещение: все казалось погруженным в непробудный мрак [1]).

Этот тип квартир был о б щ и м для всех «конспиративных квартир». Главное было иметь хорошие документы, правдоподобно составленную семью, прислугу из своих же радикалов, обстановку с р е д н ю ю, не выдающуюся ничем[2]), жить тихо, но не замкнуто, чтоб иногда и гости были, а также непременно время от времени зачем-нибудь пускать к себе дворников, чтобы они видели, что квартира самая приличная и ничего подозрительного не заключает.

Труднее и тяжелее всего была роль п р и с л у г и, которой приходилось знаться и с дворниками, и с чужой прислугой, и с лавочниками.

Что касается документов, в землевольческой среде это дело было поставлено давно на «высокую степень совершенства». Множество писарей и чиновников в революционной среде и обширная практика познакомили со всеми формами документов. У наших «паспортистов» были тысячи всевозможных копий, снимков печатей, подписей лиц и т. п. Резьбой печатей занималось множество лиц. За изменениями административных лиц тоже следили. Вообще—из любой местности России можно было подделать любой документ, и это делалось очень быстро, при надобности—в два-три часа можно было получить паспорт. Сверх того—занимались скупкой и вообще собиранием документов, особенно через жидов западного края, которые в этом деле артисты и знают толк. Лучше всего были документы лиц уже у м е р ш и х, но вдали от родины, где их смерть была поэтому неизвестна. Я сам раз имел такие документы, купленные у евреев за 40 рублей. Но и было за что заплатить: тут было решительно все: метрика, послужные списки, кое-какие личные записки умершего, так что перечитавши все—можно было вполне прекрасно знать всю «свою» биографию. Такие полные коллекции попадались не часто, но нередко «настоящие» документы дополнялись фальшивыми... Конечно, такими избранными документами снабжались только особливо нужные люди, и притом часто у одного и того же в запасе было их несколько, на случай внезапной перемены.

---

[1]) Впоследствии эта типография перешла к «Черному Переделу» и в 1880 г. обнаружена полицией и конфискована. Дело разбиралось 29 сентября 1881 г. См. «Хроника социалистического движения». стр. 108 — 109 и Попов, М. Р., «Из моего прошлого» («Минувшие Годы» 1908 г., № 2).

[2]) Зачеркнуто одно слово, не разобрано.

II.

Смерть Александра II [1]).

О смерти императора Александра II напечатано множество воспоминаний, но во всех них совершенно затушевано то обстоятельство, что успех этого покушения был совершенно с л у ч а й н ы м. Его не только могло не быть, но, по условиям обстановки, даже не должно было быть.

Я тоже не был непосредственным наблюдателем этого факта, так как находился в отсутствии из Петербурга и возвратился как раз 1 марта, рано утром. Подъезжая к своей квартире (не то на Вознесенском, не то на Гороховой) я встретился с Грачевским, шедшим мрачно и задумчиво, и зазвал его к себе. Он рассказал мне тяжелые происшествия последних дней—об аресте Желябова, об осмотре полицией Кобозевской лавки, и сообщил, что Перовская рвется на части, чтобы произвести покушение непременно сегодня. В успех его он совсем не верил. Пробеседовавши несколько времени, мы решили пойти на предположенные места действия и посмотреть, что там творится. Но не успели мы пройти сотни две шагов, как услышали сильный грохот взрыва, и решили—итти, так сказать, на выстрел, но для безопасности порознь. Таким образом я прошлялся около Невского, Екатерининского канала, Малой Садовой, несколько часов, слушая толки народа.

На другой и следующие дни я узнал о подробностях дела от самой Перовской, а затем слыхал множество [2]) рассказов, которые шли от случайных свидетелей убийства, казаков, полицейских, а также через адвокатов из тюрьмы и следователей. Один из бомбистов, Емельянов, был очень близок к семье Анненского, от которого я также слышал кое-какие подробности. Вообще из множества источников я тогда получил массу сведений о происшествии 1 марта, и вот как, на основании этих данных, произошло убийство императора Александра II.

27 февраля 1881 г. был арестован Желябов на квартире Тригони... Это, конечно, произвело ужасное действие на Перовскую, которая его любила всеми силами своей глубокой [3]) натуры. Еще раньше она была в страшной тревоге за него, до того, что она, для дела никогда ничего не жалевшая, дошла до стараний сдержать его, оградить от постоянного риска. Она не могла не понимать, что заменить Желябова некому, что волей-неволей он должен рисковать. И однако она просила меня повлиять на него, уговорить его быть осторожнее. Бедная, бедная! Она сознавала, что уступает слабости лич-

---

[1]) В архиве Тихомирова это — отдельная статья, не вошедшая в его «Воспоминания».

[2]) Зач.: подробностей.

[3]) Зач.: еще раньше.

ного чувства и просила моего содействия, как бы совестясь... Я, конечно, старался повлиять на него, но это было совершенно невозможно. Он совершенно закусил удила и, конечно, считая себя обреченным, думал только о том, чтобы возможно больше сделать в краткое остающееся ему время. Я тогда просто проклинал нашу затею цареубийства, видел, что мы губим все силы, уложим всех своих и погибнем, может быть, раньше Александра II. Желябов разделял это мнение, но что было делать? Нельзя же было бросить все, не достигши цели? Раз начато дело,—не кончить его—значило сознаться в бессилии, погубить всю репутацию Комитета и партии. Против этого нельзя было возражать, и Желябов торопил цареубийство, как [1]) опьяненный гашишем, всем рискуя, на все закрывая глаза. И вот—он арестован, выбыл из строя [2])!

Я не видал в это время Перовской, но легко представляю себе всю бурю, забушевавшую в ее душе.

Убежден, что она вся клокотала жаждой мести за своего «Тараса», как его называла.

Убежден, что она лелеяла мечту, нельзя ли как-нибудь облегчить его участь, смягчить хоть чуть-чуть его ответственность. А оба эти чувства одинаково приводили к мысли: как можно скорее, во что бы то ни стало, совершить цареубийство. К этому же приводила и мысль о том, что слухи о готовящейся попытке ходят по городу, что множество людей участвовали в приготовлениях, что полиция [3]) рыщет и ищет каких-то нитей, чего-то таинственного, угрожающего. И Перовская повела дело к исполнению со страшной энергией [4]) и поспешностью, которых бы не было в такой мере при самом Желябове. А тут кстати и судьба послала случай.

Император уже две недели не ездил в манеж на развод, по настояниям княгини Юрьевской, которая так же трепетала за него, как Перовская—за Желябова. 1 марта было 3 воскресенье, и царь мог, наконец, поехать [5]). Нужно было все подготовить на тот случай, если развод состоится. И работа закипела. Покушение заранее было рассчитано на поездку в манеж. Мина на Малой Садовой готовилась именно на этот случай. Метальщики бомб [6]) должны были явиться только подсобным орудием. Царь ездил в манеж обыкновенно по Невскому и Малой Садовой. Предполагалось — взорвать под ним мину, а четыре бомбиста [7]) должны были докончить его, если бы при взрыве мины он не был убит [8]). Мина была заложена на Малой

[1]) Зач.: зач.

[2]) Зач. полторы строки, которые нельзя разобрать.

[3]) Зач.: ищет.

[4]) Зач.: то.

[5]) Зач.: на развод.

[6]) Зач:. долж.

[7]) Зач.: находящиеся на двух концах этого участка улицы.

[8]) Зач.: мина находилась на Садовой, в доме Менгдена, в сырной лавке Ко(бозева).

Садовой, из сырной лавки Кобозева (Богдановича), в д. гр. Менгдена, почти у самого угла Невского проспекта. Бомбисты попарно должны были разместиться по обоим [1]) концам этого участка улицы.

Таков был еще желябовский план. Перовская и предполагала исполнять его по установленному.

28 февраля вдруг произошло неожиданно событие, наполнившее всех страхом [2]). Полиция, при участии техника Мровинского, произвела осмотр лавки Кобозевых, по объяснению полиции в санитарных целях—и ничего подозрительного не нашла.—Это тем изумительнее, что, по словам полиции, дворников и соседей, сами Кобозевы и их посетители возбуждали во всех подозрения, и за ними даже следили, хотя, очевидно, очень плохо. Как бы то ни было, осмотр составлял очень грозное предостережение.

Но зато 1 марта император, наконец, решился посетить развод. Княгиня Юрьевская только упросила его поехать не через Невский и Малую Садовую, а [3]) по Екатерининскому каналу.

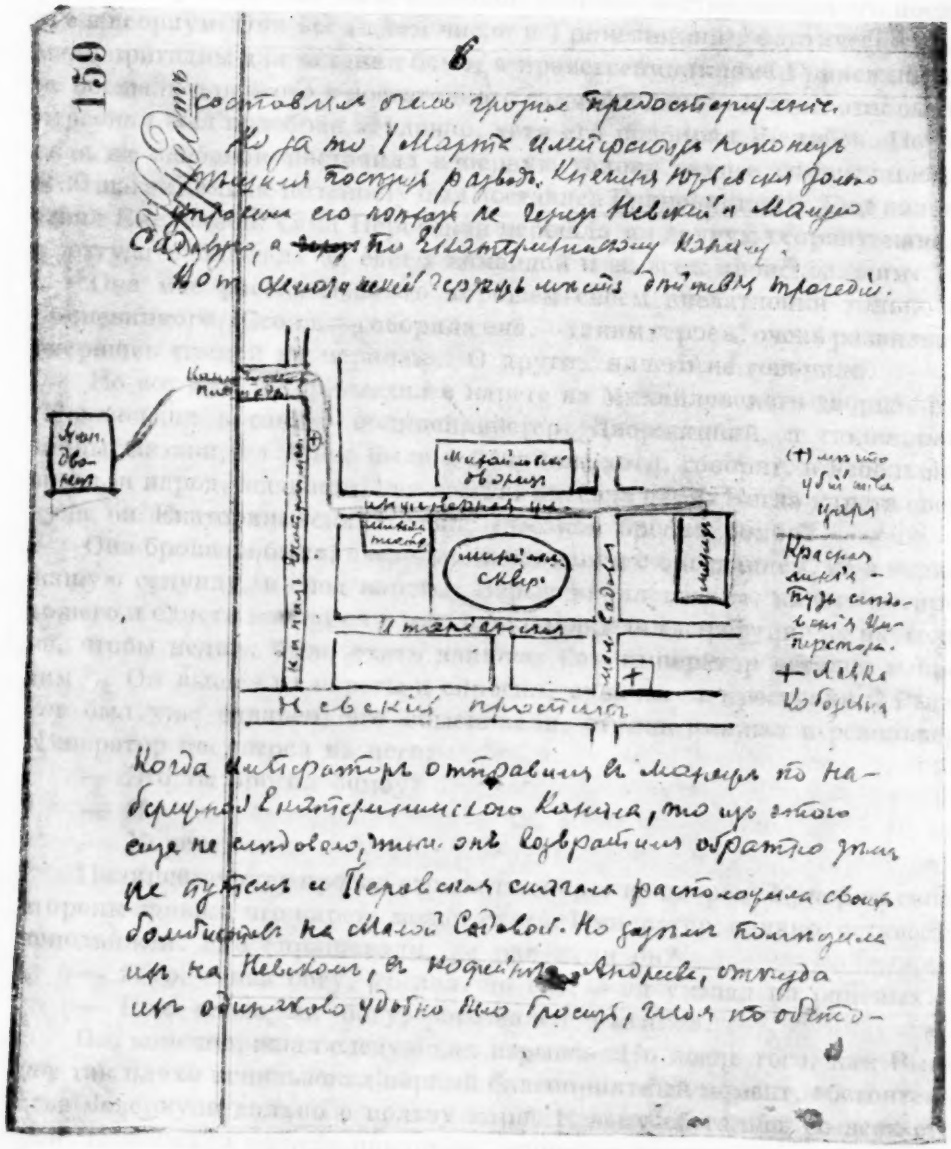
Вот схематический чертеж места действия трагедии.

Когда император отправился на манеж по набережной Екатерининского канала, то из этого еще не следовало, чтобы он возвратится обратно тем же путем, и Перовская сначала расположила своих бомбистов на Малой Садовой. Но затем поместила их на Невском, в кофейне Андреева, откуда их одинаково удобно было бросить, глядя по обстоятельствам—на Малую Садовую и на Екатерининский канал. Обстоятельства эти вполне определились, когда император, кончив развод, заехал в Михайловский дворец. Стало ясно, что он поедет дальше по Екатерининскому каналу. Туда Перовская и двинула поспешно свою команду, которая к этому времени уменьшилась. Михайлов почувствовал такое волнение при мысли о предстоящем бомбометаньи, что дезертировал, ушел домой. Остались Рысаков, Гриневицкий и Емельянов.

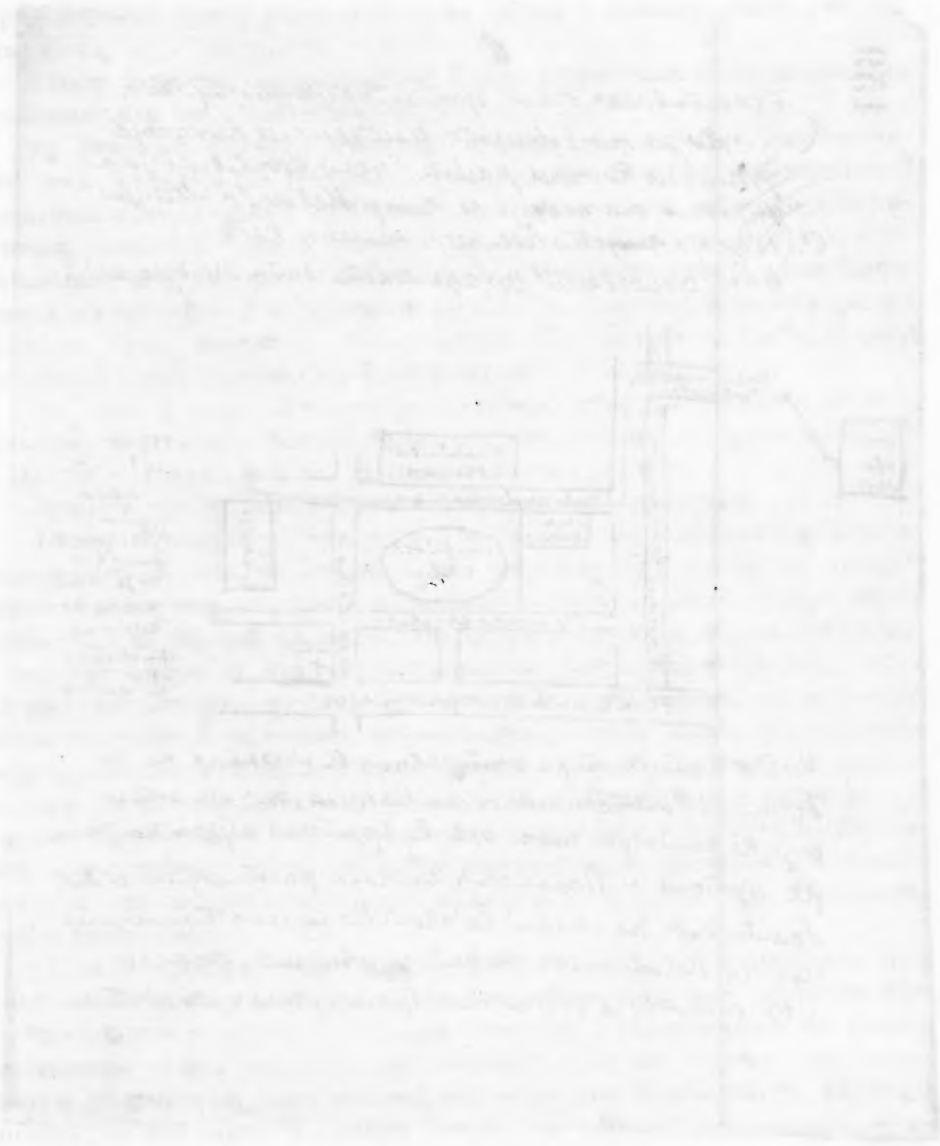
Еще во время слежения, установленного за императором для того, чтобы узнать его путь следования, было замечено (кажется, Перовскою), что царский кучер при повороте с Инженерной на Екатерининский канал, задерживает лошадей, так что карета едет почти шагом. Это место и было заранее намечено для бомбистов [4]). Не знаю почему, на это самое [5]) удобное место, где карета, так сказать, сама наскакивает из-за угла на бомбиста, Перовская поставила Рысакова, наименее надежного из трех. Должен сказать, что вообще вся компания метальщиков, кроме Гриневицкого, была выбрана довольно [6]) необ-

---

[1]) Зач: конец.
[2]) Зач.: санитарная комиссия.
[3]) Зач.: через.
[4]) Зач.: самое выгодное место.
[5]) Зач.: выгодное место.
[6]) Зач.: крайне легкомысленно.



Место события 1 марта 1881 г.
(Чертеж Л. А. Тихомирова, к стр. 172.)



думано. Ни за одного из них нельзя было поручиться в таком страшном испытании, сверх того они все были не очень сильны, не высоки ростом, а у Рысакова была вдобавок болезнь, заставлявшая его носить суспенсориум. Они все (в том числе и Гриневицкий), фактически были мало пригодны для метания бомб, а нравственно (кроме Гриневицкого) не обещали для этого и достаточного самообладания. В этом отношении персонал был подобран неудачно, хотя его подбирал Желябов. Перовская же вдобавок поставила в первую голову самого сомнительного. В 30 шагах дальше по каналу был поставлен Гриневицкий[1]). Еще дальше стоял Емельянов. Сама Перовская перешла на другую сторону канала и оттуда наблюдала за своей командой и за всем происходящим.

Она мне рассказывала о хорошем своем впечатлении только от Гриневицкого. «Стоял,—говорила она,—таким героем, очень развязно [2]) опершись спиной на перила»... О других ничего не говорила.

Но вот император выехал в карете из Михайловского дворца. Его сопровождал в санях полицеймейстер Дворжицкий, а также конвойцы, казаки, на улице была и полиция, хотя, говорят, в небольшом числе, и народ, ждавший, как всегда, проезда царя. Когда карета свернула на Екатерининский канал, Рысаков бросил бомбу.

Она брошена была, очевидно, в волнении с опозданием, не в надлежащую секунду, в след кареты. Взрыв ранил казака, какого-то прохожего и одного конвойца и несколько повредил карету, но не настолько, чтобы нельзя было ехать дальше. Сам император остался невредим [3]). Он вышел из кареты и спросил, схвачен ли преступник? Рысаков был уже схвачен, его обыскивали, отняли кинжал и револьвер. Император посмотрел на него:

— Это ты бросил бомбу?

— Я.

— Хорош.

Полицеймейстер просил его ехать скорее во дворец. Кучер со своей стороны заявил, что карета может ехать. Император, однако, оставался неподвижен. Его спрашивали, не ранен ли он?

— Я-то, слава богу, уцелел, но вот, — он указал на раненых.

— Еще слава ли богу,—отозвался Рысаков.

Он, конечно, ждал следующих взрывов. Но после того, как Рысаков так плохо использовал первый благоприятный момент, обстоятельства повернули сильно в пользу царя. К нему сбегались со всех сторон. Подбежали юнкера-павловцы, моряки и просто народ. Сам великий князь Михаил Николаевич, услыхав гром взрыва, бросился на канал, хотя застал брата уже умирающим. Во всяком случае царь был уже окружен значительным числом разных лиц—конвоя, полиции, военных, народа. В рассказах о 1 марте, собранных Глинским, [4]) гово-

[1]) Зач.: он стоял опершись на перила канала.

[2]) Зач.: (облокотившись).

[3]) Зач.: хотя возможно он был несколько оглушен.

[4]) «Революционный период русской истории», т. II, стр. 482—498.

рится, будто бы Гриневицкий стал к нему подходить. Это не правда, изобличаемая уже тем, что сраженный бомбою император упал на тротуар канала, прислонившись спиной к перилам, на том самом месте, где стоял Гриневицкий, а последний валялся тут же около. Дело в том, что Гриневицкий уже никак не мог подойти, когда сбежалось столько народа. При первом же шаге его, он обратил [бы] внимание на себя и на свою бомбу в белом платочке. Что он думал, что он замышлял, никто не знает, он унес свои предсмертные мысли в могилу. Но он стоял неподвижно. Так прошло несколько минут, 3, 4, 5, никто не считал, конечно. Император Александр II бродил бесцельно среди окружающих, упорно не подымаясь в карету, не отвечая на уговаривания свиты, наконец, вышел из окружающей толпы и направился тихо, поворачивая без надобности направо и налево, к тому месту, где стоял Гриневицкий. Когда я слушал рассказ об этом, мне вспомнилась картина загипнотизированного отыскивающего место, указанное ему гипнотизером. Словно зачарованный, осужденный судьбой, он сам шел навстречу своей смерти. Он потихоньку подвигался к Гриневицкому, который продолжал стоять неподвижно. Но вот царь подошел к нему вплотную, на два, три шага. Тогда Гриневицкий ударил бомбой в землю, и под гром взрыва жертва и убийца, оба пораженные на смерть, свалились рядом на панель канала.

Вот как произошло это событие. Но что было бы, если бы император, вместо бесцельного блуждания по улице, сел в карету и уехал? Он бы остался жив.

Тут, конечно, можно представить несколько комбинаций. Дворжицкий уговаривал царя ехать именно потому, что понимал, что, вероятно, есть и другие бомбисты. Если бы у него оказался здравый смысл, то он конечно—должен был направить царя назад в Михайловский дворец, по уже раз проеханному и оказавшемуся чистым пути; затем, нагнав достаточное число полиции и войска, расчистил бы путь в Зимний дворец и препроводил бы туда царя. Но если бы даже царь и прямо двинулся во дворец, мимо [1]) Гриневицкого и Емельянова, то они [2]) едва ли могли бы пустить в ход свои бомбы, когда Александр II был окружен полицией и войсками. Они бы могли перебить десятка два посторонних, но не могли добраться до царя.

И тогда что же? Покушение 1 марта превратилось бы в простую попытку, подобную в предыдущем, с тою разницей, что было бы уже п о с л е д н и м, потому что у Комитета выбыли [3]) из строя все опытные террористы.

Кстати о числе покушений!..

Задолго до смерти Александра II, я слыхал—об этом говорило множество людей,—что когда император был в Париже, он посетил там знаменитую гадалку-цыганку. В это время он пережил только что по-

[1]) Зач.: Гриневиц.
[2]) Зач.: уже не.
[3]) Зач.: все.

кушение на его жизнь поляка Березовского. Цыганка предсказала ему, что он переживет 7 покушений. Об этом все говорили и, понятно, никто не верил. Когда у нас попытки цареубийства одна за другой не удавались, то случалось, в шутку говорили: сколько же ему еще осталось счастливых исходов? И однако же в действительности предсказание цыганки исполнилось. Царь пережил благополучно 7 покушений: 1) Каракозова, 2) Березовского, 3) Соловьева, 4) покушение Желябова и К° в Александровске, 5) покушение в Москве из дома Сухоруковых, 6) покушение Халтурина в Зимнем дворце. 7) покушение Рысакова 1 марта. Бомбой Рысакова были исчерпаны счастливые шансы Александра II. Бомба Гриневицкого составила 8-е покушение, и покончила его жизнь [1]).

III.

Тени прошлого [2]).

Исполнительный Комитет.

Несколько замечаний.

Перечитывая множество рассказов об Исполн. Комитете в «Былом» и «Запечатленный труд» В. Фигнер (лучшее, что сделано о Комитете), я должен сказать, что все они изображают Комитет весьма не точно и оценивают людей его с огромными ошибками. Конечно,—крупнейшие люди ничего о себе не оставили, а те, кто является свидетелями о них—мало видали, мало знали.

Крупнейшими людьми Комитета были:

1) Александр Михайлов, 2) я, 3) Желябов, 4) Зунделевич, 5) Оловенникова и 6) Перовская.

К сожалению, Оловенникова,—которая даже гораздо крупнее Перовской, жила почти все время в Москве [3]), и не могла пристально наблюдать комитетские отношения.

---

[1]) Литература о 1 марта 1881 г. и его участниках указана в книге Шилова, А. А. «Что читать по истории русского революционного движения», стр. 130—133, также у Богучарского, «Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х г.г. XIX в.» 42—46, 63—93. Приговор Исп. Ком-та Александру II был объявлен 25 авг. 1879 г., после которого последовал ряд покушений и 1 марта (Богучарский, стр. 42—43). Последние сведения о 1 марта недавно сообщены Якимовой-Кобозевой, которая между прочим, дополняет число участников события след. лицами: Фроленко, Корбой (Прибылевой) А. П., Оловенниковой Е. Н. («Каторга и Ссылка» № 1 (8) 1924 г., 9—17.

[2]) Отдельная от «Воспоминаний» заметка, повидимому, начало задуманной работы под общим заглавием «Тени прошлого».

[3]) Она вместе с Теллаловым П. А. образовала здесь местную «Рабочую группу» «Н. В.» и вела пропаганду среди московских рабочих и учащихся. См. об этом ст. Н. Волкова. «Народовольческая пропаганда среди московских рабочих в 1881 г.», «Былое», 1906 г., № 2. также В. Фигнер «Запечатленный труд», стр. 255—257.

7) Говорят, что большую величину представлял Теллалов. К сожалению, я его мало знал. Он очень умен, но для Комитета мало сделал, и, думаю, в смысле практического организатора, большой ценности не имел. Это был крупный воспитатель молодежи и только.

8) Суханов—был блестящих способностей, и даже порядочный организатор, но он не имел государственно-революционного ума, и роли революционной организации в государственном устроении ему представлялись, думаю, смутно.

9) Морозов (Ник. Ал.)—храбрый, остроумный, симпатичный, совсем не имел большого ума, а между тем воображал, что его имеет. В жизни Комитета он не только имел мало значения, но даже был отчасти вреден, заглушая государственную идею Комитета своей французской идеей террора, как наилучшей формы революции. К счастью, он не имел большого влияния.

10) Квятковский, конечно, был выше Морозова по уму, но все-таки не может быть поставлен в ряд с первостепенными людьми Комитета, выше перечисленными.

11) Фроленко—несравненный исполнитель всяких боевых предприятий, имел весьма здравый ум, но не первостепенного калибра.

12) Вера Фигнер—блестящая агитаторша, увлекавшая всех, с кем сталкивалась, была плохой организаторшей, органически неспособной к осмотрительности, не умела различать людей и вечно рвалась к блестящим и трескучим делам; фантазия в ней чрезмерно преобладала над разумом, так что она была настолько же полезна, насколько опасна.

13, 14, 15, 16) Прочие женщины—Корба, Якимова, Лебедева, Гельфман,—честные, искренние, самоотверженные—никакими особенными способностями не отличались.

17) Ширяев—человек с огромным характером и волей, и даже умный. Может быть, мог вырости в крупную величину.

18) Златопольский,—весьма неглупый, с недурными организаторскими способностями, очень хороший человек, но все-таки величины средней.

19) Исаев,—искренний, убежденный, бесстрашный, сначала казался довольно счастливого ума, но до того был засосан техникой террора, что даже как-то поглупел.

20) Ланганс—мне казался весьма средним человеком.

21) Баранников—добрый молодец, боевой человек, но ума самого среднего.

22) Колодкевич—так же средний (очень хороший) человек.

23) С. Иванова—из женщин довольно выдающаяся, очень неглупая, убежденная, немножко авантюристка; в компании полезный человек, к самостоятельной роли не годилась.

24) Юрий Богданович—разносторонне талантливый, умный, развитой, организатор плохой.

25) Т р и г о н и—имел слишком мало времени революционной деятельности, умный, образованный, искренний, но нельзя предугадать—выработался бы в крупную величину или нет.

26) О л ь г а Л ю б а т о в и ч—никакой роли не играла, да и ни в каком отношении не могла играть. Ничего крупного не было [1]).

Из этих лиц были первоначально только агентами Теллалов, Суханов, Гельфман, Ланганс, Богданович, Иванова, Тригони.

IV.

Прошение Л. Тихомирова Александру III о помиловании [2]).

Ваше императорское величество
государь всемилостивейший!

Несмотря на воздействие семейного воспитания, полного чувства преданности престолу, я очень рано подвергся влиянию революционных идей. Верование в якобы грядущий революционный переворот было привито моему юношескому уму еще в то время, когда он не был способен к самостоятельной оценке внушаемого. Захваченный этим потоком, погубившим столько других сверстников, я совершил длинный ряд политических преступлений. Двадцатилетним мальчиком, еще не имея понятия ни о каком существующем строе, я уже стал его ниспровергать в качестве члена кружка «чайковцев». С 1872 г. я вел революционную пропаганду среди рабочих, распространял запрещенные издания и сам составлял брошюры преступного содержания, из которых Сказка о четырех брать[ях] и Исто[ия] Пуг[ачева], точное название которой я запамятовал, были даже отпечатаны за границей. Таковая деятельность моя была прекращена только арестом 1873 г. 11 ноября. Затем более 4 лет я провел в предварит[ельном] тюремном заключении. Фанатизированный, но честный мальчик, я тогда еще легко мог бы понять нелеп[ость] своих идей. Но тюрьма отрезала меня от отрезвляющего наблюдения действительности и 4 года воспитывала в непрерывном раздражении, в ненависти, на грезах о своем «мученичестве», на фантазиях о кровавых переворо[тах]. Преданный в 1877 г. суду Особ[ого] прис[утствия] по так назыв[аемому] делу 193-х я принял участие в шумном протесте подсуди-

---

[1]) Этот список требует исправлений или, вернее, дополнений. Согласно свидетельству В. Фигнер в Исполнительный Комитет еще входили: Грачевский и Тихомирова (Сергеева), жена Л. Тихомирова. Затем после 1 марта в состав его вошли также: Жебунов, С., Мартынов, Лебедев, Романенко и Стефанович. Комитет сначала находился в Петербурге, а после 1 марта переведен в Москву (В. Фигнер «Запечатленный труд», стр. 239—246).

[2]) Подано 18 сент. 1888 г.

[мых] [1]). В январе 78 г. я был освобожден, так как суд, признав меня виновным в през[упной] пропаг[анде] ходатайствовал о вменении мне в наказание времени предварит. закл[ючения]. Выйдя из тюрьмы с вполне сложившимися револ. идеями, я сначала почти не проявлял их в какой нибудь деят[ельности]. Я посещал различные демонстрац[ии], но собствен[но] в качестве наблюдат[еля]. Участвовал в одном кружке, кот[орый] распался, ничего не совершив; замышлял также с некотор[ыми] друг[ими] лицами освобождение госуд. прес[тупника] Мышкина, но эти замыслы не привели ни к какому фактич[ескому] покушению [2]). Около мая месяца я отправился на родину в Куб. Обл[асть] и там скоро стал помышлять как-нибудь устроить свою жизнь. Еще до отъезда я узнал в бывшем Трет. Отд[елении], что не могу рассчитывать на дозволение окончить курс наук. Посему я теперь колебался между различн[ыми] другими планами, но судьба решила иначе. Осенью 78 г. я был отдан под надзор полиции с определ[ением] места обязат[ельного] житель[ства]. При моей молодости и жажде широк[их] наблюд[ений] эта мера поразила меня, как громовой удар. Мне казалось, что я снова попадаю в нечто вроде недавно оставленной тюрьмы, и я немедленно бежал, без денег, без планов, даже не зная, кого из революционных друзей сумею розыскать. С этого момента начинается моя нелегальная жизнь. Прибыв в октябре 1878 г. в СПБ., стал членом кружка «Земля и В[оля]». В террор[истической] деятельности этого сообщества я фактически участия не принимал, хотя совершенно ей сочувствовал. Раз только, насколько помню, я лично помог бегству Мирского [3]), незадолго совершившему покушение на жизнь генерала Дрентельна. Я также знал о готовящемся покушении Соловьева, но ничем этому злодеянию не способствовал. К половине 1879 г. в сообществе «З[емля] и В[оля]» образовалось 2 течения: одно стремилось перейти на почву политической борьбы, имея политические убийства, как средства действия, другое, более мирное, стремилось к пропаганде и организации в народе. Я принадлежал к 1-му течению. С тяжелым сердцем, с изумлением перед охватившим нас тогда умопомрачением, исполняю горькую обязанность припомнить эти страшные 1879—1881 годы.

Я тогда был вполне охвачен революционной горячкой и совершенно утратил сознание исторических прав и обязанностей. Но террористом в строгом смысле слова никогда себя не признавал и не могу быть назван. Это не только потому, что я материально и лично не при-

[1]) Протест состоял в отказе подсудимых участвовать в суде ввиду нарушения последним требований закона, что вызвало насильственный привод подсудимых по группам и новый их протест и устные заявления суду. (Подробности о протесте см. «Кр. Архив», т. V. Письма 193-х, стр. 139—147, 160—161.)

[2]) См. выше «Эпоха Земли и Воли», стр. 148—149. О попытке освобождения Мышкина и причине неудачи см. в «Кр. Арх.», т. V, Письма 193-х. Введение и письмо, стр. 134—136. Там же нов. мат. о Мышкине, стр. 164—171.

[3]) О бегстве Мирского и вообще нов. мат. о нем см. «Кр. Арх.», т. V, ст. Щеголева «Нечаев в Алексеевском равелине».

нимал участия ни в одном покушении на политическое убийство, но также и потому, что в самом принципе я подобные способы действия лишь допускал, как нечто уже существующее, но в то же время совершенно второстепенное. Мои собственные идеи были несколько иные, а именно, я полагал необходимым образовать обширное тайное сообщество для произведения госуд[арственного] перев[орота] с целью созыва Учр[едительного] Собран[ия] или, смотря по обстоятельствам, для захвата власти революционной диктатурой. Эта организация, по моему мнению, должна была охватить различные слои общества, но для начала она могла опираться только на револ[юционную] интеллигенцию, а стало быть, обязательно должна была сообразоваться с понятиями и стремлениями этой среды. Среда же эта, больная хроническим анархизмом, в то время, так сказать, сочилась страшной мыслью цареубийства. Бедные умы, политически расшатанные, воспитавшиеся на рабском отрицании авторитетов и на слепом преклонении перед неограниченными правами личности, тысячью путей приходили тогда к террорист[ической] борьбе: и по непривычке сдерживать свои порывы, и по неспособности возвыситься над борьбою против лиц, и по расчету, так как действительно такой пример безграничного самоуправства не мог до известной степени не «революционизировать» окружающую среду, возбуждая в ней инстинкты своеволия. Воздействие крестьянск[ой] среды, крепкой духом дисциплины, могло благодетельно действовать на «пропагандистов». Но самые успехи администрации в борьбе с пропагандой пресекли в зародыше это воздействие. Загнанная в свою собственную среду революц[ионная] интеллигенция к прежнему отсутствию здоровых политических принципов присоединила еще раздражение побежденного до кажущегося оправдания крайностям в виде невозможности будто бы мирной деятельности. При таких условиях наркотическая идея политических убийств быстро дошла до последнего своего вывода, и мысль о цареубийстве сразу возникла повсюду, как зародыши эпидемии возникают на пропитанной заразой почве. Эта революционная масса могла тогда пойти лишь за теми, кто не противоречил ее страстям и ненависти. Моя прикосновенность к терроризму была именно уступкой, без сомнения, в высшей степени преступною, такому настроению революционной мысли. Сделать же подобную уступку я был способен, потому что и мой ум и моя совесть, хотя в меньшей степени, были тогда омрачены общим туманом.

С характеризованными выше идеями я прибыл на Лип[ецкий] съезд. Впоследствии Гольд[енберг] [1]) показывал, что съезд имел целью установление планов цареубийства. Это не точно. Съезд имел главной целью организацию нового сообщества, с новой политической программой. Вопрос о цареубийстве был поставлен лишь между прочим и был решен утвердительно, но условно, в зависимости от совершения или

[1]) Григ. Давид.

не совершения политических казней. Новое сообщество было действительно основано под старым названием Исп. Ксмит[ета] сначала, по решению Ворон[ежского] съезда, в виде простого Отдела «Земли и Воли», а потом, по решению съезда СПБ., оно окончательно обособилось. Во всех этих съездах я принимал деятельнсе участие. Выбранный членсм Админ. Ксм[итета] [1]), я участвовал обязательно на всех его заседаниях, между прочим, и на тех, где были решены планы преступных покушений, подготовлявшихся в Од[ессе], Ал[ександровске], Моск[ве] и Зим[нем] Дворце. В исполнении же этих преступлений я не принимал участия. Вообще террористическая деятельность на мне совершенно не лежала. В Админ. Комитете я имел свою особенную часть, сообразно с моими наклонностями. Я именно руководил газетой «Н. В.» [2]), как и вообще имел наблюдение над изданиями сообщества. Мною была редактирована большая часть прокламаций Ксмитета [3]). Я имел первенствующую роль в выработке «Прогр. Исп. Комитета», «Подг. работы Партии», а также программ мелких, сгруппированных около Комитета кружков, в ссновании которых я принимал большое участие. Я участвовал в устройстве типографии сообщества. Я некоторое время, вместе с Ал[ександром] Мих[айловым], вел сношения с Клет[очниковым], предававшим нам планы госуд. полиции. Я играл, помню, первую роль, в так сказать дипломати[ческой] деятельности сообщества, отстаивая его идеи или поступки перед другими группами и фракциями. Наконец, наибольшую часть моих сил и времени поглощало еще одно дело, которое я вел почти в противность желаниям Комитета. Я именно старался создать в самом русском обществе агитацию, а если возможно, то и организацию в пользу конституционного государственного переворота. С целью более удобно действовать я сделался литератором, что мне давало некоторую известность и средства к жизни. Вся эта деятельность, выдвинувшая меня на первое место как организатора так называемой партии «Н. В.», создала мне в ней чрезвычайный авторитет. Но в то же время я стал все холоднее и даже неприязненнее относиться к террору, постоянно грозившему успехам моих планов. Через несколько месяцев я решился выйти из членов Адм[инистрации] [4]), чтобы свободнее отдаться собственной деятельности. Около того же времени, летом 1880 г. я принужден был совершить новое беззаконие, уже не политического характера. Я полюбил девушку Ек. Серг., которая посвятила мне всю жизнь. Будучи нелегальным, я не мог на ней жениться, но, когда моя невеста стала беременною, я решился обвенчаться с нею по своему фальшивому паспорту. В этом ложном положении мы находимся и до сих пор.

---

[1]) Точное «Распорядительная Комиссия», состоявшая из 3-х человек — Тихомирова, Ал. Михайлова и Ал. Квятковского.

[2]) «Народная Воля».

[3]) Тихомировым, между прочим, была написана прокламация после 1 марта 1881 г.

[4]) Так кратко называли в партии Админ. Комитет.

Между тем, наступил страшный день 1 марта 1881 г., я в это время уже давно не состоял членом Администр[ации], так что и голосом не принимал участия в организации злодеяния. Но я о нем знал. Несколько месяцев раньше, когда в Комм[тете] поднялся вопрос о предпринятии нового покушения, я высказался в таком смысле, что начатое в 1879 г.[1]) злоумышление есть роковая ошибка, которая, вероятно, задушит партию, так что при малейшем предлоге отступить с честью Ком[итет] должен покушения прекратить, но в то время я таких предлогов, имеющих малейший вид уступки со стороны прав[ительства] не замечал; что касается планов гр. Лор[ис]-Мел[икова], о кот[орых] ходили лишь очень смутные слухи, мы в действительности их не верили. При таком положении, из которого я не видал исхода, я не противоречил планам нового покушения и их не защищал, не любил даже думать об этом деле, которое, я предвидел, уничтожит все мною созданное. Поэтому я не интересовался даже узнавать о ходе подготовлений злодеяния. Я знал, что мину ведут на Мал. Сад[овой], но у Коб[озева] Богд[ановича] никогда не был, знал о подготовлении бомб, но устройства бомб хорошо не знал и их никогда не видал. На Тележной улице тоже никогда не был. Затем я узнал, мне было сообщено, как и другим членам Комитета, что покушение будет сделано при первом благоприятном случае. Последние перед роковым днем недели две я был в отсутствии из СПБ., отчасти по семейным делам, и случайно возвратился как раз 1 марта, не зная ничего о готовящихся событиях. Лишь случайно пришедший товарищ [2]), завернувший ко мне на квартиру, на Гороховой, сообщил о предполагаемом покушении, а через десять минут грохот взрыва, достигший до наших ушей, подтвердил его слова. Узнавши затем о роковом исходе злодеяния, я был совершенно ошеломлен, чувствуя, что из этого не будет добра. Когда в первые же дни после 1 марта Суханов предложил в Комитете немедленное покушение также на жизнь ваш. имп. вел[ичества], я совершенно воспротивился. Я доказывал, что покушение на жизнь государя, только что вступившего на престол и не успевшего определить своей политики, было бы верхом презрения к праву и справедливости. Тогда возникла другая мысль: изложить ваш[ему] велич[еству] наши желания. Мне было поручено составление этого документа, который был затем опубликован под названием П и с ь м а И с п. К о м и т [е т а] [3]). Между тем, начались усиленные аресты, которые почти истребили Комитет и расстроили кружки, около него собранные. Тогда я сделал попытку восстановить Исп. Ком[итет] [4]), полагая, что

---

[1]) Имеется в виду постановление только что образовавшейся партии «Нар. Воли» об убийстве Александра II, сделанное 26 авг. 1879 г.

[2]) Грачевский.

[3]) «Письмо к Александру III» было составлено Тихомировым, но прошло через редакцию Н. К. Михайловского.

[4]) О восстановлении Исп. Ком. «Н. В.» в Москве см. подр. у В. Фигнер «Запеч. труд», изд. «Задр.», 1922 г., стр. 239—246.

теперь, не связанный никакими террористическими предприятиями, он будет в состоянии серьезно отнестись к планам организации широко раскинутой партии, до сих пор остававшейся пустым звуком. С этими целями я в апреле 1881 г. переехал в Мск. с женой, малолетнюю же дочь, ввиду бесчисленных опасностей нашего положения, я еще раньше кое-как устроил на стороне. Еще прискорбнее было для меня впоследствии мое невольное поведение относительно второй дочери, которую я принужден был подкинуть родным. Все это крайне мучило меня, потому что я и сам любил детей и тем более видел, как из-за меня страдала жена в своих чувствах матери. Тут я лучше стал понимать по собственному опыту, в каком состоянии погрузил своих отца и мать, когда покинул их в 1878 г. Между тем, дело реорганизации Комитета, несмотря на мои усилия, шло мало успешно. Мне опять пришлось основывать кружки, возобновлять газету, вести переговоры с другими группами, раз даже присутствовать в качестве представителя рев. прессы на поддельном якобы соборе «Хр[ист.] Ор[ганизации]» [1]). Во всей этой деятельности мне чувствовалась какая-то фальшь и бесплодность, а в людях невольно поражали их мелкотравчатость. Утомленный и разочарованный, я уехал зимою 1881 г. из Мск. сначала в Казань, а потом в Рос[тов] н-Д., где и прожил, кажется, до августа 1882 г.; за все это время я никакими рев[олюционными] делами не занимался и перестал, наконец, даже знать, что делается в Мск. и Спб., занимался же я исключительно наблюдением России, изучал обычн. право, сделал довольно большую работу о низовьях Дона и, наконец, осенью 1882 г. уехал за границу.

Я рассчитывал, что здесь можно будет устроиться и подумать о пережитом. Рождение сына Александра побуждало тоже усиленно работать для содержания семьи. Но при моем положении в револ[юционном] мире уйти от политики не было возможности. На первых же порах мне пришлось вести переговоры с прибывшим за границу делегатом некоторого кружка, стремившегося побудить революционеров к прекращению террор[истической] деятельности, чтобы тем дать правительству возможность посвятить силы устроению России. Сочувствуя идее, я способствовал, сколько мог, этому господину, который, впрочем, скоро скрылся у меня из виду вместе со своими проектами [2]). Одновременно с этим я приложил силы к поднятию совершенно тогда упавшей революцион. литературы. Я помог своим участием сборнику «На родине», написал еще раньше несколько биографических очерков,

---

[1]) При партии «Нар. Воли» существовала особая организация для пропаганды среди раскольников и сектантов, подходившая к ним с религиозной стороны, опираясь на евангелие. В этой организации особенно большое участие принимал Ф. Крылов (Воскресенский). Партия выпустила специальные брошюры для сектантов. Об этой христианской организации, очевидно, и говорит Тихомиров.

[2]) Переговоры, о которых упоминает здесь Тихомиров, происходили в 1882 г. между «Нар. Волей» и якобы «Земской Лигой», а на самом деле провокационной организацией «Священная Дружина», во главе которой стоял министр

Жел[ябова], Мих[айлова], Перовск[ой] и пр., издал «Кал. Н. В.» [1]), наконец, вместе с эмигр. Лавровым взял в свои руки редактирование журнала «Вестн. Н[ародной] В[оли]». Вмешиваться из-за границы в дела организации и борьбы партии в России я считал недозволительным. Но скоро обстоятельства оказались сильнее моих желаний. Приехавший из России ко мне Сергей Дегаев, не знаю почему и для чего, сознался, что он состоит агентом полк. Судейкина, которому и предал всех революционеров с их планами и организациями. По словам Дег[аева], Судейкин этих сведений не сообщает полностью правительству, так что смерть полковника могла бы спасти большинство выданных ему лиц. Вообще Д[егаев] изображал полковника Суд[ейкина], как честолюбца, готового действовать даже против правит[ельства], о чем я, впрочем, раньше опубликовал подробную статью [2]). Не возвращаясь к этому предмету, я должен лишь сознаться, что с чувством отвращения перед этим сплетением измен я заявил Дегаеву, что его обязанность убить Суд[ейкина], а потом, может быть, и самого себя. Не веря искренности этого патологического человека и полагая, что он сам не знает за час вперед, или окончательно выдаст, я счел обязанностью снова вмешаться в организационные дела, с тем, чтобы спасти возможно большее число из выданных Дегаевым лиц, отчасти вызвавши их за границу, отчасти поместивши их в России вне ведения изменника. Таким образом несколько человек были действительно спасены, а, между тем, Д[егаев], покрывшись своими спб-скими товарищами, из которых я никого, кроме Г. Лопатина, не знал, кончил тем, что действительно совершил убийство полк. Суд[ейкина] [3]). После этого для меня, по тогдашним моим понятиям, наступил последний долг: помочь основанию новой организации, которая была бы составлена не из шпионов и не из нравственно уродливых людей. Насколько умел и насколько дозволял материал, я эту задачу исполнил, вместе с Герм.

Двора гр. И. И. Воронцов-Дашков. Переговоры велись дважды — первый раз через Лаврова с д-ром Нивинским, второй раз через Тихомирова с литератором Николадзе. Целью переговоров было прекращение террора «Н. В.» при условии введения в России конституционного образа правления. О первом должны были позаботиться народовольцы, о втором мнимые земцы. В качестве предварительных условий ставилось между прочим, с одной стороны, воздержание от террора до коронации Александра III, с другой—освобождение Чернышевского. Ни первые, ни вторые переговоры ни к каким практическим результатам не привели. Вскоре после переговоров с Тихомировым была закрыта самая «Дружина». Разоблачение этой организации произошло значительно позднее (в 1911 г.). История переговоров подробно изложена Богучарским. («Из истории политич. борьбы в 70-х и 80-х г.г.», стр. 319—438).

[1]) Все перечисляемые здесь издания были собственно изданы Иохельсоном (Голдовским), правда, при ближайшем участии Тихомирова. Биография Перовской составлена С. М. Кравчинским, а не Тихомировым. (См. об этих изданиях «Музей Революции» вып. 1, ст. Иохельсона.)

[2]) «В мире мерзости и запустения» в № 2 «Вестника Нар. Воли».

[3]) Убийство Судейкина произошло 16 дек. 1883 г. (при участии Стародворского и Конашевича).

Лоп[атиным] и другими лицами в начале 1884 г. в Париже [1]). Между прочим, я был за это время в числе лиц, произведших допрос Дегаеву, бежавшему за границу, и затем до некоторой степени помог ему скрыться. Решение кружка от имени якобы Исп. Ком[итета] относительно того, что Дегаев может остаться в живых лишь под условием никогда больше не вмешиваться в политику, постановлено с моим участием и одобрением. Но текст прокламации, изданной по этому поводу, писан не мною и мною совершенно не одобрялся. Засим кружок выработал с моим участием временную программу, как и вообще признал себя временным. Окончательную организацию и определение своих действий кружок отложил до того времени, когда он будет в России и вникнет обстоятельно в положение дел. При обсуждениях кружка в Париже подымался вопрос, между прочим, о терроре, но без всяких решений, лишь для выяснения мнений. Я тогда в принципе признал полезность террора в некоторых случаях, хотя вообще указывал, что это почва очень скользкая. Что касается таких вещей, как ограбление почт и т. п., кружок, с моим участием, прямо решил бороться против этих безнравственных способов борьбы. Вопрос о цареубийстве, насколько помню, на кружке коллегиально даже не обсуждался. В частных же разговорах я усиленно старался укрепить в умах членов кружка решимость не прибегать более к таким злодеяниям, которые для деятельности организаторской составляют настоящее самоубийство. Вообще я тогда открыто и всем говорил против мысли о цареубийствах. Из остальной деятельности кружка в Париже могу отметить еще свое участие в переговорах, опять-таки под фирмой несуществовавшего Исп. Ком[итета], с польской группой «Пролетариат» [2]). Я не мог серьезно относиться к ребяческим договорам двух групп, из которых одна была столь же ничтожна для России, сколько другая для Польши. Но раз переговоры возникли, совершенно не по моей мысли, я, из принципа и чтобы дать своим более молодым товарищам пример внимания к национальным русским интересам, настаивал, чтобы польская группа признала верховный надзор со стороны русской, а также чтобы поляки отказались от прав вести организацию в Литовских и Белорусских губерниях. По отъезде членов кружка в Россию я на их деятельность влияния не имел и даже плохо ее знал. Но вообще я скоро стал замечать свою несолидарность с нею, так как она, насколько я замечал, представляла лишь сколок с прежней деятельности партии. Я тогда сам еще не понимал, что нужно делать, но ввиду своих сомнений счел необходимым официально выйти из главного кружка летом 1884 г., прося Г. Лопатина даже не пользоваться больше моим именем. С тех пор я ни к каким сообществам больше не принадлежал, и самая литерат. революц[ионная] деятельность моя скоро прекратилась. Сноше-

[1]) Вместо Исполн. Комит. была образована так называемая «Распорядительная Комиссия» в составе 4-х человек: Тихомирова, Лопатина Г., Саловой и Сухомлина.

[2]) Договор был заключен в 1884 г.

ния с различными лицами революционного мира у меня время от времени возникали, так как эти лица обращались ко мне за советами и содействием. Содействия я не оказывал, а советы мои [1]) клонились преимущественно к умиротворению анархистско-террористических наклонностей молодежи. В 1886 г. один человек предложил мне деньги на революц. дела: я ему отвечал советом основать журнал не революционный и не оппозиционный, а просто независимый, с честным изучением России. Позднее одна группа предложила мне редакцию ее изданий под фирмой «Н. В.» Я отказался, советуя оставить это название, так как программа партии очевидно несостоятельна. Я всем и открыто говорил против террористической деятельности. Я говорил о страшном вреде студенческих волнений. Я поощрял и одобрял эмигрантов, ходатайствующих о возвращении в Россию. Такое мое поведение не составляло какой-либо «деятельности», ибо я еще не знал, что нужно делать, а было лишь последствием моего душевного состояния. Я переживал тяжелый период самоуглубления и критики, который, наконец, возродил меня и заставил сознательно и открыто отказаться от революционных идей.

Наблюдая револ[юционную] деят[ельность] как свою, так и других лиц, я и прежде выносил из нее на каждом шагу впечатление то смешного, то тяжелого, иногда—ужасного. Издавна также, еще с 1880—1881 г.г., я нередко подмечал какой-то глубокий разлад между собой и товарищами, на вид так уважавшими меня. Они искренно, конечно, полагали, что мой авторитет велик для них, но в действительности я чем дальше, тем больше чувствовал, что они меня в сущности не понимают, ни моего «национализма» в виде стремления поставить свою деятельность в соответствии с желаниями самой России, ни моего убеждения в необходимости твердой власти, ни моего независимого отношения к европейским фракциям револ. социализма: все это казалось странным. Впрочем, этот разлад существовал и в моей собственной душе, где все, что мой ум вырабатывал самостоятельно, давно боролось с принятыми на веру идеями революции. Этого разлада я не мог уничтожить до тех пор, пока не усумнился, точно ли, как это нам внушалось, наука освящает своим авторитетом эти идеи? Не решив этого, я не мог отречься от революции, и это меня приводило к уступкам революционерам. Неоднократно, понимая ошибочность их деятельности, я все-таки оставался в их рядах, утешая себя надеждою постепенно изменить фальшивые стремления своих товарищей. Так дело тянулось, пока размышления и критика не эмансипировали меня. Чрезвычайную пользу в этом отношении я извлек из личного наблюдения республиканских порядков и практики политических партий. Нетрудно было видеть, что самодержавие народа, о котором я когда-то мечтал, есть в действительности совершенная ложь и может служить лишь средством господства для тех, кто более искусен в одурачивании толпы.

---

[1]) Зач. «сводились».

Я увидел, как невероятно трудно восстановить или воссоздать государственную власть, однажды потрясенную и попавшую в руки честолюбцев. Развращающее влияние политиканства, разжигающего инстинкты, само бросалось в глаза. Все это осветило для меня мое прошлое, мой горький опыт и мои размышления и придало смелости подвергнуть строгому пересмотру пресловутые идеи французской революции. Одну за другой я их судил и осуждал. Я понял, наконец, что развитие народов, как всего живущего, совершается лишь органически на тех основах, на которых они исторически сложились и выросли, и что поэтому здоровое развитие может быть только мирным и национальным. Я понял фальшивость этих идей, которые разлагают общество, развивая беспредельно понятия о свободе и правах личности, тогда как самая даже свобода личности на самом деле возможна лишь в среде крепких нравственных авторитетов, предохраняющих ее от ложных шагов. Я понял, что всякая мысль может развиваться нормально, лишь опираясь на авторитеты, и что, раз подорвавши веру в них, никто не в силах удержать массу от неудержимого развития до последних выводов брошенной в нее идеи беспорядка.

Таким путем я пришел к пониманию власти и благородства наших исторических судеб, совместивших духовную свободу с незыблемым авторитетом в л а с т и поднять превыше всяких алчных стремлений честолюбцев. Я понял, какое драгоценное сокровище для народа, какое незаменимое орудие его благосостояния и совершенствования составляет в е р х о в н а я в л а с т ь, с веками укрепленным авторитетом.

И горькое раскаяние овладело мною.

Оглядывая взглядом мою прошлую жизнь, я сам прихожу в трепет и говорю себе, что для меня нет прощения. Не для оправдания, а лишь взывая к милости, осмеливаюсь сказать, что мое раскаяние беспредельно и нравственные муки, вынесенные от сознания своих ошибок, неописуемы. Лишь эти муки и это раскаяние дают мне силу прибегать к в а ш е м у милосердию, г о с у д а р ь. Я умоляю в а ш е в е л и ч е с т в о отпустить мои бесчисленные вины и позволить мне возвратиться в отечество, а также узаконить мой брак и признать моих детей, невинных жертв моих ошибок и преступлений.

В с е м и л о с т и в е й ш и й г о с у д а р ь, позвольте мне возвратиться к жизни чистой и законной, чтобы я примером этой жизни скромной, полезной, сообразно с долгом верного подданного и обязанностями честного отца и доброго сына, мог изгладить, если не из своего сердца, то из памяти близких тяжкий кошмар моего безумного прошлого [1]).

В. И. В. верноподданный

22 авг.

---

[1]) Кроме прошения царю, Тихомиров послал еще письма П. Н. Дурново и В. К. Плеве, в которых, с одной стороны, тоже кается в своих прегрешениях и заблуждениях, с другой—просит поддержать его ходатайство перед царем.

В подлиннике прошения некоторые слова недописаны. Большинство их нами восстановлено полностью (заключено в квадратные скобки).

ПРИМЕЧАНИЯ.

Александров, Петр Акимович, (1836—1893), присяжный поверенный, выступавший в процессе 193-х и В. Засулич.

Александров, Вас. Макс., один из основателей кружка Чайковского, впоследствии ренегат.

Александров, Никол., чайковец (см. Аптекман «Земля и Воля 70-х г.г.», перв. над., стр. 34).

Анненский, Никол. Фед., родился в 1843 г., общественный деятель, близко стоявший к прогрессивным и революционным кругам в 60—90-х г.г., автор работ по статистике и экономике народнич. направления, член Вольно-Экономич. О-ва. В 1880 г. был выслан в Тару Тобольск. губ. В 1906 году основал с Пешехоновым и Мякотиным партию «народн.-социалистов».

Аптекман, Осип Вас., род. в 1849 г., народник, землеволец, а после раскола «З. и В.» — черноперелец, затем с 90-х г.г. с.-д. В последние годы работает по истории революционного движения 70 г.г. См. его автобиографию в «Мат. для биографич. словаря с.-д.» под редакцией В. И. Невского.

Астафьев (Шурочка)—повидимому, тот студент, которому, по рассказу Морозова, было поручено под видом редактора «З. и В.» переговорить с провокатором Рейнштейном, намеревавшимся открыть и предать редакцию «З. и В.» (Морозов, Повести моей жизни, т. IV).

Баранников, Александр Ив., (Ашурников) (1858—1885) землеволец, участвовал в убийстве Мезенцева, в 1878 г., после Воронежского съезда—народоволец, принимал участие во всех террористических актах партии. Арестованный в 1881 г. судился по процессу 20-ти и, приговоренный к бессрочной каторге, заключен в Шлиссельбургскую крепость, где вскоре умер. Оставил завещание, которое напечатано у Бурцева: «Былое» (загран.), вып. 1: переиздано Ростов на-Дону 1906 г.

Березовский, Антон, участник польского восстания 1863 г. 25 мая 1867 г. покушался на убийство Александра II в Париже за подавление восстания. Французский суд приговорил его к пожизненной каторге. В 1906 году амнистирован.

Богданович, Юрий Никол., (Кобозев), (1850—1888). Народник-пропагандист, затем—народоволец. Участвовал в событии 1 марта 1881 года вместе с Якимовой под видом владельцев сырной лавки Кобозевых. После убийства Александра II скрылся, но потом арестован и судился по процессу 17-ти в 1883 г. Присужденный к бессрочной каторге заключен в Шлиссельбургскую крепость, где умер от чахотки.

Боголюбов (Емельянов), Архип Петр., студент, который был арестован на улице, случайно проходя уже по окончании Казанской демонстрации 1876 г., и подвергнут затем телесному наказанию по распоряжению Трепова за то, что не встал при входе его в камеру. (См. подр. в V т. «Красного Архива» «Письма 193-х»). Приговоренный к 15 годам каторги, в 1880 г. сошел с ума.

Богучарский, Вас. Яковл., (Яковлев). Известный историк и исследователь русского революционного движения, главным образом, народнического периода («Земля и Воля», «Народная Воля»). Умер в 1915 году.

Брантнер, Людвиг, народник-бунтарь, казнен 14 мая 1879 г. по обвинению в вооруженном сопротивлении в Киеве на Жилянской ул. См. о нем Дебагорий-Мокриевич. «Воспоминания», стр. 403—404.

Бурцев, Владимир Львович, род. в 1862 г., историк и исследователь русского революционного движения. В настоящее время живет за границей, где ведет борьбу против Советской России и за интервенцию.

Бух, Никол. Конст., землеволец, затем народоволец. По делу 16-ти в 1881 г. приговорен к 15 годам каторги. В 1890-х г.г. вернулся в Петербург.

Быковцев, Николай (Николка), народник, землеволец, работал в Саратове, участвовал в убийстве харьковского губернатора Кропоткина. См. предисл. Аптекмана к «Черному Переделу», стр. 73—78.

Веймар, Орест Эдуардович, врач. Привлекался по делу об освобождении П. А. Кропоткина и убийстве Мезенцева и в 1880 г. осужден на каторгу. Умер в 1885 г. в Сибири.

Венцковский, издатель журнала «Начало», изд. в 70-х годах в Петербурге, «органа русских революционеров».

Власовский, Ал. Ал., московский обер-полицеймейстер в 90-х годах.

Войнаральский, Порфирий Иван., (1844—1898) народник-пропагандист, пожертвовавший на дело революции все свое состояние (40.000 р.), организатор трудовых ассоциаций. По делу 193-х приговорен к 10 г. каторги. Поселение отбывал в Якутской обл., занимаясь адвокатурой и сельск. хоз. В 1897 г. вернулся в Европ. Россию (см. Деб.-Мокр., «Воспоминания» II., 1906 г. Синегуб, «Воспоминания» и «Былое» 1906 г. № 10).

Гейкинг, начальник жандармского управления в Киеве в 70-х годах.

Гельфман, Геся, (1854—1882 г.). Привлекалась по делу 50-ти в 1877 г. и приговорена к ссылке в Старую Руссу, откуда бежала. Вторично судилась по делу 1 марта 1881 г. и приговорена к смертной казни, отсроченной до рождения ребенка. Разрешившись от бремени, вскоре умерла от физических и моральных мучений крепостного режима.

Гольденберг, Гр. Давид. народоволец, участвовал в покушении на Александра II в Одессе в 1879 г. (подкоп). Арестованный в этом году и заключенный в Петропавловскую крепость, на допросах давал откровенные показания.

Голдовский, Вен. (Иохельсон), народоволец, работал в типографии «Нар. Воли» за границей наборщиком и занимался изданием партийной литературы (Календ. «Нар. Воли», биографии Перовской, Желябова, Михайлова).

Гольсмит, Исидор, редактор радикальн. журналов «Слово» и «Знание», впоследствии ренегат.

Головин, Аркадий Алекс., народник-пропагандист, привлекался по делу 193-х.

Глаголь, Сергей (Голоушев, Серг. Серг.), народник-пропагандист, привлекался по процессу 193-х. Впоследствии автор статей по искусству и театру.

Грачевский, Мих. Фед., (1849—1887) народник-пропагандист, затем народоволец. По делу 193-х освобожден после $3^1/_2$ лет предварительного заключения и работал в Одессе. Отсюда выслан в Архангельскую губернию. В 1879 году бежал и поселился в Петербурге и работал техником по изготовлению разрывных снарядов с Кибальчичем. В 1882 г. был арестован после обнаружения динамитн. мастер. у Прибылевой и предан суду в 1883 г. (д. 17-ти). Суд приговорил его к пожизненной каторге. Заключенный в Шлиссельбургскую крепость, кончил самоубийством, (см. «Процесс 17-ти народовольцев», «Былое» 1906 г. № 11).

Грибоедов, Николай Алексеев., (1842—1901 г.). Примыкал к «З. и В.» и активно участвовал в организации ряда побегов револ. деятелей: жены Лаврова, Лопатина, Г., Чернышевского (неудачно). В войну 1877—1878 г.г. был на фронте добровольцем, а по возвращении жил в Петербурге и, состоя на службе, продолжал сношения с революционными деятелями и оказывал им содействие.

Гриневицкий, Игнатий Иохимович, (1856 — 1881 г.), присоединился к партии «Н. В.» вскоре после ее возникновения и принимал активное участие во всех ее предприятиях (пропаганда среди рабочих, работа в типографии «Рабоч. Газеты», 1 марта 1881 г.).

Грязнова, Мария Вас., из крестьян Тверской губ. В 1880 г. арестована по делу типографии «Н. В.», за принадлежность к партии и за вооруженное сопротивление присуждена к 15 г. каторги с заменой поселением («Процесс 16-ти» под редакц. Бурцева).

Добровольский, Иван Иванович, род. в 1849 г., врач, народник-пропагандист. Привлекался по делу 193-х, освобожден под гласный надзор. Затем после конфирмации приговора приговорен к 9 годам каторги, но скрылся за границу, где и оставался до возвращения в Россию в 1905 году. Жил за границей, почти все время в Женеве, сотрудничая в русских периодических изданиях «Дело», «Порядок», «Отечественные Записки», «Русская Мысль», «Русские Ведомости». под псевдонимом «Денисов», И. Д.

Драгоманов, Михаил Петрович, профессор и политический деятель, украинофил-федералист, редактор украинского журнала «Громада», издав. в Женеве в 70-х годах, и автор научных трудов по истории, литературе и фольклору. С 1876 г. эмигрант. (Автобиография в «Былом», 1906 г. № 6). Умер в 1895 г.

Дрентельн, А. Р., шеф жандармов, заместитель Мезенцева.

Дурново, Петр Николаевич, директор департамента полиции (1884—1895 г.) товарищ министра внутренних дел в 1900 г. и министр внутренних дел в кабинете С. Ю. Витте, (1905—1906). См. о нем: «Воспоминания» Витте, т. I и II, Госиздат, Москва, 1923 г.

Емельянов, Иван Пантелеймонович, сын псаломщика. В 1880 г. примкнул к партии «Народной Воли» и принял участие в деле 1 марта 1881 г. Преданный суду в 1881 г. по делу 20-ти народовольцев, приговорен к бессрочной каторге, отбывал ее сначала в Петропавловской крепости, затем на Каре. В 1889 г. подал прошение о помиловании.

Жебуновы, братья Сергей, Николай и Владимир Александровичи, народники-бунтари; организаторы в Цюрихе в 70-х гг. кружка «сен-жебунистов», потом работавшие на юге. Привлекались по делу 193-х. С. А. сослан в Тобольск. губ., Н. А. скрылся до суда (см. Старик, «Движение 70-х г.г. по Большому процессу»; «Былое», 1906 г. № 11).

Жебунова, Мария Александровна, жена В. А. Жебунова.

Желябов, Андрей Иванович (1851—1881 г.), главный организатор террористических актов «Н. В.» после ареста А. Д. Михайлова. Революц. деятельность начал в 1873 г., вступив в кружок Волховского в Одессе. Арестованный в 1877 г. был привлечен по д. 193-х и оправдан. Вступив в партию «Н. В.», кроме террора, много занимался организацией партии и пропагандой социализма среди рабочих (им основана «Раб. Газета» в 1880 г.). Арестован 27 февр. 1881 г. во время приготовлений к 1 марта. Казнен 3 апр. 1881 г.

Жуковский, Николай Иванович, (1842—1895 г.), друг Герцена, эмигрант с 1863 г., бакунист, по направлению, член юрской федерации Интернационала, деятельный участник эмигрантских организаций и изданий («Народное Дело», «Община») См. Кропоткин: «Записки революционера», П., 1906 г.

Зайчневский Петр Григор, (1842—1896 г.), революционер - «якобинец» (см. о нем «Политические процессы 60-х г.г.», изд. Центрархива, 1923, вып. I, стр. 137—141).

Засулич, Вера Ивановна, (1851—1919 г.). Первый раз была арестована в 1869 г. в связи с делом Нечаева и выслана в Тверь. В 1879 г. вошла в «З. и В.», а после раскола ее примкнула к «Черному Переделу». С 1880 г. поселилась за границей, где принимала большое участие в «Кр. Кресте» «Н. В.». В 1883 г. вошла в с.-д. гр. «Освобождение Труда», как учредительница. В 1900 г. входила в состав редакции «Искры», примыкая к Плеханову. Ей принадлежит ряд работ: «Руссо», «Вольтер», «По истории международного общества рабочих» и др.

Златопольский, Савелий Соломонович, (1858—1885 г.). В 1879 г. вступил в партию «Народной Воли» и работал на юге, в Одессе. В 1882 году арестован и в следующем году предан суду в числе 17-ти народовольцев. На суде заявил о конституции, как о ближайшей цели партии. Присужден к бессрочной каторге и заключен в Шлиссельбурге, где и умер. (См. «Процесс 17-ти», «Былое» 1906 г. № 10).

Зунделевич, Арон Исаакович (**Мойша**). Главный организатор двух тайных типографий: землевольческой и народовольческой (в Саперн. пер.), а также транспорта революционной литературы и переправы революционеров за границу. Привлекался по делу 16-ти в 1880 г. и приговорен к бессрочной каторге. В 1906 г. вернулся из поселения и уехал за границу. Умер 30 авг. 1923 г. в Лондоне. (Некрологи: «Каторга и ссылка», 1924 г. № 18, стр. 213—220).

Иванова, Софья Андреевна (**Борейша**), род. в 1857 г. В революционном движении принимала участие с начала 70-х годов в качестве наборщицы в типографии Мышкина. Привлекалась по делу Казанской демонстр., 193-х, 16-ти. По последнему делу приговорена к 4 годам каторги, затем на поселение, по отбытии которого вернулась в Россию.

Ивичевичи братья, Иван и Игнат, члены кружка Осинского и киевского Исп. К-та, бунтари. Иван участвовал в покушении на Котляревского. При аресте 11 февр. 1879 г. в Киеве на Жилянской ул. во время вооруженного сопротивления оба умерли от ран. (См. Деб-Мокр. «Воспоминания», Пб., 1906 г.).

Игнатов, Вас. Николаевич, (1850—1885 г.), землеволец, потом черноперелец, наконец, в 1883 г. один из 5 учредителей с.-д. группы «Освобождение Труда».

Исаев, Григорий Прокофьевич, (1856—1886), народоволец, террорист, входил в состав группы техников Исполнительного Комитета, специалист по изготовлению разрывных снарядов. Участвовал во всех главных террористических актах партии, направленных против Александра II. Преданный суду по делу 20-ти в 1882 г. присужден к бессрочной каторге, заключен в Шлиссельбурге, где и умер от чахотки. (См. процесс 20-ти, «Былое» 1906 г. № 1, В. Фигнер. Г. П. Исаев, «Голос Минувшего», 1917 г. № 9—10).

Квятковский, Александр Александрович, (1852—1880 г.), народник-пропагандист, затем землеволец, наконец, народоволец и чл. Исп. К-та партии, очень видный и активный член «Народной Воли». Арестованный в 1879 г. и судившийся по процессу 16-ти в 1880 г. вместе с Пресняковым приговорен к смертной казни и казнен 4 ноября 1880 г.

Кибальчич, Николай Иван., (1854—1881 г.). С 1878 г. перешел на нелегальное положение. С образованием «Народ. Воли»—вступил в нее и заведывал динамитной мастерской Исп. К-та. Участвовал во всех главнейших террористических актах партии. Им изготовлены были бомбы для 1 марта. Казнен по процессу 1 марта.

Каблиц (Юзов), Иосиф Иван., теоретик народничества. («Основы народничества», т. I (1882) т. II (1898), бунтарь. Привлекался по делу 193-х. В 80-х годах отошел от революционного движения и перешел в лагерь консерваторов.

Катков, Мих. Никифор., (1818—1887), профессор философии московского университета, сначала либерал, член кружка Белинского, потом реакционер и вдохновитель реакции 70—80 г.г., редактор «Московских Ведомостей» и журн. «Русск. Вестник» (с 1851 г.).

Клеменс, Дмитрий Александрович (1847—1914 г.), народник-пропагандист, входил в состав редакции «Земля и Воля». Арестованный в 1879 г., был сослан в Сибирь и в ссылке занимался научной деятельностью. В Иркутске организовал местный музей и состоял правителем дел Вост.-Сибир. Отделения Русского Географического О-ва. В 1894 г. вернулся в Петербург и состоял хранителем музея антропологии и этнографии при Академии Наук, причем руководил 2-мя экспедициями в Монголию и Вост. Туркестан. В 1900 г. организовал этнографический отдел при музее Александра III.

Клеточников, Николай Васильевич, чл. партии «Нар. Воля» и служивший в 3 отделении. Привлеченный к д. 20-ти в 1882 г., приговорен к 20 г. каторги.

Колодкевич, Ник. Иван., (1850—1884). Еще студентом в Киеве состоял в кружке «чайковцев» и занимался революционной пропагандой. С 1875 г. привлекался несколько раз, в том числе по Чигиринскому делу, но успевал скрываться. После Липецкого съезда «Земли и Воли», вступил в «Нар. Волю», был членом Исп. Ком-та. За участие в деле 1 марта 1881 г., судился по процессу 20-ти и был присужден к пожизненному заключению в Петропавловскую крепость, где вскоре умер.

Корба-Прибылева (урожденная Мейнгардт), **Анна Павловна,** род. в 1851 г. К революционному движению примкнула в 1879 г., вступив в партию «Нар. Воли». Принимала активное участие во всех предприятиях партии. В ее квартире помещалась динамитная мастерская, в связи с которой она и была привлечена в 1883 г. (Процесс 17-ти). Присуждена к 20 годам каторги. После 1905 года вернулась в Европейскую Россию. (См. «Воспоминания» ее «Былое», 1906 г. №№ 1 и 4).

Котляревский, товарищ прокурора киевского военно-окружн. суда.

Кравчинский, Сергей Михайлович (Степняк), (1850—1894) землеволец, член ред. «Земля и Воля». После убийства Мезенцева уехал за границу, где поддерживал связи с революционными организациями, в частности с «Нар. Вол.», но сам не входил ни в одну из них, занимаясь исключительно литературной работой. Им написано несколько беллетристических произведений из жизни революционеров («Андрей Кожухов»), «Подпольная Россия», ряд статей в газетах и в журналах за границей. Умер случайно: попал под трамвай, проходя по улице в Лондоне.

Кропоткин, харьковский губернатор.

Кропоткин, Петр Алексеевич, чл. кружка «чайковцев», потом анархист. Арестованный в 1874 г. за пропаганду среди петр. рабочих, был заключен в крепость, откуда бежал и эмигрировал за границу и, прожив здесь до 1917 г., составил себе крупное имя, как теоретик анархизма. Умер в России в 1921 г.

Крылова, Мария (**Мария Розанова, «Тетка Марья»**), работала в революционных организациях в качестве лучшей наборщицы (типогр. «З. и В.» и «Черн. Передела», Привлеченная по делу Каракозова (1866 г.), была сослана на север, откуда в 1874 г. бежала. В 1880 г. арестована по делу типографии «Черн. Пер.» и сослана в Иркутск.

Крылов (Воскресенский), Феофан, из крестьян, сектант, хотел обосновать социализм на евангелии и, входя в рабочую группу «Н. В.» в 80-х годах в Москве, вел пропаганду среди московских раскольников и рабочих. В 1886 г. был арестован и сослан в Сибирь (См. Волков, «Народовольческая пропаганда среди московских рабочих в 1881 г.» «Былое», 1906 г. № 2).

Лавров, Петр Лаврович, (1823—1900), проф. Михайловской артилл. академии, а потом политический деятель, чл. 1-го Интернационала и глава народнической фракции «лавристов», автор «Истор. писем» (Миртов). Арестованный в связи с выстрелом Каракозова и высланный в г. Кадников, он в 1870 г. эмигрировал за границу, где прожил до самой смерти. За границей являлся центром русской эмиграции и душой революционных предприятий (изд. жур. «Вперед», агитация против выдачи Гартмана, органа. загранични. отд. «Красного Креста» «Н. В.», издание «Мат. для истории русск. соц.-револ. движения»).

Ланганс, Мартин Рудольфович, (1853—1884), народник-пропагандист, затем народоволец-террорист. Начал работать в революционных организациях с 70-х гг. Привлекался по делу 193-х и оправдан. В 1879 г. выслан в Пруссию, откуда вернулся в 1880 г. и вступил в партию «Нар. Воли», принимая участие во всех покушениях на Александра II. В 1881 г. приговорен к 20-летней бессрочной каторге и заключен в Алексеевский равелин, где умер от чахотки (См. С. Русова «Мартин Ланганс», «Былое», 1906 г. № 5).

Лебедева, Татьяна Ивановна, (1850—1887), народница-пропагандистка, затем член партии «Народной Воли», привлекалась по делу 193-х и сослана на поселение. С 1879 г. вступила в «Народную Волю» и принимала активное участие в покушениях на Александра II, главным образом, по приготовлению снарядов. В 1880 г. по процессу 20-ти присуждена к бессрочной каторге на Каре, где умерла от цынги. (См. «Отчет о процессе 20-ти и дополнение Фроленко»—«Былое», 1906 г. № 6. Первый Женский Календарь на 1907 г.).

Лермонтов, Феофан Никандрович, (1848—1878), из крестьян, народный учитель, «незаурядный человек», «один из воротил в кружках молодежи в 1870—73 гг.». (С и не г у б. «Восп.», «Былое», 1906 г., X). Сначала—чайковец, потом—«бунтарь». Привлекался по делу 193-х. По дороге в ссылку умер в 1878 г.

Лизогуб, Дмитрий Андр., (1850—1879 г.), из богатой помещичьей семьи, социалист по убеждениям, примкнул к «З. и В.» и принял активное участие в террористических актах южной группы Осинского. Пожертвовал на это дело 50.000 руб. Арестованный летом 1878 г. в Одессе, он был привлечен по делу одесского кружка террористов (28 челов.) и при отсутствии улик был приговорен к смертной казни и казнен 10 авг. 1879 г.

Лубкин, Абрам (Птица), (1857—1880), наборщик в типографии «Нар. Воли». Застрелился во время разгрома типографии в 1880 г.

Любимов, Николай Алексеев., профессор физики московского университета, публицист «Москов. Ведом.» и автор книги «Крушение монархии во Франции», реакционного направления.

Любатович, (Джабадари по мужу) **Ольга Спиридоновна,** род. в 1854 г., член Цюрихского русского кружка (фричи). Как народница-пропагандистка привлекалась по делу 50-ти, осуждена на поселение в Тобольскую губ. После раскола «З. и В.», вступила в «Народную Волю». В 1881 г. арестована и выслана в Вост. Сибирь. После 1905 г. вернулась в Ев. Россию (См. «Далекое и недавнее», «Былое», 1906 г. №№ 5—6).

Мартынов, Сергей Вас., род. в 1856 г., врач, член Исп. К-та «Народной Воли» после 1 марта 1881 г. Арестован в январе 1882 г. вместе с Теллаловым. После 3 месячн. предварительного заключения в Петропавловской крепости, сослан в Енисейскую губ. на 5 лет. Вернулся в Евр. Россию в 1893 г., работал земским врачем и гласным. За речь о народном представительстве в сельск.-хоз. ком. (1902 г.) выслан на 3 года в Архангельскую губернию. После 1905 г. вернулся к прежней врачебной деятельности, сотрудничал в периодическ. издан. (См. В. Фигнер «Запеч. Труд», стр. 250—251).

Мартыновский, Сергей Иван., род. 1859 г. Привлекался по делу 16-ти в 1880 г. и приговорен к 15 г. каторги, увеличенной 6 годами за попытку бежать. По манифесту 1891 г. поселен в Забайкальск. области, где поступил на службу на Сиб. ж. д.

Мезенцев, Николай Владимирович, шеф жандармов.

Михайлов, Адриан Федор., род. в 1853 г., землеволец. В 1880 г. судился по делу об убийстве Мезенцева и приговорен к 20 г. каторги, которую отбывал на Каре. По манифесту 1894—95 г. поселен в Забайкальской Области в Чите. В 1906 г. во время действий карательной экспедиции Ренненкампфа приговорен к заключению на 1 г. В 1907 г. вернулся в Евр. Россию.

Михайлов, Алекс. Дмитр., (1856—1887). Арестован 28 нояб. 1880 г. Судился по процессу 20-ти в 1882 г. Приговорен к бессрочной каторге и заключен в Шлиссельбургской крепости, где и умер.

Михайлов, Тимофей, (1859—1881 г.), из крестьян, рабочий. Сначала вел пропаганду среди рабочих, затем по рекомендации Желябова вступил в боевую дружину «Народной Воли». Назначенный метальщиком бомб в день 1 марта ушел с своего пункта. Привлеченный по этому делу, казнен вместе с другими 3 апреля 1881 г.

Морозов, Николай Александрович, род. в 1854 г. Революционную деятельность начал с 1874 г. в кружке «чайковцев». Привлекался по делу 193-х. В «Нар. Воле» с 1873 г. Арестован в 1881 г. и судился по делу 20-ти в 1882 г. Освобожден из Шлиссельбургской крепости 28 окт. 1905 г. В настоящее время занимается научной работой.

Мощенко, Никандр Платонович, народник из харьковско-ростовского кружка, затем землеволец. Около 1880 г. арестован и сослан в З. Сибирь, затем поселился в Перми (Аптекман, «З. и В. 70-х г. г.», пер. изд., стр. 203.).

Мышкин, Ипполит Никитич, (1848—1885). Один из выдающихся революционных деятелей народнической эпохи. С его именем связана попытка освобождения Чернышевского в 1885 г. и ряд протестов, начиная с суда 193-х и кончая последним в Шлиссельбургской крепости в 1884 г., когда он бросил тарелку в смотрителя и был за это расстрелян.

Натансон, Марк Андреевич, род. 1830 г. По возвращении из ссылки, поселившись в Саратове, основал в (1890-х г. г.) партию «Народное Право». Весной 1894 г. партия была разгромлена и Н. в числе других сослан. (Аптекман: «Партия Н. П.» «Былое» 1907 г. № 7) Позднее входил в ЦК с.-р.

Натансон, Ольга Александровна, (урожденная Шлейснер), (1851—1880) (первая жена М. А.) Арестована в окт. 1878 г. в связи с убийством Мезенцева и привлеченная вместе с доктором Веймаром, присуждена к каторге, но умерла в предварительном заключении.

Оболенский, Леонид Егоров (М. Н. Красов), (1845—1916), писатель-философ и поэт. В течение 1879—1891 г. г. издавал журнал—«Свет», «Мысль» и «Русское Богатство».

Оболешев (Сабуров), Алексей Дмитр. (1854—1881 г.), землеволец (конституционалист). Арестованный в окт. 1879 г. в связи с убийством Мезенцева, посажен в Петропавловскую крепость. Приговоренный по делу Веймара и А. Михайлова в 1880 г. к каторге, умер в пересыльной тюрьме.

Ольхин, А. А. (1839—1885), присяжный поверенный, выступавший по делу о «Казанской демонстрации» 1876 г. и по д. 50-ти. В 1879 г. арестован и выслан в Вологду, затем привлекался по делу Мирского (покушение на Дрентельна), писал стих. на гражданские темы («У гроба» «На смерть Мезенцева»).

Осинский, Валерьян Андр., (1853—1879), пионер террора, как системы борьбы, и главный организатор террористических актов на юге. Арестованный 24 янв. 1879 г. в Киеве и преданный военному суду, приговорен к смертной казни и повешен 14 мая того же года.

Ошанина, Мария Николаевна (Оловенникова, Кошурникова, Полонская, Марина Никоноровна). В 1882 г. эмигрировала за границу, где вместе с Л. Тихомировым они составляли центр «Старых народовольцев». Умерла в Париже в 1898 г.

Перовская, Мария Львовна, сестра Софьи Львовны.

Перовская, Софья Львовна, (1854—1881). В первый раз была арестована в 1873 г. и отдана на поруки матери, но в 1877 г. привлечена по д. 193-х. и оправдана. В партию «Н. В.» вступила в конце 1879 г. и участвовала во всех террористических актах партии. После ареста Желябова была главной организаторшей покушения 1 марта. Казнена 3 апр. 1881 г.

Плеханов, Георгий Валент., (1857—1918 г.). После раскола «З. и В.» примкнул к «Черн. Переделу» и эмигрировал за границу. Здесь был одним из основателей с.-д. группы «Освобождение Труда», затем входил в «Союз русских с.-д.» С 1900 г. входил в состав ред. «Искра» и «Заря». После 2-го Съезда с.-д. примкнул к меньшевикам. В 1917 г. вернулся в Россию, где образовал особую с.-д. группу «Единство».

Подлевский, Антон Александрович, из польской революционной семьи (отец и дядя—участники польских восстаний). Арестованный во время массовых арестов в 70-х годах среди народников-пропагандистов, не перенесши одиночного заключения, умер 28 февр. 1878 г. С его похоронами связана демонстрация, — во время похоронной процессии полиция старалась отнять гроб у несшей его молодежи.

Попко, Григорий Анф., (1852—1885), народник-пропагандист, затем «политик»-террорист. Работал на юге в кружке Осинского. Привлекался по делу Лизогуба и Чубарова 1879 г. и приговорен к бессрочным каторжным работам на Каре. Попытка бежать привела к усилению наказания — он был закован в кандалы и прикован к тачке; истощив силы в протестах и от лишений скоро умер. (См. Стеблин-Каминецкий. Биография. «Былое» 1907 г. № 5).

Попов, Мих Род., род. в 1851 г., один из видных революционных деятелей эпохи «Земля и Воля» и «Нар. Воля». Занимался пропагандой главным образом, среди рабочих Петербурга; вместе с Плехановым организовал стачку в конце 70 г.г. По вступлении в «З. и В.», тяготел к «деревенщикам» и после раскола «З. и В.» не примкнул к «Н. В.», но затем агитировал за соединение расколовшихся организаций. Арестованный в 1880 г., судился по делу 21-го и был приговорен к бессрочной каторге, которую отбывал на Каре, Петропавловске и Шлиссельбурге до 1905 г., когда был амнистирован и вышел на волю. (См. его ст. «Из моего революционного прошлого», — «Былое» 1907 г. № 5—7).

Преображенский, Алексей Иван. (Юрист), землеволец, затем черноперелец. В 1881 г. вступил в Южно-Русский Союз рабочих Щедрина и Ковальской в Киеве и по этому делу сослан на каторгу. Умер в 90-х годах в Иркутске.

Рафаил, народник-бунтарь из харьковско-ростовского кружка, «хороший пропагандист», (Аптекман «З. и В. 70-х г.г.», 91); фамилия его неизвестна.

Рейнштейн, Ник. Вас., провокатор. Вращаясь среди рабочих и в революционных организациях, он поступил агентом в III отделение с целью выдачи революционеров. Им выдан В. Обнорский. Выдача же членов «Земли и Воли» была предупреждена убийством его в Москве в 1879 г. (См. о нем Морозов, «Повести моей жизни», т. IV, стр. 258—260).

Романенко, Герасим, член Исп. К-та «Нар. Воли» после 1 марта 1881 г. После ареста Гольденберга (1879 г.) вскоре уехал в Швейцарию, где сблизился с Моровым Н. А. и выпустил вместе с ним брошюру «Террористическая борьба». См. В. Фигнер. «Запеч. труд.», стр. 251—252).

Рысаков, Николай Иванович, (1861—1881), присоединился к партии «Нар. Воля» в январе 1881 г. по рекомендации Желябова. Сначала работал в «Рабочей группе» и вел пропаганду среди рабочих, затем выполнял специальные поручения Исполнительного Комитета и, наконец, был назначен метальщиком 1 марта 1881 г. Казнен вместе с др. первомартовцами 3 апр. 1881 г. На допросе оговорил товарищей.

Сентянин, народник, террорист из кружка Осинского. 26 мая 1879 г. умер в Петропавловской крепости, заключенный по обвинению в принадлежности к киевскому Исп. Комитету.

Сергеева, Екатерина Дмитр., жена Л. Тихомирова, чл. Исп. Ком. партии «Н. В.».

Сердюков, Анатолий Иван., пионер в деле социалистической пропаганды среди рабочих в Петербурге в 70-х г.г. и один из учредителей кружка «чайковцев». Привлекался по делу 193-х, сослан в Тверь. В 1873 г. кончил самоубийством (Лавров П. «Народники-пропагандисты», М. 1907).

Сидорацкий, Гр. Петр. Привлекался по делу 50-ти. Умер во время демонстрации после оправдания В. Засулич — оказался застреленным.

Синегуб, Сергей Силович, (1853—1907), народник-пропагандист, работавший, главным образом, среди рабочих, псат. Привлеченный по делу 193-х, отбыв 5-летнее предварительное заключение, он от имени товарищей отказался от участия в суде. В 1878 г. отправлен на каторгу в Кару. С 1880 г. перешел на поселение и служил на приисках в Чите, затем переселился в Томск. (См. его «Воспоминания» «Былое» 1906 г. №№ 8—10.

Соловьев, Александр Константин., (1846—1879), народник-революционер. Покушение на Александра II в 1879 г. совершил по личной инициативе, независимо от организации. Казнен публично 25 мая 1879 г.

Стефанович, Яков Васильевич, род. в 1853 г. народник-пропагандист, организатор народного восстания на юге с помощью подложных манифестов (Чигиринское дело). В 1877 г. арестован, но бежал и эмигрировал за границу. В 1879 г. вернулся в Россию и примкнул к «Земле и Воле», затем был в «Черном Переделе» и наконец, вошел в «Народную волю». В 1882 г. арестован и после

суда 17-ти в 1883 г. приговорен к 8-летнему сроку каторжных работ на Каре. В 1890 г. переведен на поселение в Якутскую область, в 1903 г. вернулся в Россию.

Судейкин, Георгий Порфир., инспектор секретной полиции, организатор провокации в 80-х г.г. Убит Дегаевым 16 дек. 1883 г.

Суханов, Никол. Евг., (1853—1882), лейтенант флота, один из главных организаторов центрального военного кружка «Н. В». и ближайший сотрудник Желябова по террористическим актам партии. Арестован в 1881 г., судился по процессу 20-ти и был расстрелян.

Сухоруковы. Под этой фамилией Гартман и Перовская поселились в Москве (I-товарная) в 1879 г. во время устройства здесь подкопа для взрыва царского поезда.

Теллалов, Петр Абрамович, (1853—1885 г.). Вступил в партию «Нар. Воли» в 1879 г. и принимал участие в покушениях на Александра II, крупный организатор-пропагандист. В 1881 г. работал в Москве и устроил здесь «рабочую группу» партии «Народн. Воли». Предан суду по делу 17-ти и приговорен к бессрочной каторге в крепости (Петропавловской и Шлиссельбургской), где умер от чахотки. (См. процесс 17-ти, «Былое» 1906 г. № 10.)

Тихонравов, Николай Саввич, (1832—1893), историк русск. литературы, профессор московск. ун-та и академик, ректор м. у. (1877—1883). Р у д н е в «Н. С. Тихонравов».

Андреев, содерж. кофейни, в которой находились бомбисты 1 марта 1881 г.

Тищенко, Ю. М. (Титыч), народник из харьковско-ростовского кружка, «упорный деревенщик» (Аптекман). В 1876 г. вошел в «З. и В.». В начале 80-х гг. уехал за границу, по возвращении откуда в 1882 г. был арестован и сослан в Туркестанский край. После «выдвинулся как крупный и выдающийся культурный деятель» (постройка школ, больниц, дорог) (Аптекман, «З. и В 70 гг.», перв. изд., стр. 87—90, 171—172).

Трепов, Федор Федорович, петербургский градоначальник.

Тригони, Михаил Николаевич, родился в 1850 г., адвокат. В 1880 г. присоединился к партии «Нар. Воля». 27 февраля арестован и привлечен к суду по делу 20-ти, приговорен к 20 годам каторги, которую отбывал в Шлиссельбургской крепости, затем был сослан на о. Сахалин. После занятия Сахалина японцами в 1905 г. уехал в Одессу. (Т р и г о н и «После Шлиссельбурга», «Былое» 1906 г. № 9).

Фигнер, Вера Николаевна, род. в 1852 г., начала революционную деятельность с 1873 г. в народнических кружках, затем вошла в «З. и В.», а после раскола ее в «Н. В.». В 1881 г. состояла в военном центре «Н. В.». Арестована в 1883 г. и судилась по делу 14-ти в 1884 г. Освобождена из Шлиссельбургской крепости 29 сентября 1904 г.

Чайковский, Никол. Васильевич, род. в 1850 г., член народнического кружка «чайковцев». Вскоре эмигрировал за границу, где находится до сих пор. В Лондоне он образовал вместе с другими «Фонд вольной русской прессы», в конце 80-х годах.

Чарушин, Николай Аполлонович, род. в 1853 г., народник-бунтарь. Привлекался по делу 193-х и приговорен к 9 годам каторги с зачетом предварительного заключения. В 1881 г. по отбытии каторги на Каре, перешел на поселение, затем вернулся в Ев. Россию. (См. С. Л. Ч у д н о в с к и й. «Отрывки из воспоминаний «Наша Страна», 1901 г. № 1.).

Ширяев, Степан Григорьевич, (1857—1881), народник, занимался пропагандой среди рабочих Петербурга, затем вступил в партию «Нар. Воля» и работал в качестве техника по изготовлению динамита. Принимал ближайшее и активное участие в подкопе для взрыва царского поезда в Москве 19 ноября 1879 г. Преданный суду в 1880 г., приговорен к бессрочной каторге и заключению в Алексеевском равелине, где вскоре умер от чахотки.

Харизоменов, Сергей Андреевич, кончил московский ун-т в 1876 г. и тогда же вошел в основную группу «З. и В.», причем им была составлена программа партии. (Первая редакция 1876—1877 г.). Впоследствии видный земский деятель и статистик.

Юрьевская-Долгорукова, Ек. Мих., (дочь Михаила Михайловича Долгорукова). 19 июля вступила в морганатический брак с Александром II и по указу 5 декабря того же года ей присвоен титул «светлейшей княгини Юрьевской».

Якимова (Кобозева), Анна Васильевна, род. в 1856 году, в 70-х годах ходила «в народ», привлекалась по делу 193-х и выслана в северн. губ. В 1879 г. бежала из Сибири и вступила в «Нар. Волю». Принимала участие во всех террористических актах партии. 1 марта 1881 г. вместе с Богдановичем вела подкоп. Преданная суду по делу 20 в 1882 г., отправлена на Кару, в конце 90 гг. вернулась в Петербург и снова была выслана в Сибирь. В настоящее время живет в Москве.

Временное Правительство после Октября.

17 ноября 1917 г. в петроградских газетах, в иных полностью, в некоторых — в сокращенном виде, появилось воззвание «от Временного Правительства» ко всем гражданам Российской Республики. Основные пункты воззвания при всей его расплывчатости и многословии выступают все же довольно резко,—это, во-первых, обвинения разного рода родственных по очередной задаче (борьба с властью Советов) Временному Правительству организаций (Комитетов Спасения родины и революции, Комитетов безопасности) в том, что они, не оказав «поддержки законной верховной власти», «поставили своей задачей создание однородного социалистического министерства» против желания и принципов, объявленных «Временным Правительством всех созывов», во-вторых, при всем стремлении перейти от обороны к нападению, воззвание уделяет много места оправданиям послеоктябрьской забастовки чиновников, стремится представить ее в качестве меры спасения и охраны учреждений. Воззвание вышло за подписями лиц, из коих только шесть человек принадлежали к составу последнего Временного Правительства, остальные шесть—товарищи министров—к составу его не принадлежали; министерства же морское, военное и исповеданий не были представлены даже и товарищами министров. При всем том подписавшие воззвание утверждали, что они правомочны говорить от имени всего Временного Правительства, что они—Временное Правительство «не в полном составе своем» «преемственно» ведут свою родословную «от Правительства, созданного февральским переворотом». Где, когда и кто устанавливал правомочие и преемственность «Временного Правительства не полного состава», избирал исп. обяз. министра-председателя С. Н. Прокоповича, в чем выражалась, наконец, деятельность «не полного состава»—об этом воззвание умалчивает. Не любят об этом периоде говорить и те, пока немногие, авторы, написавшие воспоминания об этой эпохе.—П. Н. Малянтович [1]) указывает только, что после Октябрьской революции происходили заседания Временного Правительства, неверно сообщая при этом даты их—с 9 (в действительности они начались 6) по 16 ноября. В. Д. Набоков [2]), посетивший по приглашению С. В. Паниной одно из этих заседаний (по его словам, первое, числа он не называет), происходившее на Бассейной в квартире А. А. Демьянова, председательствовавшего на нем, рассказывает, что собрание было «сумбурное». «Было обычно нестерпимое многословие, бесконечные речи, которых никто не слушает. Настроение в общем было отвратительное, а у иных—в особенности Гвоздева—просто какое-то паническое. В качестве конкретных мер борьбы обсуждалась, кажется, только одна: чиновничья забастовка». И, наконец, А. А.

[1]) «В Зимнем Дворце 25—26/X 1917 г.». «Былое» 1918 г., № 12, стр. 11.

[2]) «Временное Правительство». «Архив русской революции», кн. I стр. 89—91.

Демьянов [1]), вспоминая о том же времени, дает краткую, но энергичную характеристику: «Временному Правительству пришлось существовать и работать в подполье. Но это уже было не существование, а прозябание, и прозябание довольно позорное».

При разборе печатных записок и отдельных документов, перевезенных из Мариинского дворца вместе с архивами Комитета и Совета Министров и Временного Правительства в 1-е Отделение Юридической Секции Ленинградского Отделения Центрархива, была найдена папка с черновыми и официальными протоколами заседаний Временного Правительства, происходивших в первой половине ноября 1917 года, и некоторыми документами, относящимися к тому же времени. Эти материалы дают исчерпывающее представление не только о послеоктябрьских заседаниях Временного Правительства, но и о всей его работе в подполье.

Организация секретарской и делопроизводственной части послеоктябрьских заседаний Временного Правительства носила случайный характер. По словам бывш. тов. министра юстиции А. А. Демьянова [2]), когда заседания уже происходили, он встретил на улице двух чиновников канцелярии Временного Правительства, которые, предложив свои услуги в качестве секретарей, вместе с некоторыми другими чиновниками вели всю делопроизводственную часть Временного Правительства после Октября. Эти два чиновника и были, повидимому, авторами двух черновых протокольных записей заседаний Временного Правительства. Записи эти при всей своей отрывочности, бессистемности, обычной для черновиков протоколов, набрасываемых во время заседания и подлежащих дальнейшей обработке, явились все же наиболее важным и основным материалом для нашей работы ввиду их фактической точности при определении дат заседаний, состава участников их и предметов занятий. В двух записях имеются такие черновые протоколы заседаний: 7, 9, 10, 11, 13, 14 и 15 ноября.

Кроме этих черновых протоколов, один из чиновников оставил более или менее обработанный журнал заседаний, составленный по обычной схеме официальных журналов (слева—представление такого-то лица или ведомства о том-то, справа—то, что было принято). Журнал этот отличается от официальных журналов тем, что в него внесены не только законодательные постановления, но и решения по текущим докладам. Этого типа имеются протоколы тех же заседаний; значение они сравнительно с черновыми протоколами имеют меньшее, ибо в них не вошла значительная часть последних, не делающих различие между тем, что говорится «для протокола» и что «не для протокола». Здесь это различие соблюдается тщательно [3]).

И, наконец, третья группа протоколов—официальные «журналы заседаний Временного Правительства» от 2, 5 (два журнала—один «особый»), 7, 8 (секретный), 12, 13 и 14 ноября. Все журналы, за исключением особого журнала 5 ноября, секретного 8 ноября и 14 ноября—подлинные. По форме эти журналы отличаются от журналов заседаний предоктябрьских только отсутствием во всех обычной порядковой их нумерации и отсутствием перечня присутствовавших лиц в журнале от 13 ноября, по существу же различие очень большое. Постановления, вносимые в журнал заседаний вопреки предоктябрьской практики, иногда вовсе не проходили через заседания (их нет в черновых протоколах), а включались в него по представлениям заинтересованных ведомств путем

[1]) «Моя служба при Временном Правительстве»,—«Архив русской революции», кн. IV, стр. 120.

[2]) Ibid., стр. 60.

[3]) См. приложение первое

вероятно, частного соглашения с руководителями заседаний, почти всегда затем постановления, даже прошедшие через заседания, внесены в журнал под другими (обычно задними) числами по соображениям, как это будет видно, практическим и, наконец, перечень присутствовавших на заседаниях лиц носит случайный, не соответствующий, судя по черновым протоколам, характер, при чем различие, строго проводившееся до Октября, между имеющими право голоса решающего и совещательного нигде не проводится [1]).

Кроме указанных протоколов в той же папке имеются отдельные документы, связанные с тем же временем, которые, как и печатные материалы, отмечены при ссылках на них в тексте статьи.

Заседания Временного Правительства происходили: 6, 7, 9, 10, 11, 13, 14, 15 и 16 ноября. Хотя в наших материалах нет протоколов заседаний 6 и 16, можно, однако, с полной уверенностью сказать, что в эти числа заседания были.—В заседании 7 ноября, явившемся по многим вопросам (главным образом по вопросу о правомочности заседаний) продолжением заседания происходившего накануне, это последнее часто упоминается, в записи же речи Гвоздева имеется прямое указание на то, что заседание происходило *вчера*. Кроме того в письме Никитина Временному Правительству имеется такая не оставляющая сомнений фраза: «Я считаю совершенно неправильной позицию, занятую Правительством в заседаниях 6—9 ноября». Относительно заседания 16 ноября имеются следующие указания. На заседании 15, между прочим, обсуждался проект воззвания, составленный А. С. Орловым и П. Н. Малянтовичем, и было постановлено образовать комиссию из Орлова, Малянтовича, Е. Д. Кусковой и Д. И. Шаховского для окончательной редакции воззвания. 17 ноября оно появилось в печати, и таким образом ясно, что между 15 и 17 ноября должно было состояться заседание для принятия окончательной редакции воззвания и его подписания. Кроме того, появившееся одновременно с ним «постановление Временного Правительства» об открытии Учредительного Собрания в Петрограде в Таврическом дворце 28 ноября в 2 часа дня, подписанное за министра-председателя Прокоповичем и министром юстиции Малянтовичем, помечено 16 ноября 1917 г. И, наконец, сам Малянтович в своих воспоминаниях заключительной датой заседаний называет 16 ноября.

Заседания Временного Правительства открылись и протекали при весьма неустановившемся, текучем составе участников, точно определить который представляется довольно затруднительным. Хотя официальные журналы заседаний и начинаются с перечисления присутствовавших лиц (за исключением журнала от 13 ноября, где такого перечня нет), списки эти, как указывалось, неверны и не точны. Не только при сравнении их с черновыми протоколами замечаются постоянно несовпадения, но даже часты несовпадения между списком и подписями под тем же журналом. Так, в журнале от 7 ноября в списке присутствовавших нет подписавших этот журнал Гвоздева, Краснова, Малянтовича и Паниной. Как и при определении дат заседаний, для более или менее точного выяснения состава участников их приходится обратиться к черновым протоколам—непосредственным свидетелям происходившего. Один из этих черновиков открывается обычно списком присутствовавших (за исключением заседания 7 ноября), но и эти списки требуют дополнения данными текста обоих черновых протоколов, так как пропуски в них довольно часты. Так, 11 ноября пропущен Толстой, делавший на

[1]) См. приложение второе.

этом заседании доклад о положении в ставке, 13 — Шнитников, докладывавший о покупке продовольствия для Туркестана, 14 — Авинов, сообщавший о ходе выборов в Учредительное Собрание, и т. д.

Из состава участников заседаний необходимо прежде всего выделить группу лиц, не являющихся органическими, постоянными членами заседаний,—таковы прежде всего «случайные посетители», побывавшие на одном-двух заседаниях и ничем себя на них не проявившие: Брамсон, Некрасов, Церетели; таковы затем частные лица, Кускова и Шаховской, и представители ведомств, выступавшие или с информационными сообщениями или поддерживавшие на заседаниях заявленные их ведомствами ходатайства; к последним следует отнести также и тех товарищей министров, которые выступали на заседаниях не в качестве представителей министерств, а либо со специальными ведомственными докладами (Авинов, председатель Всероссийской комиссии по выборам в Учредительное Собрание, о деятельности Комиссии, Орлов, особоуполномоченный комиссар Временного Правительства в Донецком бассейне, о Донецком бассейне), либо с информационными сообщениями (Гуревич о слиянии Съезда Крестьянских Депутатов с С. Р. и С. Д.).

Остальных министров и товарищей министров последнего Временного Правительства,—тех, что должны были представлять «правомочных представителей законной верховной власти», удобнее рассмотреть по отдельным министерствам.

Министерство внутренних дел было представлено министром Никитиным и его товарищами Салтыковым и Сидамон-Эристовым, юстиции—министром Малянтовичем и его товарищами Демьяновым и Скарятиным, торговли и промышленности—управляющим министерством Саввиным и товарищами министра Кафенгаузом и Массальским, народного просвещения—товарищами министра Вернадским и Паниной, путей сообщения—министром Ливеровским и его товарищами Константиновым и Тахтамышевым, морское—помощником министра Кукелем, иностранных дел—товарищем министра Нератовым, почт и телеграфов—министром Никитиным и его товарищем В. Малянтовичем, труда—министром Гвоздевым, продовольствия—министром Прокоповичем и его товарищами Башкировым и Кондратьевым, государственного призрения—товарищем министра Голубковым, и, наконец, государственный контроль—товарищем государственного контролера Скипетровым и исп. обяз. члена совета гос. контроля Красновым.

Среди участников заседаний в короткий промежуток времени с 6 по 16 ноября возникли резкие разногласия по вопросу о методах борьбы с Советской властью (об этих разногласиях будет речь ниже). Меньшинство (Башкиров, Вернадский, Демьянов, В. Малянтович, Саввин, Сидамон-Эристов и Тахтамышев) во главе с Никитиным отстранились от участия в заседаниях и прекратили посещение их с 13 ноября. Таким образом, если в начале заседаний «Временное Правительство в неполном составе» выступило с шестью членами последнего состава Правительства и 21 товарищами министров, то с 13 осталось их всего пять, составлявших менее трети последнего Временного Правительства (общее число членов его перед Октябрем было шестнадцать), поддерживаемых 14 товарищами министров.

Само собой разумеется, что столь неполный состав Правительства обязывал инициаторов возрождения деятельности его поставить в первую очередь вопрос о том, на сколько авторитетными и правомочными являются остатки правительства, не прервалась ли Октябрем та преемственность власти, о которой с начала февральской революции так заботилось Временное Правительство, доходя в заботах этих до отрицания револю-

ции, до создания теории о восприятии власти закономерным путем от Николая II через Михаила и далее через Временный Комитет Государственной Думы. Эту «теорию» развил очень полно, между прочим, Набоков, придававший огромное значение манифесту Михаила,—одним из авторов этого манифеста был сам Набоков,—и особенно фразе манифеста,—«прошу всех граждан державы Российской подчиниться Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всей полнотой власти»,—в этой фразе Набоков видел единственное законное основание для существования Временного Правительства.

Вопросы о правомочности заседаний и о преемственности Правительства были поставлены в первую очередь на первых же заседаниях (6 и 7 ноября) и, кроме того, к этим вопросам неоднократно возвращались и на следующих заседаниях. Такая торопливость в постановке этих вопросов и тщательность при их разрешении вызывалась, впрочем, не одним только теоретическим интересом, а диктовалась и практическими соображениями, ибо без признания себя «законным» Правительством невозможно было вести, как позднее выразился на одном из заседаний Прокопович, «хозяйственно-административную деятельность», связанную с «законным» получением денег из Государственного Казначейства и «законным» же их расходованием. Противопоставляя себя «мятежникам», Временному Правительству хотелось возможно обстоятельнее создать этот декорум «законности». Длинный путь от растерянных, казалось неразрешимых, вопросов, поставленных на заседании 6 ноября (занесены в протокол 7 ноября), — 1) полномочны ли мы? 2) можно ли без министров, заключенных в крепости? 3) можно ли кооптировать?—до категорического заявления в воззвании и о правомочии и о преемственности, был пройден остатками Временного Правительства. К рассмотрению этого пути и следует приступить.

Основы конституции Временного Правительства были установлены в самом начале его деятельности. 9 марта (см. печатный журнал заседаний № 93 п. 1) был определен порядок издания распоряжений Правительства:

1. По делам, требующим рассмотрения в порядке законодательном, издавать постановления Временного Правительства за подписанием всех его членов.

2. По делам, требующим по действующим законам разрешения в порядке верховного управления, издавать указы Временного Правительства за подписанием его председателя.

3. По делам, разрешаемым по действующим законам властью отдельных министров, издавать распоряжения министров.

Этот порядок, позднее несколько упрощенный (постановления за исключением «постановлений особой важности» разрешено было издавать за подписью министра-председателя и подлежащего министра, см. печатный журнал заседаний 11 мая № 75 п. 1), оставался в силе все время существования Временного Правительства. В дополнение к этим основным положениям необходимо добавить постановления, принятые также в начале Временного Правительства и до конца не отмененные, о составе участников заседаний Правительства. 7 марта было постановлено, что «товарищи министров могут заменять министров в заседаниях совета министров во всех случаях за исключением тех, когда совет министров, действуя в качестве высшего государственного органа власти, утверждает акты законодательного характера» (см. печатный журнал заседаний № 9 п. 4).

Таковы были нормы, определяющие порядок издания актов Временного Правительства и устанавливающие, хотя и не вполне точно, состав участников заседаний Правительства. Остатки Временного Правительства волей неволей были поставлены перед неразрешимой задачей: с одной стороны, имелись определенные нормы, неотмененные и в силу этого обязательные для лиц, считающих себя преемниками власти, эти нормы установившей, с другой—эти нормы не давали возможности действовать остаткам Временного Правительства, ибо в составе этих остатков не было ни министра-председателя, ни его заместителя, без подписи которых нельзя было издать ни одного постановления, ни одного указа, не было в составе этих остатков большинства министров (часть находилась в Петропавловской крепости, другая, более значительная, часть от участия в заседаниях, очевидно, уклонялась), заменить которых в силу приведенных постановлений не представлялось возможным. Поскольку, таким образом, перед остатками Временного Правительства стоял вопрос о правомочии, он на основании приведенных норм формально (а вопрос и был поставлен только с формальной стороны) должен был быть решен отрицательно, иного пути, как отказа от организации заседаний и вынесения на них незаконных с точки зрения норм, Временным Правительством установленных, постановлений не было.

Тот путь устранения неудобных постановлений, который был избран Временным Правительством, вероятно, и оставил у участников столь неприятные воспоминания, мешающие им до конца рассказать то, что делалось в эти ноябрьские дни. На одном из ноябрьских заседаний было издано постановление, отменяющее постановление от 7 и отчасти от 9 марта. В такой отмене одного постановления и замене его новым не было бы в сущности ничего особенного, если бы оно было издано от имени лиц его выработавших и вынесших. В данном случае, как указывалось, был бы неправомерный «революционный» акт и только. На такой акт остатки Временного Правительства не пошли, он бы, в конце концов, вопроса о правомочии не разрешал. И потому это новое постановление было выпущено от имени организации уже несуществующей, но в прошлом имевшей право издавать постановления,—от имени Правительства, действовавшего в августе 1917 г. На этих ноябрьских заседаниях, после очевидно бесплодных поисков законного пути, появился особый журнал заседания от 17 августа 1917 г. № 157 а [1]). Первая часть журнала по форме ничем не отличается от официальных журналов. Он имеет порядковый номер (литера при номере поставлена потому, что журнал этот является как бы добавлением к основному журналу № 157,—поэтому наш журнал и носит название особого), имеет далее перечисление участвовавших в заседании лиц (список этот точно передает лиц, бывших на заседании 17 августа и перечисленных в журнале № 157), указывается тот же час открытия заседания, что и в журнале—№ 157, и, наконец, формулировка постановления ничем не отличается от обычных. Ноябрьское происхождение этого «августовского» журнала выдают подписи под ним. Он подписан за министра-председателя Н. Некрасовым и не теми, что перечислены в заголовке, как лица, участвовавшие в заседании, а снова теми же участниками ноябрьских заседаний—Прокоповичем, как министром торговли и промышленности (в последнем составе Временного Правительства он был министром продовольствия), Гвоздевым и Ливеровским, подписавшими за министров труда и путей сообщения (в последнем составе они—министры) и Голубковым, Скарятиным, Салтыковым, Нератовым, Паниной в качестве товарищей министров.

[1]) См. приложение третье.

Эти подписи под журналом лиц, кои обычно журналы не подписывали и подписывать их права не имели, а также отсутствие под журналом целого ряда подписей, которые собрать в ноябре уже не представлялось возможным,—обнаруживают ноябрьское происхождение этого журнала, помеченного августом.

Само собой разумеется, что по конспиративным соображениям о журнале этом не осталось никаких следов в ноябрьских протоколах, но по некоторым косвенным признакам возможно восстановить даже вероятную дату его составления.

Под подлинным журналом, равно как и под постановлением, нужна была подпись министра-председателя или его заместителя,—из бывших министров-председателей (Львов, Керенский) и заместителей (Терещенко, Коновалов, Некрасов)—только последний посещал ноябрьские заседания Временного Правительства. Естественно, что на нем и остановились и, так как август был месяцем его заместительства, то и дата под журналом была выставлена августовская. Некрасов, подписавший журнал в качестве заместителя министра-председателя, присутствовал, как отмечено в черновых протоколах, на двух заседаниях—10 и 14 ноября. Подпись министра почт и телеграфов, — в августе им был Никитин, — в журнале отсутствует. Это дает основания предполагать, что журнал был составлен тогда, когда Никитин не мог его подписать. 10 ноября он на заседаниях присутствует, 14 же ноября (к этому времени он отстранился от участия в заседаниях Временного Правительства) его в Петербурге уже нет. Сопоставляя эти данные, мы и предполагаем, что журнал был составлен 14 ноября. В пользу этой даты говорит и еще одно обстоятельство. Как раз к этому времени Временному Правительству нужно было во что бы то ни стало легализировать себя. 11 ноября, как сообщает черновой протокол, Прокоповичем было внесено предложение о необходимости ассигнования средств «на агитацию против большевиков». Было постановлено: «поручить министру юстиции Малянтовичу с чинами министерства юстиции и сената выяснить вопрос о порядке отпуска средств из казны». 13 ноября был заслушан «доклад Малянтовича о сенате», резюмированный в черновом протоколе фразой Малянтовича—«я все наладил с Врасским». Последний не мог не указать, что единственный способ легального открытия новой статьи в бюджете является формальная правильность правительственных актов. До сих пор ее не было, и августовским журналом пробел этот восполнялся. Так появился «особый журнал заседаний Временного Правительства № 157 а от 17 августа 1917 г.

Этот журнал, разделив все заседания Временного Правительства на три категории,—заседания деловые, политические и закрытые,—и не установив пределы ведения заседаний каждой категории, предоставлял на-ряду с министрами право решающего голоса товарищам министров, в случае отсутствия кого-либо из министров.

Таким образом был создан новый правомочный правительственный аппарат. В него были введены в качестве полноправных членов товарищи министров либо в виде замещающих временно отсутствующих министров, либо в виде управляющих или временно управляющих министерствами. Противоречия изданного документа,—изменение действовавших постановлений теми лицами, которые согласно этим постановлениям изменять их не могли, — противоречия эти для тех, кому нужна была только формальная правильность акта, были не важны и не существенны.

Августовский журнал давал кроме того возможность изменить и другие, стесняющие Временное Правительство данного состава, постановления. Так появился журнал заседания от 2 ноября с постановлением о порядке подписания указов и постановле-

ний Временного Правительства за время отсутствия министра-председателя и министра заместителя. Это постановление, предоставляющее право подписывать постановления и указы Временного Правительства за министра-председателя—министру внутренних дел и министру или управляющему подлежащего министерства, составленное несомненно задним числом, так как 2 ноября заседаний еще не происходило, отражает ранний период деятельности послеоктябрьского Временного Правительства, когда во главе его стал Никитин для объединения разрозненных сил. Следующая организационная стадия нашла отражение в журнале заседания от 5 ноября, коим «на время отсутствия министра-председателя Керенского и министра-заместителя Коновалова исполнение обязанностей министра-председателя возлагалось на министра продовольствия Прокоповича, а министра-заместителя на министра внутренних дел Никитина». Замена Никитина Прокоповичем произошла в самом начале открытия заседаний, — 6 ноября, так как, открывая собрание 7 ноября, Никитин сказал, — «мы остановились на преемственности власти. Пока подписывал я. Теперь исп. обязанности министра-председателя будет Прокопович, а заместителя—я». И, наконец, когда появилось заявление Керенского об отставке, вопрос о заместителе снова был поставлен.

Заявление Керенского об отставке (среди протоколов имеется фотографический снимок с этого заявления) следующего содержания: «Слагая с себя звание министра-председателя, передаю все права и обязанности по этой должности в распоряжение Временного Правительства». Помечено заявление 1 ноября 1917 г. Неизвестно, по каким причинам это заявление долгое время не доходило до Временного Правительства и только 9 ноября отставка была заслушана, принята единогласно и было постановлено возложить на министра продовольствия С. Прокоповича исполнение обязанностей министра-председателя (постановление это внесено в официальный журнал заседаний от 5 ноября). Для полноты необходимо отметить, что Керенский, сделав вполне ясное и сомнений не оставляющее заявление об отставке, не счел однако свою роль законченной. 24 ноября в «Деле Народа» появилось его письмо, в котором он разъясняет, что заявление его от 1 ноября должно пониматься, как сложение с себя звания министра-председателя, но отнюдь не члена Временного Правительства, каковым он себя, несмотря на отставку, считает и в качестве такового присоединяется к воззванию Временного Правительства от 16 ноября.

В чем же заключалась деятельность Временного Правительства после Октября? Основным и единственным направлением этой деятельности было, само собой разумеется, борьба с властью Советов. Но в ряде других организаций, ставивших те же цели, остатки Временного Правительства находились в особом, во многих случаях, привилегированном положении. В руках их были еще некоторые учреждения, а в ряде других, которыми уже овладели представители Советской власти, у них имелись послушные сотрудники и агенты. Методы борьбы поэтому диктовались этими возможностями использовать государственный и бюрократический аппарат для своих целей. Саботаж чиновников, как средство такого использования государственного и бюрократического аппарата, был выдвинут, по словам Набокова, на первом же заседании. Ему отводилось центральное место и во всей дальнейшей деятельности. Но для того, чтобы втянуть и тем более удержать забастовавших чиновников, нужны были средства для своевременной оплаты служащих. Временное Правительство не питало иллюзий, что забастовка проводится по каким-либо идейным мотивам, и, как будет видно из дальнейшего, оно, потеряв с занятием Государственного Банка возможность питать забастовку, тотчас же поняло, что с нею

все кончено. Нужны, следовательно, были средства и потому вопросы финансовые занимают в заседаниях 6—16 ноября первенствующее место.

7 ноября по представлению управляющего министерством финансов было постановлено «увеличить эмиссионное право Государственного Банка на один миллиард рублей». Обеспечить себя выпуском новых кредиток Временному Правительству, однако, не удалось, так как 14 ноября, когда Государственным Банком и Государственным Казначейством оно фактически не имело возможности уже пользоваться, по докладу того же управляющего министерством финансов (Фридмана) «об изъятии постановления об увеличении эмиссионного права Государственного Банка» было решено «считать состоявшееся постановление недействительным». Впрочем, в короткий промежуток времени и без выпуска новых кредиток Временное Правительство сумело провести ряд ассигнований, выкачивая наличные средства Государственного Банка, где к тому времени, по сообщению Фридмана на заседании 7 ноября, было 40 миллионов руб.

7 ноября, по представлению управляющего министерством финансов, было отпущено из наличных средств Государственного Казначейства Петроградскому Общественному Управлению на покрытие единовременных затрат, на закупку дров для надобностей городских предприятий 7.500.000 руб. (официальный журнал заседания от 7 ноября). Тогда же 7 ноября слушался доклад товарища министра торговли и промышленности об отпуске в ссуду 4.800.000 рублей для разработки сланцев под Петроградом. Доклад вызвал оживленный обмен мнений,—одни полагали «дать пока аванс в 1.000.000 руб., который можно взять из городских средств», другие предлагали «дать всего на 10—12 дней сколько надо». Было постановлено «отложить до выяснения» и, какая в дальнейшем судьба постигла «сланцы», остается не выясненным.

На том же заседании 7 ноября обсуждался вопрос о выдаче 10.000.000 руб. особоуполномоченному комиссару Временного Правительства в Донецком бассейне товарищу министра торговли и промышленности Орлову. Вероятно, личность Орлова, назначенного комиссаром 13 октября, не была достаточно ясна—разрешение ассигнования было отложено до получения затребованной справки об Орлове. На заседании 13 ноября появился сам Орлов, выступивший с докладом о положении в Донецком бассейне. Насколько можно судить, по кратким конспектам черновых протоколов, доклад его повторял официальные версии о катастрофическом падении добычи угля и официально-буржуазные объяснения этого падения—малой производительностью труда и увеличением заработной платы. Решение по докладу, не внесенное ни в официальные, ни в черновые журналы заседаний (в черновом журнале сказано «принять к сведению»), было, как сообщают черновые протоколы, таково: «предложить министру финансов перевести 14 ноября в Харьков 15.000.000 руб., назначение их будет указано в ближайшем времени». В одном из черновых протоколов под той же рубрикой добавлено—«о 10.000.000 руб. на Орлова справиться в департаменте Государственного Казначейства». В зависимости от полученных сведений ставился вопрос о командировании Орлова в Донецкий бассейн. Справка, очевидно, была получена благоприятная, так как на заседании 14 ноября снова слушался доклад Орлова о Донецком бассейне и было уже категорически постановлено—«командировать Орлова в Донецкий бассейн».

13 ноября по докладу Н. И. Шпитникова «об отпуске из Верненского отделения Государственного Банка 1.000.000 руб. серебра для покупки продовольствия для Туркестана в Китае» было постановлено «поручить управляющему министерством финансов выяснить вопрос и снестись через Харбин с пекинскими властями».

13 же ноября по представлению министерства путей сообщения было постановлено «отпустить министерству путей сообщения за счет остатков по общей росписи на 1917 г. 431.850 руб. на осуществление мероприятий министерства по преобразованию специальных училищ ведомства» (официальный журнал заседания от 13 ноября).

На заседании 13 ноября было проведено еще одно крупное ассигнование в 10.000.000 руб. на дровяные операции Особого Совещания по топливу при министерстве торговли и промышленности. Проведение этого ассигнования является крайне показательным для того лихорадочно быстрого темпа, с каким выкачивались Временным Правительством после Октября казенные средства. 13 ноября без № с подписью за председателя Особого Совещания по топливу К. Кирша на официальном бланке Совещания была представлена Временному Правительству докладная записка, в которой говорилось, что «переживаемые события чрезвычайно затруднили осуществление проектируемой меры использования кредита частных банков и для покрытия предстоящих расходов по операциям Особого Совещания по топливу представляется необходимым немедленное ассигнование из средств Государственного Казначейства 10.000.000 руб. для уплаты срочных платежей по продовольствию, обмундированию и на инструменты». В тот же день 13 ноября ходатайство Особого Совещания обсуждалось на заседании Временного Правительства и было решено в положительном смысле. В официальном журнале заседаний постановления об этом ассигновании нет, но среди протоколов сохранился черновик на памятном листке управляющего делами Временного Правительства с проектом соответствующего постановления.

14 ноября в финансовой работе Временного Правительства произошел перелом. В докладе на этом заседании Фридмана о Государственном Банке и Казначействе,—этими докладами заседания обычно открывались,—Фридман заявил, что денег получить из этих учреждений в будущем едва ли будет возможно. Государственный Банк был занят Советским Правительством накануне. Как результат потери банка, 14 ноября на половину, до 5.000.000 руб., был урезан кредит Особому Совещанию по топливу, накануне утвержденный в полном 10.000.000 размере. Был отложен «пока» вопрос о пятнадцатимиллионной задолженности железных дорог и, наконец, на заседании 15 ноября было отклонено, чего на предыдущих заседаниях ни разу не было, ходатайство министерства земледелия об отпуске 4.500.000 руб. на сельскохозяйственную перепись.—Не из чего было уже отпускать.

Если подвести итог всем приведенным суммам, утвержденным на ноябрьских заседаниях, получится 41.931.000 руб. (в эту сумму не включены 4.800.000 руб. на сланцы под Петроградом и 1.000.000 руб. серебра для Туркестана). 41.931.000 руб.—это почти совпадает с заявленной Фридманом на заседании 7 ноября наличностью Государственного Банка—40.000.000 руб. Само по себе изъятие денег из Государственного Банка было уже орудием борьбы с молодой Советской властью. Орудие это еще более обострялось направлением захваченных средств.—Было бы трудно предположить, что все эти 41.931.000 руб. были использованы на те цели, которые были официально названы,—на закупку дров для надобностей городских предприятий, на Донецкий бассейн, для продовольствия Туркестана, дровяные операции и проч. Если для того, чтобы открыть в правительственном бюджете новую статью расхода—«на агитацию против большевиков»—требовался «законный путь», хотя бы, как мы видели, осуществляемый подложным постановлением, то для того, чтобы изменить назначение уже ассигнованных денег требовалось только соглашение заинтересованных лиц. Что такая возможность была, указы-

вают и приведенные материалы. В прениях об ассигновании на сланцы заявлялось, что аванс в 1.000.000 руб. можно взять из городских средств, вероятно из тех, что в тот же день были ассигнованы на дрова. Принятое 13 ноября постановление об ассигновании 10.000.000 руб. Особому Совещанию по топливу 14 ноября было сокращено на половину, каковое сокращение официально проведено однако не было (оно осталось в черновом журнале только), и куда предназначалась эта сокращенная половина, указано, конечно, тоже не было. Даже если допустить, что ассигнованные суммы направлялись по назначению в соответствующие учреждения, опять-таки мало вероятно, что эти учреждения расходовали их по назначенным статьям. Какое может быть сомнение в том, например, что Петроградская городская дума, стоявшая в те дни во главе контрреволюционного объединения и получившая 7.500.000 руб. на дрова, о дровах тогда меньше всего думала.

Конечно, в ноябрьских протоколах нет и быть в них не может по конспиративным условиям точного обозначения расходных статей, но та линия борьбы, которую вели остатки Временного Правительства с Советской властью и которая вполне определяется в этих протоколах, указывают и путь расходования захваченных государственных средств.

По вопросу о методах борьбы с Советской властью единогласия в составе Временного Правительства не существовало. Меньшинство требовало активных действий, большинство стояло за подпольную подрывную работу чиновничьего саботажа. Борьба между этими двумя течениями обнаруживается уже на первых заседаниях.

На заседании 6 ноября, как заявил 7 ноября Гвоздев, было решено вести агитацию против большевиков, которую он, Гвоздев, приветствует и потому поддерживает предложение Скарятина, сделанное на заседании 7 ноября, об опубликовании данных предварительного следствия о большевиках. Несмотря на возражение Никитина, что с «этого, не проявив себя пока никакими актами, начинать неудобно», было решено «поручить Г. Д. Скарятину составить записку». 11 ноября записка была доложена, но заседание постановило ее не публиковать ввиду, вероятно, негодности ее как агитационного материала и потому, что большинство в то время воздерживалось от официальных выступлений, чего при опубликовании записки было не избежать. Необходимость же агитации против большевиков и ассигнования на нее средств—со всеми последующими в связи с ассигнованием действиями Малянтовича, (см. журнал № 157 а)—была признана необходимой тогда же, но очевидно предполагалась агитация не под флагом Временного Правительства, а на ассигнованные им средства.

На другом вопросе в том же заседании 7 ноября разногласия между отдельными членами заседаний сказались еще более резко. Был заслушан доклад Прокоповича о положении продовольственного дела и необходимости поручить министерствам финансов, продовольствия, торговли и промышленности (по топливу и металлам), путей сообщения и военному составить краткие записки о положении продовольствия, финансов, снабжения топливом и металлами, снабжения армии и транспорта. Записки объемом в 3—4—5 страниц должны были содержать: 1) положение современное, 2) ближайшие перспективы, 3) влияние восстания и 4) работу Временного Правительства. Поскольку можно судить по краткой записи черновых протоколов возражавшие Прокоповичу Никитин и Гвоздев считали, что «докладами солдат-чернь не проберешь» (Никитин), «к ним подойти нельзя» (Гвоздев) и необходимо ввиду того, что «отрезвление в рабочих наблюдается» (Никитин), «рабочие не при чем» (Гвоздев)—поддержать это настроение прави-

тельственной декларацией, открытым заявлением Правительства о своем существовании. Это открытое заявление и было одним из основных пунктов расхождения. Большинство предпочитало работу без открытого выступления и приняло предложение Прокоповича о составлении теоретических записок, которые, судя по их плану, предполагалось очевидно использовать в качестве агитационного материала.

На следующих заседаниях разрыв меньшинства с большинством пошел дальше и глубже по вопросу о «законной власти». Большинство, как, впрочем, и меньшинство, считало, что единственной законной верховной властью является Временное Правительство, но вся трагедия этого положения заключалась в том, что не было ни одной организации, даже родственной и близкой Временному Правительству по своему классовому составу и задачам, которые бы разделяли эту точку зрения. В глазах всех этих образовавшихся после Октябрьской революции комитетов спасения родины и революции, комитетов безопасности и проч., поддержку которых рассчитывало найти Временное Правительство, с ним все было кончено, и комитеты эти, как с горечью замечает в ноябрьском воззвании Временное Правительство, «поставили своей задачей создание однородного социалистического министерства». Большинство готово было защищать сии прерогативы и, выражаясь снова языком воззвания, «не принимало участия в попытках создания новой власти за несколько дней до Учредительного Собрания». Меньшинство, наоборот, желало вступить по приглашению комитетов в переговоры об организации нового правительства. Но и со стороны большинства, однако, такое решительное обособление от организаций, составлявших проекты того или иного правительства, выявилось не сразу. В этом вопросе большинство пережило значительные колебания. 9 ноября врем. исп. должность начальника политического управления военного министерства П. М. Толстой сделал доклад о положении в ставке, об отстранении Духонина, назначении главковерхом Крыленко и о воззвании председателя Общеармейского Комитета при ставке С. В. Перекрестова об организации правительства, возглавляемого Черновым [1]). Очевидно, в связи с этим докладом Прокопович внес предложение о посылке представителей в ставку. Собрание постановило: «послать двух представителей, поручив им информировать Временное Правительство («только информация» по записи черновых протоколов) и высказаться против образования нового правительства в ставке, против однородного социалистического министерства с участием большевиков и за однородное социалистическое правительство без большевиков («добровольная коалиция социалистов, без узурпации и деловое», по записям черновых протоколов».) Но на следующий день, на заседании 10 ноября, вопрос был снова поднят. Тот же Прокопович сделал доклад: об отказе посылки делегации в ставку, что и было принято собранием. Это постановление находится в секретном журнале от 8 ноября, где оно формулировано следующим образом: «Воздержаться от посылки представителя Временного Правительства на имеющее состояться в г. Могилеве совещание общественных и политических организаций впредь до выяснения направления и обстановки деятельности означенного совещания». Уже по тому одному, что в журнал внесен результат голосования по этому вопросу (оно принято шестью голосами против трех при одном воздержавшемся), чего в практике Временного Правительства не было,—видно, какое большое значение придавало меньшинство и большинство собрания этому вопросу.

---

[1]) Текст воззвания см. в сборнике «Революционная борьба в Гомельской губ.», Вып. 1, Гомель, Гос. Изд., 1921 г., стр. 82—84.

Здесь следует отметить еще одно постановление, характеризующее взаимоотношение Временного Правительства и других организаций того времени. 8 ноября Объединенный Комитет демократических организаций по обороне обратился к Временному Правительству с ходатайством «об отпуске Комитету 300.000 руб. в виде субсидии» на «задачи, связанные с борьбой за восстановление революционного порядка». 13 ноября ходатайство это рассматривалось Временным Правительством (в черновом журнале заседаний, куда внесено соответствующее постановление, Объединенный Комитет ошибочно назван Комитетом спасения родины и революции) и было отклонено [1]).

Разногласия по вопросам об активном выступлении остатков Временного Правительства и, главным образом, «по вопросу об отношении к попыткам воссоздать верховную власть в государстве» (так формулировал этот пункт расхождения в своем заявлении Никитин) вызвал уход части участников заседаний во главе с Никитиным, приславшим заявление Временному Правительству с отказом участвовать в дальнейших его заседаниях ввиду того, «что оно (Временное Правительство) не сумело на-ряду с наметившимися выходами из создавшегося положения поставить себя в положение, достойное носителей государственной власти» и своей позицией подрывает «самую идею верховной власти, возникшей в дни февральской революции» [2]).

С уходом меньшинства Временное Правительство развило свою подпольную работу в очень широких масштабах. Без официальных выступлений, действуя за кулисами руководимых им сил, оно распространяло свою деятельность по многим направлениям.—Прежде всего его внимание было направлено на организацию агитационной или, выражаясь языком протокольных записей, осведомительной части. Вопрос об открытой агитации, как мы видели, был отвергнут и намечались иные, скрытые пути ее. Так на заседании 10 ноября было постановлено «поручить тов. министра внутренних дел С. Н. Салтыкову организовать осведомление Петроградской, Московской и провинциальной печати». В следующем заседании, 11 ноября, к информации снова вернулись. По предложению Прокоповича о необходимости «следить за печатаемыми в газетах тайными договорами и помещать опровержения» было постановлено «поручить это Нератову». Вероятно, во исполнение этого поручения явилась краткая записка без подписи: «Можно ли считать все обнародованные Советом Комиссаров документы из архивов министерства иностранных дел подлинными и официальными», в которой безымянный автор (вероятно, Нератов) стремится доказать, что «хотя сотрудники Троцкого могли располагать подлинными текстами», но в виду их неосведомленности относительно дипломатических документов в печать могли попасть на-ряду с официальными актами и такие, которые официального характера не носят и к которым ни ведомство, ни правительственные учреждения никакого отношения не имеют» [3]).

Энергичная агитационная деятельность была развита остатками Временного Правительства в связи с организованной им чиновничьей забастовкой, которая в сущности являлась основным делом в его подполье. Организация этой забастовки была начата, вероятно, еще до открытия регулярных заседаний, с открытием же последних она была поставлена, как то свидетельствует и Набоков, в первую очередь. В каждом заседании затем значительное место отводилось так называемым информационным докладам пред-

[1]) См. приложение четвертое.
[2]) См. приложение пятое.
[3]) См. приложение шестое.

ставителей министерств, сообщавших о ходе забастовки и о тех противодействиях, которые оказывали назначенным Советским Правительством комиссарам забастовавшие чиновники и служащие государственных учреждений. Доклады эти, бедные по своему фактическому материалу, нового ничего не сообщающие, интересны только тем, что вполне выясняют роль Временного Правительства, как руководителя ноябрьского саботажа. Как оказывается, остатки Временного Правительства являлись руководящим центром, питающим чиновничью забастовку. От них же, как выясняется, исходили и все те обращения, которые помещались в то время в газетах. Так 10 ноября по докладу Фридмана и Хрущова о попытках захватить Государственный Банк было постановлено: «принять к сведению и широко огласить воззвание министерства финансов о деятельности ведомства со времени восстания». То же и 11 ноября по докладу Башкирова о министерстве продовольствия собрание постановило: «поручить министерству продовольствия через газеты и плакаты опровергнуть обвинения о бездеятельности министерства». С одной стороны, таким образом, принимались агитационные меры опровержения обвинений в бездеятельности ведомств, а с другой—на заседаниях Временного Правительства принимались представители бастующего чиновничества и сообща с ними вырабатывались меры проведения забастовки. 11 ноября обсуждался с участием представителей Союза союзов служащих вопрос о забастовке чиновников и «были высказаны пожелания: 1) продолжать забастовку, 2) предоставить министерству финансов возбудить вопрос перед забастовочным комитетом о начале занятий в некоторых отделах министерства финансов (очевидно, в тех, которые были необходимы самому Временному Правительству для его хозяйственных операций), 3) срок забастовки предоставить определить Союзу союзов (в черновых протоколах добавлено: «если забастовка ослабнет»), 4) информировать Временное Правительство о ходе забастовки». Само собой разумеется, что Временное Правительство, до тех пор пока оно могло, стремилось «оплатить труд» забастовавших своих агентов. В регулярной выдаче жалованья таилась, конечно, вся сила забастовки, как признал это в своем докладе 15 ноября один из руководителей ее Фридман.—«Государственный Банк и частные банки,—говорил он, закрыты.—Государственное Казначейство жалованье не выдает и не дадут. *20-го все может рухнуть*». И Временное Правительство прекрасно понимало, что забастовка тотчас же рухнет, если не будет в обычный срок, 20 числа, выдано забастовщикам жалование и по докладу постановило: «поручить управляющему министерством финансов по соглашению с государственным контролером обсудить вопрос о способе выдачи жалования служащим».

Забастовка шла полным темпом, но Временное Правительство, руководя забастовкой и разрушая государственный аппарат, утверждало, что забастовка проводится «без нарушения экономической жизни» (речь Никитина на заседании 7 ноября) и не вредна стране. Но вот в письме от 8 ноября Прокоповичу одного из чиновников Особого Совещания по топливу К. Кирша, того самого, который проводил, как выше указывалось, десятимиллионный кредит Совещанию, дается другое не официальное и более точное определение забастовки в смысле ее полезности [1]). Начав с рассказа об общем собрании служащих Особого Совещания по топливу 8 ноября, на котором «лишний раз выяснилась неустойчивость позиции служащих государственных учреждений», в чем «повинно в значительной степени—«неясное» поведение, неопределенная тактика группы «исполняющей обязанности Временного Правительства», К. Кирш говорит, что «сейчас поло-

[1]) См. приложение седьмое.

жение крайне ложное и ввиду следующих соображений. Забастовка государственных учреждений приносит безусловно вред стране, бо́льший—стране, чем большевикам», и далее: «по существу мне кажется, что работа государственных учреждений сейчас нужна, и отсутствие работы деморализует служащих». Все письмо в целом стремится убедить Прокоповича отказаться от работы в подполье и «заявить громко, что оно продолжает свою текущую работу и работу по руководству отдельными ведомствами».

Временное Правительство отказалось от принятых методов борьбы и вышло из подполья для того, чтобы в заключительном своем обращении от 16 ноября оправдать свою подпольную работу «не по своему желанию». 14 ноября, как говорилось, произошел перелом. Временное Правительство почувствовало приближение конца. Государственный Банк оказался вне его ведения. Началось заседание в этот день, как и обычно, с доклада Фридмана о Государственном Банке и Казначействе.—«В казначействе,—докладывал Фридман,—комиссары и счетчики денег не дают, оно фактически находится в руках большевиков. В Государственном Банке—разногласия между высшими, средними и низшими чинами,—младшие готовы подчиниться, высшие—подчиняются силе, средние—против». И, хотя выступавший за Фридманом делегат от служащих министерства финансов заявил, что «настроение среди служащих вообще твердо», собрание, очевидно, было подавлено событиями. Настроение присутствовавших формулировал Прокопович: «в связи с занятием Государственного Банка, хозяйственно-административная деятельность прекращается». Для всех, вероятно, было ясно, что всякая деятельность, основанная на изъятии казенных денег в связи с занятием Государственного Банка, должна быть прекращена. Вот тут при этой ликвидации и возник вопрос об обращении к стране с воззванием по поводу происходящих событий. Текст воззвания поручено было составить Малянтовичу и Орлову. В том же заседании было принято постановление об опубликовании указа об открытии Учредительного Собрания. На следующий день, 15 ноября, приехвший из Москвы кн. Шаховской и Кускова своими докладами пытались влить бодрость в разочарованное собрание, побудить его к активным шагам для объединения вокруг себя всех противосоветских элементов. Доклады эти закончились великолепным заявлением Кусковой о «предложении Калуги принять Временное Правительство». Мысль оставить беспокойный Петроград появлялась и ранее, так как на заседании 10 ноября по докладу Прокоповича о событиях в Москве собрание одобрило решение «об отказе переноса в Москву Временного Правительства». Но если Москва была неудобной 10 ноября, то 15 ноября не манила уже и Калуга. Настроение Временного Правительства довольно полно передал в своей речи Малянтович.—«Временное Правительство,—сказал он,—и раньше предавалось и слева, и справа. Временное Правительство было совершенно одиноко, что и было доказано особенно ярко во время восстания. Казалось бы, что до восстания, когда каждому было ясно, что оно неизбежно, могли объединиться вокруг Временного Правительства, как единственного полюса против большевиков. Но этого не оказалось». Очевидно, воззвание, составленное Малянтовичем и Орловым, отразило тон его речи и для придания воззванию большей активности к первоначальным двум авторам присоединили еще двух,—Кускову и Шаховского, которые и образовали комиссию для выработки окончательного текста, появившегося в газетах 17 ноября.

К сознанию одиночества, к признанию отсутствия поддержки в стране Временное Правительство пришло, однако, не сразу. Для отрезвления понадобилось, правда, не больше недели, но тогда, когда начинались его собрания, оно смело ставило, по словам

Набокова, задачи «вести борьбу», «сохранить аппарат власти» в расчете, очевидно, на поддержку страны. Десять дней Временное Правительство ждало этой поддержки, а в заседании 14 ноября ожиданиям этим был подведен итог. Салтыков на заседании 14 ноября доложил телеграммы о поддержке Временного Правительства. Со всей России их было получено д в а д ц а т ь ч е т ы р е [1]).—Большинство этих телеграмм получилось из отдаленной уездной России, питавшейся фантастическими слухами о событиях в Петрограде. Эти двадцать четыре телеграммы лучшее доказательство не только малой популярности Временного Правительства в стране, но и полной его оторванности. И не предательством правых или левых, не вследствие бунта несознательных солдатских масс, в чем хотели найти объяснение своему падению Малянтович-Никитин, а собственной своей политикой обмана трудящихся масс России, той политикой, которая прошла красной нитью и во всей его подпольной деятельности, было похоронено оно.

М. Флеер.

---

[1]) Акша (Комитет безопасности), Александрополь (соединенное собрание граждан), Арзамас (С. Р. и и С. Д.), Слобода Белогорье (собрание граждан), Великий Устюг (чрезвычайное земское собрание), Ветлуга (съезд демократических организаций), Воткинск (съезд служащих), Глазуновка (волостное земство Старо-Полевской волости), Дорогобуж (городская дума), село Дюртюли (собрание граждан), Кологрив (земское собрание), Крестец (женский союз), Курмыш (собрание уездных земских гласных), Ливен (городская дума с представителями местных организаций и ведомств), Москва (главный исп. к-т Казанск. жел. дороги и совет почт.-тел. организаций Московского узла), Новозыбков (Совет Рабочих Депутатов), Орел (Уездный Совет Крестьянских Депутатов), Рогачев (С. Р. и С. Д. и Совет Крестьян. Депутатов), Рязань (уездное земское собрание), Славгород (правление профессионального союза и общественных организаций), Сычевка (продовольственный комитет), Чистополь (съезд крестьянских депутатов), Шерифхане (Исполнительный комитет) и армейский комитет 10 армии (в последней телеграмме говорится, что армейский комитет готов оказать поддержку Временному Правительству, но «полагает, что Временное Правительство будет считаться с указаниями армии в разрешении вопросов внешней политики» в смысле «немедленной и неустанной борьбы за мир»).

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

Черновые журналы заседаний Временного Правительства.

Слушали:	Постановили:
7 ноября. 1. Доклад Фридмана о попытке захватить Гос. Банк.	Принято к сведению.
2. Представление мин-ва финансов о выдаче ссуды Гор. Общ. Упр. в 7.500.000 руб.	Принято (постановление).
3. Доклад Прокоповича о положении продовольственного дела.	Постановлено поручить мин-ву финансов, мин-ву продовольствия и мин-ву торговли и промышленности по топливу и металлам, мин-ву путей сообщения и военному мин-ву составить краткие записки о положении продовольствия, финансов, снабжения топливом и металлами, снабжения армии и транспорта.
4. Доклад тов. мин. торговли и пром. об отпуске в ссуду 4.800.000 руб. для разработки сланцев под Петроградом.	Отложить до выяснения.
5. Предложение Г. Д. Скарятина об опубликовании данных предварительного следствия о большевиках.	Поручить Г. Д. Скарятину составить записку.
9 ноября. 1. Доклад Толстого о положении в ставке: отстранение Духонина, назначение Крыленко верх. главноком., возвание общеармейского комитета к армии об образовании правительства (рекомендация Чернова).	Принято к сведению.
2. Доклад Константинова и Голубкова о попытках вмешательства комиссаров Елизарова и Коллонтай в дела ведомств.	Принято к сведению.
3. Сообщение Прокоповича об отставке Керенского.	Освободить Керенского и поручить Прокоповичу исп. обяз. министра-председателя с оставлением министром продовольствия.
4. Предложение Прокоповича о посылке представителей Временного Правительства в ставку.	Послать двух представителей, поручив им информировать Врем. Пр-во и высказаться против образования нового правительства в ставке, против однородного социалистического министерства с участием большевиков и за однородное социалистическое правительство без большевиков.
10 ноября. 1. Доклад Хрущова и Фридмана о попытках захватить Гос. Банк.	Принять к сведению и широко огласить воззвание мин-ва финансов о деятельности ведомства со времени мятежа.

2. О порядке хранения казенных средств.	Предложить всем ведомствам хранить свободные средства в Гос. Банке.
3. Об организации осведомления столичной и провинциальной печати.	Поручить С. Н. Салтыкову организовать осведомление Петроградской, Московской и провинциальной печати.
4. Доклад Прокоповича о событиях в Москве.	Одобрить решение об отказе переноса в Москву Врем. Прав-ва.
5. Доклад Прокоповича об отказе посылки делегации в ставку.	Отменить посылку представителей Врем. Пр-ва в ставку.
11 ноября. 1. Обсуждение с участием представителей Союза Союзов служащих вопроса о забастовке чиновников.	Высказаны пожелания: 1) продолжать забастовку, 2) предоставить мин-ву финансов возбудить вопрос перед забастовочным комитетом о начале занятий в некоторых отделах мин-ва финансов, 3) срок забастовки предоставить определить Союзу Союзов, 4) информировать Врем. Пр-во о ходе забастовки.
2. Сообщение Толстого о положении в ставке верх. главнокомандующего.	Принято к сведению.
3. Предложение исп. обяз. министра-председателя о необходимости следить за печатаемыми в газетах договорами и помещать опровержения.	Поручить это Нератову.
4. Доклад Башкирова о положении продовольствия.	Поручить мин-ву продовольствия через газеты и плакаты опровергнуть обвинения на бездеятельность министерства.
5. Предложение Прокоповича о необходимости ассигнования средств на агитацию против большевиков.	Поручить министру юстиции Малянтовичу с чинами мин-ва юстиции и Сената выяснить вопрос о порядке отпуска средств из казны.
6. Доклад тов. морск. министра Кукеля об отставке Вердеревского.	Отставку принять.
7. Записка Г. Д. Скарятина о данных предварительного следствия о большевиках.	Записку не опубликовывать.
13 ноября. 1. Доклад Фридмана о положении в Гос. Банке и Гос. Казначействе.	Принято к сведению.
2. Доклад Н. Н. Шнитникова об отпуске из Вернинского отделения Гос. Банка 10 милл. руб. серебра для покупки продовольствия для Туркестана в Китае.	Поручить управляющему мин-вом финансов выяснить вопрос и снестись через Харбин с Пекинскими властями.
3. Доклад Орлова о положении в Донецком бассейне.	Принято к сведению.
4. Ходатайство Комитета спасения родины и революции об отпуске 3.000.000 руб.	Ходатайство отклонить.
5. Представление мин-ва путей сообщения об отпуске 431.850 руб. на преобразование технических железнодорожн. училищ.	Принято (постановление).
6. Об отпуске Особому Совещанию по топливу 10 милл. руб. на заготовку дров.	Принято (постановление).
14 ноября. 1. Доклад Фридмана: а) о захвате Гос. Банка и Гос. Казначейства, б) о поступившем ходатайстве об отпуске 200 ведер спирта на изготовление лекарств.	а) Принято к сведению. б) отклонить.

2. Доклад Фридмана об изъятии постановления об увеличении эмиссионного права Гос. Банка.	Считать состоявшееся постановление недействительным.
3. Доклад Н. Н. Авинова о ходе выборов в Учредительное Собрание.	Принято к сведению.
4. Предложение Прокоповича об обращении к стране с воззванием по поводу происходящих событий.	Поручить П. Н. Малянтовичу и А. С. Орлову составить текст воззвания.
5. Доклад Авинова об указе о созыве Учр. Собрания.	Поручить Н. Н. Авинову представить проект указа с объяснением о замедлении выборов вследствие мятежа.
6. Доклад Авинова о необходимости организовать канцелярию Учр. Собрания.	Поручить Всеросс. Комиссии по выборам в Учр. Собрание организовать канцелярию Учр. Собрания, предоставить председателю Комиссии право назначения должностных лиц.
7. О командировке Орлова в Донецкий бассейн.	Командировать.
15 ноября. 1. Доклад кн. Шаховского и Е. Д. Кусковой о положении в Москве и провинции.	Принято к сведению.
2. Проект воззвания, составленный А. С. Орловым и П. Н. Малянтовичем.	Образовать комиссию из Малянтовича, Орлова, кн. Шаховского и Кусковой для выработки окончательной редакции.
3. Доклад Константинова о положении в министерстве путей сообщения.	Принято к сведению.
4. Доклад Фридмана о закрытии Государственного и частных банков, о необходимости обеспечить выдачу жалования служащим.	Поручить управляющему министерством финансов по соглашению с Гос. Контролером обсудить вопрос о способах выдачи жалования служащим.
5 Ходатайство министерства земледелия об отпуске 4.500.000 руб. на сельско-хозяйственную перепись.	Отклонить.

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

Официальные журналы заседания Временного Правительства.

Журнал

Заседания Временного Правительства 2 ноября 1917 г.

Присутствовали: председатель—министр внутренних дел А. М. Никитин, министр труда К. А. Гвоздев и управляющие министерствами — финансов тов. мин. М. И. Фридман, юстиции— тов. мин. А. А. Демьянов, торговли и промышленности — тов. мин. В. И. Масальский, морского — тов. мин. С. А. Кукель, путей сообщения — тов. мин. В. К. Константинов, призрения — тов. мин. К. Гр. Голубков, продовольствия — тов. мин. В. Н. Башкиров и народного просвещения — тов. мин. Вл. Ив. Вернадский.

Слушали:	Постановили:
1. Предложение управляющего министерством финансов об увеличении эмиссионного права Государственного Банка на сумму один миллиард рублей.	1. Увеличить эмиссионное право Государственного Банка на сумму один миллиард рублей.
2. Предложение о порядке подписания указов и постановлений Временного Прави-	2. Постановления и указы Временного Правительства подписывать за министра-

тельства за время отсутствия министра-председателя и министра заместителя.

председателя министром внутренних дел и министром или управляющим подлежащего министерства.

Подписали:

Министр внутренних дел, министр почт и телеграфов **А. Никитин.**
Министр труда **Гвоздев.**
За министра юстиции **А. Демьянов.**
За министра финансов, тов. мин. **Мих. Фридман.**
За министра народного просвещения, тов. мин. **В. Вернадский.**
За министра государственного призрения **Голубков.**
Товарищ министра путей сообщения **В. Константинов.**
За министра торговли и промышленности **В. Массальский.**

Журнал

Заседания Временного Правительства 5 ноября 1917 г.

Присутствовали: председатель—министр внутренних дел А. М. Никитин, министр труда К. А. Гвоздев и управляющие министерствами: финансов — тов. мин. М. И. Фридман, юстиции — тов. мин. А. А. Демьянов, торговли и промышленности — тов. мин. В. И. Массальский, морского — тов. мин. С. А. Кукель, путей сообщения—тов. мин. В. К. Константинов, призрения — тов. мин. К. Гр. Голубков, продовольствия — тов. мин. В. Н. Башкиров и народного просвещения — тов. мин. В. Ив. Вернадский.

Слушали:

1. Предложение о замещении должностей министра председателя и министра заместителя на время отсутствия А. Ф. Керенского и А. Ив. Коновалова.

Постановили:

1. На время отсутствия министра председателя А. Ф. Керенского и министра заместителя А. Ив. Коновалова возложить исполнение обязанностей министра председателя на мин. продовольствия С. Н. Прокоповича и министра заместителя на мин. внутр. дел А. М. Никитина с оставлением их в занимаемых ими должностях.

Подписали:

Министр внутренних дел, министр почт и телеграфов **А. Никитин.**
Министр труда **Гвоздев.**
Министр финансов (нет подписи)
За министра юстиции **А. Демьянов.**
За министра госуд призрения **Голубков.**
За министра нар. просвещения **гр. С. Панина.**
Товарищ. мин. путей сообщения **Константинов.**
За министра финансов тов. министра **М. И. Фридман.**
За министра торговли и промышленности **В. Массальский.**
За государств. контролера член совета Гос. Контроля **Г. Краснов.**

Копия.

Особый журнал заседания Временного Правительства 5 ноября 1917 г.

Присутствовали: А. М. Никитин, А. В. Ливеровский, К. А. Гвоздев, В. Н. Башкиров, Н. Н. Саввин, С. Н. Салтыков, М. И. Фридман, гр. Панина, А. А. Демьянов, Г. Д. Скарятин, В. И. Массальский, В. И. Вернадский.

Слушали:	Постановили:
1. Письменное заявление министра-председателя Временного Правительства и Верховного Главнокомандующего всеми вооруженными силами Государства Российского А. Ф. Керенского от 1 ноября 1917 года, о сложении им с себя званий министра-председателя и верховного главнокомандующего и о передаче всех связанных с этими должностями прав и обязанностей в распоряжение Временного Правительства.	1. Освободить согласно заявлению министра-председателя Временного Правительства и Верховного Главнокомандующего всеми вооруженными силами Государства Российского А. Ф. Керенского от означенных должностей.
2. Предположения о замещении должности министра-председателя Временного Правительства.	2. Возложить на министра продовольствия Сергея Прокоповича исполнение обязанностей министра-председателя Временного Правительства, с оставлением его министром продовольствия.

Подлинный журнал за надлежащими подписями и скреплен помощником управляющего делами Временного Правительства.

Журнал

Заседания Временного Правительства 7 ноября 1917 года.

Присутствовали: С. Н. Прокопович, А. М. Никитин, кн. Сидамон-Эристов, Тахтамышев, В. К. Константинов, Г. Д. Скарятин, А. А. Демьянов, В. И. Массальский, С. Ф. Малявкин, Н. В. Некрасов, М. И. Фридман, С. Л. Маслов, С. Н. Салтыков, гр. С. В. Панина, К. Г. Голубков, В. Н. Башкиров, В. И. Вернадский.

Слушали:	Постановили:
Представление управляющего министерством финансов о выдаче Петроградскому Городскому Общественному Управлению ссуды в сумме 7½ миллионов рублей на закупку дров для надобностей городских предприятий.	Отпустить из наличных средств Государственного Казначейства Петроградскому Городскому Общественному Управлению, на покрытие единовременных затрат по закупке дров для надобностей городских предприятий, семь миллионов пятьсот тысяч рублей, в виде ссуды сроком по 1 мая 1918 года, с тем, чтобы три миллиона пятьсот тысяч рублей были отпущены немедленно, а остальные четыре миллиона рублей частями до 1 января 1918 года.

Подписали:

За министра-председателя **С. Прокопович.**
Министры: внутренн. дел **А. Никитин, А. Ливеровский.**
М-р юстиции **П. Н. Малянтович.**
Труда **Гвоздев.**
Товарищи министров: **Константинов, А. Демьянов, М. И. Фридман, гр. С. Панина, В. Массальский.**
За госуд. контролера **Г. Краснов.**
За управляющего делами Временного Правительства **Э. Шольц.**

Секретно.

Журнал

заседания Временного Правительства 8 ноября 1917 года.

Присутствовали: С. Н. Прокопович, К. А. Гвоздев, С. Н. Салтыков, князь Сидамон-Эристов, В. И. Массальский, Г. Д. Скарятин, М. И. Фридман, Л. Кафенгауз, В. К. Константинов, А. В. Ливеровский, Н. В. Некрасов, А. Г. Хрущов, гр. С. В. Панина, В. И. Вернадский, Тахтамышев, К. Г. Голубков, А. А. Демьянов, А. А. Нератов и С. Л. Маслов.

Слушали:

Предложение Комитета Общественного Спасения родины и революции о желательности делегирования представителя Временного Правительства на имеющее состояться в городе Могилеве совещание общественных и политических организаций.

Постановили:

(Шестью голосами против трех, при одном воздержавшемся) воздержаться от посылки представителя Временного Правительства на имеющее состояться в городе Могилеве совещание общественных и политических организаций впредь до выяснения направления и обстановки деятельности означенного совещания.

Особый журнал заседания Временного Правительства 12 ноября 1917 г.

В заседании присутствовали: С. Н. Прокопович, А. В. Ливеровский, П. Н. Малянтович, графиня С. В. Панина, А. А. Демьянов, Г. Д. Скарятин, С. Н. Салтыков, М. И. Фридман, князь Сидамон-Эристов, В. Н. Малянтович, Л. Кафенгауз, А. А. Нератов, В. К. Константинов, Г. А. Краснов, К. Г. Голубков, В. И. Массальский, С. А. Кукель.

Заседание открыто в 5 часов.

Слушали:

представление министерства государственного призрения о временной передаче местных учреждений социальной помощи населению на попечение земских и городских общественных управлений.

Постановили:

Предоставить управляющему министерством государственного призрения войти в сношения с земскими и городскими общественными управлениями на предмет временной передачи находящихся в ведении названного министерства местных учреждений социальной помощи населению на попечение земских и городских общественных управлений.

За министра-председателя **С. Прокопович.**

Министры: путей сообщения **А. Ливеровский.**

юстиции **П. Н. Малянтович.**

Товарищи министров: **гр. С. Панина, А. Нератов, К. Голубков, Салтыков, В. Массальский, Г. Краснов, Константинов, Л. Кафенгауз, Скарятин.**

За управляющего делами Временного Правительства **Э. Шольц.**

Журнал

заседания Временного Правительства 13 ноября 1917 г.

Слушали:

Представление министерства путей сообщения об отпуске сверхсметным порядком четырехсот тридцати одной тысячи восьмисот пятидесяти рублей на осуществление преобразования существующих технических училищ низшего типа в средние.

Постановили:

Отпустить министерству путей сообщения за счет остатков по общей росписи на 1917 год четыреста тридцать одну тысячу восемьсот пятьдесят рублей на осуществление мероприятий министерства по преобразованию специальных училищ ведомства.

Подписали:

За министра-председателя **С. Прокопович.**
М-р юстиции **П. Н. Малянтович.**
М-р путей сообщения **С. А. Ливеровский.**
За мин. финансов **М. И. Фридман.**
За министра торговли и промышленности **В. Массальский.**
За министра иностранных дел **А. Нератов.**
За государственного контролера **Г. Краснов.**
Тов. мин. путей сообщения **Константинов.**
За управляющего делами Временного Правительства **Э. Шольц.**

Журнал

заседания Временного Правительства 14 ноября 1917 года.

Присутствовали: С. Н. Прокопович, А. В. Ливеровский, П. Н. Малянтович, В. К. Константинов, А. С. Орлов, гр. С. В. Панина, В. И. Массальский, К. Г. Голубков, Н. В. Некрасов, М. И. Фридман, С. Н. Салтыков, А. А. Нератов, Л. Б. Кафенгауз и Г. Д. Скарятин.

Слушали:

1. Представление временно-управляющего морским министерством о распространении на чинов флота и морского ведомства положения об единовременных пособиях.

2. Представление временно-управляющего морским министерством об отпуске средств на установление новых правил оплаты труда вольнонаемных служащих морского ведомства.

Постановили:

1. Издать нижеследующее постановление: «Распространить на чинов флота и морского ведомства (за исключением чинов Архангельского и Беломорского района) постановление Временного Правительства о выдаче чинам армии и военного ведомства единовременных пособий в двести рублей холостым и в триста рублей семейным.

2. Издать нижеследующее постановление: I. Предоставить морскому министерству относить на счет чрезвычайных сверхсметных кредитов, открываемых морскому министерству на потребности военного времени, новый расход, вызываемый введением в действие новых правил оплаты труда вольнонаемных служащих береговых учреждений и заведений морского ведомства.

II. Меру, указанную в отделе I, ввести в действие с 1 июля сего года на время войны, но не долее установления общих правил оплаты труда вольнонаемных служащих правительственных учреждений и заведений.

III. Выдачи, произведенные с разрешения помощника морского министра в счет увеличенной платы вольнонаемных служащих ведомства, признать действительным расходом казны.

ПРИЛОЖЕНИЕ III.

Особый журнал заседания Временного Правительства 17 августа 1917 г. № 157 а.

В заседании участвовали: заместитель министра-председателя, министр финансов Н. В. Некрасов, министр торговли и промышленности С. Н. Прокопович, министр почт и телеграфов А. М. Никитин, министр труда М. А. Скобелев, министр государственного призрения И. Н. Ефремов, министр юстиции А. С. Зарудный, министр внутренних дел Н. Д. Авксентьев, министр иностранных дел М. И. Терещенко, министр продовольствия А. В. Пешехонов, министр народного просвещения С. Ф. Ольденбург, министр путей сообщения П. П. Юренев, управляющий министерством финансов М. В. Бернацкий, управляющий морским министерством В. И. Лебедев, помощник военного министра генерал-майор Г. А. Якубович, товарищ министра земледелия П. А. Вяхляев.

В заседании присутствовали: государственный контролер Ф. Ф. Кокошкин и председатель юридического совещания при Временном Правительстве Н. И. Лазаревский.

Заседание открыто в 22 час.

Слушали устное предложение заместителя министра-председателя об установлении порядка присутствования в заседаниях Временного Правительства в различных составах.

Постановили: издать нижеследующее постановление.

1. В деловых заседаниях Временного Правительства участвуют, кроме министров, также товарищи министров: в случае отсутствия кого-либо из министров, замещающие их товарищи пользуются правом решающего голоса. В заседаниях могут присутствовать, кроме чинов канцелярии Временнаго Правительства, секретари министров и другие чины ведомств с разрешения министра-председателя или его заместителя.

2. В политических заседаниях участвуют, кроме министров, управляющие и временно-управляющие министерствами с решающим голосом в отсутствии соответствующих министров, а также особо приглашаемые лица. В заседании присутствуют: управляющий делами Временного Правительства и его помощники, один из начальников отделений, представитель Юридического совещания при Временном Правительстве, директор Петроградского телеграфного агентства и начальник кабинета министра иностранных дел.

3. В закрытых заседаниях Временного Правительства участвуют члены Временного Правительства, управляющие министерствами военным, морским и финансов и особо приглашаемые лица. В закрытых заседаниях присутствует управляющий делами Временного Правительства или один из его помощников.

Подписали: заместитель министра-председателя **Н. Некрасов.**

Министры: торговли и промышленности **С. Прокопович.**
почт и телеграфов (нет подписи).
за труда **К. Гвоздев.**
за государственного призрения **К. Голубков.**
за юстиции **Скарятин.**
за внутренних дел **Салтыков.**
за иностранных дел **Нератов.**
продовольствия (нет подписи).
за народного просвещения гр. **С. Панина.**
за путей сообщения **Ливеровский.**
управляющий министерством финансов, управляющий морским министерством, помощник военного министра, товарища министра земледелия } нет подписи.

За управляющего делами Временного Правительства **Э. Шольц.**

ПРИЛОЖЕНИЕ IV.

Ходатайство объединенного комитета демократических организаций по обороне о субсидии.

Петроград, 8 ноября 1917.

Объединенный
Комитет
демократических организаций
по обороне.
№
Литейный, 21.
Адрес для телеграмм:

Петроград ЦИКСОВДЕП Ком. Обороны.

Временному Правительству.

Объединенный Комитет демократических организаций по Обороне, созданный по инициативе Центр. Исп. Комитета С. Р. и С.-Д. и Исп. Ком. Вс. Совета Кр. Деп., начал свою работу в конце августа.

Несмотря на ряд неблагоприятных условий (выступление Корнилова, затяжной кризис власти и проч.), Комитет развил значительную деятельность. Им выпущено около 2 милл. воззваний, получивших широкое распространение.

В течение одной недели, предшествовавшей большевистскому мятежу, было устроено в Петрограде 46 митингов на тему: «Воевать или сдаваться». Была развита огромная работа по подготовке дней сбора теплого белья для армии.

Предполагалось произвести этот сбор 29, 30 и 31 окт. , но пришлось отложить его из-за выступления большевиков. На 12 — 19 ноября предполагалось устроить по всей городской России неделю «Займа Свободы», а 19 — 25 ноября — в сельской России. Через Петроградское телеграфное агентство были распространены по всей России воззвания, пропагандирующие «Заем Свободы», был организован Центр. Ком. по распространению «Займа Свободы», был устроен ряд подготовительных организационных собраний.

В состав Комитета вошли помимо вышеуказанных организаций: городские самоуправления Петрограда и Москвы, Центральные учреждения кооперативов, Вс. проф. союзы банковских и конторских служащих, железно-дорожный и почтово-телеграфный союзы и целый ряд других общественных организаций.

Председателем Комитета состоит, ныне отсутствующий из Петрограда, Н. С. Чхеидзе, а ближайшее участие в его работах принимают члены ЦИК Временного Совета Российской Республики и Комитета Спасения Родины и Революции Б. О. Богданов и М. И. Бройдо.

Задачи обороны стоят перед Комитетом теперь во весь рост, но к ним прибавились ныне новые задачи, связанные с борьбой за восстановление революционного порядка.

Для развития всей этой работы Комитет нуждается в средствах и обращается к Временному Правительству с ходатайством об отпуске Комитету в виде субсидии трех сот тысяч рублей (300.000 р.).

Устные переговоры по этому делу возлагаются на члена Комитета Савву Павловича Михайличенко.

Управляющий делами Комитета **М. Бройдо.**
Член Комитета **С. Михайличенко.**
Секретарь (подпись).

Пометка чернилами: Отклонить **С. Прокопович.**

ПРИЛОЖЕНИЕ V.

Заявление А. М. Никитина Временному Правительству.

Во Временное Правительство.

Настоящим я вынужден еще раз заявить, что я считаю совершенно неправильной позицию, занятую правительством в заседаниях 6—9 ноября по вопросу о своей дальнейшей деятельности и по вопросу об отношении к попыткам воссоздать верховную власть в государстве. Эта позиция поведет Временное Правительство к бесславному концу и вызовет осуждение за то, что оно не сумело, на-ряду с наметившимися выходами из создавшегося положения, поставить себя в положение, достойное носителей государственной власти. Особенно тягостно для меня, что Правительство фактически не нашло возможным хотя бы морально поддержать ген. Духонина в момент, когда на него пала тяжелая ответственность перед страной — одному решать вопрос о перемирии, которое от него потребовали большевики. Благодаря занятой позиции Временное Правительство с каждым днем будет отрываться от подчиненных ему органов власти и в каждом своем заседании подрывать самую идею верховной власти, возникшей в дни Февральской революции. При таких условиях я считаю невозможным участвовать в дальнейших заседаниях Правительства. Если я не слагаю с себя полномочий, то потому, что желаю до конца разделить с Временным Правительством всю полноту его ответственности. Я уезжаю сегодня в Москву, но по первому требованию Временного Правительства приеду в Петроград, как только изменится занятая им позиция.

Министр внутренних дел **А. Никитин.**

12 ноября 1917 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ VI.

Записка А. А. Нератова о тайных договорах, опубликованных Советом Народных Комиссаров.

Можно ли считать все обнародованные Советом Комиссаров документы из Архива министерства иностранных дел подлинными и официальными.

Мне трудно на память установить тождество подлинника с текстом опубликованных документов. Но, имея доступ к архивам после отобрания у чинов министерства ключей, сотрудники Троцкого могли располагать подлинными текстами. Нужно, однако, полагать, что эти лица не вполне отдают себе отчет в том, что является дипломатическим документом. Среди обнародованных многие сопровождены подписями министров и других должностных лиц, но попали в газеты и другие без подписей и без указания времени их составления. Так, некоторые документы озаглавлены надписями: «справка», «записка» и т. д. Само собою разумеется, что они никакого официального характера не носят, и за содержание их ни министры, ни ведомство иностранных дел не ответственно. В архиве министерства несомненно хранятся и записки, представленные в свое время разными лицами, не состоявшими даже на службе по ведомству. Мне пришлось, например, впервые ознакомиться с обнародованною запискою без подписи по Румынскому вопросу, совершенно превратно освещающею возможные его решения и остающейся на ответственности автора, мне неизвестного. Все подобные записки и справки могут быть рассматриваемы разве только, как сырой материал и, очевидно, отражают только личное мнение составителя.

К ним ни ведомство, ни Правительственные учреждения никакого отношения не имеют.

ПРИЛОЖЕНИЕ VII.

Письмо К. Кирша С. Н. рокоповичу.

Глубокоуважаемый Сергей Николаевич.

Сегодня в Осотопе было общее собрание служащих. На нем лишний раз выяснилась неустойчивость позиции служащих государственных учреждений, в этом повинно в значительной степени «неясное» поведение, неопределенная тактика группы «исполняющей обязанности Времен-

ного Правительства», т.-е. находящихся на свободе министров и их товарищей. А между тем как раз эта же группа, т.-е. «заместители Временного Правительства», могла бы вывести и служащих и себя из существующего ложного положения.

Для этого следовало бы:

1. Временному Правительству заявить громко, что оно продолжает свою текущую работу и работу по руководству отдельными ведомствами вне всякого влияния и вмешательства Военно-Революционного Комитета, игнорируя совершенно последний.

2. Временное Правительство, предложив служащим всех ведомств немедленно приступить к работам под руководством старых руководителей, однако с тем, что при проявлении какого бы то ни было вмешательства Военно-Революционного комитета, предъявлении ими каких бы то ни было требований и пр. занятия должны быть немедленно прерваны.

В мотивировке мог бы быть изложен взгляд Временного Правительства на существующее положение и указано, что оставшиеся на свободе члены Временного Правительства считают себя обязанными продолжать управление для доведения страны до Учредительного Собрания. Сейчас положение крайне ложное ввиду следующих соображений: забастовки государственных учреждений приносят безусловно вред стране, больший стране, чем большевикам. Если этот вред не велик, то потому, что мы открыто или тайком поддерживаем работу тех частей, которых недействие могло бы резко влиять на жизнь государства. Эта двойственность тяготит многих, ею пользуются отдельные лица для срыва забастовок в единочку, — т.-е. отмены не сразу для всех учреждений, а в отдельности для разных учреждений. Это было бы поражением и это нужно предупредить. Или нужно всем учреждениям сразу изменить свою тактику или вовсе ее отменить.

По существу мне кажется, что работа государственных учреждений сейчас нужна, и отсутствие работы деморализует служащих.

Далее еще одно тактическое соображение. Большевики указывают, что забастовка государственных учреждений лишает «их» возможности работать «на благо народа». И это оружие будет снято.

Момент для «объявления» и проявления своей работы и власти мне кажется сейчас очень удобным. Ведь в Смольном Институте уже некому даже командовать. Пусть тут оставшиеся члены Временного Правительства и скажут, что они еще существуют и теперь начинают свою работу по направлению хозяйственной жизни страны.

Я сегодня вечером собираюсь поехать в Москву на завтрашнее заседание московского районного совещания по топливу. Вернусь к пятнице. Если завтра нужны какие-нибудь справки по Осотопу, то прошу позвонить 4—59—74 в Осотоп и спросить Классена, Викт. Эмильевича или Кирпичева, Мих. Викт.

Ваш **К. Кирш.**

8. XI. 1917.

При сем материалы к заседанию в 12 экз.

К. К.

Из записок Николая I о 14 декабря 1825 г.

Записки Николая I об обстоятельствах вступления его на престол, составленные им в 1831 году для своего семейства, известны давно; ими пользовался для своей книги бар. Корф, их обильно цитировали Т. Шиман и Н. К. Шильдер; в 1907 году П. Е. Щеголев опубликовал большой отрывок из них в журнале «Былое»; но помещаемая ниже часть этих записок появляется в печати впервые.

Записки Николая I принадлежат к числу тех вышедших из придворных и правительственных кругов документов и литературных произведений, которыми создана была и пущена в обращение официальная версия истории воцарения Николая I. Версия эта стала зарождаться еще среди самих событий; несколько фраз и эффектных поз их участников—и прежде всего самого Николая —выдвигали определенное истолкование, определенные оценки происходившего; в них были даны первые выражения складывавшейся концепции, определены ее основные моменты. В ряде последующих документов, официальных и частных—в манифестах, правительственных сообщениях, служебных рапортах, в письмах и мемуарах—версия эта получила дальнейшую разработку, была детализована, углублена. Свое завершение она нашла в двух книгах, в двух монографиях, оперирующих богатым документальным материалом и построенных весьма искусно — в «Донесении Следственной Комиссии для изыскания о злоумышленных обществах», составленном Д. Н. Блудовым, и в составленном по высочайшему повелению статс-секретарем бароном Корфом сочинении—«Восшествие на престол императора Николая I». Разумеется, это были не объективные научные исследования, а политические памфлеты, имеющие задачею внушить читателю определенные взгляды и суждения.

Во всех стадиях созидания этой официальной концепции, этой официальной легенды о 14 декабря Николай I принимал личное и весьма деятельное участие. Все важнейшие официальные документы, касающиеся декабрьских событий—манифесты, указы, правительственные сообщения, акты Верховного Уголовного Суда—составлены были по его указаниям, под его руководством и прошли через его редакторскую правку. Давал он указания и при составлении «Донесения Следственной Комиссии», обсуждал черновики его с составителями. Барон Корф свою работу писал по заданиям Николая, и все варианты ее, от первоначального до окончательного, прошли через цензуру и правку Николая, который испещрял поля рукописи вставками и замечаниями.

Записки 1831 года представляют один из эпизодов того же высочайшего авторства над официальной версией истории 14 декабря. Записки распадаются на несколько частей, объединенных общим замыслом, но внешне не связанных между собой. Первая часть содержит рассказ о детстве и учебных годах Николая и Михаила Павловичей и о их поездке в действующую армию и в Париж во время похода 1814 года. Вторая, озаглавленная «О наследии после императора Александра I», повествует об объявлении Александром Николаю и его жене о переходе к ним престола и о службе Николая в должно-

сти бригадного командира. Третья часть, начинающаяся словами: «Надо было решиться»... захватывает время от 3 декабря, когда приехал в Петербург из Варшавы Михаил Павлович, до вечера 14 декабря. Наконец, печатаемая здесь четвертая часть «Записок» дает рассказ о ночи с 14 на 15 декабря и о допросах, которые производил Николай I декабристам[1]).

В соответствии с общей тенденцией официальной версии, Николай в этой главе своих воспоминаний хочет уверить читателя, что при допросах декабристов основным правилом его и его помощников было «не искать виновных, но всякому дать возможность оправдаться», в ответ на что с противной стороны он встретил черствую закоснелость и полную неспособность понять великодушного царя; таким образом читатель определенно приглашается признать за Николаем моральное превосходство над его противниками, видеть в нем гуманного владыку, ставшего волею судьбы судьею в своем собственном деле, но чуждым личной мстительности и злобы.

Приводить общеизвестные факты, чтобы напомнить, каков был подлинный характер николаевского расследования, сколько на самом деле было великодушия и искренности в следовательских приемах державного жандарма, здесь нет надобности: «собственноручные записки» сами достаточно выразительно изображают, как быстро соскакивала с него всякая игра в благородство, как сбивался он с тона и впадал в бешеную ярость, лишь только встречал со стороны своих «пленников» дух независимости, сознание собственного достоинства и верность данному слову, как непрочь он был свести при случае личные счеты, как мало останавливался его следовательский азарт даже перед явной болезнью и физическими страданиями его жертвы. В дополнение к известным по прежним источникам сценам, «Записки» дают несколько новых картин этого рода.

В моральном единоборстве с допрашиваемыми декабристами Николай нередко оказывался побежденным, и эту неприятную правду не могла закрыть ни от него самого, ни от других никакая ретушь, как бы густо ни накладывал ее в своем рассказе царственный мемуарист. Когда Николай писал свои «Записки», прошло уже шесть лет со времени процесса декабристов; из противников Николая одни тлели в залитой известкой яме на Голодае, другие засланы были в сибирские трущобы; но он не мог спокойно вспоминать сцены допросов; он раздражается, рассказывая их, и начинает браниться нехорошо и неприлично, как делают это грубые и несдержанные люди, когда чувствуют себя неправыми и морально побежденными.

Таково содержание и таков характер отрывка из «Записок» Николая I, который предлагается здесь вниманию читателя. Можно полагать, он не лишен известной цены в ряду источников по истории 14 декабря.

Подлинная рукопись «Записок» хранится во Втором Отделении б. Государственного Архива в Москве, в числе документов из бывшей библиотеки Зимнего Дворца. Она написана карандашом на больших листах плотной бумаги обычным четким и твердым почерком Николая. Здесь воспроизводится она в современной (новой) орфографии. так, вместо «перьвый» «верьхом», всюду «первый», «верхом», вместо «щастіе» — «счастие», вместо «щитав» — считав, и т. п., исправлена пунктуация и раскрыты сокращения имен и отдельных слов.

Б. Сыроечковский.

---

[1]) К ним дополнением к «Запискам» Николая I являются заметки его на полях рукописи Корфа, иногда весьма пространные. Большая часть их использована бар. Корфом в его книге и цитирована Н. К. Шильдером в его работе о Николае I.

Ночь с 14 на 15 декабря была не менее замечательна, как и прошедший день; потому для общего понятия всех обстоятельств тогдашних происшествий нужно и об ней подробно упомянуть.

Едва воротились мы из церкви, я сошел, как сказано в первой части, к расположенным перед дворцом и на дворе войскам. Тогда велел снести я сына [1]) и священнику с крестом и святой водой приказал обойти ближние биваки и окропить войска. Воротясь, я велел собраться Совету и, взяв с собой брата Михаила Павловича, пошел в собрание. Там в коротких словах я объявил настоящее положение вещей и истинную цель того бунта, который здесь принимал совершенно иной предлог, чем был настоящий; никто в Совете не подозревал сего; удивление было общее, и, прибавлю, удовольствие казалось общим, что бог избавил от видимой гибели. Против меня первым налево сидел Н. С. Мордвинов [2]). Старик слушал особенно внимательно, и тогда же выражение лица его мне показалось особенным; потом мне сие объяснилось в некоторой степени.

Когда я пришел домой, комнаты мои похожи были на Главную Квартиру в походное время. Донесения от князя Васильчикова [3]) и от Бенкендорфа [4]) одно за другим ко мне приходили. Везде сбирали разбежавшихся солдат Гренадерского полка и часть Московского. Но важнее было арестовать предводительствовавших офицеров и других лиц.

Не могу припомнить, кто первый приведен был; кажется мне— Щепин-Ростовский [5]). Он, в тогдашней полной форме и в белых панталонах, был из первых схвачен, сейчас после разбития мятежной толпы; его вели мимо верной части Московского полка, офицеры его узнали и в порыве негодования на него как увлекшего часть полка в заблуждение, они бросились на него и сорвали эполеты; ему стянули руки назад веревкой, и в таком виде он был ко мне приведен. Подозревали, что он был главное лицо бунта; но с первых его слов можно было удостовериться, что он был одно слепое орудие других и подобно солдатам завлечен был одним убеждением, что он верен императору Константину. Сколько помню, за ним приведен был Бестужев Московского полка, и от него уже узнали мы, что князь Трубецкой был назначен предводительствовать мятежем. Генерал-адъютанту графу Толю [6]) поручил я снимать допрос и записывать показания приводимых, что он исполнял, сидя на софе пред столиком, там, где теперь у наследника висит портрет императора Александра.

По первому показанию насчет Трубецкого я послал флигель-адъютанта князя Голицына [7]), что теперь генерал-губернатор Смоленский, взять его. Он жил у отца жены своей, урожденной графини Лаваль [8]). Князь Голицын не нашел его; он с утра не возвращался, и полагали, что должен быть у княгини Белосельской, тетки его жены. Князь Голицын имел приказание забрать все его бумаги, но таких не нашел: они были или скрыты или уничтожены; однако в одном из ящиков нашлась черновая бумага на оторванном листе, писанная рукою Трубецкого, особой важности; это была программа на весь ход действий мятежников на 14 число, с означением лиц участвующих и разделением обязанностей каждому. С сим князь Голицын поспешил ко мне, и тогда только многое нам объяснилось. Важный сей документ я вложил в конверт и оставил при себе, и велел ему же, князю Голицыну, непременно отыскать Трубецкого и доставить ко мне. Покуда он отправился за ним, принесли отобранные знамена у лейб-гвардии Московского, лейб-гвардии Гренадерского и Гвардейского экипажа, и вскоре потом собранные и обезоруженные пленные под конвоем лейб-гвардии Семеновского полка и эскадрона конной гвардии проведены в крепость.

Князь Голицын скоро воротился от княгини Белосельской с донесением, что там Трубецкого не застал, и что он переехал в дом австрийского посла, графа Лебцельтерна [9]), женатого на другой же сестре графини Лаваль.

Я немедленно отправил князя Голицына к управляющему министерством иностранных дел графу Нессельроду [10]) с приказанием ехать сию же минуту к графу Лебцельтерну с требованием выдачи Трубецкого, что граф Нессельроде сей час исполнил. Но граф Лебцельтерн не хотел вначале его выдавать, протестуя, что он ни в чем не виновен. Положительное настояние графа Нессельрода положило сему конец: Трубецкой был выдан князю Голицыну и им ко мне доставлен.

Призвав генерала Толя во свидетели нашего свидания, я велел ввести Трубецкого и приветствовал его сими словами:

— Вы должны быть известны об происходившем вчера. С тех пор многое объяснилось, и, к удивлению и сожалению моему, важные улики на вас существуют, что вы не только—участником заговора, но должны были им предводительствовать. Хочу вам дать возможность хоть несколько уменьшить степень вашего преступления добровольным признанием всего вам известного; тем вы дадите мне возможность пощадить вас, сколько возможно будет. Скажите, что вы знаете?

— Я невинен, я ничего не знаю,—отвечал он.

— Князь, опомнитесь и войдите в ваше положение: вы — преступник; я — ваш судья; улики на вас — положительные, ужасные и у меня в руках. Ваше отрицание не спасет вас; вы себя погубите—отвечайте, что вам известно?

— Повторяю, я не виновен; ничего я не знаю.

Показывая ему конверт, сказал я:

— В последний раз, князь, скажите, что вы знаете, ничего не скрывая, или — вы невозвратно погибли. Отвечайте!

Он еще дерзче мне ответил:

— Я уже сказал, что ничего не знаю.

— Ежели так,—возразил я, показывая ему развернутый его руки текст,—так смотрите же, что это?

Тогда он, как громом пораженный, упал к моим ногам в самом постыдном виде.

— Ступайте вон! все с вами кончено! — сказал я, и генерал Толь начал ему допрос. Он отвечал весьма долго, стараясь все затемнять, но, несмотря на то, изобличал еще больше и себя и многих других [11]).

Кажется мне, тогда же арестован и привезен ко мне Рылеев. В эту же ночь объяснилось, что многие из офицеров Кавалергардского полка, бывшие накануне в строю и даже усердно исполнявшие свой долг, были в заговоре; имена их известны по делу; их одного за другим арестовали и привозили, равно многих офицеров Гвардейского Экипажа.

В этих привозах, тяжелых свиданиях и допросах прошла вся ночь. Разумеется, что всю ночь я не только что не ложился, но даже не успел снять платье и едва на полчаса мог прилечь на софе, как был одет, но не спал. Генерал Толь всю ночь напролет не переставал допрашивать и писать. К утру мы все походили на тени и насилу могли двигаться. Так прошла эта достопамятная ночь. Упомнить, кто именно взяты были в это время, никак уже не могу, но показания пленных были столь разнообразны, пространны и сложны, что нужна была особая твердость ума, чтоб в сем хаосе не потеряться.

Моя решимость была, с начала самого,—не искать *виновных*, но дать каждому оговоренному возможность смыть с себя пятно *подозрения*. Так и исполнялось свято. Всякое лицо, на которое было одно показание, без явного участия в происшествии, под нашими глазами совершившемся, призывалось к допросу; отрицание его или недостаток улик были достаточны к немедленному его освобождению. В числе сих лиц был известный Якубович [12]); его наглая смелость отвергала всякое участие, и он был освобожден, хотя вскоре новые улики заставили его вновь и окончательно арестовать. Таким же образом лейб-гвардии конного пионерного эскадрона поручик Назимов [13]) был взят, ни в чем не сознался, и недостаток начальных улик был причиной, что, допущенный к исправлению должности, он даже 6 января был во внутреннем карауле; но несколько дней спустя был вновь изобличен и взят под арест. Между прочими показаниями было и на тогдашнего полковника лейб-гвардии Финляндского полка фон-Моллера [14]), что ныне дивизионный начальник 1-й гвардейской дивизии. 14 декабря он был дежурным по караулам и вместе со мной стоял в главной гауптвахте под воротами, когда я караул туда привел. Сперва улики на него казались важными—в знании готовившегося; доказательств не было, и я его отпустил.

За всеми, не находящимися в столице, посылались адъютанты или фельдъегери.

В числе показаний на лица, но без достаточных улик, чтоб приступить было можно даже к допросам, были таковы на Н. С. Мордвинова, сенатора Сумарокова [15]) и даже на М. М. Сперанского [16]). Подобные показания рождали сомнения и недоверчивость, весьма тягостные, и долго не могли совершенно рассеяться. Странным казалось тоже поведение покойного Карла Ивановича Бистрома [17]), и должно признаться, что оно совершенно никогда не объяснилось. Он был начальником пехоты гвардейского корпуса; брат и я были его два дивизионные подчиненные ему начальники. У генерала Бистрома был адъютантом известный князь Оболенский. Его ли влияние на своего генерала, или иные причины, но, в минуту бунта, Бистрома нигде не можно было сыскать; наконец, он пришел с лейб-гвардии Егерским полком, и хотя долг его был — сесть на копя и принять начальство над собранной пехотой, он остался пеший, в шинели перед Егерским полком и не отходил ни на шаг от оного, под предлогом, как хотел объяснить потом, что полк колебался, и он опасался, чтоб не пристал к прочим заблудшим. Ничего подобного я на лицах полка не видал, но когда полк шел еще из казарм по Гороховой на площадь, то у Каменного моста, отделенный взвод 1 карабинерной роты, состоявший почти весь из кантонистов, вдруг бросился назад, но был сейчас остановлен своим офицером поручиком Живко-Миленко-Стайковичем [18]) и приведен в порядок. Не меньше того поведение генерала Бистрома показалось столь странным и мало понятным, что он не был вместе с другими генералами гвардии назначен в генерал-адъютанты, но получил сие звание позднее.

Рано утром все было тихо в городе, и кроме продолжения розыска об скрывшихся после рассеяния бунтовавшей толпы, ничего не произошло.

Воротившиеся сами по себе солдаты в казармы из сей же толпы принялись за обычные свои занятия, искренно жалея, что невольно впали в заблуждение обманом своих офицеров. Но виновность была разная; в Московском полку ослушание и потом бунт произошли в присутствии всех старших начальников — дивизионного генерала Шеншина [19]) и полкового командира ген.-майора Фредерикса [20]) и в присутствии всех штаб-офицеров полка; два капитана отважились звать полк и успели половину полка вывесть из послушания, тяжело ранив генералов и одного полковника и отняв знамена! В лейб-Гренадерском полку было того хуже. Полк присягнул; прапорщик, вопреки полкового командира, всех штаб-офицеров и большей части обер-офицеров увлек весь полк, и полковой командир убит в виду полка, которого остановить не мог. Нашелся в полку только один капитан, князь Мещерский, который умел часть своей роты удержать в порядке. Наконец, в Гвардейском экипаже большая часть офицеров, кроме штаб-офицеров, участвовали в заговоре и тем удобнее могли обмануть ниж-

них чинов, твердо думавших, что исполняют волю присяги, следуя за ними, вопреки увещаний своих главных начальников. Но батальон сей первый пришел в порядок; огорчение людей было искреннее, и желание их заслужить прощение столь нелицемерно, что я решился, по представлению Михаила Павловича, воротить им знамя в знак забвения происшедшего накануне.

Утро было ясное; солнце ярко освещало бивакирующие войска; было около десяти или более градусов мороза. Долее держать войска под ружьем не было нужды; но, прежде роспуска их, я хотел их осмотреть и благодарить за общее усердие всех и тут же осмотреть Гвардейский экипаж и возвратить ему знамя. Часов около 10, надев в первый раз Преображенский мундир, выехал я верхом и объехал сначала войска на Дворцовой площади, потом на Адмиралтейской; тут выстроен был Гвардейский экипаж фронтом, спиной к Адмиралтейству, правый фланг к Вознесенской. Приняв честь, я в коротких словах сказал, что хочу забыть минутное заблуждение и в знак того возвращаю им знамя, а Михаилу Павловичу поручил привесть батальон к присяге, что и исполнялось, покуда я объезжал войска на Сенатской площади и на Английской набережной. Осмотр войск кончил я теми, кои стояли на Большой набережной, и после того распустил войска.

В то самое время, как я возвращался, провеали мимо меня в санях лишь только что пойманного Оболенского. Возвратясь к себе, я нашел его в той передней комнате, в которой теперь у наследника бильярд. Следив давно уже за подлыми поступками этого человека, я как будто предугадал его злые намерения и, признаюсь, с особенным удовольствием объявил ему, что не удивляюсь ничуть видеть его в теперешнем его положении пред собой, ибо давно его черную душу предугадывал. Лицо его имело зверское и подлое выражение, и общее презрение к нему сильно выражалось [21]).

Скоро после того пришли мне сказать, что в ту же комнату явился сам Александр Бестужев, прозвавшийся Марлинским. Мучимый совестью, он прибыл прямо во дворец на комендатский подъезд, в полной форме и щеголем одетый. Взошед в тогдашнюю знаменную комнату, он снял с себя саблю и, обошед весь дворец, явился вдруг к общему удивлению всех во множестве бывших в передней комнате. Я вышел в залу и велел его позвать; он с самым скромным и приличным выражением подошел ко мне и сказал:

— Преступный Александр Бестужев приносит вашему величеству свою повинную голову.

Я ему отвечал:

— Радуюсь, что вашим благородным поступком вы даете мне возможность уменьшить вашу виновность; будьте откровенны в ваших ответах и тем докажите искренность вашего раскаяния.

Много других преступников приведено в течение этого дня, и так как генералу Толю, по другим его обязанностям, не было времени про-

должать допросы, то я заменил его генералом Левашовым [22]), который с той минуты в течение всей зимы, с раннего утра до поздней ночи, безвыходно сим был занят и исполнял сию тяжелую во всех отношениях обязанность с примерным усердием, терпением и, прибавлю, отменною сметливостью, не отходя ни на минуту от данного мной направления, т.-е. не искать *виновных*, но всякому давать возможность оправдаться.

Входить во все подробности происходившего при сих допросах излишне. Упомяну только об порядке, как допросы производились; они любопытны. Всякое арестованное здесь ли, или привезенное сюда лицо доставлялось прямо на главную гауптвахту. Давалось о сем знать ко мне чрез генерала Левашова. Тогда же лицо приводили ко мне под конвоем. Дежурный флигель-адъютант доносил об том генералу Левашову, он мне, в котором бы часу ни было, даже во время обеда. Доколь жил я в комнатах, где теперь сын живет, допросы делались, как первую ночь — в гостиной. Вводили арестанта дежурные флигель-адъютанты; в комнате никого не было, кроме генерала Левашова и меня. Всегда начиналось моим увещанием говорить сущую правду, ничего не прибавляя и не скрывая, и зная вперед, что не ищут виновного, но желают искренно дать возможность оправдаться, но не усугублять своей виновности ложью или отпирательством.

Так продолжалось с первого до последнего дня. Ежели лицо было важно по участию, я лично опрашивал; малозначущих оставлял генералу Левашову; в обоих случаях после словесного допроса генерал Левашов все записывал, или давал часто им самим писать свои первоначальные признания. Когда таковые бывали готовы, генерал Левашов вновь меня призывал, или входил ко мне, и, по прочтении допроса, я писал собственноручное повеление Санкт-Петербургской крепости коменданту генералу-адъютанту Сукину о принятии арестанта и каким образом его содержать—строго ли, или секретно, или простым арестом.

Когда я перешел жить в Эрмитаж, допросы происходили в Итальянской большой зале, у печки, которая к стороне театра. Единообразие сих допросов особенного ничего не представляло: те же признания, те же обстоятельства более или менее полные. Но было несколько весьма замечательных, об которых упомяну. Таковы были Каховского, Никиты *) Муравьева, руководителя бунта Черниговского полка, Пестеля, Артамона Муравьева, Матвея Муравьева, брата Никиты, Сергея Волконского и Михайлы Орлова.

Каховский говорил смело, резко, положительно и совершенно откровенно. Причину заговора относя к нестерпимым будто притеснениям и неправосудию старался причиной им представлять покойного императора. Смоленский помещик, он в особенности вопил на меры,

*) Николай спутал имена: он имеет в виду Сергея Ивановича Муравьева-Апостола. *Прим. Б. С.*

принятые там для устройства дороги по проселочному пути, по которому государь и императрица следовали в Таганрог, будто с неслыханными трудностями и разорением края исполненными. Но с тем вместе он был молодой человек, исполненный прямо любви к отечеству, но в самом преступном направлении.

Никита Муравьев был образец закоснелого злодея. Одаренный необыкновенным умом, получивший отличное образование, но на заграничный лад, он был во своих мыслях дерзок и самонадеян до сумасшествия, но вместе скрытен и необыкновенно тверд.

Тяжело раненый в голову, когда был взят с оружием в руках, его привезли закованного. Здесь сняли с него цепи и привели ко мне. Ослабленный от тяжкой раны и оков, он едва мог ходить. Знав его в Семеновском полку ловким офицером, я ему сказал, что мне тем тяжеле видеть старого товарища в таком горестном положении, что прежде его лично знал за офицера, которого покойный государь отличал, что теперь ему ясно должно быть, до какой степени он преступен, что — причиной несчастия многих невинных жертв, и увещал ничего не скрывать и не усугублять своей вины упорством. Он едва стоял; мы его посадили и начали допрашивать. С полной откровенностью он стал рассказывать весь план действий и связи свои. Когда он все высказал, я ему отвечал:

— Объясните мне, Муравьев, как вы, человек умный, образованный, могли хоть одну секунду до того забыться, чтоб считать ваше намерение сбыточным, а не тем, что есть—преступным злодейским сумасбродством?

Он поник голову, ничего не отвечал, но качал головой с видом, что чувствует истину, но поздно.

Когда допрос кончился, Левашов и я, мы должны были его поднять и вести под руки.

Пестель был также привезен в оковах; по особой важности его действий, его привезли и держали секретно. Сняв с него оковы, он приведен был вниз, в Эрмитажную библиотеку. Пестель был злодей во всей силе слова, без малейшей тени раскаяния, с зверским выражением и самой дерзкой смелости в запирательстве; я полагаю, что редко найдется подобный изверг.

Артамон Муравьев [23]) был не что иное как убийца, изверг без всяких других качеств, кроме дерзкого вызова на цареубийство. Подл в теперешнем положении, он валялся у меня в ногах прося пощады!

Напротив, Матвей Муравьев, сначала увлеченный братом, но потом в полном раскаянии уже некоторое время от всех отставший, из братской любви только спутник его во время бунта и вместе с ним взятый, благородством чувств, искренним глубоким раскаянием меня глубоко тронул.

Сергей Волконский набитый дурак, таким нам всем давно известный, лжец и подлец в полном смысле, и здесь таким же себя показал. Не ствечая ни на что, стоя, как одурелый, он собой представлял

самый отвратительный образец неблагодарного злодея и глупейшего человека.

Орлов [24]) жил в отставке в Москве. С большим умом, благородной наружности — он имел привлекательный дар слова. Был флигель-адъютант при покойном императоре; им назначен был при сдаче Парижа для переговоров. Пользуясь долго особенным благорасположением покойного государя, он принадлежал к числу тех людей, которых счастие избаловало, у которых глупая надменность затмевала ум, считав, что они рождены для преобразования России. Орлову меньше всех должно было забыть, чем он был обязан своему государю, но самолюбие заглушило в нем и тень благодарности и благородства чувств. Завлеченный самолюбием, он с непостижимым легкомыслием согласился быть и сделался главой заговора, хотя вначале не столь преступного, как впоследствии. Когда же первоначальная цель общества начала исчезать и обратилась уже в совершенный замысл на все священное и цареубийство, Орлов объявил, что перестает быть членом общества, и, видимо, им более не был, хотя не прекращал связей знакомства с бывшими соумышленниками и постоянно следил и знал, что делалось у них. В Москве, женатый на дочери генерала Раевского [25]), которого одно время был начальником штаба, Орлов жил в обществе как человек привлекательный своим умом, нахальный и большой говорун. Когда пришло в Москву повеление к всенному генерал-губернатору князю Голицыну [26]) об арестовании и присылке его в Петербург, никто верить не мог, чтоб он был причастен к открывшимся злодействам. Сам он, полагаясь на свой ум и в особенности увлеченный своим самонадеянием, полагал, что ему стоить будет сказать слово, чтоб снять с себя и тень участия в деле.

Таким он явился. Быв с ним очень знаком, я его принял как старого товарища и сказал ему, посадив с собой, что мне очень больно видеть его у себя без шпаги, что, однако, участие его в заговоре нам вполне уже известно и вынудило его призвать к допросу, но не с тем, чтоб слепо верить уликам на него, но с душевным желанием, чтоб мог вполне оправдаться; что других я *допрашивал*, его же прошу, как благородного человека, старого флигель-адъютанта покойного императора *сказать* мне откровенно, что знает.

Он слушал меня с язвительной улыбкой, как бы насмехаясь надо мной, и отвечал, что ничего не знает, ибо никакого заговора не знал, не слышал, и потому и к нему принадлежать не мог; но что ежели б и знал про него, то над ним бы смеялся как над глупостию. Все это было сказано с насмешливым тоном и выражением человека, слишком высоко стоящего, чтоб иначе отвечать, как из *снисхождения*.

Дав ему договорить, я сказал ему, что он, повидимому, страшно ошибается насчет нашего обоюдного положения, что не он снисходит *отвечать мне*, а я снисхожу к нему, обращаясь не как с преступником, а как с старым товарищем, и кончил сими словами:

— Прошу вас, Михаил Федорович, не заставьте меня изменить моего с вами обращения; отвечайте моему к вам доверию и искренности.

Тут он рассмеялся еще язвительнее и сказал мне:

— Разве общество под названием «Арзамас» хотите вы узнать?

Я отвечал ему весьма хладнокровно:

— До сих пор с вами говорил старый товарищ, теперь вам приказывает ваш государь; отвечайте прямо, что вам известно.

Он прежним тоном повторил:

— Я уже сказал, что ничего не знаю и нечего мне рассказывать.

Тогда я встал и сказал генералу Левашеву:

— Вы слышали? — Принимайтесь же за ваше дело! — и — обратясь к Орлову — а между нами все кончено.

С сим я ушел и более никогда его не видел.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) *«Тогда велел я снести сына»*... Николай I имеет в виду театральную сцену, разыгранную им вечером 14 декабря, по возвращении с Сенатской площади: с сыном на руках вышел он к саперному батальону, занимавшему караул во дворце, и передал наследника на руки вызванным вперед солдатам, имевшим знаки военного ордена.

[2]) *Мордвинов, граф Николай Семенович* (1754—1845), адмирал, председатель департамента экономии Государственного Совета; известен был либеральными взглядами; в кругах декабристов был называем как один из возможных членов временного правительства, которое должно было стать у власти после переворота и созвать Собор. Он один из всех членов Верховного Суда, судившего декабристов, подал голос против смертной казни кому-либо из подсудимых.

[3]) *Васильчиков, князь Илларион Васильевич* (1774—1847), генерал-адъютант; Николай поручил ему командование войсками, ловившими мятежных солдат и офицеров в части города, примыкавшей к дворцу и Сенатской площади.

[4]) *Бенкендорф, граф Александр Христофорович* (1783—1844), генерал-адъютант; ему было поручено командование войсками, преследовавшими мятежников на Васильевском острове, куда часть их бежала через Неву.

[5]) *Щепин-Ростовский, князь Дмитрий Александрович* (1798—1859), штабс-капитан лейб-гвардии Московского полка, не будучи членом тайного общества, примкнул в декабре к заговору. 14 декабря он вместе с Михаилом и Александром Бестужевыми поднял на мятеж часть своего полка и вывел восставших солдат на площадь. Он нанес тяжелые раны генералам Шеншину и Фредериксу, полковнику Хвощинскому, одному унтер-офицеру и гренадеру, пытавшимся удержать солдат. В тюрьме, по приказанию Николая, был закован в ручные железа.

[6]) *Толь, Карл Федорович* (1777—1842), генерал-адъютант; графским титулом пожалован 9 июня 1829 г.

[7]) *Голицын, князь Андрей Михайлович* (1792—1863), флигель-адъютант, позднее витебский и смоленский генерал-губернатор, тульский военный губернатор, сенатор.

[8]) *Трубецкая, княгиня Екатерина Ивановна* († 1854), жена декабриста, дочь графа Ивана Степановича Лаваль († 1843), французского эмигранта, служившего по министерству народного просвещения, позднее по министерству иностранных дел.

[9]) *Лебцельтерн, граф Людвиг* († 1854), австрийский посланник при русском дворе с 1816 по 1826 года.

[10]) *Нессельроде, граф Карл Васильевич* (1780—1862), с 1816 г. стоял во главе ведомства иностранных дел.

[11]) *Трубецкой, князь Сергей Петрович* (1791—1860), полковник лейб-гвардии Преображенского полка, дежурный штаб-офицер 4 пехотного корпуса, был прислан в Петропавловскую крепость в 10 ч. 45 м. вечера 15 декабря при собственноручной записке Николая генерал-адъют. Сукину: «Трубецкого, при сем присылаемого, посадить в Алексеевский равелин. За ним всех строже смотреть, особенно не позволять никуда ни выходить и ни с кем не видеться».

[12]) *Якубович, Александр Иванович* (1792—1845), капитан Нижегородского драгунского полка, не будучи членом тайного общества, примкнул к заговору с конца ноября 1825 г. Поведение его 14 декабря было полно противоречий и колебаний: он отговаривал Александра Бестужева от решительных действий и сам стал во главе Семеновского полка, шедшего на площадь; с площади скоро ушел, сославшись на головную боль (он на Кавказе был ранен в голову), позднее появился опять, но уже около Николая I; он заявил Николаю, что покинул мятежников, когда услышал, что они за Константина, и вызвался итти уговаривать восставших положить оружие; но, вернувшись к мятежному каре, он советовал товарищам держаться, так как Николай их боится.

[13]) *Назимов, Михаил Александрович* (1801—1888), шт.-капитан лейб-гвардии Конно-Пионерного эскадрона, член Северного Общества с 1823 года.

[14]) *Моллер, фон. Александр Федорович* (1796—1862), полковник лейб-гвардии Финляндского полка, был назван в показаниях некоторых декабристов, как член общества, вышедший, однако, из его состава, когда определилось решение поднять восстание.

[15]) *Сумароков, Павел Иванович* († 1846), сенатор, писатель, член Российской Академии.

[16]) *Сперанский*, Михаил Михайлович (1772—1839), член Государственного Совета так же, как и Н. С. Мордвинов, был называем декабристами в качестве предполагаемого члена временного правительства. Николай устроил своеобразную пытку Сперанскому, привлекши его к самому деятельному участию в суде над декабристами; именно Сперанский, по указаниям Николая, разработал распределение подсудимых по разрядам и кары для каждого разряда.

[17]) *Бистром I, Карл Иванович* (1770—1838), генерал, начальником гвардейской пехоты назначен был 3 марта 1825 года.

[18]) *Живко-Миленко-Стайкович*, поручик лейб-гв. Егерского полка, сын сербского воеводы. В высочайшем приказе 15 декабря 1825 г. объявлена была ему высочайшая благодарность «за примерный порядок, усердие и точность в исполнении своих обязанностей»; 1 января 1826 г. за отличное усердие к службе и отличное исполнение своих обязанностей награжден орденом св. Анны 4 ст.

[19]) *Шеншин, Василий Никанорович* (1784—1831), генерал-адъютант, генерал-лейтенант, командир 1 бригады 1 гвардейской пехотной дивизии.

[20]) *Фредерикс, барон Петр Андреевич*, генерал-майор, командир лейб-гв. Московского полка.

[21]) *Оболенский I, князь Евгений Петрович* (1797—1868), поручик лейб-гвардии Финляндского полка. Нерасположение между ним и Николаем было обоюдное. «Вы не можете вообразить, что я терпел от него», — сказал Николай присутствующим генералам, когда ввели для допроса связанного Оболенского. Как бригадный командир Николай был подчинен начальнику гвардейской пехоты ген. Бистрому, старшим адъютантом которого был Оболенский, и по службе своей Оболенский мог, конечно, причинять много мелких неприятностей Николаю. Отправляя в восьмом часу вечера 14 декабря Оболенского в крепость, Николай писал генералу Сукину: «Оболенского посадить в Алексеевский равелин

под строжайший арест, без всякого сообщения — не мешает усилить наблюдение, чтобы громких разговоров не было между арестантов, буде по месту сие возможно». 25 декабря Оболенский, по распоряжению Николая, был закован в ручные железа. Повидимому, Николай в «Записках» спутал время ареста и привода к нему Оболенского.

[22]) *Левашев, Василий Васильевич* (1783—1848), генерал-адъютант, член Комиссии для изыскания о злоумышленных обществах и Верховного Суда.

[23]) *Муравьев, Артамон Захарович* (1794—1846), полковник, командир Ахтырского гусарского полка. После личного допроса Николаем I 17 января 1826 г. Муравьев был возвращен в крепость при записке ген. Сукину: «Прилагаемого злодея Муравьева Артамона заковать и содержать как наистроже»; раскован Муравьев был только 30 апреля. «Злодейство» его сводилось к неоднократным и пылким изъявлениям готовности на цареубийство и восстание; однако, на деле, во время восстания Черниговского полка, он не только не примкнул к С. Муравьеву-Апостолу, но и отказал ему в каком бы то ни было содействии. Несмотря на унизительные просьбы о помиловании, Артамон Муравьев все же до конца следствия не открыл никаких подробностей заговора и сознался только после очных ставок. Не это ли раздражало главным образом Николая?

[24]) *Орлов, Михаил Федорович* (1788—1842), генерал-майор. Благодаря положению Орлова в обществе и заступничеству брата своего, ген.-адъютанта Алексея Федоровича, чрезвычайно близкого к Николаю I, и приговор в отношении его был очень мягкий (исключение со службы и ссылка под надзор в деревню), и содержался он в крепости льготно; 29 декабря Николай писал ген. Сукину: «Генерал-майору Орлову дать видеться с братом Алексеем и перевести на офицерскую квартиру, дав свободу выходить, прохаживаться и писать, что хочет, но не выходя из крепости».

[25]) *Раевский, Николай Николаевич*, генерал, герой двенадцатого года. Два его сына, Александр и Николай, привлекались по делу декабристов, но были освобождены; дочь его Мария Николаевна была замужем за декабристом С. Г. Волконским, а Екатерина Николаевна — за М. Ф. Орловым.

[26]) *Голицын, князь Дмитрий Владимирович* (1771—1844), член Государственного Совета, московский военный генерал-губернатор. См. в № V «Красного Архива» переписку Николая с ним, в которой говорится и об аресте М. Ф. Орлова.

Три письма Л. Н. Толстого к декабристу П. Н. Свистунову.

Печатаемые здесь письма Л. Н. Толстого входят в состав хранящегося в Государственном Архиве РСФСР собрания адресованных декабристу П. Н. Свистунову писем декабристов и близких им лиц. Они относятся к тому периоду в конце семидесятых годов прошлого века, когда Толстой, по окончании «Анны Карениной», занят был работою над романом «Декабристы».

Декабристы и их эпоха впервые привлекли к себе внимание Толстого еще в шестидесятых годах, после окончания «Казаков». Повидимому, в последние месяцы 1863 года он «начал писать повесть с известным направлением и героем, который должен был быть декабрист, возвращающийся с семейством в Россию» [1]). Однако, написав три главы, повествующие о возвращении в 1856 году из Сибири Петра Ивановича Лабазова (Пьера Безухова), Толстой переходит к предшествующему периоду жизни своего героя—к 1825 году; но на этой эпохе он задерживается еще меньше и, не сделав ни одного наброска из времени 14 декабря, отступает еще назад, ко времени двенадцатого года, а затем и далее — к 1805 году. В феврале и марте 1864 года он просил еще тетку свою, фрейлину гр. А. А. Толстую, присылать «мемуары и письма 1812 года», а в ноябре того же года первая часть романа «1805 год» уже продана Каткову для «Русского Вестника». Так произошел переход от «Декабристов» к «Войне и Миру». В последней части этого романа, как известно, Пьер Безухов в 1820 году—уже член Союза Благоденствия или накануне вступления в него; но здесь, на пороге роковой эпохи его жизни, автор и оставляет своего героя.

Вновь к сюжету о декабристах Толстой вернулся уже после окончания «Анны Карениной». Планы нового романа намечались еще в последние месяцы работы над «Анной Карениной» В январе 1876 года Софья Андреевна Толстая пишет сестре, что Лев Николаевич «собирается писать что-то историческое из времен Николая Павловича и теперь читает много материалов». Весною 1877 года «Анна Каренина» закончена, и записная книжка Толстого быстро заполняется различными заметками, записями, набросками под общим заглавием: «К следующему после «Анны Карениной»» [2]).

Вскоре новая работа окончательно определяется как роман из эпохи декабристов, и в качестве возможного прототипа для центральной фигуры его намечается оренбургский военный губернатор николаевской эпохи, граф В. А. Перовский, при чем его тяже-

[1]) См. набросок предисловия к первой части «Войны и Мира» в статье А. Е. Грузинского. «Первый период работ над «Войной и Миром»», «Голос Минувшего» 1923 г., № 1, стр. 92 и сл.

[2]) П. Бирюков. «Л. Н. Толстой». Биография, т. II. М. 1908, стр. 266.

лый, грубый образ должен был оттенять собою тонкие характеры декабристов и других персонажей [1]). В 1878 году Л. Н. просит гр. А. А. Толстую, которая хорошо знала Перовского, сообщить о нем сведения и получить для Толстого у родных Перовского разрешение ознакомиться с его бумагами и письмами. «У меня давно,—пишет он,—бродит в голове план сочинения, местом которого должен быть Оренбургский край, а время—Перовского... Все, что касается В. А. Перовского, мне ужасно интересно,—и должен вам сказать, что это лицо, как историческое лицо и характер, мне очень симпатично» [2]). Перовский рисуется Толстому как «фигура—одна, напоминающая картину. Биография его была бы груба; но с другими, противоположными ему, тонкими, мелкой работы, нежными характерами, как, например, Жуковский.... а главное, с декабристами,—эта крупная фигура, составляющая тень (оттенок) к Николаю Павловичу, самой крупной и à grands traits фигуры,—выражает вполне то время» [3]).

Намечались и другие подходы к сюжету. Один мы имеем в двух новых набросках начала романа, написанных в 1878 году и включенных С. А. Толстой в собрание сочинений Льва Николаевича. Здесь действие отнесено уже к эпохе Александра I, именно к 1817 году; в обоих набросках противопоставляются друг другу два мира—барский и крестьянский, при чем в первом отрывке отразились также и религиозные интересы, характерные для Толстого в конце семидесятых годов. Другой подход, намечавшийся лишь в предположительном замысле, можно угадать по вопросам, какие задает Толстой П. Н. Свистунову в третьем из печатаемых ниже писем об Уварове, Лунине и каком-нибудь бежавшем и исчезнувшем декабристе; вопросы эти вскрывают поиски какой-нибудь занимательной и драматической завязки.

Работа над романом глубоко захватила Толстого, как пишет об этом он и А. А. Толстой и П. Н. Свистунову, но увлечение скоро миновало, и дальше двух упомянутых набросков начала романа дело, повидимому, не пошло. Надвинувшийся религиозный кризис всецело овладел Толстым и отодвинул на время всякую художественную работу.

Впрочем, кроме этой общей причины, прекращение работы над «Декабристами» имело и другие специальные причины. Одна—характера внешнего: Толстой не получил доступа к нужным архивным материалам; другая—более глубокая и, надо полагать, основная, заключалась в том, что Толстой по самому существу своего мировоззрения, ни в шестидесятых, ни в семидесятых годах, ни позднее не мог найти в себе полного сочувствия тому, что было главным в истории декабристов—их заговору и восстанию. Стоит отметить, что оба раза—и в 1863 г., и в 1878—он обходит в работе над романом решительную для его героев эпоху 1825 года, останавливаясь на времени или более раннем, или более позднем. В упомянутом наброске предисловия к первой части «1805 года», написанном в 1863 году, 1825 год он называет «эпохой несчастий и заблуждений (своего) героя» [4]); а отношение Толстого к революционной попытке декабристов в семидесятых

---

[1]) Перовский, граф Василий Алексеевич (1794—1857), генерал-адъютант, участник Бородинской битвы, попавший в плен к французам. В турецкую войну 1828 г. был тяжко ранен и вышел из военной службы. Был оренбургским военным губернатором с 1833 по 1842 г. и позднее с 1851 по 1856 г.

[2]) Ив. Захарьин (Якушин). «Графиня А. А. Толстая». «Вестник Европы», 1904 г. № 6, стр. 446—447.

[3]) Там же другое письмо Л. Н. Толстого того же 1878 года.

[4]) Названная выше ст. А. Е. Грузинского в «Голосе Минувшего» за 1923 г. № 1, стр. 93.

годах можно видеть из письма его к А. А. Фету от 17 апреля 1879 года, когда работа над романом была уже оставлена. «Декабристы мои бог знает где теперь, я о них и не думаю; а если бы и думал и писал, то льщу себя надеждою, что мой дух один, которым пахло бы, был бы невыносим для стрелявших в людей для блага человечества»—и, переходя к суждению о современном революционном движении, он продолжает: «Как правы мужики и вы, что стреляют господа, и хоть не за то, что отняли, а потому, что отняли мужиков» [1]). Толстой, по словам П. И. Бирюкова, пришел в это время к заключению, что движение декабристов было не вполне народное русское [2]), и оно потеряло в его глазах прежний интерес. В самом деле к эпохе Александра I и Николая I он возвращался в своей художественной работе и позднее, но темы о декабристах больше не касался никогда.

Однако в 1878 году Толстой, как он сам говорит об этом, был глубоко захвачен работой над новым романом и усердно собирал для него материалы. Он читает мемуары и общие сочинения по эпохе декабристов, занимается в архивах, в Румянцевском Музее и в Публичной Библиотеке, наводит справки у редакторов «Русского Архива» П. И. Бартенева и «Русской Старины» М. И. Семевского. Будучи в марте 1878 года в Петербурге по делу о покупке имения в Самарской губернии, он осматривает казематы декабристов в Петропавловской крепости. Но прежде всего Толстой ищет личного общения и бесед с оставшимися еще в живых декабристами. Он возобновляет свои старые знакомства с ними, заводит новые.

Из декабристов Толстой был знаком с М. И. Пущиным (умер в 1869 г.), с Д. И. Завалишиным, А. Н. Беляевым, П. Н. Свистуновым. Во время упомянутой поездки в Петербург в марте 1878 года он задержался на два дня в Москве и оба дня заходил к декабристам Свистунову и Беляеву; во второй раз он «просидел (у Свистунова)... 4 часа, слушая прелестные рассказы его и... Беляева». Побывал он и у Софьи Никитичны Бибиковой, дочери Никиты Михайловича Муравьева, которая «пропасть рассказывала и показывала». В Петербурге Толстой был у дочери Рылеева, по мужу Пущиной, и услыхал от нее «много интересного» [3]). Расставаясь с П.Н. Свистуновым, Л. Н. просил разрешения делать ему о декабристах и письменные вопросы. Печатаемые здесь три письма Толстого к Свистунову относятся именно ко времени после этой поездки 1878 года в Москву и Петербург и являются продолжением бесед, которые имели место в Москве при личных встречах. Из Москвы Толстой, по его словам в письме к тетке, «привез целую кучу материалов» для романа [4]); и первое из печатаемых писем к Свистунову написано, повидимому, вскоре по приезде, вероятно в апреле, под свежим впечатлением только что прочитанных документов. Второе—помечено 19 мая; третье, как видно из его текста, написано 25 декабря того же года.

Письма интересны и по указаниям на ход работы Толстого над романом «Декабристы», и как материал для характеристики отношений его к бывшим участникам восстания 14 декабря и их времени. Они писаны на листках почтовой бумаги обычного формата; сорт бумаги третьего письма иной, чем двух первых. На первом и третьем есть карандашные пометки П. Н. Свистунова: «répondu».

Б. Сыроечковский.

---

[1]) Письма Л. Н. Толстого, собранные и редактированные П. А. Сергеенко. Москва, 1910, стр. 133.

[2]) П. И. Бирюков, назв. соч., стр. 269.

[3]) «Письма гр. Л. Н. Толстого к жене». Второе издание. М. 1915 г., стр. 114—117.

[4]) «Вестник Европы». 1904 г. № 6, стр. 446.

Письма Л. Н. Толстого к П. Н. Свистунову.

I.

Пометка Свистунова: répondu.

Многоуважаемый Петр Николаевич [1]).

Посылаю обратно письма Фон-Визина [2]) и замечания его жены [3]). И то, и другое очень мне было интересно. Письма надо бы было переписать. Они сотрутся скоро.

Pascal'я [4]) не посылаю, потому что у меня не Faugèr'a изданіе, а еще более новое Louandre, сделанное по Faugèr'у. Кроме того, я взялся сличать оба издания, и оно мне нужно. — Если вам угодно,— я пришлю.

Насчет исповеди, о которой вы мне говорили, я повторяю мою просьбу—дать мне ее. Простите меня за самонадеянность, но я убежден, что эту рукопись надо беречь только для того, чтобы я мог прочесть ее; въ противномъ же случае, ее надо непременно сжечь. Тысячу раз благодарю вас за вашу ласку ко мне и снисходительность; вы не поверите какое всегда сильное и хорошее впечатление оставляет во мне каждое свидание с вами.

От всей души желаю вам здоровья и душевного спокойствия и прошу верить глубокому уважению и преданности

вашего *Гр. Л. Толстого.*

P. S. Тетрадь замечаний Фон-Визиной я вчера прочитал невнимательно и хотел уже было ее отослать, полагая, что я все понял, но, начав нынче опять читать ее, я был поражен высотою и глубиною этой души. Теперь она уже не интересует меня как только характеристика известной очень высоко нравственной личности, но как прелестное выражение духовной жизни замечательной русской женщины, и я хочу еще внимательнее и несколько раз прочитать ее. Пожалуйста, сообщите мнѣ, какъ долго могу я продержать эту рукопись, или могу ли переписать ее?

Л. Толстой.

[Апрель 1878 г.].

2.

Многоуважаемый Петр Николаевич.

Посылаю вам тетрадь Фон-Визиной и рукопись перевода Паскаля [5]). Просмотрев внимательно перевод, я убедился, что его не следует печатать. Во-первых, издание старое много отступает от нового, и дополнение неудобно. Во-вторых, перевод не вполне хорош, и, в-третьих, очень многого недостает: едва ли не самые замечательные статьи пропущены. Восстановить все это по переводу Бобр. Пушкина [6]) составит гораздо больший труд, чем новый перевод.

Пожалуйста, извините меня, если я утрудил вас чем-нибудь, затеяв это дело, и поверьте, что если отрываюсь от него, то с большим сожалением. Я же был очень рад случаю перечесть еще раз Паскаля. Я не знаю ничего, равного ему в этом роде. Издание Louandre я пришлю вам на-днях и, так же, как и эту посылку, с доставкой на дом. Я теперь не посылаю его потому, что мой сын, 15-летний мальчик [7]), впился в эту книгу, и я не хочу отнять у него, так как это увлеченье его для меня в высшей степени радостно.

Желая вам здоровья и спокойствия душевного и, как всегда, когда я о вас думаю, благодаря вас за ваше доброе расположение ко мне, остаюсь глубоко уважающий вас

Гр. Л. Толстой.

19 мая [1878 г.].

3.

Пометка Свистунова: répondu.

Многоуважаемый Петр Николаевич.

Я перед вами кругом виноват, во-первых, за то, что, бывши в Москве, не выгадал время заехать к вам еще раз, а во-вторых, за то, что так долго не прислал вам книгу Vinet [8]), о которой вы мне напомнили.

Извинить меня можно только потому, что я, вернувшись из Москвы, куда я и поехал не совсем здоровый, заболел и только нынче, в день Рождества, опомнился и почувствовал себя лучше. Пожалуйста же, не сердитесь на меня, в особенности во внимание того уважения, которого *) я имею вообще к людям вашего времени и в особенности к вам, расположением которого я так желал бы пользоваться.

Начинаю с того, что поздравляю вас с праздником и новым годом, желая вам здоровья и продолжения того душевного спокойствия, в котором я всегда видел вас.

Работа моя томит и мучает меня, и радует и приводит то в состояние восторга, то уныния и сомнения; но ни днем, ни ночью, ни

*) Так в оригинале.

больного, ни здорового, мысль о ней ни на минуту не покидает меня. Вы мне позволяли делать вам и письменные вопросы. Выбираю самые для меня важные теперь.

Что за человек был Федор Александрович Уваров [9]), женатый на Луниной? Я знаю, что он был храбрый офицер, израненный въ голову в Бородинском сражении. Но что он был за человек? Когда женился? Какое было его отношение к обществу? Как он пропал? Что за женщина была Катерина Сергеевна? Когда умерла, остались ли дети?

На какой дуэли,—с кем и за что,—Лунин, Мих. Серг. [10]) был ранен в пах?

Написав все эти вопросы, мне стало совестно. Пожалуйста, если вам скучно и некогда, ничего не отвечайте, а если ответите хоть что-нибудь, я буду очень благодарен. Если же все, что вы знаете про это, слишком длинно, то напишите—я приеду, чтобы послушать вас изустно.

Во всяком случае, поручаю себя вашему расположению и только прошу верить, что дело, которое занимает меня, для меня теперь почти так важно, как моя жизнь [11]), и еще в то, что я дорожу моими отношениями к вам столько же по той помощи, которую вы оказываете и можете оказать мне, сколько по искреннему и глубокому уважению к вашей личности.

Гр. Л. Толстой.

Не вспомнится ли вам из декабристов какое-нибудь лицо, бежавшее и исчезнувшее?

[25 декабря 1878 г.].

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. *Свистунов, Петр Николаевич* (1803—1889), один из самых блестящих офицеров в петербургском свете, был деятельным членом тайного общества. Приговором Верховного Уголовного Суда отнесен был ко второму разряду и присужден к 20 годам каторжных работ и к вечному поселению в Сибири. Срок работ был сокращен до 10 лет. По указу 14 декабря 1835 г. Свистунов был определен на поселение; вскоре ему разрешено было поступить на гражданскую службу в Губернское управление. Занимая скромные должности и состоя в маленьких чинах, П. Н. Свистунов пользовался, однако, влиянием в Тобольске. Губернаторы прислушивались к его мнениям.

По манифесту 26 августа 1856 года Свистунову было возвращено дворянство и разрешено возвратиться в Россию. Он поселился в Калуге, принимая живое участие в местной общественной жизни. В 1859 г. он избран был лихвинским дворянством в члены губернского комитета по освобождению крестьян. В шестидесятых годах был назначен членом от правительства в Калужское по крестьянским делам присутствие; был вице-президентом Губернского Статистического

Комитета; в 1862 г. преподавал французский язык в местной женской гимназии. В 1863 году Свистунов переехал в Москву.

2. *Фон-Визин, Михаил Александрович* (1788—1854), генерал-майор в отставке. Фон-Визин был членом Союза Благоденствия, но потом, выйдя в отставку, жил в имении и сохранял лишь слабые связи с обществом. Был отнесен к IV разряду и приговорен к 15 годам каторжных работ и к поселению в Сибири. За сокращением срока работ в 1832 году был обращен на поселение. В 1853 году Фон-Визину было разрешено вернуться в Россию и поселиться в с. Марьине, Бронницкого уезда Московской губ., где он и умер 30 апреля 1854 года.

3. *Фон-Визина, Наталья Дмитриевна*, урожденная Апухтина (1805—1869), жена М. А. Фон-Визина. После смерти М. А. Фон-Визина вышла замуж за И. И. Пущина. Скончалась 11 октября 1869 г. в Москве, в Покровском монастыре, куда удалилась вскоре после смерти Ив. Ив. Пущина. Это была энергичная, увлекающаяся, религиозно-настроенная женщина. Она пользовалась живою любовью в кругу декабристов. Исповедь, о которой упоминает Л. Н. Толстой,— повидимому, хорошо известная московским декабристам исповедь Н. Д. Фон-Визиной, составленная в форме писем к духовнику.

4. *Паскаль*—Pascal, Blaise (1623—1662)—математик и философ, религиозный мыслитель. Faugère и Louandre, редакторы известных изданий его «Pensées», о которых идет речь в письмах Л. Н. Толстого.

5. *Перевод Паскаля*—имеется в виду перевод «Pensées» Паскаля, выполненный декабристом П. С. Бобрищевым-Пушкиным совместно с И. И. Пущиным.

6. *Бобрищев-Пушкин, Павел Сергеевич* (1802—1865)—поручик квартирмейстерской части при штабе 2 армии, член Южного Общества. Верховным Уголовным Судом отнесен был к четвертому разряду и приговорен к 15 годам каторжных работ и вечному поселению в Сибири. В 1832 году он был обращен на поселение в Красноярск, откуда 6 декабря 1839 г. ему было разрешено перейти в Тобольск, где жил он у П. Н. Свистунова, с которым связывала его тесная дружба. 11 января 1856 г.—еще до общей амнистии—П. С. вместе с больным братом было разрешено возвратиться на родину, в Тульскую губернию. П. С. хорошо знал математику, которую одно время преподавал в Муравьевском училище для колонновожатых, много читал по философии и богословию, писал стихи и басни. Во время заключения в Читинском остроге он пережил тяжелый душевный кризис борьбы между материализмом в духе французских просветителей и христианством. Победа оказалась на стороне последнего, и всю остальную жизнь П. С. отличался глубокой и горячей религиозностью и преданностью православной церкви. Перевод Pensées Паскаля—одна из его религиозно-философских работ.

7. *Пятнадцатилетний сын Л. Н. Толстого*—Сергей Львович, родившийся 28 июня 1863 года.

8. *Vinet* автор книги Etudes sur Pascal. Paris. 1856.

9. *Уваров, Федор Александрович* (1780—1827), полковник, действительный статский советник, камергер, товарищ декабриста М. С. Лунина по Кавалергардскому полку, женатый на сестре его, Екатерине Сергеевне. Участник всех Наполеоновских войн, он проявил выдающуюся храбрость; имел много дуэлей, большею частью по совершенно ничтожным поводам; был у него поединок и с Луниным. Оставив из-за ран службу, Уваров жил в своих имениях, славился, как хороший хозяин, но и как строгий и подчас жестокий помещик.

7 января 1827 года он исчез без вести. Выйдя в этот день из своего дома в Петербурге, он назад не возвращался и пропал бесследно. Официально было признано, что он покончил с собой, утопившись в Неве; но были также толки, что он скрылся за границу или в Сибирь. Его исчезновение иные ставили в связь с невполне благовидным делом о наследстве после шурина его, декабриста М. С. Лунина, которое вели в то время он и жена его, предъявив права свои на имение Лунина, перешедшие по завещанию последнего мимо сестры к его двоюродному брату, Н. А. Лунину. Дело доходило до самого Николая I и вызвало в столичных кругах

не всегда лестные для Уваровых толки. Многие, в том числе и сама Е. С. Уварова, полагали, что Ф. А. покончил с собой, мучимый мыслью, что своим прошением на высочайшее имя о рассмотрении завещания Лунина он дал повод подозревать себя в корыстолюбии.

В недавнее время проф. К. В. Кудряшов в книге «Александр Первый и тайна Федора Кузьмича». С.П.Б. 1823 г. высказал предположение, что известный «старец Федор Кузьмич»—не кто иной, как скрывшийся в Сибирь Уваров. Это предположение, однако, далеко нельзя считать доказанным, и загадку исчезновения Уварова попрежнему надо признать столь же мало разгаданной, как и тайну Федора Кузьмича.

10. *Лунин, Михаил Сергеевич* (1783—1845), подполк. лейб-гвардии Гродненского гусарского полка. В молодости—блестящий офицер-кавалергард, пользовавшийся одно время особым расположением Александра I, пока не впал в немилость за смелое публичное осуждение казни правительством Людовика XVIII Нея и Лабедойера. В 1815 году Лунин, из-за дуэли, на которой был ранен, вынужден был выйти в отставку; к тому же он поссорился с отцом, и тот отказал ему в средствах, достаточных для гвардейского офицера. В 1816—1817 г. Лунин жил в Париже, в мансарде, зарабатывая составлением прошений и выполнением разных поручений для путешествовавших англичан. В это время он посещал и консервативные салоны и революционные кружки; тогда же познакомился с Сен-Симоном. В Париже Лунин от атеизма перешел к христианству, сблизился с католическими аббатами и сам принял католицизм. В эти же годы его мировоззрение принимает характер вольнолюбивый и даже бунтарский. Он мечтает ехать в Южную Америку, чтобы принять участие в тамошних революциях; бунт представляется ему «священнейшей обязанностью каждого», «гражданин вселенной»—лучшим титулом на свете. Когда после смерти отца в 1817 году Лунин возвратился в Россию, он вступил в «Союз Спасения». Но к 1822 году он отходит от тайного общества; он вновь определяется в военную службу, сначала в Литве, а потом в Варшаве при вел. кн. Константине Павловиче, который очень любил его. Лунин отнесен был ко второму разряду и приговорен к 20 годам каторжных работ и к вечному поселению в Сибири. Срок работ позднее был сокращен, и в 1836 году Лунин вышел на поселение в Урик близ Иркутска. Он сохранил непримиримую ненависть к самодержавию, и держался мнения, что «настоящее житейское поприще для декабристов только и началось в Сибири, что здесь они призваны словом и примером служить делу, которому себя посвятили». Свои письма к сестре, которые шли через Третье отделение, Лунин превратил в ряд злых и смелых памфлетов против самодержавия и его политики. Письма эти, равно как и составленный Луниным «Разбор донесения Следственной Комиссии», в копиях расходились по рукам в Сибири и в России. В 1838 году Лунину в виде наказания запрещена была на год всякая переписка, но по истечении запретного срока он возобновляет письма к сестре в прежнем духе. Неравная борьба кончилась тем, что в ночь на 27 марта 1841 года Лунин был арестован у себя в доме в Урике и сослан в ужасный Акатуевский рудник, при чем лишен был всяких льгот и, главное, книг. В Акатуе Лунин был отрезан от всего мира. Здесь он и умер скоропостижно 3 декабря 1845 года.

11. *«Дело, которое занимает меня, для меня теперь почти так важно, как моя жизнь»*... О значении, какое придавал Л. Н. Толстой в 1878 году работе над «Декабристами», он говорит также в письме к гр. А. А. Толстой: «Молюсь богу, чтобы он мне дозволил сделать хоть приблизительно то, что я хочу. Дело это для меня так важно, что, как вы ни способны понимать все, вы не можете представить, до какой степени это важно. Так важно, как важна для вас ваша вера. И еще важнее, мне бы хотелось сказать. Но важнее ничего не может быть. И оно то самое и есть».

Л. Н. Толстой и помощь голодающим.

На помощь голодающим Л. Н. Толстой, как известно, выступал три раза: в 1873 г., в 1891—1892 г.г. и в 1899 г.

Наиболее энергичным, упорным и плодотворным по своим результатам было второе выступление его в 1891—1892 г.г., когда он, по приглашению друга своего Ив. Ив. Раевского, влиятельного землевладельца в Тульской и Рязанской губернии, устроил свою главную штаб-квартиру в доме Раевского, в деревне Бегичевке, Данковского уезда, Рязанской губ.

Вокруг Толстого и Раевского дружною семьею сгруппировалась толпа молодых, бескорыстных помощников и помощниц, начиная с их детей, друзей и знакомых. В ответ на статьи и отчеты Толстого в газетах, полились щедрые пожертвования,—и дело закипело. Наиболее нуждающиеся деревни окрестных голодающих уездов покрылись сетью народных столовых, число которых доходило до 200.

От этого времени в семейном архиве Раевских сохранилось несколько интересных для характеристики Л. Н. Толстого документов, как-то: 1) ненапечатанная статья его, посвященная памяти Ив. Ив. Раевского, неожиданно умершего в самом разгаре борьбы с голодом (26 ноября 1891 г.), и 2) несколько также ненапечатанных писем Л. Н. Толстого к Ив. Ив. Раевскому, а после его смерти ко вдове его Ел. Павл. Раевской (умершей в 1904 г.) во время кратких отлучек его из своего главного штаба по борьбе с голодом.

Благодаря любезности наследников Ив. Ив. и Ел. Павловны Раевских, предоставивших эти документы в наше распоряжение, за что мы приносим им свою сердечную благодарность, мы имеем ныне возможность опубликовать эти документы.

Анатолий Александров.

I.

Памяти И. И. Раевского.

(Неизданная статья Л. Н. Толстого [1].)

Вчера, 26 ноября 1891 года, в 3 часа дня умер в своем доме, в деревне Бегичевке, Данковского уезда, Рязанской губернии, Иван Иванович Раевский.

Он умер на работе среди голодающих,—можно сказать, от сверхсильного труда, который он брал на себя. Он умер, отдав жизнь свою народу, который он горячо любил и которому служил всю свою жизнь.

Но это утверждение могло бы показаться преувеличением, фразой. А тот, о ком я пишу, больше всего в мире ненавидел всякое преувеличение и всякую фразу. Он всю жизнь свою делал, а не говорил. Он был христианином, бессознательным христианином. Он никогда не говорил про христианство, про добродетель, про самопожертвование. У него была в высшей степени черта этой встречающейся в лучших людях pudeur добра. Он как бы боялся испортить свое дело сознанием его.

Да ему и некогда было замечать, потому что не переставая делал христианские дела. Не оканчивалось еще одно, как начиналось другое дело не для себя, а для других: для семьи, для друзей, для народа, который,—повторяю еще раз, потому что это была его характерная черта,—он восторженно любил всю свою жизнь.

Последнее время, которое я провел с ним, эта любовь выражалась страстной, лихорадочной деятельностью. Все силы своей души и могучего организма и все свое время он отдавал на работу по прокормлению голодающего народа, и умер не только на этой работе, но прямо от этой сверхсильной работы, отдав свою жизнь за друзей своих. А такими друзьями его были все русские крестьяне. И это—не красивая фраза, которую говорят обыкновенно о мертвых, а несомненный факт. С утра до вечера он работал с одной этой целью: по прокормлению народа.

Работа его может показаться не трудной и не убийственной: он писал письма, закупал хлеб, сносился с земскими управами, попечителями, нанимал, рассчитывал возчиков хлеба, делал опыты печенья хлеба с различными суррогатами, помогал нам в устройстве столовых, приглашал людей на помощь, устраивал для них удобства, делал учеты,

ездил в земские собрания, уездные и губернские, ездил в собрания попечителей по Данковскому и Епифанскому уездам, принимал крестьян, как попечитель по двум попечительствам, и ездил по другим попечительствам, подбодряя тех, у которых он знал дело не идет, и сам лично помогал, как частный человек, тем крестьянам, которые обращались к нему.

Дела эти кажутся не трудными и не убийственными для тех, кому не дорог, не важен успех дела,—но для него это всегда было вопросом жизни и смерти. Он видел опасность положения и, не переставая, работал так, как работают люди из последних сил для спасения жизни других, не жалея своей жизни. И потому дело его спорилось и росло,—его энергия заражала других.

— Нет живые в руки не дадимся,—говорил он возвращаясь с работы или вставая от письменного стола, у которого проводил по 8, по 6 часов сряду.

— Не-ет! живые в руки не дадимся,—говорил он, потирая руки, когда ему удавалось устроить какое-нибудь хорошее дело: закупки дешево хлеба, дров, устройства хлебопеченья с картофелем, с свекольными отбросами, или закупки льна для раздачи работ бабам.

— Знаю, знаю,—говорил он,—что нехороша эта самоуверенность, но не могу. Как будто чувствую этого врага—голод, который хочет задавить нас, и хочется подбодриться. Живые в руки не дадимся!

Так он работал во всех делах; не умел работать иначе, как со страстью. От этого работа кипела у него, и от этого-то вокруг него люди работали так же энергично, заражаясь от него,—и от этого он заработался до смерти.

Физически он не знал никаких препятствий, и никаких у него не было требований: все ему было хорошо, ничего для него не было нужно и все было возможно. Ему было 56 лет,—стало быть, он был старый уже человек, но привычек, требований у него никаких не было: спать где и когда—ему было все равно,—на полу, на диване; есть ему было все хорошо—хлеб с отрубями, каша, щи, что попало,—все ему было хорошо, только насытиться, чтобы голод не мешал заниматься делом; ехать он мог по всякой дороге, во всякую погоду, в санях ли, в телеге ли.

Так он в последний раз, оторвавшись от дел, которыми был завален дома, поехал за сорок верст в Данков на земское собрание с тем, чтобы вернуться в тот же день и на другой день ехать в Тулу по закупке хлеба, но заболел, приехал больной на другой день и свалился, проболел инфлюенцей, как определил доктор, и через шесть дней умер.

Вчера, когда он уже умирал, я, проходя по деревне, сказал мужику, что Иван Иванович умирает. Мужик ахнул: «Помилуй бог!—сказал он:—что без него делать будем? Воскреситель наш был.»

Для мужика он был «воскреситель», а для нас он был тем человеком, одно знание о существовании которого придает бодрость в жизни

и уверенность в том, что мир стоит добром, а не злом: не теми людьми, которые махают на все рукой и живут как попало, а такими людьми, каков был Иван Иванович, который всю жизнь боролся со злом, которому борьба эта придавала новые силы и который беспрестанно говорил злу: «Живые в руки не дадимся!»

Это был один из самых лучших людей, которых мне приходилось встречать в моей жизни.

Отношения мои с ним были очень странны (для меня, по крайней мере).

Мне было под 30 лет, ему было с чем-то 20, когда мы встретились. Я никогда не был склонен к быстрым сближениям, но этот юноша тогда неотразимо привлек меня к себе, и я искал сближения с ним и сошелся с ним на «*ты*». В нем было очень много привлекательного: красота, пышущее здоровье, свежесть, молодечество, необыкновенная физическая сила, прекрасное, многостороннее образование. Элегантно говоривший на трех европейских языках, он блестяще окончил курс кандидатом математического факультета. Но больше всего влекла меня к нему необыкновенная простота вкусов, отвращение от светскости, любовь к народу и, главное—нравственная совершенная чистота, теперь редкая между молодыми людьми, а тогда составлявшая еще более редкое исключение. Я думаю, что он никогда в жизни не был пьян, не участвовал в кутеже, не говоря уже о других увлечениях, свойственных молодым людям.

Мы тогда сблизились с ним как будто только на интересах охоты (мы ездили вместе на медвежью охоту) и гимнастики, но в глубине этого сближения, думаю, лежало еще и что-то другое.

Странное дело: сближение это продолжалось недолго. Мы не разошлись, встречались с удовольствием, оба одно время занимались школой и виделись, хоть и очень редко; а потом как бы совсем потеряли друг друга не из вида, а из сердца. Каюсь: он женился, занимался хозяйством,—и мне думалось, что он очерствел, сделался сухим дельцом, семьянином, что мое увлечение им не имело основания. Когда мы встречались и он говорил мне о школах, о народе, о своей общественной деятельности,—мне казалось, что он говорит это по старой памяти, но что уже это не интересует его. Мы почти разошлись и жили так более 30 лет.

И вот, надо же было случиться, чтобы теперь, в эту тяжелую годину, мы опять сошлись на общем деле, и чтобы я увидал, что не только он не опустился, не стал эгоистом, но, напротив, сдержал в возрасте близком к старости то, что он только обещал в молодости.

Тогда было с его стороны лишь смутное, неопределенное стремление к народу, теперь была уже деятельная любовь к народу и служение ему с самоотвержением и самопожертвованием. Он не только не очерствел за эти 30 лет, но он, откинув все те соблазны молодости, которые мешали его служению народу, теперь весь отдался ему.

Он представлял удивительное соединение страстной восторженной любви к своей семье и, вместе с тем, к народу. Одна любовь не только не мешала другой, но содействовала ей. Любовь его к детям, к сыновьям выражалась тем, что он научил их любить народ, служить ему, натаскивал их на это.

Никогда не забуду, с какой любовью рассказывал он мне, как посланный им для переписи бедствующих селений сын его пропадал за этой работой до ночи.

Надо было слышать его рассказ об этом, надо было видеть его лицо во время этого рассказа, чтобы как следует понять и оценить этого человека.

Лев Толстой.

II.

Неизданные письма Л. Н. Толстого к И. И. и Е. П. Раевским [2]).

1.

Любезный друг Иван Иванович.

Податель сего — воспитанник Семинарии Учительской, был 6 лет учителем, но не дослужил до срока, и теперь его школу переделали в церковно-приходскую и его уволили, а он женат и двое детей,— и вот—ему итти в солдаты...

Нельзя ли ему устроить место учителя? Пожалуйста, возьмись за это и помоги ему.

Любящий тебя *Л. Толстой.*

Тула, собственный дом за рекой.
Ивану Ивановичу Раевскому [3]).

2.

Не знаю, в Туле ли Иван Иванович, и, потому, позволяю себе докучать вам, дорогая Елена Павловна. Все об обманутой невесте... [4]).

Арсеньев [5]) вызвал жениха, но ничего не сделал: они вам расскажут.

Если нельзя надеяться, что дело уладится через Предводителя, то они [6]) просят научить их, как и в чем подать прошение в Окружный Суд. В этом, вероятно, не откажет им Н. В. Давыдов [7]). Простите, что утруждаю вас.

У нас все благополучно. Жена уехала до воскресенья в Москву.

Дружески жму вашу руку

Л. Толстой.

3.

Дорогая Елена Павловна.

Уехав из Бегичевки [8]), я ни на минуту не перестаю думать о вас и о мальчиках [9]) и испытывать горькое чувство, что ничем не могу помочь, облегчить, утешить вас или хотя бы чем-нибудь послужить вам.

Мне хочется, чтобы вы знали, что я вам и вашим мальчикам—верный и преданный друг на всю жизнь, и что моя любовь к вашей семье—огромный вклад в мою жизнь.

Спасибо за ваши заботы о нас и о папа,—это так трогало меня, что вы в своем горе все время помнили его и нас, и заботились о нас. Я никогда не забуду этого, и буду счастлива, если когда-нибудь вы употребите меня на какое бы то ни было дело для вашей семьи.

Позвольте крепко поцеловать вас и попросить вас передать мой самый сердечный привет Ване, Пете и Грише [9]).

Таня [10]).

29 ноября, 91 г. 9 ч. вечера.

Многоуважаемая, милая Елена Павловна.

Мне так хочется вам написать несколько слов, чтобы сказать вам, как я люблю и жалею вас. Мне несколько раз хотелось утешить вас и посочувствовать вашему горю, но я всегда боялась неуместным словом оскорбить ваши чувства.

Вы были так ласковы ко мне, и я рада, что узнала вас ближе и сошлась с вашей семьей за этот месяц нашего житья в Бегичевке. Я надеюсь, что меня опять отпустят к вам и что я опять вас увижу.

Прощайте, дорогая Елена Павловна, крепко целую вас. Кланяюсь мальчикам.

Любящая и уважающая вас *Вера Кузминская* [11]).

Могу только сказать «аминь» тому, что говорят девочки, и от души благодарить вас за вашу любовь и ласку к ним и ко мне в такие минуты.

Просил бы у вас прощенья за то, чем мог провиниться перед вами, да знаю, что провиниться не мог, потому что не переставал, насколько способен, любить вас и его [12]) и желал всеми силами души сделать лучшее.

Любящий вас *Л. Толстой*.

4.

Дорогая Елена Павловна.

Хотел писать вам, когда получил ваше письмо Тане. Благодарю вас за те добрые слова, которые вы говорите им [13]) и мне. Я знаю, что они искренни, и очень дорожу ими.

Я вполне понимаю вас и ваше чувство, но не могу за вас даже примириться с ним.

Чувство это есть, но нельзя признавать его законным, пока бог требует от нас чего-то, оставляя нас жить, и должно бороться с ним, в чем и помогай вам бог.

Тяжело кажется жить, оставив позади себя все радости жизни, но есть и хорошая и очень хорошая стороны в таком состоянии.

Я вследствие старости отчасти испытываю это, и живо могу себе представить ваше состояние.

Хорошая сторона такого состояния в том, что ничто личное не отклоняет от исполнения того, чего хочет от нас бог, можно жить только для исполнения его воли. Он хочет, чтобы я жила,—ну и буду жить, если он этого хочет, и как он хочет.

А для вас исполнение его воли ясно: передать вашим мальчикам не словами, а всей остальной вашей жизнью то, что он, ваш муж, хотел передать им, сделать их такими же, какой был он. И мне думается, что это вы и делаете, и это вам легко и радостно делать.

Я хотел писать Ване [14]) и Илье [15]), но решил, что лучше всего писать вам и о делах.

Дела, т.-е. то, что я имею сказать о них, состоят в следующем:

1) Если придет кукуруза (2 вагона) с наложенным платежем, то постараться поскорее уплатить за нее деньгами, которые есть у нас, или послать за таковыми в Тулу к Писареву [16]).

2) Дров 20 вагонов нам дали, и потому купить можно несколько меньше—не на 500, а на 300 руб. Но не беда, если и на 500.

3) Пригласить в Бегичевку Гастева [17]) с тем, чтобы он побыл при Ване и Илье и вошел бы в круг дела, когда ему после 15-го придется остаться одному с Еленой Михайловной [18]).

Что-то было еще нужно, но не могу вспомнить. Впрочем, под вашим руководством все наши милые помощники, вероятно, обо всем сами догадаются и сделают, что нужно.

Мы приехали все немного нездоровые, с насморками и вялые. Дома все благополучно. Пожертвования продолжаются, так что я уже не робею и надеюсь не только довести до конца все начатые столовые, но и распространить их.

Очень бы желательно, не открывая столовых, объездить те деревни, в которые просят, и квалифицировать их по степени нужды, чтобы потом не делать ошибок. Разумеется, можно и должно, объезжая, помочь самым нуждающимся и даже à la régard открыть, где окажется очень плохо, столовые.

Передайте мой привет вашим, Ел. Мих. и Ал. Митр. [19]) Илью [20]) целую.

Ваш *Л. Толстой*.

5.

Дорогая Елена Павловна.

Я был ужасно огорчен отъездом Высотского [21]), и тотчас же бы приехал к вам, если бы не нездоровье — не особенно сильное, но такое, при котором неблагоразумно ехать. Без таких людей, как Чистяков [21])

и Высотский, которые знают вообще и в частности дело и могут работать, как они, — может быть очень много упущений и даже все спутаться до последней степени.

Не могу вам выразить, как я благодарен вам за вашу, все время оказываемую, нам помощь, без которой нам было бы трудно; но то, что вы думаете взять на себя, совершенно вам не по силам и только измучает вас.

На счастье, Конст. Ал.[22]) заехал к нам, и я уговорил его остаться и он завтра с Таней едет назад. Сколько я понял его отъезд, он произошел от его мнительности и опасения быть неприятным, не имеющего — я знаю верно — никакого основания; а такие недоразумения с добрыми людьми, желающими, как он, добра и прежде всего имеющими перед собой дело, легко устраняются.

Не прошу прощения за то, что утруждаю вас, а благодарю постоянно за ваше расположение и помощь нам.

Любящий вас *Л. Толстой*.

6.

Дорогая Елена Павловна.

Только вы с своей удивительной добротой можете так перевернуть роли, как вы сделали относительно нас: вы, которой мы обязаны столь многим, которая постоянно стеснялась и лишалась для нас, вы вдруг являетесь перед нами в роли просительницы, а мы в роли обиженных [23]).

Но ни я и никто из нас, слава богу, не заблуждаемся в этом отношении, и мы все знаем, что не мы для вас, а вы для нас сделаете и делаете очень многое, и мы очень благодарны вам.

Если и была речь у детей о том, чтобы переехать, то другой причины этого намерения не могло и не может быть, как только страх стеснить вас.

Но если вы так прямо говорите, что вам наш переезд был бы неприятен, то про это больше говорить нечего. Но, пожалуйста, будьте до конца откровенны и скажите нам все и как вы желали бы, чтоб мы разместились, с тем, чтобы не нарушать или как можно меньше нарушать вашу обычную жизнь.

Нам, с точки зрения внешних удобств, положительно *слишком* удобно, и стесняет только сознание, что вы боитесь нас стеснить. Это я говорю свое и дочерей чувство.

Мы очень теперь заняты обеспечением посева, помощью лошадьми и столовыми, особенно детскими, и хотя очень много дела, но почему-то у меня все время более радостное чувство, чем зимой, сознание того, что дело, которое делаешь, было нужно и теперь еще нужнее, чем когда-нибудь, несмотря на то, что дело это всем наскучило, кроме тех, для которых оно делается.

Итак до свиданья. Целую вашу руку.

Любящий вас *Л. Толстой*.

7.

Благодарю вас еще и еще раз, — и не на словах, а в сердце, — за всю вашу любовную помощь нам и снисходительность, и терпение. И прошу простить за труд, который мы навалили на вас и ваших.

Мы доехали прекрасно, не торопясь и во время.

Рожь вашу, 2.000 пудов, мы берем. Когда нужны будут деньги и куда, вы напишите, и мы пошлем.

Сердечный привет всем вашим, включая Ал. М.[24]).

Благодарный и любящий вас

Л. Толстой.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) Статья эта найдена как в черновых набросках самого Л. Н. Толстого, так и очень четко переписанною покойной дочерью его М. Л. Толстой.

В письме своем от 27 ноября 1891 года к С. А. Толстой из деревни Бегичевки, Данковского уезда, Рязанской губернии, Л. Н. Толстой сообщает ей о только что понесенной им и взволновавшей его до глубины души неожиданной тяжелой потери его друга и лучшего сотрудника по борьбе с голодом, Ив. Ив. Раевского, в доме которого он устроил главную свою штаб-квартиру в эту годину борьбы со стихийным народным бедствием.

«Мне ужасно жалко его», — пишет он в этом письме об Ив. Ив. Раевском. — «Я очень, очень его полюбил. И не могу простить себе, что я так не понимал его прежде. Но зато как нам радостно, молодо, восторженно было часто последнее время вместе быть и работать! Я начал, было, нынче о нем писать, и хотел напечатать, и потом раздумал. Впрочем, не знаю...» (Письма Л. Н. Толстого к жене 1862 — 1910 гг. Под редакцией А. Е. Грузинского. М. 1913 г., см. письмо 389-е, стр. 377).

2) Первые два письма (одно—к И. И., другое — к Е. П. Раевским) написаны Л. Н. Толстым еще при жизни И. И. Раевского и, повидимому, еще до начала выступления их на помощь голодающим, что почти всецело затем приковало к себе их внимание. Письма эти служат, однако же, как бы своего рода «предисловием» ко всем следующим за ними письмам, ярко характеризуя доброту сердца как Толстого, так и Раевского и отношения их к людям, а также и характер их отношений друг к другу. Все следующие за ними письма Толстого писаны уже после смерти Раевского, а потому и адресованы на имя одной только Е. П. Раевской. Все эти письма, так же, как и первые два, не имеют на себе даты написания, кроме одного только 3-го письма, очень точно датированного рукой Т. Л. Толстой (29 ноября, 91 г. 9 час. вечера), и потому расположены здесь лишь в приблизительном хронологическом порядке по догадке.

3) Адрес, написанный рукой Л. Н. Толстого на обратной стороне письма, доставленного не почтой, а лично подателем. У Раевского был раньше только один дом (в имении Бегичевке); второй дом (в Туле) он купил, когда сыновья его достигли школьного возраста и поступили в гимназию.

4) Отправлено из Ясной Поляны в Бегичевку.

5) Арсеньев—Тульский губернский предводитель дворянства.

6) Или родители невесты, или невеста и мать ее.

7) Н. В. Давыдов состоял в то время в судебном ведомстве и занимал должность прокурора Тульского окружного суда. Впоследствии был профессором московского университета. Л. Н. Толстого знал издавна, находился с ним

до самой смерти его в очень хороших отношениях и ознакомил его, между прочим, с материалами, которыми Л. Н. воспользовался для написания своих пьес «Власть тьмы», «Плоды просвещения» и «Живой труп».

В воспоминаниях своих о Л. Н. Толстом, напечатанных после его смерти, Н. В. Давыдов, между прочим, говорит о той охоте, с которою Л. Н. старался делать людям добро: «Прямо неисчислимо все то добро, которое делал и пытался делать Л. Н. в течение своей жизни... Л. Н. исполнял или, по крайней мере, делал все от него зависящее для исполнения обращенной к нему кем бы то ни было просьбы, если только, конечно, просьба эта не была безнравственна, предосудительна или явно фантастична... С какой охотой, с какой энергией брался Л. Н. за помощь! И потому как часто он действительно доставлял ее! Л. Н. просил за обращавшихся к нему лиц и словесно и письменно»... Содержание писем и записок его к самому Н. В. Давыдову, «за малыми исключениями, сводится,—говорит он далее, — к просьбам о той или другой помощи или содействии кому-либо... Какое разнообразие лиц, за которых в одних письмах ко мне просил Л. Н., — разнообразие лиц и поводов!.. И как радовался Л. Н., когда его ходатайство увенчивалось успехом!» («Сборник воспоминаний о Л. Н. Толстом». Книгоиздательство «Златоцвет». М. 1911 г., стр. 29 и 30).

8) После смерти И. И. Раевского, чтобы освободить помещение для приехавших на погребение родственников и знакомых покойного, Л. Н. Толстой ненадолго уезжает из Бегичевки с дочерью и племянницей и вместе с ними пишет вдове покойного трогательное письмо, полное благодарности, внимания и ласки.

9) Сыновья Ел. Павл.—Ваня, Петя и Гриша.

10) Дочь Л. Н. Толстого.

11) Племянница жены Л. Н. Толстого (дочь сестры ее Татьяны Андреевны Кузминской).

12) Покойного мужа ее И. И. Раевского.

13) Дочери его и племяннице его жены.

14) Сыну Ел. П-ны.

15) Сыну Л. Н.

16) Рафаил Алексеевич Писарев — землевл. Тульской губ., Епифанск. у., принимавший участие в борьбе с голодом.

17) Один из помощников по борьбе с голодом.

18) Елена Михайловна Персидская — барышня, помогавшая в деле борьбы с голодом.

19) Помощница и помощник по борьбе с голодом; подробных сведений о них не имеем.

20) Сын Л. Н.

21) Помощники

22) Высотский.

23) Это ответ Л. Н. на письмо Е. П., в котором смущенная слухом, что он хочет оставить ее дом и перебраться со своим штабом в другое место, высказывает тревогу, что чем-либо обидела его, и просит его остаться у нее.

24) Помощник по борьбе с голодом; подробных сведений об нем не имеем.

Из записной книжки архивиста.

Два письма Карла Маркса.

В архиве б. III отделения с. е. в. к. хранятся два подлинных письма Карла Маркса к Юлиусу-Александру Фабиановичу Балашевичу, относящиеся к ноябрю месяцу 1871 года.

Ю.-А. Ф. Балашевич в 1860-х и 1870-х годах жил главным образом в Лондоне и, выдавая себя за эмигранта—«графа Альберта Потоцкого», — вращался под этим именем преимущественно в обществе польских эмигрантов. Он пользовался среди них некоторым влиянием и одно время—к этому времени относятся и письма к нему Карла Маркса—состоял «председателем польского общества эмигрантов в Англии». Но рядом с этим Ю.-А. Ф. Балашевич—«граф Альберт Потоцкий» в течение не менее 16 лет состоял и тайным агентом III отделения в Лондоне. «Наш лондонский агент»—так именовали его в Петербурге, в секретной канцелярии III отделения. Оба публикуемые ниже письма К. Маркса есть результат «служебной деятельности» «графа Альберта Потоцкого».

Человек не без способностей, поэт и археолог, Балашевич в 1860 году выпустил в Москве книжку стихов своих на польском языке, к которой между прочим приложен его портрет. Помимо поэтического дара он обладал страстью к археологическим редкостям. Собирал всякие антикварные вещи, старинные монеты, «платя за оные», по отзыву начальника виленского жандармского округа, относящемуся к началу 1861 г.,—«сколько потребуют». На заре его агентурно-провокаторской деятельности небезизвестный Я. Н. Толстой, агент III отделения в Париже, в письме к П. А. Шувалову (6) 18 сентября 1861 г. высказал свое мнение, что «полезнее г-ну Балашевичу сноситься с польскими выходцами под предлогом археологических занятий, — предмет, ему совершенно знакомый,—и под видом ученого археолога осведомляться о всем происходящем в возмутительных комитетах и между главнейшими коноводами эмиграции». В бытность его в Лондоне Балашевич открыл антикварную лавочку.

В архиве III отделения имеется множество донесений Балашевича, его дневников и прочих документов, содержащих в себе данные о польских эмигрантах, среди которых по преимуществу он вращался.

Кроме знакомства с Марксом, Балашевич добился знакомства с Бакуниным и с Лавровым [1]).

III отделение все назревавшие в Европе «смуты» приписывало, главным образом, Международному Товариществу Рабочих и главным виновником всех назревавших бед склонно было считать Карла Маркса—главу Международного Общества. Естественно, что поэтому III отделение и следило по мере возможности за деятельностью Карла Маркса в Европе.

Попытки Балашевича сблизиться с Марксом были неудачны. Маркс принял его очень сухо, о чем свидетельствует тон тех двух писем, которые

---

[1]) Об этом см. мою статью «П. Л. Лавров и А. Балашевич-Потоцкий» в сборнике: «П. Л. Лавров. Статьи и материалы» (П. 1922 год, изд. «Колос») и в воспоминаниях А. Тверитинова: «Об объявлении приговора Н. Г. Чернышевскому, о распространении его сочинений на французском языке в Западной Европе и о многом другом» (П. 1906 г., изд. М. В. Пирожкова, стр. 37 и 65—66).

были переправлены Балашевичем в Петербург. Несмотря на это Балашевич старался представить свою деятельность чрезвычайно успешной и в донесениях своих давал обещания, которые, конечно, он не смог выполнить, как это немедленно же и обнаружилось.

Балашевич 27 ноября 1871 года пишет в III отделение: «При моем влиянии я не только могу достигнуть цели (т.-е. создать некоторое противодействие I Интернационалу. *Р. К.*), но даже могу вытеснить Маркса (!!!), взять управление Международ[ным Товариществом Рабочих, т.-е. Интернационалом] с прочими в свои руки»...

В этих словах автопортрет «графа Альберта Потоцкого». Таким влиятельным и талантливым рисовал он себя перед III отделением...

Вот первое к нему письмо Карла Маркса:

International Working Mens'a Associations

Central Council

London.

International Working Men's Association, 256, High Holborn, London.—W. C.

25 Nov. 1871.

I Maitland Park Road.
Haverstock Hill. N. W.

Dear Sir,

I send you together with these lines 4 copies of the «Statues and Regulations» and some copies of the «Resolutions of the London Conference».

As to the «Statutes &»—the French edition will be published in a few days. Please to write me how wery copies of that edition you want?

For all other communications relative to the International, please address them to General W. Wroblewski (22, Vincent Terrace, Islington), who is the secretary for Poland of the General Council.

Yours faithfully *Karl Marx.*

Перевод:

Международное Товарищество Рабочих.
Генеральный Совет.
Лондон [1]).

Международное Товарищество Рабочих. 256, High Holborn, London.—W. C.

25 ноября 1871 г.

I. Maitland Park Road. Haverstock Hill. N. W. [2]).

Милостивый Государь,

Посылаю вам вместе с этим письмом 4 экземпляра Устава и несколько «резолюций Лондонской Конференции».

Что касается Устава, французское его издание будет напечатано через несколько дней. Будьте добры написать мне, сколько вам нужно экземпляров этого издания.

За всеми другими сведениями, касающимися Интернационала, прошу вас обращаться к генералу В. Врублевскому (22, Vinceant Terrace (Islington), который состоит секретарем Генерального Совета по польским делам.

С совершенным почтением
Карл Маркс.

Перепроводив это письмо в III отделение, Балашевич так объяснил его происхождение: «С целью войти в непосредственные сношения с Карлом Марксом», он воспользовался своим званием «председателя общества польских эмигрантов в Англии» и «обратился к нему письменно». Что он писал Марксу—неизвестно. Да это и неинтересно, ибо ясно, что Балашевич, как говорится, только нащупывал почву. Посредством такой официальной переписки он надеялся завязать с Марксом личное знакомство. Сухой ответ Маркса, видимо, несколько разочаровал его. Он тотчас же убедился, что желательных сведений об Интернационале он не добьется, так как с Врублевским он находился в натянутых отношениях. Последний возглавлял наиболее левое крыло польской эми-

[1]) Печать.

[2]) Напечатано. Письмо написано на бланке Генерального Совета.

грации, а «граф Потоцкий»—умеренное. Убедившись, кроме того, что Маркс не так уж легко доступен для закулисного влияния какого-нибудь третьеотделенского шпиона, он все же выводит перед III отделением стратегический план атаки на Интернационал с другой стороны.

«Прилагая у сего оригинальное письмо К. Маркса,—пишет Балашевич в III отделение 7 ноября 1871 г.,— имею честь просить вашего совета относительно будущего «Международного Общества» или лондонского Центрального Комитета. От меня зависит присоединить всех польских эмигрантов к «Международному Обществу» или к всеобщей республиканской Лиге, которая хотя в настоящее время не имеет особенно важного значения, но в будущем непременно достигнет. Употребить ли это общество против Международного? При моем влиянии я не только могу достигнуть цели, но даже могу вытеснить Маркса, взять управление Международ. с прочими в мои руки, так как члены совета почти все мне известны и не имеют достаточно проницательности. Мне необходимо знать ваше положительное мнение и сообразно этому постараюсь действовать... Вместо коммуниста, бежавшего из Парижа, Валериана Врублевского я могу избрать более преданного нам человека и понемногу захватить власть. Благоволите уведомить меня—какой путь избрать для обессиления врагов наших» [1]).

Шеф жандармов, граф П. А. Шувалов всерьез советовался по этому поводу с Александром II... На письме Балашевича имеется пометка, подтверждающая, что совещание действительно состоялось, но какой путь наметили они «для обессиления врагов своих»—К. Маркса и Интернационала—остается неизвестным.

Никаких, конечно, результатов Балашевич не добился. Хвастался, рисовал радужную картину победы над «врагами», но уже в следующем очередном докладе шефу жандармов он капитулировал.

При донесении от 30 ноября 1871 г. [1]) он переслал и второе письмо Карла Маркса следующего содержания:

International Working Men's Association. 256, High Holborn. London.—W. C.

29 November 1871.

I Maitland Park Road.
Haverstock Hill,—N. W.

Dear Sir,

The French edition of the «General Statutes and Rules» will only be ready in a few days, when I shall send you some copies.

I shall be glad to see you at my house after 6 o'clock in the evening.

Yours truly *Karl Marx.*

Перевод:

Международное Товарищество Рабочих.

29 ноября 1871 года.

I. Maitland Park Road, Haverstock Hill, N. W.

Милостивый Государь,

Французское издание «Устава» будет готово не раньше, чем через несколько дней, и тогда я пошлю вам несколько экземпляров.

Буду рад увидеть вас у себя после 6-ти часов вечера.

Преданный вам *Карл Маркс.*

Балашевич при этом писал: «Вчера, 29 ноября, была годовщина польского восстания в Сити, до 50 человек едва собралось и полковник (Людвиг) Оборский занял место председателя. Его речь была—дабы готовиться к вооруженному восстанию и советовал всем знакомиться с военным искусством, ибо минута восстания, быть может, недалека. За ним имел речь В. Врублевский, приглашая от имени Маркса всех поляков соединиться с «Интернационалом» и действовать для общей пользы. (Конрад) Домбровский тоже приглашал соединиться с республиканским обществом. Большинство объявило желание соединиться с «Интернационалом» и во вторник, 5-го декабря, мы, по желанию общества, будем иметь свидание с Марксом, о чем

[1]) Донесение Балашевича от 27 ноября 1871 г., № 692. (Архив бывшего III отделения).

[1]) № 693.

сейчас известим. Делегатом избран (Ян) Костецкий. До вашего ответа на наши письма мы не станем действовать, ибо это весьма важное дело».

Минуло 5 декабря. Пыл Балашевича остыл. В очередном донесении от 6 декабря (№ 694) он отвлекает внимание шефа жандармов отчетами о митингах, совершенно умалчивая о предполагавшемся свидании с Марксом.

И чем больше расстояние, отделяющее его последующие донесения от предложения вытеснить Маркса из «Интернационала», тем все рельефнее вырисовывается подлинное лицо «графа Альберта Потоцкого», старающегося заработать сверхсметно несколько десятков фунтов стерлингов.

12 декабря 1871 г. (донесение № 696) он уже мечтает вытеснить не Маркса, а Врублевского, но, «обсудив последствия, я отклонил это предложение польской эмиграции. Врублевский останется на своем месте с тем, что будет руководствоваться моими советами и сообщать подробности. Занимаясь торговыми делами,—оправдывается Балашевич,—и тем будучи сближен с здешними аристократами, участие мое как члена «Международного совета», имело бы вредные последствия. Гораздо удобнее и полезнее действовать за ширмами».

Так «граф Альберт Потоцкий» постепенно отказывался от своих громких слов и сдавал позиции. То, что ему удалось достигнуть при завязывании знакомства с Бакуниным и Лавровым, не удалось ему при первой попытке войти в непосредственные сношения с Карлом Марксом.

Р. М. Кантор.

Запрещенные стихотворения А. П. Барыковой.

Анна Павловна Барыкова (р. 22 декабря 1839 г., умерла 31 октября 1893 г.) была поэтом мира обездоленных и угнетенных. По словам Венгерова, «стихи ее почти исключительно посвящены социальным темам. Строй современной общественной жизни не удовлетворял поэтессу, и она пользуется всяким случаем, чтобы подчеркнуть грубый эгоизм, лежащий в основании его. Буржуазное семейное счастье ей просто претит. В том же духе подобраны ею и переводные произведения».

Широкой известностью Барыкова при жизни не пользовалась, хотя ее стихотворения охотно печатались в таких журналах, как «Отечественные Записки», «Слово», «Дело», «Русское Богатство», «Северный Вестник», «Неделя» и детский «Родник». Она сама указывала на то, что благоприятных отзывов об ее произведениях не было, что только Некрасов обмолвился об одном из ее стихотворений добрым словом. Несмотря на жгучесть затрагиваемых ею вопросов, несмотря на силу, с которой она бичевала уродливости социального строя, критика замалчивала ее. Для литераторов и критиков охранительного лагеря она была не более, как «навозная поэтесса» или «полуизвестная г-жа Барыкова». Лишь теперь, когда впервые напечатана ее сказка о царе Ахреяне, этот сильнейший памфлет, направленный против монархического государственного устройства, лишь теперь проснулся интерес к ней и к ее произведениям. Но и тут какое-то странное недоразумение связалось с именем Барыковой. Один из издателей ее сказки о царе Ахреяне сообщил, что Барыкова писала, скрываясь под псевдонимом Кузьмы Пруткова, и что произведения, подписанные этим именем принадлежат ей. Таким образом, если критика, современная Барыковой, не замечала или делала вид, что не замечает ее, — современная нам критика приписывает ей то, в чем она неповинна.

Произведения А. П. Барыковой несколько раз появлялись отдельными изданиями. Впервые они были изданы в 1878 г. в Пятигорске, в виде небольшого сборника, и в продажу не поступали. Затем в 1891 г. в Москве был выпущен сборник ее стихотворений, под названием «На память моим внукам» и, наконец, в 1896 г. в Петербурге появились в свет «Стихи и прозаические произведения А. П. Барыковой». Последний сборник самый полный, но и он заключает в себе далеко не все из того, что было написано А. П. в разное время.

Хотя стихотворения Барыковой были посвящены главным образом общественным темам, т.-е касались той области, куда было устремлено главное внимание цензуры, все же автору их как-то удавалось благополучно обходить цензурные рифы и мели. Из всех стихотворений А. П., предназначенных к печати, цензурою задержаны только два. Первое из них представляет собою перевод из «L'Année terrible» В. Гюго [1]) и должно было появиться в февральской книжке журнала «Дело» за 1881 г. Здесь оно приводится полностью.

На баррикадах, где горячею струею
Людская кровь лилась под взрытой мостовой,
Ребенок схвачен был,—подросток безоружный,—
В числе мужчин, в толпе.
Расстреливать их нужно.
И офицер спросил,—ты тоже вместе с ними,
Мальчишка?.. — Да. Я был все время со своими...
Ответил бойко он и смело офицеру.
— Ну, ладно!.. будешь ты расстрелян для примера.
Жди! Твой черед придет...
Ребенок ждал. Сверкали
Из ружей молнии,—и под стеною пали
Товарищи его. Тогда он капитану
Сказал, достав часы из своего кармана:
— Позвольте отнести часы домой к мамаше...
Я тотчас же вернусь туда... к стене... где наши...
— Ты хочешь убежать?—Нет, я вернусь!—Трусишка!
Наверно улизнешь! Ну, чорт с тобой, мальчишка,
Ступай!
И капитан захохотал. Солдаты смеялись
Вместе с ним.—Надул он нас, ребята!
И с грубым хохотом сливалися стенания
И умирающих хрипящее дыхание.
Но вдруг с веселых лиц исчезнула улыбка,
Вернулся мальчуган... Он подошел к ним шибко
И, прислонясь к стене, весь бледный, гордый, стройный,
— Ну вот и я пришел, промолвил им спокойно.
Тут устыдилась смерть... Прощен был бедный малый...
Солдатам старым жаль стрелять в ребенка стало...

Дитя! Не знаю я, что в урагане этом,
Смешавшем зло с добром и ночи мрак со светом,
В разбойничью толпу бросающем героя,—
Что привело тебя на место роковое;
Одно понятно мне, одно я вижу ясно—
Бессмертен ты и добр. Душа твоя прекрасна.
Смерть увидав вблизи,—в лицо ей, не бледнея,
Ты заглянул; потом, беднягу-мать жалея,
Проститься с ней спешил, любви и ласки полный,—
Пред тем, как броситься в пучины грозной волны...
Мог скрыться ты, мог жить; цветущею весною
Мог насладиться вновь... Но ты перед стеною
Кровавою предстал меж мертвыми телами,
Чтоб рядом умереть с погибшими друзьями...
Твой детский нежный лоб за то целует слава!
За чудный подвиг твой признали бы по праву
Героем в древности тебя, мой мальчик милый!—
И песни вещие Тиртея и Эсхила
Назвали бы тебя восторженно народу
И память о тебе прошла б от рода к роду,
И был бы ты из тех, где доблестное имя
Сияет на щитах лучами золотыми...
Когда б ты проходил, спокойный и прекрасный,

[1]) Существуют и другие переводы этого стихотворения В. Гюго; известный перевод В. П. Буренина (см. собр. соч. В. Гюго, с критико-биограф. очерком проф. А. И. Кирпичникова, изд. Сытина, 1915, т. XII, стр. 121—122) и новый перевод Серг. Френкеля (в ж. «Творчество», 1922, № 1—3, стр. 10). *Прим. Р д.*

По стогнам городским в весенний вечер ясный,—
Вблизи колодезя, под сенью ив густою,—
Высоко приподняв кувшин над головою,
Остановилась бы гражданка молодая,
Задумчиво тебя глазами провожая...

Цензура запретила это стихотворение, «имея в виду всегдашнюю тенденциозность журнала «Дело», склонного к деятельной оппозиции существующему общественному порядку, и полагая, что это стихотворение служит вовсе не к воспеванию честности ребенка, исполнившего данное им слово, несмотря на грозившую ему за то смерть,—но выдается рельефно другою своею стороною, а именно—прославлением стойкости и товарищеского духа в общем деле, хотя бы это дело было восстание против правительства, и прославлением готовности искренней разделить с товарищами борьбы участь, если бы даже такою участью была смерть» [1]).

Второе стихотворение было запрещено почти одновременно с первым; оно было переведено Барыковой из Ж. Ришпена и предназначалось для сборника «Отклик», изданного в 1881 г. П. Ф. Якубовичем (Мельшиным) в пользу студентов петербургского университета и слушательниц высших женских курсов. По мнению цензора, в нем «высказываются с откровенным цинизмом гражданские задачи», в нем заключаются «тенденции недовольства, народных страданий, стремлений к революционной пропаганде», оно «так явно зовет к себе сочувствие толпы, что всякие комментарии были бы излишни»...

Поэт.

Приходи ко мне, голь непокрытая,
Спокон века бедою повитая,
Под забором, в грязи, нарожденная
И горючей слезою вспоенная!
Я—певец векового страдания!
Псалмопевец я ваш по призванию;
Я—твой брат, бессловесная тварь!
Я—поэт, я законный твой царь!
Приходите ко мне, голоштанники,
Побирушки, бродяги, карманники,
Потаскушки базарные, грязные,
В синяках, в лишаях, безобразные!
Я—певец векового страдания!
Псалмопевец я ваш по призванию;
Я—твой брат, бессловесная тварь!
Я—поэт, я законный твой царь!
Рвань базарная, вошью богатая,
Все отродье, в утробе проклятое,
Приходи ты ко мне, незаконное
И судьбой-палачом заклейменное!
Я—певец векового страдания!
Псалмопевец я ваш по призванию;
Я—твой брат, бессловесная тварь!
Я—поэт, я законный твой царь!
Приходите ко мне, горемычные,
Ко кнуту, словно стадо, привычные!—
Подымайся, проснися, убожество,—
Нужно войска мне многое множество...
Я—певец векового страдания!
Псалмопевец я ваш по призванию;
Я—твой брат, бессловесная тварь!
Я—поэт, я законный твой царь!
Встань, проснися, отребье народное!
Ополчимся мы в войско свободное,
Завоюем мы счастье и долюшку
Да веселую, вольную волюшку!..
Я—певец векового страдания!
Псалмопевец я ваш по призванию;
Я—твой брат, бессловесная тварь!
Я—поэт, я—законный твой царь [1]).

Сборник «Стихи и прозаические произведения А. П. Барыковой»,—изданный в 1896 г., т.-е. уже по кончине их автора, вызвал полное осуждение со стороны рассматривавшего его цензора, и был приговорен им к запрещению. «В томике стихотворений А. П. Барыковой,—гласил строгий, но довольно безграмотный цензорский доклад,—кроме оригинальных и переводных сочинений покойной писательницы, помещены: а) заметка о жизни личности Барыковой, составленная Владимиром и Анной Чертковыми, и б) отрывки из ее писем.

«Помещенные во главе издания оба упомянутые приложения крайне интересны: издателями как бы вручается читателям вполне надежный ключ к уразумению руководящего направления угасшей поэтессы. По прочтении

[1]) Д. СПБ. Ц. К. 1866 г. № 76, ч. VIII.

[1]) Д. СПБ. Ц. К. 1881 г. № 42.

их становится понятным, что г-жа Барыкова была сначала просто народницей, а потом преобразилась в христианку в духе проповеди Л. Толстого и его правоверных сеидов—Владимира и Анны Чертковых. Особенно ярко выступает это убежденное мировоззрение во многих местах «Отрывков» из писем.

«И действительно. Если подвергнуть тщательному анализу содержание преобладающего большинства стихотворений, входящих в состав изданного томика, то характеристика их, вылившихся предварительно как бы невольно из-под пера умершей писательницы, в качестве ярой последовательницы известного учения «о непротивлении злу», согласуется почти до полной тождественности с вероучением нашего пресловутого лжеиересиарха.

«Мотивами большинства стихотворений, конечно, служат так называемые «проклятые вопросы»: угнетенное положение бедных классов рядом с роскошью тех, кому можно поживиться на их счет, забитость и бесприютность масс и т. п. На этом фоне огульного недовольства строем вообще современной общественной жизни усердно сеет поэтесса свои более еще ядовитые, чисто специальные цветочки.

«В следующих стихотворениях раздается уже призыв к более или менее активному выступлению непротивленников: «Божье окошко», «Сумасшедшая», «Караван», «Перелетные птицы». В двух стихотворениях «Любимая кукла» и «В альбом счастливице» автор относится с пессимизмом к брачным узам.

«Призыву к вегетарианству посвящены также несколько стихотворений, написанных естественно в том именно духе, каким оно сказывается в учении толстовцев: «Поучение Пифагора», «Времена года», «Отрывок», «Пифагор и крестьянин».

«Одно стихотворение «Кирасиры» выступает ярким протестом против милитаризма.

«Недурна также и «Сказка про Льва». В ней несомненно воспевается величавая царственность народного самодержавия. А в стихотворении «Воспоминание» чуется слишком определенная общая сатира на монархов [1]).

«Резким, душу раздирающим диссонансом особенно звучат некоторые, к счастью немногочисленные, стихотворения, переполненные взрывами атеизма и богохульства. Таковы: «Memento mori» «Падший ангел», «Прощение», «О человеке», «Свет Азии», «Псалом жизни»...

Цензор полагает книгу подвергнуть задержанию, как «издание безусловно вредное и всецело иллюстрирующее учение толстовцев, осужденное нашим правительством».

Доклад этот был представлен петербургским цензурным комитетом на утверждение в главное управление по делам печати, которое не согласилось со строгим заключением цензора, и «Стихотворения и прозаические произведения А. П. Барыковой» беспрепятственно вышли в свет [2]).

С. Любимов.

---

[1]) В этом стихотворении (перевод из В. Гюго) описывается, как бабушка, вне себя от горя, шьет саван своему 7-ми летнему внуку, сироте, убитому на улицах Парижа во время переворота 2 декабря 1851 г., при чем автор говорит ей,—

Не понимаешь ты политики, старуха!
Вот слушай!.. Бедный принц Луи-Наполеон
Жить любит во дворцах, кататься что есть духу
На кровных рысаках; лакеев легион
И денег на игру, на стол, на женщин надо;
Охоту, двор, рабов иметь желает он;
Он любит роскошь, блеск, и балы и парады.
Он хочет жить в Сен-Клу, где так прекрасны розы;
Посольства принимать... Для этих вот целей
И надобно теперь, чтоб бабушка сквозь слезы
Сшивала саваны для маленьких детей!

[2]) Д. СПБ. Ц. К. 1896 г. № 153.

К иконографии декабристов.

В области иконографии участников военного восстания 14 декабря 1825 года в Петербурге до сих пор еще сделано немного [1]). Поэтому, думается, печатаемый ниже отрывок из всеподданнейшего отчета III отделения собств. е. и. в. канцелярии имеет значительную ценность, так как он, с одной стороны, может объяснить происхождение некоторых дагеротипных портретов декабристов (если они дошли до наших дней),—с другой же стороны, вносит дополнительный штрих в отталкивающую картину отношения правительства к своим поверженным врагам даже через 20 лет после их «государственного преступления». Вот что всеподданнейше докладывает Николаю I шеф жандармов в своем отчете за 1845 год:

«Из переписки государственных преступников усмотрено было, что отставной инженер-поручик Давиньон, занимающийся снятием дагеротипных портретов, путешествовал по Сибири и там снимал портреты с государственных и политических преступников. Пересылавшиеся к родственникам портреты поселенцев Поджио, Панова и Волконского, также жены и детей последнего, остановлены в III отделении. Производство настоящего дела не обнаружило однако же, чтобы Давиньон имел какой-либо умысел; поступок его произошел единственно оттого, что местные начальники в Сибири, бывшие очевидцами его занятий, не объяснили ему, что не должно снимать портреты с осужденных государственных преступников. Давиньон удостоверяет, что через него никуда не переслан ни один портрет и что между его вещами если остались, то разве доски с испорченными, неясно вышедшими изображениями; по доставлении же вещей его из Москвы, между ними оказалась одна только испорченная дагеротипная дощечка, с портретом государственного преступника Панова, которая и представлена им в III отделение.

По высочайшему повелению Давиньон был подвергнут аресту, а сибирским генерал-губернаторам сообщено, что подобное невнимание к тому, что происходит между государственными преступниками, заслуживает письменного строгого замечания; с тем вместе воспрещено на будущее время государственным и политическим преступникам снимать с себя портреты, и предписано, отобрав от них все имеющиеся у некоторых принадлежности дагеротипов и портреты, предоставить последние в III отделение.

Кроме того, пересылался из Тобольской губернии от поселенца, политического преступника из поляков, Выгодовского, рисованный портрет, вероятно, его собственный, ибо он, в письме к своему родственнику, выразился о портрете, что это изображение великого грешника. Портрет Выгодовского также оставлен в III отделении» [1]).

Сообщил *А. А. Сергеев.*

[1]) См. статью П. Е. Щеголева об иконографии декабристов в № 1 «Музея Революции». СПБ. 1923.

Адрес рабочих Н. В. Шелгунову.

Первым общественно-политическим выступлением рабочих в начале 90-х годов обыкновенно считают их участие в похоронах Шелгунова, в так называемой «шелгуновской демонстрации». Факт этот, несомненно, был подготовлен тем уважением, которое создавалось в кружковых занятиях вокруг писаний Шелгунова. Известно также, что таким же проявлением этого уважения было посещение уже безнадежно больного Шелгунова рабочей депутацией и поднесение ему адреса от имени рабочих. Об обстоятельствах всего дела передает в своих воспоминаниях М. С. Александров (Ольминский): «Неизвестно, как и когда возникла среди рабочей

[1]) М. С. Александров, «Группа народовольцев», «Былое», 1906 г., № 11, стр. 11; ср. сборник, От группы Благоева к «Союзу Борьбы», 1921 г., стр. 42 (Н. Д. Богданов) и 76 (М. С. Ольминский).

организации мысль поднести адрес умирающему Шелгунову. В депутации участвовал упомянутый уже мною Гавр. Ал. Мефодиев. Посещение Шелгунова и разговор с ним произвели на Мефодиева потрясающее впечатление. Приветливый, чуткий к запросам читательской души, ветеран освободительного движения, на вершине своей славы умирающий в убогой квартире где-то на втором дворе, очаровал посетителей, которые слишком хорошо знали, что такое нужда»[1]). Этот рабочий адрес уже появился раз в печати, в приложении к Женевскому изданию «Четырех речей рабочих 1 мая 1891 г.» (Женева, 1892). Однако, текст, напечатанный в Женеве, представляет собою редакцию, весьма отличную от той, которая в том же 1892 г. была в гектографированном виде выпущена петербургской «Группой народовольцев» в приложении к ее изданию тех же речей [2]). Не может быть и речи о том, которой из двух редакций мы должны отдать предпочтение: петербургский текст был издан той самой группой, которая принимала ближайшее участие в его составлении, женевский же прошел какие-то нам неизвестные посредствующие звенья. Так как петербургская редакция адреса до сих пор оставалась неперепечатанной, мы и приводим ее.

«Дорогой учитель,
Николай Васильевич!

Читая ваши сочинения, научишься любить и ценить людей таких, как вы. Вы первый сознали наше жалкое положение рабочих в России и всегда стремились указать нам те причины, которые так связывают нашего русского рабочего и заставляют его прозябать в забитом состоянии, в котором, как железным обручем, оковали нас фабриканты и правители. Вы нарисовали нам картину положения братьев рабочих других стран, которые угнетены своими эксплоататорами. Вашей картиной заинтересовались сперва не рабочие, а другие люди, да она и была написана не для рабочих. Русским рабочим слишком долго и упорно приходится трудиться, чтобы добыть себе средства к жизни, так долго, что у него почти не остается времени читать, да большая часть рабочих и не умеет читать; а если кто и умеет, то что он найдет в книгах, которые пишутся для простого народа. Нас никто не учит выбиваться из этого жалкого положения, в котором мы находимся теперь, а советуют только терпеть и молчать, ничем не обнаруживая своей боли, обещая за это награду в будущем. Только благодаря тем людям, которые, по вашему выражению, имеют несчастие смотреть выше общего уровня или выше сословия, мы научились понимать ваши сочинения, мы узнали, как наши западно-европейские братья-рабочие путем борьбы и соединения в группы достигли своих прав, поняли, что и нашим рабочим так же, как западно-европейским, не откуда ждать помощи в деле улучшения своего положения и достижения свободы. Рабочие, поняв это, будут, не покладая рук, стремиться достигнуть улучшения жизни путем, указанным в ваших сочинениях. Вы исполнили свое назначение, указали нам пути для борьбы. Мы сердечно благодарим вас за это и будем стремиться осуществить эти пути в жизни. Может быть, ни нам, ни вам не придется увидеть того будущего, к которому стремимся и о котором мечтаем; может быть, не одним еще нам придется пасть жертвой любви к бедному пролетарию, но это не удержит нас от стремления достигнуть указанной вами цели».

Следует шестьдесят шесть подписей.)

Сообщил *С. Валк.*

[1]) Отчет о действиях III отделения собств. его имп. вел. канцелярии за 1845 г., л. л. 6 об.—8.

[2]) «1-ое мая 1891 с приложением адреса Н. В. Шелгунову» издание народовольцев Петербург, 1892, стр. 24—25 (по экземпляру библ. Ленинград истор.-рев. архива, инвен. № 37). Мефодиев—один из старых участников рабочих кружков,—после Шелгуновской демонстрации, был выслан в Тулу, где в 1892 был вновь арестован в связи с ликвидацией Брусневской организации в Москве.

Редакционно-издательская коллегия Центрархива.
Ответственная редакция: Вл. Максаков. Вяч. Полонский.

СОДЕРЖАНИЕ ВЫШЕДШИХ ТОМОВ ЖУРНАЛА

„КРАСНЫЙ АРХИВ“

ПЕРВЫЙ ТОМ.

Русско-германские отношения. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — П. Г. Зайчневский. Обряд публичной казни над С. Г. Нечаевым.—К истории партии Народного Права. — Новое о Зубатовщине. — Сибирь в 1905 году. — Письма лейтенанта Шмидта.—Письма Некрасова и Достоевского.— Стихотворения Розенгейма и Голенищева-Кутузова. — Толстой и Короленко.— Александр III о Л. Толстом.

ВТОРОЙ ТОМ.

Дневник А. Н. Куропаткина. — Письма принца Вильгельма Прусского к Александру III. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — К истории рабочего класса в России. — Социалистическая печать во время империалистической войны.—Неизданная сказка М. Е. Салтыкова. — Письмо Ф. М. Достоевского из крепости. — Достоевский и Победоносцев. — Письма И. А. Гончарова и А. Мицкевича.— С. В. Зубатов и А. И. Спиридович.—Генерал Алексеев и В. М. Родзянко.—Подкуп китайских сановников Ли-Хун-Чжана и Чжан-Ин-Хуана.

ТРЕТИЙ ТОМ.

Доклады С. Д. Сазонова Николаю Романову 1910 — 1912 г.г. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — Дневник А. А. Половцева. — Бакунин перед австрийским судом. —Материалы об Огареве, Лаврове и Герцене.— Письма С. Л. Перовской.—Воспоминания А. Г. Достоевской.— **Из записной книжки архивиста**: Завещание Николая I. — Письмо Н. В. Гоголя к В. Г. Белинскому. — Бальзак в России.— Письма В. Гете и др.

ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМ.

Начало войны 1914 г.— Дневник А. А. Половцева.— Переписка В. Н. Коковцева с Нецлиным.— Семейная переписка Романовых.— Нечаев в Алексеевском равелине.— Отзвуки польского восстания 1863 г.—Письма К. П. Победоносцева.— Л. Н. Толстой в Астапове. — Доклад цензора Матвеева о сожженном марксистском сборнике. — Письма Достоевского, Гончарова, Тютчева. — **Из записной книжки архивиста**: Журнал М. Е. Салтыкова-Щедрина „Русская Правда“.—Достоевский в Твери.—Речь Щапова.— Революционное движение в войсках во время мировой войны.—Материалы к истории живописи. — К истории манифеста 17 октября и т. д.

ПЯТЫЙ ТОМ.

Автографы В. И. Ленина.—Русско-германский договор 1905 г.—Финансовые совещания союзников во время войны. (Доклады мин. фин. П. Л. Барка). — Дневник А. Н. Куропаткина (с 14 февраля по 25 марта 1904 г.)—Переписка Н. А. Романова и П. А. Столыпина. — Письма участников процесса 193-х. — Письма И. Н. Мышкина из Якутской тюрьмы к брату. — С. Г. Нечаев в Алексеевском равелине.— Верховное командование в первые дни революции. Из переписки Николая I в декабре 1825 г. — Письма Д. И. Писарева из крепости. — Два письма Н. Ф. Якубовича.—**Из записной книжки архивиста**: Г. В. Плеханов и „шпионские забавы“.— Казнь П. П. Шмидта, Частника и др.— В. Чернов и июльские дни.— Распутин в освещении охранки.— От редакции.